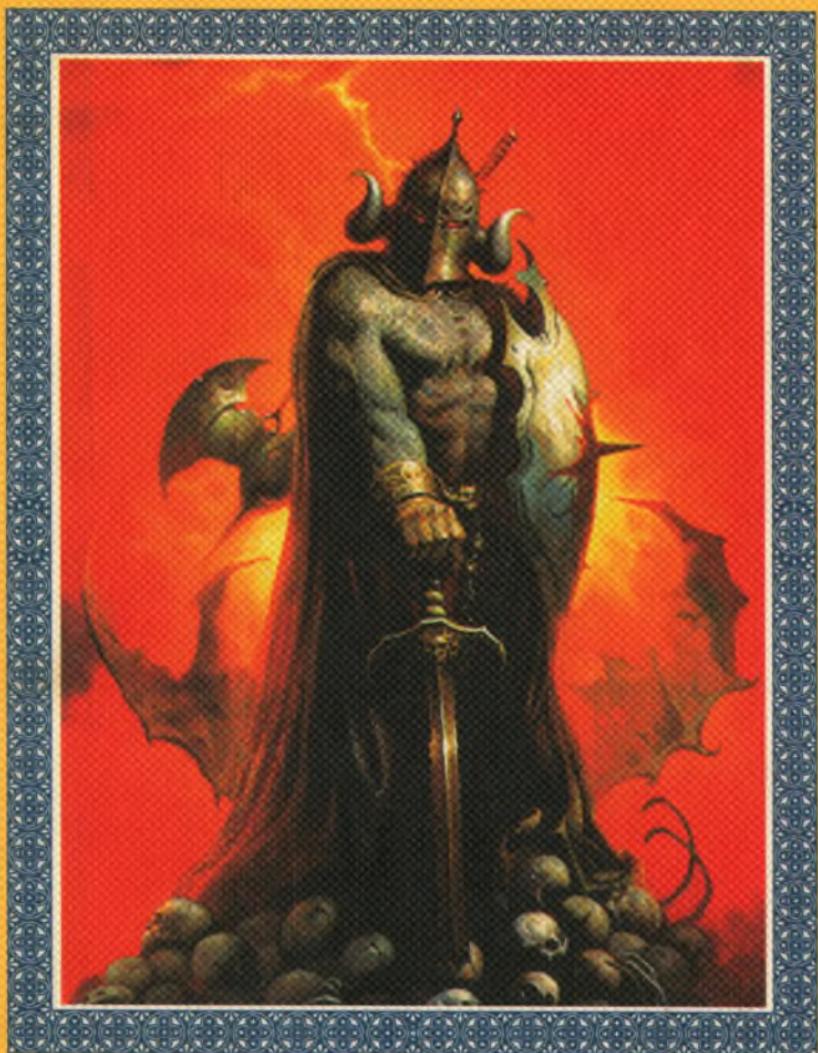
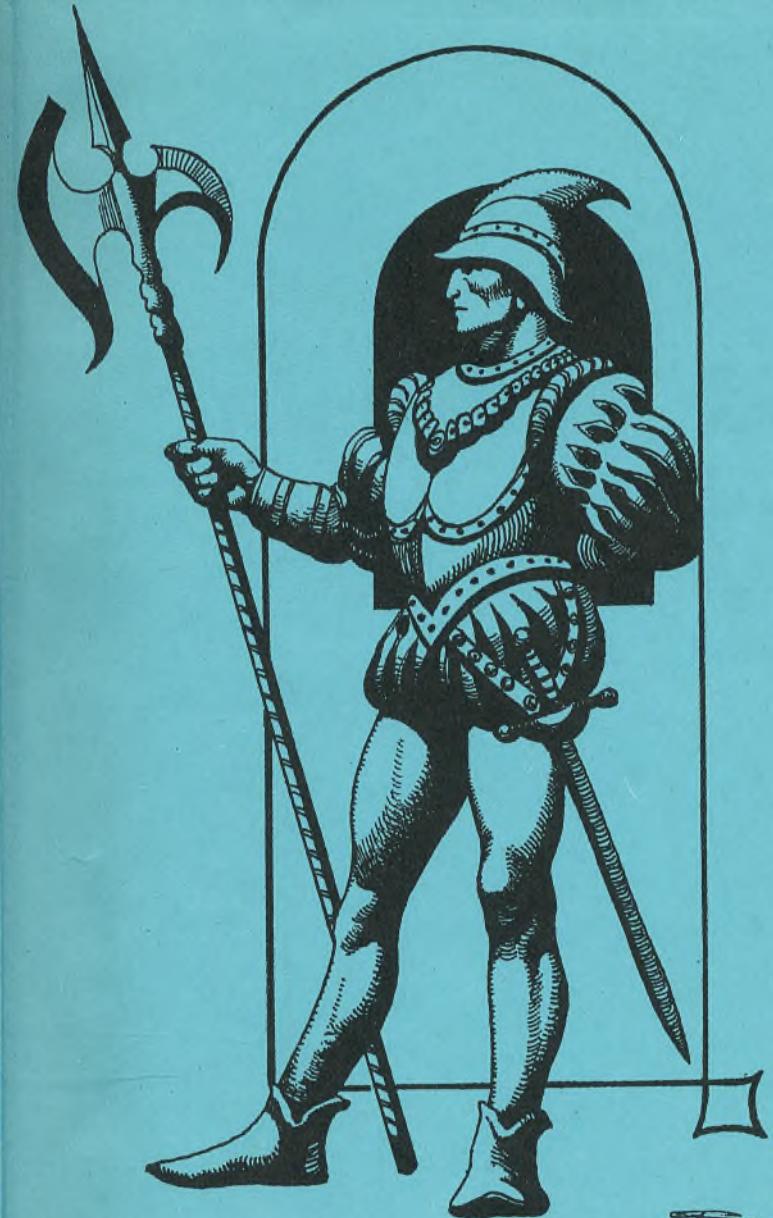

Маука МУРКОК

Песнь Войны и волы тира

Хроники семьи фон Бек

Michael Moorcock

The War Hound
and the World's
Pain

Chronicles of the
von Bek family

Berkley
New York

Майкл Муркок

Песнь о войне и борьбе мира

Хроники
семьи фон Бек

"СЕВЕРО-ЗАПАД" - "ЭКСМО"
Санкт-Петербург - Москва
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
М 91

Перевод с английского

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

Муркок М.

М 91 Пес войны и боль мира.: Романы. / Пер. с англ.—
СПб.: Северо-Запад, 1999. — 496 с.

ISBN 5-7906-0080-8 («Северо-Запад»)
ISBN 5-251-00692-6 («ЭКСМО»)

Общепризнанный мастер жанра фэнтези, один из родоначальников «новой волны» в фантастике Майкл Муркок пользуется заслуженной любовью миллионов читателей в России и за рубежом. Произведения, вошедшие в настоящий том, представляют собой блестящий образчик приключенческой фэнтези.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-7906-0080-8
(«Северо-Запад»)
ISBN 5-251-00692-6
(«ЭКСМО»)

© Michael Moorcock, 1982
© Ken Kelly, 1992
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Песнь о войне и боях тири

Глава первая

В

тот год жестокость диктовала свои законы: теперь распинали не только крестьянских детей, но и их домашних животных. Именно в этом году я впервые повстречал Люцифера и побывал в Аду; Князь Тьмы пожелал совершить со мной сделку.

До мая 1631 года я командовал отрядом нерегулярной пехоты, в основном то были

поляки, шведы и шотландцы. В составе католической армии под началом графа Иоганна Церкласа Тилли* мы принимали участие в захвате и разграблении города Магдебурга. Ветер превратил его в огромную пороховую бочку, и когда все взлетело на воздух, мы были вынуждены покинуть Магдебург практически без добычи, а поработать пришлось немало.

Разочарованные и агрессивно настроенные, устав от насилия и убийств, ссорясь из-за жалкой добычи, мои солдаты выбрались из горящих домов и откололись от армии Тилли. Он плохо заботился о своем воинстве, мы все стали жертвами гордыни без конца пререкающихся союзников. Я с облегчением покинул их ряды.

Мы двинулись на юг, к предгорьям Хартца, где намеревались отдохнуть. Однако я очень скоро понял, что некоторые мои солдаты заразились чумой, и посему однажды ночью тихо оседлал лошадь, взял скромный запас провианта и далее путешествовал в одиночестве.

Сбежав от своих подчиненных, я не избавился от присутствия смерти и отчаяния. Мир стонал от боли, содрогался в агонии.

К полудню я миновал семь виселиц, на которых покачивались трупы мужчин и женщин, и четыре колеса с телами трех изуродованных мужчин и мальчика. Я видел столб с обгоревшими останками какого-то несчастного (ведьмы или еретика): белые кости, почерневшие дерево и плоть.

* Баварский военачальник (1559—1632). (Здесь и далее примечания переводчиков.)

Я не заметил ни одного поля, где бы не порезвился огонь; даже в лесу пахло разложением. Дорогу покрывала сажа; черный дым курился над бесчисленными сожженными телами в разоренных деревнях и разрушенных замках; по ночам мой путь озаряло пламя монастырей и аббатств. Дни были серыми, мрачными независимо от того, светило ли солнце; а ночи — алыми, точно кровь, и мертвенно-бледными от света луны.

Жизнь покидала Германию, а может быть, и весь мир; я видел лишь трупы. Однажды заметил оборванное существо, сидевшее возле дороги; оно дергалось и подпрыгивало, как раненая птица. Это оказалась старуха. Прежде чем я успел подъехать, она умерла.

Даже вороны лежали замертво рядом со своей недавней добычей, куски разлагающейся плоти торчали из навеки застывших клювов, а неподвижные глаза смотрели в пустоту — а не в ад, рай или даже чистилище (где еще остается какая-то надежда).

Мне вдруг почудилось, что по странному капрису Господа нашего в живых остались только моя лошадь и я. Он хотел, чтобы мы были единственными свидетелями рокового конца всех Его творений.

Если Господь действительно намеревался известить весь род человеческий, то я охотно пошел навстречу Его желанию.

Я научился убивать ловко и быстро, без малейших колебаний и сомнений. Мои действия всегда были решительными и четкими. Я овладел искусством пытать, оставаясь равнодуш-

ным к страданиям жертвы, если такой способ позволял добыть деньги или необходимые сведения. Я умел вселять в людей ужас ради достижения своих целей — будь то радости плоти или стратегические задачи.

Я не хуже мясника, ведущего овцу на бойню, знал, как успокоить жертву. Я научился виртуозно воровать зерно и скот, чтобы обеспечить своих солдат пропитанием, а они мне за это платили верностью.

Иными словами, я был олицетворением хорошего командира наемников, солдатом фортуны, которому завидовали и старались подражать; мне удавалось избегать множества опасностей, будь то сражение, чума или оспа, потому что я давно научился принимать вещи такими, какие они есть, и перестал задавать вопросы и жаловаться.

Я, капитан Ульрих фон Бек, считал себя удачливым.

Мои шлем, латы, наколенники и перчатки были самого лучшего качества, как и пропитанная потом шелковая рубашка, кожаные сапоги и бриджи. Оружие когда-то принадлежало состоятельным людям, павшим от моей руки, — пистолеты, меч, кинжалы и мушкет сработали лучшие кузнецы нашего времени. Моя лошадь была большой и выносливой, а ее сбруя удобной, надежной и красивой.

Война не оставила у меня на лице ни шрамов, ни следов болезней, и хотя мои манеры казались несколько сдержанными, мне не раз говорили, что я излучаю силу и достоинство даже в те моменты, когда отдаю самые ужасные приказы.

Солдаты считали меня хорошим командиром и охотно шли под мое начало. Мне удалось заслужить славу, я даже удостоился прозвища «Krieghund».*

Многие говорили, что я рожден для войны. Я находил подобные утверждения забавными.

Я родился в Беке. В семье благочестивого дворянина, которого все любили за добрые дела. Он защищал и заботился обо всех обитателях своих поместий. Уважал Бога и достойных людей. Отец, образованный человек по меркам своего времени (если забыть о греках и римлянах с их более высокими требованиями), после долгих размышлений и споров с учеными мужами перешел в лютеранство. Но и среди католиков отец славился благородством, однажды он даже спас еврея, которого хотели забросать камнями на городской площади. У него на всех хватало терпимости.

Когда моя мать, будучи еще довольно молодой, умерла родами последней из моих сестер (я был единственным мальчиком в семье), отец постоянно молился о ее душе и терпеливо дождался того дня, когда соединится с ней на небесах. А до тех пор выполнял волю Божью, как он ее понимал: помогал бедным и слабым, в меру своих сил не позволял им вступить на дорогу, что ведет к Дьяволу. Он позаботился о том, чтобы я получил наилучшее образование у священников и мирских учителей.

Я изучал музыку и танцы, фехтование и верховую езду, латынь и греческий. Я стал знато-

* Пес Войны (*нем.*).

ком Библии и комментариев к ней. Я считался красивым, мужественным и богобоязненным юношей; в Беке меня любили.

До 1625 года я оставался усердным учеником и добропорядочным протестантом, не проявляя особого интереса (разве что молясь за победу правого дела) к сражениям на севере.

Но по мере того как ситуация усугублялась и положение становилось критическим, я решил последовать велениям Господа и выполнить свой долг.

Стремясь защитить веру, я собрал отряд пехоты и привел его в армию датского короля Кристиана, а тот в свою очередь поспешил на выручку протестантской Богемии.

После поражения короля Кристиана я служил во многих армиях и разным целям; далеко не все они были протестантскими или даже христианскими. Я воевал во Франции, Швеции, Богемии, Австрии, Польше, Московии, Моравии, Нижних Землях, Испании и, конечно, в большинстве германских княжеств.

Я растерял почти все идеалы, презрел любую Веру и обнаружил множество оправданий для ненависти, лицемерия и обмана — с кем бы ни приходилось иметь дело: папистами, принцами, пророками или крестьянами.

Меня воспитали в убеждении, что данное слово следует выполнять. Однако я быстро утратил иллюзии, поскольку никогда не отличался глупостью.

К 1626 году я научился лгать так же легко и уверенно, как и любые участники войны, которые при помощи обмана достигали своих це-

лей, даже для них ставших бессмысленными; всякому, кто привык видеть в других подлецов, платят той же монетой, он лишается возможности верить кому бы то ни было. Со своей стороны, я ценил лишь свою жизнь и доверял только самому себе.

Магдебург, как ничто другое, подтверждает мою правоту.

Когда наша армия ушла из города, практически все тридцать тысяч его обитателей были уничтожены. Уцелело лишь около пяти тысяч женщин — их участь не вызывала сомнений.

Тилли заколебался, увидев дело рук своих, и велел католическим священникам обвенчать женщин с солдатами, которые их изнасиловали, но мародеры глумились над служителями церкви.

Провиант, на который мы рассчитывали, сгорел. Удалось спасти лишь вино, и мои солдаты перекачивали содержимое огромных бочек в свои пустые животы.

Черное дело, которое солдаты начали трезвыми, они завершили мертвецки пьяными. Магдебург превратился в скорбный призрак, председающий тех немногих, кто, в отличие от меня, еще не утерял остатки совести.

Среди наших войск прополз слух, что фанатик-протестант Фалькенберг преднамеренно сжег город, чтобы он не достался католикам, но для тех, кого погубил или искалечил огонь, это не имело принципиального значения.

В последующие годы католическим войскам, которые просили пощады у протестан-

тов, в ответ предлагали «прощение Магдебурга», а после убивали всех на месте. Те же, кто верил в то, что Фалькенберг специально поджег город, часто поднимали бокалы в его честь, называя Магдебург «протестантской Лукрецией», покончившей самоубийством, дабы сохранить свою честь. Для меня все это было безумием, о котором следовало забыть.

Скоро Магдебург и мои люди остались далеко позади. Однако запах дыма и чумы не отставал, пока я не спустился с гор и не выехал в дубовые рощи на северной окраине огромного Тюрингского леса.

Здесь царило некое подобие мира. Наступила весна, появилась зеленая листва, и свежие ароматы постепенно вытеснили тяжелый запах бойни.

Тем не менее картины смерти и паники оставались перед моим мысленным взором. Умиротворение леса казалось искусственным. Я все время опасался засад.

И никак не мог расслабиться, из головы не шли мысли о разбойниках, прячущихся за деревьями, а на земле мне чудились прикрытые травой ямы-ловушки. Птицы тут пели редко, зверей я не видел.

Казалось, здесь уже состоялся Страшный Суд, как, впрочем, и во многих других местах. И все-таки я благодарил судьбу за самые незначительные проявления спокойствия и тишины, а когда минуло два совершенно безопасных дня, выяснилось, что я могу проспать несколько часов, не торопясь, поесть и напиться сладкой воды из ручья — ее вкус показался мне

странным, поскольку в ней не плавали трупы. Эльба, к примеру, была полна мертвых тел от берега до берега.

Я обнаружил, что чем дальше углубляюсь в лес, тем реже встречаются в нем живые существа.

Неподвижность начала преследовать меня; я радовался звукам, которые сам производил, стуку копыт моей лошади, ветерку, изредка шелестящему в листве, отчего деревья переставали напоминать застывших великанов, бесстрастно наблюдающих за моим продвижением вперед, навстречу опасностям.

Теплело, и мне не раз хотелось снять шлем и доспехи, но я не поддавался искущению; спать, не снимая брони, с обнаженным мечом в руке давно вошло у меня в привычку.

Я решил, что нахожусь не в раю, а на границе между Землей и адом.

Никогда я не был суеверным и разделял рациональные взгляды на Вселенную с алхимикиами, анатомами, врачами и астрологами; я не винил в своих страхах призраков, демонов, евреев или ведьм; однако мне никак не удавалось найти объяснение полному отсутствию жизни в этом лесу.

Нигде поблизости не было армии, способной отогнать всю живность. Я ни разу не встретил крупных животных. И ни одного охотника. Да и, вообще, никаких следов обитания человека.

Казалось, лес с самого начала времен остается чистым и нетронутым. Я ел ягоды и пил

воду, и ничего плохого со мной не случилось. Трава была сочной и здоровой, как и деревья с кустами. Грибы и трюфели* тоже оказались вполне съедобными; моя лошадь с удовольствием щипала густую траву.

Сквозь верхушки деревьев я видел чистое синее небо, солнце согревало поляны. Однако насекомые не танцевали в его лучах, пчелы не копошились на пестиках цветов, даже червяка я не увидел среди корней, хотя черная земля выглядела плодородной.

Тут мне пришло в голову, что этот уголок земли Бог еще не успел заселить, что Он не заметил его во время дней творенья. Может быть, я стану Адамом, найду Еву, и мы положим начало новой человеческой расе? Неужели Бог, осознавший, что человечество неспособно понять Его цели, решил уничтожить результаты неудавшихся первых попыток? Затем я пришел к выводу, что какая-то катастрофа (будь то голод или болезни) прогнала отсюда всех представителей животного царства, а потом никто так и не вернулся.

Эти рассуждения оказались абсолютно небоснованными. Однажды утром я выехал из леса, и моим глазам предстал зеленый, усеянный цветами, склон холма, а на его вершине красовался самый великолепный замок из всех, что мне когда-либо приходилось видеть: изящные башенки на крепостных стенах, мягкие коричневые, жёлтые и белые тона — казалось,

* Сумчатые грибы с подземными клубневидными мясистыми плодовыми телами.

замок стоит в самом центре тишины, распространяя свое влияние на мили вокруг, защищаясь, как монахиня, при помощи холодной чистоты и безразличной уверенности. И все же я отлично понимал, что думать так — настоящее безумие.

Разве может строение распространить вокруг себя такое спокойствие, что даже комар не осмелится его нарушить?

В первый момент я решил не заезжать в замок, но потом гордость заставила меня изменить намерения.

Я отказывался поверить, что столкнулся с действительно таинственным явлением.

Широкая, выложенная камнем тропа шла по спирали, поднималась по склону к замку, между цветочными зарослями и расточающими свежий аромат кустами, которые постепенно переходили в сады с балюстрадами, скульптурными группами и ухоженными клумбами.

Я попал в удивительно мирное место, предназначеннное для людей с тонким вкусом; ничего здесь не напоминало о войне. Я медленно ехал вверх по тропе, периодически называя свое имя и спрашивая разрешения остановиться в замке, в соответствии с давней традицией; однако не получал никакого ответа. Точно глаза ящериц, на меня смотрели окна, украшенные разноцветными витражами, но нигде я не заметил человеческих глаз и не слышал голосов.

Наконец я оказался возле растворенных ворот замка и въехал под поднятой решеткой в очаровательный двор, где росло много старых деревьев и ползучих растений, а в самом

центре находился колодец. Вокруг располагались жилые покой, но мне было совершенно очевидно, что сейчас в замке никого нет.

Я соскочил с лошади, набрал для нее ведро воды, стреножил и подошел к большим дверям. Они легко отворились, когда я нажал на большую железную ручку.

Внутри было прохладно и очень уютно.

Я не ощущил никакой тревоги, когда осмотрелся в комнате, украшенной старинными комодами и шкафами. На стенах висели великолепные гобелены. Дальше я обнаружил обычные покой богатого дворянина, обладающего хорошим вкусом. Потом я обошел все комнаты на трех этажах.

Всюду царил порядок. Книги и манускрипты в библиотеке находились в превосходном состоянии. В кладовых я нашел мясо, фрукты и овощи, а в подвале стояли бочки с пивом и кувшины с вином.

Создавалось впечатление, что замок покинут совсем недавно и его хозяева намерены вернуться в самое ближайшее время. Нигде я не заметил признаков разложения. Но здесь, как и в лесу, не было никаких следов мелких животных, вроде крыс и мышей, которые водятся в любом замке.

Я с осторожностью попробовал продукты из кладовой, они оказались превосходного вкуса. Но прежде чем садиться за серьезную трапезу, я решил немного подождать — надо убедиться, что с желудком все в порядке.

Я выглянул в окно (на этой стороне все стекла были зелеными и прозрачными). Моя

лошадь не проявляла беспокойства. Значит, вода в колодце не отравлена.

Я поднялся на самый верх одной из башен, отворил деревянную дверку и вышел на куртину.

Здесь стояло множество кадок с цветами и растениями, отчего в воздухе плыли сладостные ароматы.

Подо мной, словно волны зеленого моря, колыхались кроны деревьев. Я видел на многие мили вокруг; опасность не грозила, и я почувствовал облегчение.

Я спустился, чтобы расседлать лошадь и устроить ее в конюшне, а потом вернулся в замок и принялся изучать содержимое комодов, в надежде узнать имя владельца. Обычно семейная история и геральдические знаки хранятся именно в таких местах. Однако мне ничего не удалось найти.

На постельном белье не оказалось ни девизов и гербов, как и на одежде (а ее я нашел на все возрасты, и мужскую, и женскую); все здесь было прекрасного качества, но полностью анонимное. Я вернулся на кухню, разжег огонь, чтобы нагреть воды. Мне захотелось помыться и переодеться в удобное, мягкое платье, найденное в комоде.

Я пришел к выводу, что оказался в летнем замке какого-нибудь католического принца, который не рискнул покинуть столицу или слишком занят, чтобы отправиться на отдых.

Я поздравил себя с удивительным везением. Немного помечтал о том, чтобы завладеть замком, найти слуг, может быть, одну или две

женщины — надо же с кем-то разделить роскошную постель, которую я уже успел выбрать. Но разве я смогу содержать такой замок? Только если займусь разбоем.

Не вызывало сомнений, что вокруг нет ни ферм, ни мельниц, ни деревень; значит, никто не платит ренту и не доставляет продуктов. Мне не удалось определить возраст замка, к тому же я не заметил ведущей к нему дороги.

Может быть, владелец обнаружил этот прекрасный лес и решил тайно построить здесь жилище? Очень богатый дворянин, жаждущий уединения, вполне мог воплотить в жизнь подобный проект. Я бы и сам не отказался от такого убежища. Однако я не был состоятельным. Как бы то ни было, замок можно легко сделать отличным разбойничим логовом. Его будет трудно обнаружить и еще труднее взять.

Потом мне пришло в голову, что замок построил какой-нибудь разбойник-барон в далекие времена, когда почти все германские провинции находились под управлением мелких военачальников, грабящих друг друга и местное население.

Тем вечером я зажег множество свечей, надел свежее белье и устроился в библиотеке, чтобы, потягивая превосходное вино, изучить астрономический трактат ученика Кеплера. Я листал страницы и размышлял о том, что не согласен с Лютером, считавшим разум главным врагом веры и чистоты идеалов. Он называл разум публичной девкой, готовой удовлетворить любые нужды, таким образом, признавая, что и сам он не в ладу с логикой. Я начал

понимать католиков, считавших его безумцем. Большинство душевнобольных видят в логике угрозу призрачному миру, в котором они предпочтут жить, попыткам сделать мечту реальностью (обычно при помощи насилия, обмана и кровопролития). Именно поэтому тираны так часто убивают или ссылают тех, кто обладает интеллектом.

Человек, способный трезво смотреть на вещи и не навязывающий свой набор правил другим, всегда в опасности. Мне часто приходило в голову, что если вы хотите найти утешение в этом мире, вам следует принять по меньшей мере один или два серьезных ложных постулата. Иными словами, надо продемонстрировать исповеднику крепкую веру, чтобы он захотел вам помочь.

Опустив решетку крепостных ворот и нахормив лошадь овсом из кладовой, я рано отправился в постель и мирно проспал всю ночь. Я не сомневался, что сразу проснусь, если кто-нибудь попытается проникнуть в замок ночью.

Мне ничего не снилось, но, когда я пробудился, возникло ощущение белого и золотого, земель без горизонта, солнца и луны. Настал новый теплый и ясный день. Лишь пения птиц не хватало для полного спокойствия. Я насвистывал, спускаясь в кухню, чтобы приготовить завтрак из селедки с сыром, который я запивал разведенным водой пивом.

Я решил провести в замке как можно больше времени, чтобы немного прийти в себя и отдохнуть, а затем продолжить свое путешествие в поисках нового хозяина, который на-

шел бы применение военным талантам — других у меня не водилось. Я уже давно научился довольствоваться обществом моего коня и не страдал от одиночества, в отличие от многих других людей.

Вечером, прогуливаясь по куртине, я заметил у самого горизонта дым. Там горел лес или пламенем была охвачена деревня. Огонь распространялся на моих глазах, но ветер не гнал дым в мою сторону.

Когда солнце село, вдалеке появилось кровавое зарево, но я спал хорошо, понимая, что за ночь даже самый быстрый всадник не успеет добраться до замка.

Я проснулся почти сразу после восхода солнца и поднялся на крепостную стену.

Создавалось впечатление, что огонь догорает. Я позавтракал, а потом читал в библиотеке до полудня.

Следующий визит на куртину показал, что пожар разгорелся с новой силой; к замку двигалась солидная армия. На сборы уйдет не более часа, к тому же я давно научился реагировать только на прямую опасность. Существовала надежда, что армия свернет в сторону до того, как увидит замок.

В течение трех дней я наблюдал, как армия подходит все ближе и ближе; наступил момент, когда я видел передовой отряд между деревьями, что росли на берегу широкой реки.

Отряд разбил лагерь на обоих берегах. Я достаточно хорошо изучил подобные армии: на каждого солдата приходилось по пять обозников — женщин, детей и слуг.

Почти все эти люди лишились своих домов и теперь шли за войском, предпочитая находиться на атакующей стороне, чтобы не стать жертвой новых нападений.

Я насчитал около сотни верховых, но большую часть отряда составляла пехота в мундирах двух десятков стран и княжеств. Я не мог определить, за кого они сражались, если вообще у них имелась какая-то цель,— а такие армии следует избегать, тем более что совсем недавно они потерпели поражение.

На следующий день я заметил, как несколько всадников приблизилось к замку, но почти сразу, даже не посоветовавшись друг с другом, разведчики повернули своих лошадей. Судя по мундирям и оружию, это были местные немцы; у меня сложилось впечатление, что они знали о замке и предпочли обойти его стороной.

Что ж, рассудил я, если местные суеверия не позволяют им приблизиться, меня это вполне устраивает и я не стану развеивать их страхи, а понаблюдаю из укрытия, пока не приду к выводу, что меня не потревожат.

Нежелание всадников въезжать в замок еще больше раззадорило мое любопытство. Однако мне никак не удавалось узнать имя владельца этого таинственного сооружения или хотя бы семьи, его построившей. Богатство хозяев не вызывало сомнений; на стенах красовались роскошные шелковые ковры и гобелены, повсюду висели картины, в комодах сверкала золотая и серебряная утварь. Цветные витражи в окнах обошлилась владельцу в кругленькую сумму.

Я подумал о ларцах с драгоценностями, замурованных в стены, но мне ничего не удалось найти.

Похоже, первое впечатление меня не обмануло: замок наверняка принадлежал князю. Скорее всего, мало кто знал о его существовании, вдобавок я уже убедился в том, что князь тщательно скрывал свое имя. Если владельцу это удалось, значит, он могущественный человек — может быть, даже обладает сверхъестественными способностями,— потому замок и остается нетронутым. Я вспомнил о легенде про Иоганна Фауста и других таинственных магах предыдущего, смутного столетия.

Через два дня армии ушла прочь, и я снова погрузился в одиночество.

Мне стало скучно, почти все интересное в библиотеке я успел прочитать; захотелось свежего мяса и хлеба, да и компания какой-нибудь веселой крестьянки, вроде тех, что я видел в обозе прошедшей мимо армии, совсем бы не помешала. Но я провел в замке еще почти неделю, много спал, восстанавливая силы тела и духа.

Пора отправляться в далекое путешествие, набрать отряд, а потом искать нового хозяина, который нуждался бы в моих услугах.

Я подумывал, не вернуться ли в Бек, и наконец решил, что не смогу вести прежнюю жизнь. Для отца мое возвращение было бы сплошным разочарованием. Я уже давно поклялся себе, что вернусь домой только в том случае, если услышу о серьезной болезни или смерти отца. Мне хотелось, чтобы он считал меня добрым

христолюбивым воином, который служит столь любимой им вере.

Когда я решил покинуть замок на следующий день, мне вдруг показалось, что он начинает возвращаться к жизни.

Наступил вечер, и чтобы подавить слабые страхи, я взял лампу и еще раз осмотрел замок, но не нашел ничего необычного. Однако это только укрепило меня в решимости уехать наутро.

Проснувшись, как обычно, вместе с рассветом, я вывел из конюшни лошадь, которая успела хорошо отдохнуть, поднял решетку ворот и начал укладывать запасы провизии в седельные сумки. И тут снаружи донеслись какие-то странные звуки — скрип и скрежет.

Я подошел к воротам, и моим глазам предстало диковинное зрелище. С гор, в мою сторону, спускалась процессия. Сначала я подумал, что возвращается хозяин замка. Мне и в голову не приходило, что он может оказаться не князем-мирянином, а высокопоставленным церковником.

Процессия чем-то напоминала монашеский орден, неожиданно снявшийся с места.

Впереди ехали шестеро хорошо вооруженных всадников, их лица скрывались под железными шлемами, а древки пик упирались в стремена; за ними шли четыре десятка монахов в рясах с капюшонами. Монахи тащили на веревках экипаж — обычно в такие повозки впрягают лошадей. Еще дюжина монахов следовала за каретой, а замыкали процессию шесть вооруженных всадников.

Карета была из светлого некрашеного дерева, изредка поблескивавшего в лучах солнца. Занавески на окнах были опущены; я нигде не заметил геральдических знаков или крестов.

Одежда всадников навела меня на мысль, что они паписты. Нужно соблюдать осторожность, если я не хочу неприятностей.

Я не стал терять времени — вскочил на коня и поехал вниз по склону к ним навстречу. Будь склон в этом месте не такой крутой, мне бы не пришлось ехать по дороге. Так уж получалось, что я не мог не встретиться с процессией, но вне стен замка чувствовал себя увереннее — если воины и монахи проявят враждебность на открытой местности, у меня останутся шансы на спасение.

Подъехав поближе, я ощутил запах тления. От них несло гниющей плотью. Может быть, подумал я, они везут в карете умершего кардинала?

И тут я сообразил, что все эти существа ничем не отличались друг от друга. Плоть клочьями свисала с лиц и конечностей. Глаза были глазами трупов. Заметив меня, они остановились.

Всадники подготовили пики к бою.

Я не взялся за оружие, чтобы не спровоцировать дивных воинов на атаку. Тем не менее я решил прорваться сквозь строй — если возникнет такая необходимость.

Один из всадников медленно заговорил. Его слова наполняла такая властная уверенность, словно он олицетворял Смерть, а в руке держал косу, а не пику.

— Человек, ты нарушаешь границы владений.

— Сами вы нарушаете.

— Ты не имеешь права ступать на эту землю. Разве не знал?

После каждого слова он делал долгую паузу, будто вспоминал давно забытый язык.

— Я не видел никаких знаков,— ответил я.— И не слышал ни единого слова. Здесь никого нет — откуда мне знать о запрете?

За свою жизнь я перевидел немало ужасного, но ни с чем, похожим на этого говорящего мертвеца, мне сталкиваться не приходилось. Меня охватил страх, который удалось подавить лишь с большим трудом.

Он снова забубнил:

— Это понимают...

— Все. Так кажется.

— Кроме тебя.

— Я здесь чужой и хотел просить у хозяина этих земель пристанища, но замок оказался совершенно пустым, — заявил я. — Приношу извинения за невежество. Однако я не причинил никакого ущерба.

И приготовился дать лошади шпоры.

Еще один всадник повернул ко мне закованную в железо голову. Холодные глаза, полные запекшейся крови, равнодушно взирали на меня.

Мой желудок пожалел, что я успел позавтракать.

— Как тебе удалось войти в замок, а потом уехать? — осведомился он.— Ты заключил сделку?

Я попытался ответить спокойно и извещенно.

— Я приехал, а теперь покидаю замок, как вы, конечно, видите, на своем коне. А с хозяином замка я ничем не связан.

Потом я обратился к тому, кто находился в карете, предполагая, что это и есть хозяин замка.

— Еще раз прошу прощения за дерзость. Я не совершил ничего дурного, взял лишь немного пищи, воды для коня и прочитал несколько книг.

— Никакой сделки,— пробормотал один из монахов. Казалось, он удивлен.

— Никакой сделки, о которой он бы знал,— вмешался третий всадник. И они рассмеялись. Довольно мерзко.

— Я никогда не встречал вашего господина,— продолжал я.— Весьма маловероятно, что я с ним знаком.

— Не сомневаюсь, что он тебя знает.

Насмешки и злобное удовлетворение (им явно была известна какая-то тайна) сбили меня с толку и вывели из себя.

— Если позволите мне представиться, то узнаете, что я благородного происхождения...

На самом деле я не собирался разговаривать с пассажиром кареты, но хотел подъехать поближе, выиграв время и расстояние, и при удачном стечении обстоятельств сбежал бы, не обнажая оружия.

— Ты не смеешь приближаться,— заявил первый всадник.

— Ты должен вернуться вместе с нами,— добавил второй.

Я заговорил с иронией, стараясь продемонстрировать им свои хорошие манеры:

— Я уже и так слишком долго пользовался вашим гостеприимством и не могу больше на-вязывать вам свое общество.

Я внутренне улыбнулся. Мое настроение заметно улучшилось — так случалось, когда от меня требовались конкретные действия. Подобное состояние всегда возникает у хорошего солдата, если он понимает, что сражение неизбежно.

— У тебя нет выбора, — сказал всадник.

Он опустил пiku — явная угроза.

Я расслабился в седле, одновременно про-верив, насколько надежна моя посадка.

— Я сам выбираю свой путь, господин, — возразил я.

Мои шпоры коснулись боков лошади, и она посқакала в сторону кареты.

Этого не ожидали.

Уродливые существа, говорившие со мной, привыкли к тому, что вселяют ужас в любое живое существо. Им не слишком часто приходилось сражаться.

Я почти сразу прорвался сквозь их строй. Лишь одна пика слегка задела мое плечо, не причинив никакого вреда. Теперь мне предстояло преодолеть ряды монахов.

Я нанес удар мечом одному из людей в капюшоне. Монахи не пытались отразить мой натиск, но никто не выпустил веревки. Казалось, они готовы умереть под моим мечом, но ни за что не допустят меня к карете.

Пришлось повернуть обратно, чтобы вновь встретить всадников.

У них не было никакой выгушки, их движе-ния выглядели неуверенными, несмотря на вы-

сокомерие и вызывающие речи. И снова у меня сложилось впечатление, что они растеряны, словно пытаются вспомнить, что следует делать дальше. Все они ужасно неловко орудовали пиками, их строй начисто смешался после нескольких взмахов моего меча.

Я попытался конем смять ряды всадников, но они и не думали расступаться.

Тогда я снова повернул коня.

Я заставил его встать на дыбы, и он передними копытами ударил двух монахов.

Мне удалось перепрыгнуть сначала через одну веревку, а потом через другую, я уже собрался понестись вниз по зеленому склону, когда увидел, что мне наперерез скачут всадники, замыкавшие процессию.

Передо мной оказалась балюстрада с несколькими статуями, дальше начинался обрыв.

Снова пришлось придержать лошадь. Я попытался достать пистолет, в надежде напугать коней — остановить атаку, ранив одного из всадников, мне, конечно, не удастся.

Моя лошадь нетерпеливо била копытом, готовая пуститься галопом, но не зная куда. Я крепко держал поводья; всадники с пиками наперевес мчались прямо на меня.

Оглядевшись по сторонам, я понял, что у меня появились шансы на спасение. Я больше не чувствовал страха перед неприятелем. В худшем случае получу несколько легких ранений, а моей лошади придется хорошо потрудиться.

Пики приближались, а я вытащил пистолеты.

И тут раздался звонкий, насмешливый голос из кареты:

— В этом нет никакой необходимости. Бой не входил в наши планы. Немедленно прекратите. Я требую, чтобы вы все остановились!

Всадники натянули поводья и начали поднимать пики.

Я зажал клинок меча между зубами, поднял оба пистолета, взвел курки и выстрелил.

Пуля вышибла одного всадника из седла, однако второй пистолет дал осечку, следовало еще раз взвести курок, но прежде, чем я успел это сделать, снова раздался тот же голос:

— Остановитесь!

Я не обратил ни малейшего внимания на приказ. У меня появилась маленькая передышка, я решил, что негоже ее упускать и медленно двинулся вниз по склону. Потом убрал меч в ножны и огляделся. Возможно, удастся обогнуть всю компанию по дуге и снова выехать на дорогу. Придется, конечно, прорываться сквозь пики, но я не сомневался, что справлюсь с этим без особого труда.

Я придержал лошадь, всем своим видом показывая, что готов к дальнейшим переговорам.

Распахнулась дверь кареты. Красивая женщина лет тридцати, с черными, как смоль, волосами, в красном бархатном платье, быстро взобралась на место кучера и подняла руки над головой. Она казалась встревоженной. На меня произвели впечатление ее уверенность в себе и красота.

— Остановитесь! — крикнула она мне. — Мы не причиним вам вреда.

В ответ я только усмехнулся. Теперь у меня было некоторое преимущество, и совсем не хотелось излишне рисковать своей жизнью, да и лошадью тоже. Я ждал, держа заряженный пистолет затянутой в перчатку рукой.

— Госпожа, ваши люди напали на меня.

— Но не по моему приказу.— Цвет ее губ гармонировал с платьем. Кожа была нежной и белой, под стать кружевам, украшившим одежду. Голову венчала широкополая шляпа с белым страусовым пером.

— Я рада встрече,— продолжала она.— Клянусь, сударь, что так оно и есть. Вы устремились вперед раньше, чем я успела представиться.

Я был уверен, что она просто поменяла тактику. Однако меня это нисколько не устраивало, я был хорошо знаком с подобными ухищрениями.

Я улыбнулся прекрасной dame.

— Сударыня, вы хотите сказать, что расчитывали напугать меня своими слугами?

Она сделала вид, что не понимает, о чём я говорю. А потом сказала с видимой искренностью и волнением:

— Вы не должны так думать. Эти существа бесхитростны и грубы, но других слуг у меня нет.— У нее были великолепные, поразительные глаза.— Сударь я приношу свои извинения.

Женщина протянула ко мне руки, словно в мольбе. Она производила впечатление особы состоятельной, но было в ней какое-то отчаяние. Может быть, она попала к этим существам в плен?

Ситуация вдруг показалась мне забавной: дама, оказавшаяся в затруднительном положении, и я, прожженный циник, в роли благородного рыцаря. И все же я колебался.

— Мадам, облик ваших слуг внушиает мне тревогу.

— Не я их выбирала.

— Да, я очень на это надеюсь.— Я не прятал в кобуру заряженного пистолета.— Судя по всему, их уже давно выбрала Смерть.

Она тяжело вздохнула и слабо взмахнула правой рукой.

— Я буду весьма признательна, если вы согласитесь быть моим гостем.

— Ваши спутники меня уже приглашали. Если помните, я отказался.

— Неужели вы унизите меня отказом? — спросила красавица.

Она производила впечатление умной женщины, прошло уже немало лет с тех пор, как я в последний раз наслаждался такой компанией. Однако еще больше меня привлекали ее глаза. В них читались мудрость, и проницательность, и затаившийся страх в сочетании с непонятным сочувствием ко мне.

Я уже понял, что проиграл. И, кажется, она тоже поняла это. Меня разбирал смех.

Я поклонился.

— Вы совершенно правы, сударыня, я не в силах вам отказать. Скука, любопытство и то, что осталось от моих хороших манер, заставляют меня принять ваше предложение. Но самая главная причина моего согласия заключена в вас, поскольку явижу дружественный

дух и близкий мне разум. Редкое сочетание, не так ли?

— Сударь, я вас поняла. И вполне разделяю ваши чувства.

Великолепные очи сияли иронией и удовольствием. И я вдруг понял, что она тоже про себя смеется. Изящной рукой женщина убрала выскользнувший из прически локон и склонила голову набок. Вполне осознанный жест, она явно флиртовала со мной. Я в ответ улыбнулся.

— Значит, вы будете моим гостем? — осведомилась она.

— При одном условии.

— Сударь?

— Если вы обещаете раскрыть мне тайну вашего замка и окрестностей.

Моя собеседница приподняла брови.

— Это самый обычный замок, да и земля кругом — тоже.

— Вы прекрасно знаете, что это не так.

Пришел ее черед улыбнуться.

— Очень хорошо. Я обещаю, что очень скоро вы все поймете.

— Я не забуду этого обещания, — усмехнулся я и, спрятав пистолет, повернул лошадь в сторону замка.

Так я сделал свои первые решительные шаги к аду.

Глава вторая

Я

предложил dame руку, и мы пошли через двор и дальше вверх по ступеням, а тем временем уродливые слуги отвели лошадей и экипаж в конюшню. Должен признаться, я пал жертвой любопытства.

И поехали, еще не до конца осознанной.

Не без удовлетворения я говорил себе, что вне всякого сомнения угодил в ло-

вушку. Но в тот момент меня это совсем не огорчало.

— Я Ульрих фон Бек, сын графа фон Бека,— сообщил я своей новой знакомой.— Капитан-пехотинец на нынешней войне.

Ее духи источали аромат летних роз, удивительно тешный и убаюкивающий.

— А на чьей вы стороне? — поинтересовалась она.

Я пожал плечами.

— На той, где больше порядка и меньше раздоров.

— Значит, у вас нет твердых религиозных предпочтений?

— Никаких,— заявил я и добавил: — А разве в наше время это необычно для такого человека, как я?

— Ну, что вы! Конечно же, нет.

Должно быть, мои слова ее немного позабавили. Когда красавица сняла плащ, я увидел, что она почти одного роста со мной и великолепно сложена. Эта женщина производила впечатление сильной и, возможно, эксцентричной натуры, но одновременно в ней была какая-то мягкость, и я предположил, что она стала жертвой неблагоприятных обстоятельств.

— Меня зовут Сабрина.— Она не называла ни своего титула, ни фамилии.

— Это ваш замок, госпожа Сабрина?

— Я часто здесь останавливаюсь,— холодно ответила она.

Вероятно, ей не хотелось говорить о своей семье. Или она была любовницей могущественного вельможи, владельца замка? А может быть,

ее сюда сослали за какое-нибудь страшное преступление. Возможно, муж или родственники отправили Сабрину в эту глушь, чтобы оградить от превратностей любви или войны. Мне, человеку воспитанному, пришлось прекратить расспросы.

Она положила мне на локоть руку с тонкими длинными пальцами.

— Капитан фон Бек, вы отобедаете со мной?

— Сударыня, я не испытываю особого восторга от перспективы оказаться в обществе ваших слуг.

— А вам и не придется. Я приготовлю еду сама, чуть попозже. Слугам не позволено входить в замок. Для них отведены комнаты в башне.

Я видел эти комнаты. Интересно, как такая толпа поместится в столь небольших помещениях.

— Сколько времени вы тут провели? — спросила Сабrina, оглядываясь по сторонам, когда мы вошли в холл.

— Около двух недель.

— У вас тут порядок.

— Госпожа Сабrina, в мои намерения не входило ограбить замок, я нуждался лишь во временном убежище. Сколько долго ваш дом стоит пустой?

Она сделала неопределенный жест.

— Не очень долго. А почему вы спросили?

— Здесь был такой порядок. Никакой грязи, я даже пыли нигде не увидел.

— Ах, это... Таких проблем у нас почти не бывает.

— Ничто не отсырело. И не стнило.

— На виду — ничего.

Мне показалось, что Сабрину начали раздражать мои слова, и я решил сменить тему.

— Я благодарен вам за гостеприимство,— сказал я, чтобы переменить тему.

— Не стоит благодарности,— немного рассейенно ответила Сабрина, а потом нахмурилась.— Нас задержали солдаты.

— Солдаты?

— На дороге.— Она махнула рукой.— Вон там.

— На вас напали?

— Преследовали некоторое время.— Она провела пальцем по комоду, словно хотела отыскать пыль, но безрезультатно.— Напасть не решились, ведь они нас боятся. Но их было так много.

Сабрина улыбнулась, и я увидел белые ровные зубы. Она говорила со мной так, словно рассчитывала на понимание и сочувствие. Будто бы мы с ней друзья.

Я мог только кивнуть в ответ.

— Не стану их за это винить,— продолжала Сабрина.— Никого из них.— Моя красавица печально вздохнула, и глаза ее потемнели, точно набежало облако, точно ее мысли обратились внутрь себя.— Но вы здесь, и это хорошо.

Мне бы тут встревожиться, но меня поймали в сети, очаровало ее странное поведение, как будто меня здесь ждали, и хозяйка, задержавшись в пути, обнаружила, что гостю не оказано должного гостеприимства, и потому она чувствует себя неловко.

Я сделал Сабрине комплимент, что-то по поводу ее красоты и любезности. Она ответила мне едва уловимой улыбкой женщины, привыкшей к подобным замечаниям, и, возможно, видящей в них начало чувственной дуэли. Я не раз видел такое выражение на лицах светских див. Поэтому я слегка насторожился, повел себя сдержаннее. Вне всякого сомнения, стоявшая передо мной женщина не у одного наставника училась холодному роковому искусству интеллектуального кокетства. Мне Сабрина слишком нравилась, для того чтобы вступать в состязание с ней, и потому я вспомнил о главной причине, по которой согласился погостить у нее.

— Вы обещали посвятить меня в тайны замка, — напомнил я. — И рассказать, почему в близлежащих лесах нет никакой живности.

— Верно, — ответила она. — Живности нет.

— Сударыня, вы соглашаетесь со мной, — мягко проговорил я, — но ничего не объясняете.

— Я обещала все объяснить, разве нет? — немного резко спросила Сабрина.

— Обещали.

— И очень скоро вы узнаете все, что вас интересует.

В те дни от меня нелегко было отделаться ничего не значащими заверениями.

— Я солдат, госпожа. И собирался покинуть ваш замок, чтобы направиться на юг. Если вы еще не забыли, я остался потому, что вы меня пригласили погостить и обещали ответить на вопросы. Солдаты — народ нетерпеливый.

Казалось, что мои слова вызвали у Сабрины беспокойство — мимолетным движением она отбросила длинный локон со лба.

— Ни одна душа... ни одна свободная душа, какой бы маленькой она ни была, не может здесь находиться.

Мне эти слова ничего не объяснили, хотя и заинтриговали слегка.

— Сударыня, я вас не понимаю,— намеренно жестко проговорил я.— Я привык к действию и простым фактам. И именно простые факты позволяют мне решать, как следует вести себя в дальнейшем.

— Сударь, я вовсе не хотела поставить вас в тупик,— взмолилась Сабрина, но я твердо стоял на своем.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что ни одна душа не может здесь находиться? — глубоко вздохнув, спросил я.

Сабрина некоторое время колебалась, а потом ответила:

— Здесь не место ничему... принадлежащему Богу.

— Принадлежащее Богу? Но ведь лес...

— Лес расположен...— Она смущенно развела руками — ... на границе.

— Я по-прежнему не понимаю.

Сабрина справилась с растерянностью и твердо посмотрела мне в глаза.

— А вы и не должны.

— Метафизика и абстракции никогда не производили на меня впечатления.— Я начал злиться, поскольку именно абстрактное перебрасывание словами и привело к тому,

что вокруг нас сейчас творилось.— Вы намекаете на то, что на эти края когда-то напал мор? И потому люди и звери стараются сюда не заходить?

Сабрина промолчала.

— В конце концов, невооруженным глазом видно, что ваши слуги чем-то больны. Может быть, они страдают от болезни, распространенной в здешних местах? — продолжал я.

— Их души... — снова начала она.

— Снова абстракция, — перебил я.

— Капитан, я стараюсь изо всех сил ответить на ваш вопрос, — сказала Сабрина.

— Госпожа, вы не предоставили ни одного факта.

— Я предоставила вам факты так, как я их понимаю. Очень трудно...

— На самом деле вы говорите о болезни, не так ли? И боитесь, что, если произнесете вслух ее название, я испугаюсь и сбегу отсюда?

— Ну, если угодно... — согласилась она.

— Должен вам сказать, что я почти ничего не боюсь, хотя признаюсь, что испытываю некоторые опасения, когда речь идет о чуме. С другой стороны, у меня есть все основания полагать, что я один из тех счастливчиков, кто чуме не подвластен, и потому будьте уверены, не обращусь в бегство, вопя от ужаса. Отвечайте, вы именно эту болезнь имели в виду?

— Да, — произнесла Сабрина так, словно вдруг ужасно устала, словно хотела согласиться с любым объяснением, предложенным мной. — Может быть, и так, как вы говорите.

— Но вас хворь не коснулась.— Я шагнул к ней.— И меня тоже.

Сабрина молчала. Возможно, она склоняла меня к мысли, что признаки страшного недуга, поразившего ее слуг, еще не проявились у нее? Мне стало не по себе.

— Давно вы живете в замке? — спросил я.

— Я бываю здесь наездами.

Ее ответ позволил мне предположить, что она, возможно, невосприимчива к болезни. А если так, то и я, пожалуй, тоже. Это соображение слегка успокоило меня.

Сабрина уселась на диванчик. Сквозь витраж, на котором Диана охотилась на диких зверей, лился солнечный свет. Только сейчас я сообразил, что не видел в замке ничего, имеющего отношение к христианской вере — ни крестов, ни изображений Христа или святых. Гobelены, статуэтки и все остальные украшения были на языческие темы.

— Сколько лет вашему замку? — Я стоял у окна, поглаживая пальцами раму.

— Я полагаю, он очень старый. По меньшей мере, несколько веков.

— Он в прекрасном состоянии.

Сабрина отлично понимала, что я не случайно задаю ей эти вопросы. Я пытался побольше разузнать о поместье и загадочном заболевании, поразившем его обитателей.

— Да,— не стала спорить Сабрина.

Я почувствовал в ее словах напряжение и повернулся.

Она прошла в другую комнату и возвратилась с вином. Когда протянула мне бокал, я

заметил, что на пальце у нее нет обручального кольца.

— Сударыня, у вас нет господина?

— У меня есть господин.— Сабрина посмотрела мне в глаза так, будто я бросил ей вызов. Но, поняв, что мой вопрос носил совершенно невинный характер, пожала плечами.— Да, капитан, у меня есть господин.

— Но это поместье не принадлежит вашей семье.

— Ну, да. Семья? — На ее губах появилась странная улыбка, но моя собеседница быстро взяла себя в руки.— Замок уже много лет принадлежит моему господину.

— Но так было не всегда?

— Верно. Кажется, он его выиграл.

— Военный трофей?

Сабрина отрицательно покачала головой.

— Получил в уплату карточного долга.

— Так ваш господин еще и игрок? И надо сказать, играет он по-крупному. А он участвует в нашей войне?

— О, да.— Поведение Сабрины снова изменилось, в голосе появился лед. — Не стану говорить с вами загадками, капитан фон Бек.— Сабрина улыбнулась, на лице промелькнуло что-то похожее на беспомощность.— А с другой стороны, мне не следует продолжать этот разговор. Пока не следует.

— Простите меня за грубость. Кажется, я взял чересчур резкий тон.

— Вы прямолинейны, капитан, но не грубы,— тихо проговорила Сабрина.— Для человека, так много повидавшего и совершив-

шего на войне, вы ведете себя весьма деликатно.

Я поднес бокал к губам — что-то вроде тоска в честь ее хороших манер.

— Меня удивляет, что вы так считаете. Впрочем, если сравнивать с вашими слугами, я здорово выигрываю...

Сабрина рассмеялась. Казалось, ее кожа испускает теплое сияние. Я уловил аромат роз. Словно солнечное тепло коснулось моей души. Я знал, что желаю Сабрину так сильно, как никого и ничто в жизни. Однако осторожность удерживала меня от необдуманных поступков. Я радовался уже тому, что могу испытывать эти ощущения (о существовании которых почти забыл за годы службы), и не пытался зайти дальше.

— А каким образом вы заполучили своих слуг? — Я потягивал вино. Из всего, что мне довелось здесь попробовать, оно было самым утонченным. И словно пробуждало сразу все чувства.

Сабрина, прежде чем ответить, чуть поджала губы.

— Это, если так можно сказать, наемники. Им платит мой господин.

— Ваш господин? Вы постоянно его упоминаете. Но так и не назвали имени, — вежливо упрекнул я ее.

— Да. — Сабрина убрала волосы с лица.

— Вы не хотите сказать, как его зовут?

— Сейчас? Нет.

— Это он послал вас сюда? — Вино было просто потрясающим.

— Да,— ответила Сабрина.

— Потому что опасается за вас? — предложил я.

— Нет.— Грусть, отчаяние и некоторая доля удивления промелькнули на ее лице.

— Значит, вы тут по делу? — Я снова шагнул в ее сторону.

— Да.

Сабрина чуть отошла назад. Я не сомневался, что произвел на нее такое же впечатление, как и она на меня, впрочем, возможно, мои вопросы были слишком личными и нервировали ее.

Я остановился.

— Могу я поинтересоваться, по какому делу?

Сабрина повеселела, но не совсем искренне, это я сразу подметил

— Развлечь вас...— Взмах руки.—...капитан.

— Но вы же не знали, что я здесь остановился.

Сабрина опустила глаза.

— Или знали? — допытывался я.— Может быть, какой-нибудь невидимый слуга вашего господина доложил обо мне.

Это предложение осталось без отклика.

— Я искала смелого человека. И умного.

— По приказу вашего господина? Вы на это намекаете?

Сабрина посмотрела на меня с вызовом.

— Ну, если хотите.

Инстинкт, позволивший мне сохранить жизнь и здоровье за годы скитаний, предупредил, что эта необычная женщина может оказаться на живкой, из-за которой я попаду в весьма серь-

езную передрягу. Впрочем, для разнообразия можно рискнуть. Она намекает, что готова отиться. Видимо за это с меня потребуется высокая плата. Какая? В тот момент мне было все равно. В конце концов, напомнил я себе, ты весьма изобретателен и всегда сможешь убежать. Человек в состоянии горы своротить и справиться с любыми неожиданностями, если дело касается его благополучия.

— Он дает вам свободу действий? — спросил я.

— Он позволяет мне поступать так, как я пожелаю. — Сабрина пожала плечами.

— И не страдает от ревности?

— Не в том смысле, который обычно имеется в виду, капитан Бек.

Сабрина допила вино, и я последовал ее примеру. Затем она снова наполнила наши бокалы. Уселась рядом со мной на диванчик у окна. Моя плоть, кожа, каждая жилка и нерв пели. Я, на протяжении многих лет исповедавший религию жесткого самоограничения, едва ли был в состоянии здраво мыслить, когда взял ее руку и поцеловал.

— Похоже, ваш господин очень необычный человек, — пробормотал я.

— Вы правы.

Я чуть отодвинулся от Сабрины, чтобы взглянуться в ее поразительное лицо.

— Он выполняет ваши капризы, потому что очень любит вас?

Ее дыхание, как и мое, с трудом вырывалось из груди. Сияющие страстью глаза напоминали драгоценные камни.

— Я не уверена, что мой господин понимает природу любви. По крайней мере, так, как мы с вами.

Я рассмеялся и позволил себе немного расслабиться.

— Вы опять говорите загадками, госпожа Сабрина, а ведь поклялись больше не делать этого.

— Простите меня.— Она поднялась, чтобы снова налить в бокалы вина.

Я не сводил глаз с ее великолепного тела. Мне еще ни разу в жизни не доводилось видеть, чтобы такая безупречная красота и острый ум принадлежали одному человеческому существу.

— Вы не расскажете мне свою историю?

— Потом.

Я расценил ее слова, как обещание, однако настаивал на своем:

— Вы родились в этих краях?

— Да, в Германии.

— И не очень давно.— Это я сказал отчасти для того, чтобы немного ей польстить, хотя в лести не было никакой нужды. Но я приобрел кое-какие салонные манеры, став солдатом удачи, и не мог в одночасье от них избавиться.

Ответ Сабрины прозвучал для меня неожиданно. Она повернулась ко мне, держа в каждой руке по бокалу с вином.

— Все зависит от того, что вы считаете временем.— Она протянула мне бокал.— Вы добиваетесь, чтобы я раскрыла вам мои тайны, а я отвечаю загадками. Может быть, погово-

рим на какую-нибудь другую, не личную тему? Или вы желаете рассказать о себе?

— Госпожа, у меня сложилось впечатление, что вы уже знаете, кто я такой.

— Ну, не в деталях, капитан.

— У меня почти нет секретов. Последние годы я провел на войне. А перед этим учился. В Беке жизнь течет неспешно.

— Но, став солдатом, вы многое повидали и немало успели совершить?

— Не больше, чем любой солдат.— Я нахмурился, потому что не испытывал ни малейшего желания копаться в воспоминаниях; видения Магдебурга все еще преследовали и лишь с большим трудом удавалось оттеснить их на задний план.

— Вы много убивали?

— Конечно.— Я отвечал с холодком, давая понять, что не хочу распространяться на эту тему.

— Принимали участие в грабежах? И пытках?

— Да, при необходимости.— Я понял, что вот-вот разгневаюсь. Сабрина вполне сознательно пыталась меня смутить.

— И насиловали женщин?

Я сердито на нее посмотрел. Неужели я ее неправильно оценил? Может, она из тех скучающих похотливых дамочек, что попадались мне при дворе? Подобные разговоры их возбуждают и приводят в восторг, позволяют испытать острые ощущения, потому что эти стервы давно забыли или никогда не знали утонченных форм человеческой чувственности и привя-

занности. В своем цинизме я давал им то, чего они так вожделели. Это все равно что всучить свинец вместо золота жадному купцу, который в желании обладать несметными богатствами больше не в состоянии отличить один металл от другого. Если леди Сабрина принадлежит к этой категории людей, она сполна получит то, к чему стремится.

Однако в глазах моей новой знакомой читался неподдельный интерес, поэтому я ответил, не вдаваясь в подробности:

— Да. Я уже говорил вам, что солдаты иногда нетерпеливы. Скучают...

Сабрина не пропустила мой ответ мимо ушей.

— А еретиков вы наказывали?

— Я видел, как их уничтожали.

— А сами принимали участие в казнях?

— Поскольку я испытываю к подобным вещам отвращение, скажу, что мне повезло,— я в казнях не участвовал.

— А вы могли бы наказать еретика?

— Сударыня, должен вам честно сказать, я не знаю наверняка, что такое еретик. В наше время это слово звучит слишком часто. Складывается впечатление, что так можно назвать любого, чьей смерти вы желаете.

— А как насчет ведьм? Вы расправлялись с ведьмами?

— Я солдат, а не священник.

— Многие солдаты возлагают на себя обязанности священников, разве нет? И многие попы становятся солдатами.

— Я не из их числа. Я видел, как несчастных безумцев и старух называли ведьмами и

расправлялись с ними соответствующим образом. Но мне ни разу не доводилось быть свидетелем магических действий, заклинаний, призывов дьявола или вампиров.— Я улыбнулся.

— Следовательно, колдовство вас не пугает?

— Нисколько. Точнее, то колдовство, свидетелем которого я был.

— Вы разумный человек, сударь.

Пожалуй, это можно считать комплиментом.

— Разумный с точки зрения нашего мира, мадам. Но не с моей собственной.

Казалось, Сабрину порадовали мои слова.

— Блестящий ответ. Значит, вы требовательны к себе?

— Я ничего от себя не требую, кроме одного — оставаться в живых. У мира я беру то, что мне нужно.

— Получается, вы вор?

— Нет, я не вор. И надеюсь, что не ханжа.

— Самообман.

— Почему?

— Вы прячете большую часть своей индивидуальности, чтобы не мешала вам быть солдатом, о котором вы говорите. А потом отрицаете, что эта часть вообще существует.

— Я вас не понимаю. Я — то, что я есть.

— И что же именно?

— Я таков, каким создал меня мир.

— Вас создал не Бог? Ведь Бог является творцом мира, разве не так? — спросила Сабrina.

— Мне приходилось слышать и другие теории.

- От еретиков?
- Ну, мадам... скажем от отчаявшихся душ, вроде нас с вами.
- У вас на редкость широкие взгляды.
- Для солдата?
- Для человека, живущего в смутные времена.
- Я совсем не уверен в том, что у меня широкие взгляды. Скорее, я веду себя легко-мысленно. Кажется, я уже говорил, что меня споры на метафизические темы не интересуют.
- В таком случае, у вас нет совести?
- В наше время это слишком дорогая штука, мадам.
- Иными словами, она у вас есть, только, если можно так выразиться, вы ее не пестуете?
- То есть вы намекаете на то, что совесть в числе тех моих качеств, о которых я предпоп-читаю не знать? Может быть, вы намерены обратить меня в вашу веру?
- Моя вера практически не отличается от вашей.
- Вот и мне так показалось.
- Душа? Совесть? Слова почти ничего не значат, уверена, что вы со мной согласитесь без дальнейших споров.
- Конечно, с готовностью.
- Мы еще немного поговорили на эту тему, а затем наш разговор перешел на другие, более общие.
- Сабрина оказалась очень образованной жен-щиной, с солидным жизненным опытом и обширными познаниями. И чем больше времени мы проводили вместе, тем сильнее я ее хотел.

Мы забыли про обед, все беседовали, потягивая великолепное вино. Сабрина цитировала греков и римлян, читала стихи на нескольких языках. Она гораздо лучше меня знала европейские и восточные языки.

Мне стало очевидно, что Сабрину должен высоко ценить ее господин и она, по всей видимости, не просто его любовница. Женщина может путешествовать, подвергаясь чуть большей опасности, но зато вызывая меньше подозрений, чем посланник-мужчина. У меня сложилось впечатление, что Сабрина входила во многие могущественные дворы. Однако мне было страшно любопытно, как принимают в подобных местах ее слуг.

Пришел вечер. Мы отправились на кухню, где из тех же продуктов Сабрина приготовила ужин вкуснее тех, что удавались мне. Мы выпили еще немного вина, а затем, не договариваясь, поднялись в одну из главных спален и разделись.

Простыни, покрывала, балдахин в свете закатного солнца казались кремовыми. Обнаженная Сабрина была просто великолепна — безупречное тело, маленькая, упругая грудь. Мне еще не доводилось видеть подобных ей женщин — такая красота присуща лишь статуям и некоторым картинам.

До этой ночи я не верил в совершенство, и хотя меня не покидали подозрения относительно мотивов Сабрины, я твердо решил не сопротивляться ее чарам.

Мы поспешили в постель. Она становилась то нежной, то дикой, потом вдруг пассивной,

а в следующее мгновение агрессивной. Я следил за ней, подчиняясь ее настроению, а она — моему. Мои умершие чувства снова вернулись к жизни. Проснулось воображение, а вместе с ним и толика надежды и оптимизма, присущих юноше Ульриху, жившему в Беке.

Я не сомневался, что наша встреча была предопределена судьбой, потому что Сабрина так же наслаждалась близостью со мной, как и я с ней. Я впитывал ее аромат, переживая несказанное блаженство от одного только прикосновения к бархатной коже.

Наша страсть казалась бесконечной, точно прилив; жажда владеть друг другом заглушила все другие чувства, мы были неутомимы. Если бы не постоянно мучившая меня мысль, что Сабрина в некотором смысле принадлежит другому, я отдался бы ей полностью и без раздумий. Однако какая-то частичка моего существа удерживала меня от этого. Надо сказать, что она была совсем крохотной и не имела особого значения.

В конце концов мы заснули и проснулись только на следующее утро, до восхода солнца, и снова занялись любовью. Сабрина все больше и больше очаровывала меня.

Наступил серый рассвет, и я в полудреме пробормотал, чтобы она оставила здесь своих кошмарных слуг и отправилась со мной на поиски места, которого не коснулась война.

— А разве есть другое такое место? — ласково улыбнулась Сабрина.

— Возможно, на востоке. Или в Англии. Мы могли бы поселиться в Англии. Или в Новом Свете.

Сабрина погрустнела и погладила меня по щеке.

— Это невозможно,— ответила она.— Мой господин не позволит.

Я рассвирепел.

— Твой господин нас не найдет.

— Найдет и отнимет у тебя меня, уж можешь не сомневаться.

— В Новом Свете? Он что, Папа Римский?

Сабрина вздрогнула, и я подумал, что, возможно, своим риторическим вопросом случайно попал в самую точку.

— Я с ним сражусь,— продолжал я.— Если возникнет необходимость, соберу армию, чтобы его победить.

— Ты потерпишь поражение.

— Он Папа Римский? — серьезно спросил я.— Твой господин?

— О, нет! — воскликнула Сабрина.— Но он гораздо могущественнее Папы Римского.

— Может быть, в твоих глазах,— нахмурился я.— Но наверняка не в глазах всего мира.

Сабрина поежилась и, не глядя на меня, сказала:

— Именно в глазах всего мира, и даже с точки зрения небес.

Мне стало не по себе от ее слов. Но прошла целая неделя, прежде чем я осмелился вновь завести разговор на эту тему. Лучше бы я молчал.

— Ты обещала ответить на мои вопросы,— сказал я однажды утром.— Мне кажется, будет только честно, если ты назовешь имя своего всемогущего господина. В конце концов, я могу подвергаться опасности, оставаясь здесь.

— Тебе ничто не угрожает.

— Позволь мне решать. Ты должна дать мне такую возможность.

— Я знаю... — Сабрина замолчала. — Завтра.

— Его имя, — напомнил я ей на следующий день и увидел, как страх, ее и мой, соединились, готовясь поглотить нас.

Сабрина посмотрела мне в глаза и отрицательно покачала головой.

— Кто твой господин? — настаивал я.

Она подняла голову и, старательно выговаривая слова, сказала:

— Его зовут Люцифер. — Мне показалось, что губы Сабрины пересохли, ее лицо ничего не выражало.

Я в единое мгновение потерял контроль над собой. Откровение Сабрины потрясло меня, я не знал, как реагировать, как понимать ее признание. Я не мог позволить предрассудкам победить здравомыслие. Я сел на постели, заставил себя рассмеяться.

— А ты ведьма, правда?

— Меня так называли, — согласилась Сабрина.

— Умеешь менять внешность! — Я обезумел от ярости. — А на самом деле ты старая карга, околдовавшая меня!

— Я такая, какой ты меня видишь, — ответила Сабрина. — Однако да, я была ведьмой.

— И твоя сила подарена тебе за связь с Князем Тьмы?

— Нет. Меня назвали ведьмой люди, которые твердо решили меня убить. Но это было до того, как я встретилась с Люцифером...

— Некоторое время назад ты дала мне понять, что разделяешь мое отношение к ведьмам!

— Да... когда речь шла о несчастных женщинах, которых заклеймили этим прозвищем.

— Тогда зачем же ты о себе так говоришь?

— Это ты сказал «ведьма». Я лишь согласилась, сказав, что меня так назвали люди.

— Ты не ведьма?

— В молодости я обладала определенными способностями, которые употребляла на благо нашего городка. Я не глупа. Жители нередко спрашивали моего совета по разным поводам. Отец дал мне хорошее образование. Я научилась читать и писать. У меня было несколько подруг, очень похожих на меня. Мы частенько встречались, чтобы насладиться умной беседой друг с другом, время от времени обсуждали вопросы алхимии, возможности трав... ну, и тому подобные вещи.— Сабрина пожала плечами.— Мы жили в очень маленьком городке, который в основном населяли мелкие торговцы, крестьяне... Женщинам, как правило, отказывают в общении с учеными, даже если они уходят в монастыри. Христианство не допускает Еву до мудрости, верно? Зато как же все любят повторять, что она стала жертвой падшего ангела,— насмешливо сказала Сабрина, а потом, опершись на обнаженный локоть, продолжала: — Образованных людей не любили в нашем городе, к ним относились с опаской. А женщины и вовсе скрывали свои познания. Мне кажется, мужчины боятся двух вещей — женщин и зна-

ний. Поскольку и то, и другое угрожает их власти, ты согласен?

— Ну, если хочешь,— кивнул я.— А разве в вашем городе не было женщин, которые тоже боялись подобных вещей?

— Конечно, были. В некотором смысле они боялись даже больше, чем мужчины. Именно женщины предали нас, в конце концов.

— В жизни так часто случается,— сказал я.— Многие любят поговорить о свободе и свободомыслии, но мало кто готов сражаться за них.

— Поэтому ты и настаиваешь на том, что являешься всего лишь солдатом?

— Полагаю, да. Не могу сказать, что очень стремлюсь к настоящей свободе. Поэтому ты позволила мне назвать тебя ведьмой?

Сабрина грустно улыбнулась.

— Возможно.

— И по этой же причине утверждаешь, что сатана твой господин?

— Не совсем,— ответила она.— Хотя мне понятны твои логические построения.

— А как получилось, что тебя прозвали ведьмой в твоем родном городке?

— Пожалуй, из-за гордыни,— проговорила Сабрина.— Мы возомнили себя могущественной силой, сражающейся на стороне добра. Занялись магией, ставили опыты. Однако наша магия была Белой. Не буду скрывать, что мы уделяли внимание и другому виду волшебства и знали, как оно действует. Но понимали, что к нему обращаются слабые души, которые надеются через зло обрести ложное могущество.

— И в конце концов, вы решили, что достаточно сильны, чтобы противостоять человеческим предрассудкам? Вы утратили осторожность?

— Да, можно сказать и так.

— Ты говорила, что оказалась на службе у Сатаны. Как же это произошло?

Я не сомневался, что Сабрина выразилась метафорически или, по меньшей мере, сильно преувеличивала значение случившегося. Не хотелось верить, что она безумна. Не нужно забывать, что рассуждала она вполне здраво и логично.

— Нас предали, и все мы оказались в тюрьме. Естественно, нас пытали, потом судили и объявили виновными. Многие признались в том, что заключили с дьяволом сделку.— На лице Сабрины появилось холодное выражение.— В то время у меня не укладывалось в голове, что такое огромное количество несущих в себе зло людей могут считаться благородными и добродетельными, в то время как мы, не сделавшие ничего дурного и часто помогавшие соседям, подвергаемся жестоким и мерзким пытками и страданиям.

— Но тебе удалось избежать...

— Я рассталась с иллюзиями, когда лежала в тюремной камере, униженная и избитая. Я была в отчаянии. И тогда я решила, что если уж меня заклеймили, назвав злой ведьмой, я стану вести себя соответствующим образом. Я знала заклинания, необходимые для того, чтобы призвать дьявола.

Сабрина чуть сдвинулась в сторону и посмотрела мне в глаза, прежде чем сказать:

— Однажды ночью в темнице, я пожелала спастись от смерти и чудовищных мучений; я потеряла веру в силу моих сестер, на которую так рассчитывала, и приступила к страшному ритуалу. Это был момент величайшей слабости. Ты должен знать, что именно в такие моменты и появляются слуги Люцифера.

— Ты вызвала дьявола?

— И продала свою душу.

— И была спасена.

— После того, как мы сговорились, я заразилась чумой — так всем показалось,— и меня швырнули, живую, в яму на окраине города. Когда я выбралась из ямы, оказалось, что я здорова, хворь меня оставила. Два дня спустя я лежала в каком-то сарае, и тут ко мне явился мой господин собственной персоной. Он сказал, что у него для меня есть особая работа. Меня доставили сюда и объяснили, что я должна делать у него на службе.

— Ты и в самом деле веришь, что тебя привел в этот замок Люцифер? — Я протянул руку и коснулся лица Сабрины.

— Я знаю, что Люцифер является моим господином и что здесь его земные владения.— Сабрина видела, что я ей не верю.

— Но сегодня его тут нет? — поинтересовался я.

— Есть,— ровным голосом ответила Сабрина.

— Я не видел ничего, что сказали бы мне о его присутствии,— упорствовал я.

— А ты способен различить знак Люцифера? — будто обращаясь к ребенку, спросила Сабрина.

— Ну, хотя бы легкий запах серы,— заявил я.
Сабрина повела рукой вокруг.

— Замок и окрестный лес — все несет на себе его знак. Разве ты еще не понял? Почему здесь нет даже самых крошечных насекомых? Почему целые армии боятся сюда заходить?

— В таком случае, почему мне было лишь немного не по себе, когда я пришел в замок? Как ты можешь здесь жить?

Сабрина с жалостью посмотрела на меня.

— Только души, принадлежащие ему, могут тут находиться,— пояснила она.

Меня пробрала дрожь. Сабрине почти удалось меня убедить. К счастью, мой здравый смысл снова взялся за работу. Здравый смысл или самое обычное чувство самосохранения. Я выбрался из постели и начал одеваться.

— В таком случае я уезжаю. Потому что не имею ни малейшего желания торговаться ни с Люцифером, ни с тем, кто называет себя этим именем. И предлагаю тебе, Сабрина, последовать за мной. Если только ты не хочешь остаться рабыней собственного заблуждения.

Сабрина погрустнела.

— Если бы это было заблуждением, если бы ты и в самом деле мог меня спасти...

— Смогу. Я увезу тебя отсюда на своем не-приметном коне. Давай уйдем, сейчас, вместе.

— Я не могу. И ты тоже. И твой конь, поскольку он служил тебе.

Я фыркнул, услышав ее слова.

— Никакого человека нельзя назвать абсолютно свободным, сударыня, так же, как и животное, на котором он скачет, но мы с

тобой достаточно свободны, чтобы покинуть замок немедленно!

— Ты должен оставаться и встретиться с господином,— ответила Сабрина.

— Я не намерен продавать свою душу.

— Ты должен оставаться.— Сабрина протянула ко мне руку. Она дрожала.— Ради меня.

— Сударыня, бесполезно взывать к моему страданию. У меня больше нет чести. Мне казалось, я вам это довольно доходчиво объяснил.

— Я тебя умоляю,— прошептала Сабрина.

Желание обладать ею, а вовсе не честь остановило меня. Я колебался.

— Ты сказала, что твой господин сейчас в замке?

— Он ждет нас.

— Один? Где? Я возьму с собой меч и разберусь так, как я привык, с твоим «Люцифером», с человеком, околдовавшим тебя. Острый клинок образумит его и докажет тебе, что он смертен. Очень скоро ты снова будешь свободна, обещаю тебе.

— Возьми с собой меч, если хочешь,— согласилась Сабрина.

Она поднялась и надела просторное одеяние из белого шелка. Я стоял рядом и с нетерпением наблюдал за тем, как она тщательно приводит себя в порядок. Меня даже кольнула ревность, совсем как обманутого мужа, который смотрит на жену, прихорашивающуюся для любовника.

Мне показалось странным, что такая образованная и умная женщина поверила в то, что стала рабыней самого Сатаны. В наше время

отчаяние выливается в самые разные формы безумия.

Я надел поверх рубашки пояс с ножами, натянул сапоги и стоял перед Сабриной, пытаясь определить, сколь глубоко ее заблуждение. Она смотрела прямо перед собой, и в ее глазах я видел страдание и одновременно поразившую меня решимость.

— Если ты сошла с ума,— сказал я,— то мне еще не доводилось видеть такой удивительной разновидности безумия.

— Воображение человека приписывает безумие всем и каждому,— возразила Сабрина,— в зависимости от обстоятельств. Я так же разумна, как и вы, сударь.

— В таком случае, ты всего лишь наполовину не в своем уме,— сообщил я ей и, предложив руку, отворил дверь спальни.— Ну, и где находится двор твоего Люцифера?

— В аду,— сказала Сабрина.

Мы медленно прошли по коридору и спустились по широкой каменной лестнице в главный зал.

— И его замок находится в аду? — спросил я, театрально оглядываясь по сторонам.

За окнами виднелись деревья, все выглядело точно так же, как и раньше.

— Возможно,— проговорила Сабрина.

Я покачал головой. Поколебать во мне рациональное отношение к действительности со всем непросто, поскольку мое сознание, закаленное в огне войны, знакомое с ужасом и жестокостью, тем не менее сумело выжить, не став жертвой великого зла и обмана.

— В таком случае, весь наш мир — это ад? Ты захотела немного пофилософствовать?

— Хм, — почти весело ответила Сабрина, — не с этим ли убеждением мы остаемся, сударь, когда лишаемся последней надежды?

— Поверить в то, что мы существуем в аду, означает обрести надежду, вы со мной не согласны, сударыня?

— Ад лучше, чем ничего, — заявила Сабрина, — по крайней мере, для некоторых.

— Я отказываюсь верить в подобную чепуху. И почти все мои убеждения отличаются жесткостью и абсолютизмом. Складывается впечатление, что мы возвращаемся к царству разума. Я желаю увидеть реального дьявола, если мы с вами действительно в аду, мне требуются факты, подтверждающие ваши слова.

— Боюсь, сэр, что вы не до конца используете свой интеллект.

— Думаю, тут вы правы. Я солдат и уже не раз вам об этом говорил. Солдаты редко прибегают к помощи интеллекта. Их профессия предполагает умение действовать, полагаясь на незамысловатые факты.

— Сударь, мы с вами уже обсудили причины, по которым вы решили стать солдатом.

Меня уже в который раз поразила острота ума Сабрины.

Мы спускались по ступеням, то погружаясь в тень, то переступая через лужицы солнечно-го света, и лицо Сабрины менялось, приобретая самые разные выражения, столь хорошо мне знакомые.

Такая исключительная сила ума или изысканная красота обычно ни у кого не ассоциируются с колдовством или поклонением сатане. Сабрина намекнула мне, и по собственному опыту я знал, что помохи дьявола ищут жалкие, слабые существа, потерявшие надежду на спасение души на земле или в небесах.

И вот мы уже оказались на первом этаже, пересекли главный зал и направились к громадным дверям библиотеки.

— Он внутри,— сказала Сабрина.

Я остановился, вынул меч, принююхался.

— И по-прежнему я не чувствую запаха серы. У твоего господина есть рога? Или длинный хвост? Копыта? Из его ноздрей вырывается пламя? Или, может быть, он околдовал тебя более тонким и изысканным способом?

— Пожалуй, более тонким и изысканным,—тихо ответила Сабрина.

Казалось, она разрывается между желанием доказать свою правоту и бросить меня, спасаясь бегством. На лице Сабрины вызов сменился страхом, она подняла на меня глаза. Какая же она красивая! Я дотронулся до ее волос, пригладил локоны. Поцеловал в теплые губы.

А затем решительно шагнул вперед и распахнул огромные двери.

Сабрина положила мне на локоть руку, а потом вошла в комнату первой. Сделала реверанс.

— Господин, я привела капитана фон Бека.

Я сразу последовал за ней, держа меч наизготовку, но решимость тут же покинула меня.

За центральным столом с книгой в руках сидело самое поразительное существо, которое мне когда-либо доводилось видеть.

У меня закружилась голова, а тело отказалось слушаться. Вдруг я понял, что кланяюсь этому существу.

Он был обнажен, и его кожа переливалась мягким мерцающим светом. Вьющиеся серебряные волосы, глаза цвета закаленного железа. Огромное, великолепное тело — само совершенство. Когда он мне улыбнулся, я неожиданно понял, что никогда и никого до сих пор не любил; я обожал только его. Его окружала аура, которую я ни за что не связал бы с именем дьявола — горделивая покорность и одновременно почти безграничное могущество.

Он положил книгу и заговорил, обращаясь ко мне ласковым, но уверенным голосом:

— Добро пожаловать, капитан фон Бек. Я Люцифер.

Я что-то ответил. Я сразу поверил ему и не стал этого скрывать.

Люцифер выслушал меня, а затем выпрямился во весь рост и подошел к полке, чтобы поставить на место книгу.

Он двигался легко и грациозно, но когда я на него смотрел, каждый его жест почему-то говорил о глубокой печали. Теперь я понял, как такое существо могло быть любимцем Бога, и не сомневался в том, что передо мной и в самом деле падший ангел, ставший жертвой гордыни, смиренный, но не имеющий возможностей занять свое место на небесах.

Мне кажется, я сказал ему, что он может мной располагать. Я не отвечал за свои слова, хотя и пришел в себя настолько, чтобы мысленно отрицать значение сказанного. Я отчаянно сражался за то, чтобы снова рассуждать здраво.

Казалось, он все понял и посочувствовал мне. Его сочувствие, естественно, тоже обезоруживало, а значит, рассчитывать на него было бы ошибкой.

Он ответил так, словно я дал обещание вполне добровольно:

— Я хочу заключить с вами сделку, капитан фон Бек.

Люцифер улыбнулся, словно потешался над самим собой.

— Вы умный и храбрый человек и не отрицаете правды о том, во что превратились.

— Правда... — начал я, с трудом выговаривая слова, — не в том... не...

Казалось, он не слышит.

— Именно по этой причине я приказал моей служанке Сабрине привести вас ко мне. Я нуждаюсь в помощи зрелого человека. Не страдающего предрассудками. Обладающего достаточным опытом. Привыкшего мысли превращать в действия. Человека, который не знаком с пороком нерешительности и ничего не боится. Таких людей всегда мало в вашем мире.

Мой язык снова меня слушался. Мне позволили говорить, и я заявил:

— Мне тоже так кажется, князь Люцифер. Только вы описываете персону, не имеющую

ко мне ни малейшего отношения. Я всего лишь жалкий представитель человечества.

— Скажем так, вы самая подходящая из кандидатур.

Ко мне вернулась способность соображать.

— У меня сложилось впечатление, что вы думаете, будто льстите мне, ваше сиятельство.

— Вовсе нет. Я в состоянии оценить добродетель, когда ее вижу. Капитан фон Бек, вы обладаете многими положительными качествами.

— Предполагается, что вы обращаете внимание на порочность и греховность и цените их,— улыбнувшись, сказал я.

Люцифер отрицательно покачал головой.

— Так думают обо мне люди. Они замечают лишь желание найти примеры их низменных инстинктов. Многие считают, что если им удастся отыскать такой пример, это освободит их от ответственности. У меня, капитан, много страшных недостатков. Но, кроме плохого, во мне есть и хорошее. В этом и заключается секрет моего могущества и, до определенной степени, вашего. Вам когда-нибудь приходила в голову такая мысль?

— Нет, ваше сиятельство.

— Но вы меня понимаете?

— Думаю, да.

— Я прошу вас пойти ко мне на службу.

— У вас в распоряжении наверняка имеются гораздо более сильные мужчины и женщины.

Люцифер снова уселся за стол. Мне казалось, что он внимательно прислушивается к

каждому моему слову. Естественно, я был польщен.

— Сильные? — переспросил он. — Конечно, многие из них сильны. В том смысле, в котором сила рассматривается на Земле. Сейчас почти вся святая церковь принадлежит мне; впрочем, этот факт давно известен тем, кто в состоянии мыслить. Большинство правителей — мои вассалы. Мне служат ученые. Мне служат поэты. Мне служат полководцы и флотоводцы. Я должен быть доволен, верно? У меня давно не было такого огромного количества слуг. Но таких, как вы, фон Бек, у меня мало.

— Я не могу в это поверить, ваше сиятельство. Во времена, подобные нашим, солдат, запятнавших свою совесть кровью невинных, достаточно.

— Как, впрочем, и всегда. Но среди этих солдат найдется не много таких, кто обладал бы вашими качествами. Кто действовал бы, прекрасно понимая, что он собой представляет и что совершает.

— Разве много достоинства в том, чтобы знать, что ты палач и вор? Что ты беспринципен и тебе не знаком альтруизм ни в каком виде?

— Думаю, да. Однако я Люцифер.

Сабrina снова присела в реверансе.

— Я могу оставить вас, государь?

— Да, — ответил Люцифер. — Пожалуйста, дорогая. Обещаю вернуть вам капитана в свое время.

Ведьма покинула нас. Я подумал, что, возможно, больше никогда не увижу Сабрину,

поскольку она сыграла свою роль, выполнив приказ Люцифера. Я попытался посмотреть на существо, звавшее себя Люцифером, но не выдержал взгляда его печальных и одновременно страшных глаз. И тогда я повернулся к окну, за которым зеленели кроны деревьев в огромном, безжизненном лесу. Я постарался сосредоточиться на этой картине, надеясь таким способом сохранить рассудок и убедить себя в том, что, скорее всего, сообщник человека, который не более чем колдун высокого класса, оноил меня каким-то зельем.

— А теперь, капитан фон Бек,— проговорил Князь Тьмы,— не согласитесь ли сопровождать меня в ад?

— Что?! — воскликнул я.— Неужели я уже умер? И моя душа проклята?

— Даю слово, что вы вернетесь в эту комнату,— с улыбкой пообещал Люцифер.— Если вас не заинтересует мое предложение, я позволю вам без помех покинуть мой замок и отправиться, куда вы пожелаете.

— В таком случае, зачем же мне следовать за вами в преисподнюю? Меня учили, что слову сатаны ни в коем случае не следует доверять. Что ад готов прибегнуть к любому обману, лишь бы заполучить невинную душу.

Люцифер расхохотался.

— Капитан, возможно, вы правы. А разве вашу душу можно назвать невинной?

— Про нее нельзя сказать, что она чистая.

— Но, положа руку на сердце, вы считаете себя благородным человеком. Верно?

— У меня сложилось впечатление, что вы цените подобное благородство.

— Весьма высоко, капитан. И честно скажу, очень нуждаюсь в вас. Должен заметить, я о вас гораздо более высокого мнения, чем вы сами. Возможно, это еще одно из ваших достоинств. Я готов предложить чрезвычайно выгодные условия.

— Но сейчас не намерены мне их назвать.

— До тех пор, пока вы не побываете в аду. Разве вам не хочется удовлетворить любопытство? Мало кому удается взглянуть на ад, прежде чем он туда переселится.

— И те немногие, о которых мне довелось читать, ваше сиятельство, стали жертвой хитрости и вынуждены были туда вернуться раньше срока.

— Даю слово ангела, что в мои намерения не входит обмануть вас, капитан фон Бек. Буду откровенен: я не могу себе позволить нечестности. Если бы я добился того, что мне от вас нужно, путем лжи, моя победа оказалась бы совершенно пустой и бесполезной.

Люцифер предложил мне руку.

— Вы согласны сойти в мое царство?

Я все еще колебался, поскольку не мог поверить, что на меня не наслал чары какой-нибудь искушенный в магии злодей.

— А почему вы не хотите заключить со мной сделку здесь? — спросил я.

— Я мог бы. Но когда мы ударим по рукам... если это произойдет, и вы покинете замок, будете ли вы абсолютно уверены в том, что разговаривали с настоящим Люцифером?

— Полагаю, нет. Даже сейчас мне представляется, что я под воздействием какого-то зелья.

— Вы не первый подумаете, что встреча со мной была всего лишь сном. Как правило, мне совершенно безразлично, считает ли человек, что стал жертвой заблуждения или в самом деле встретился с Князем Тьмы. Но я очень хочу доказать вам, капитан, что вы действительно разговариваете с Люцифером.

— А зачем это Люциферу?

Вспышка старой гордыни. Почти взрыв ярости. Но в следующее мгновение все исчезло.

— Будьте уверены, капитан,— ответил Люцифер взволнованно,— в данном случае Люциферу не все равно.

— Вам следует говорить пояснее, ваша светлость — Я с трудом произнес даже такую простую фразу.

— Здесь я не в силах продемонстрировать никаких доказательств,— терпеливо объяснял он.— Вне всякого сомнения, вам известно, что для достижения своих целей на Земле я вынужден использовать людей, но мне запрещено оказывать прямое влияние на творения Господа до тех пор, пока они сами ко мне не обратятся. Я стараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы больше не гневить Бога. Я мечтаю о свободе, капитан фон Бек.— В глазах медного цвета появилась боль, сродни той, что я видел в глазах Сабрины, только эта была во много раз сильнее.— Когда-то я верил, что смогу ее получить. Однако теперь

точно знаю, что это невозможно. И потому хочу вернуться.

— На небеса, ваше сиятельство? — Я был потрясен.

— На небеса, капитан фон Бек.

Люцифер мечтает вернуть себе милость Божью. И намекает на то, что я в силах помочь ему получить желаемое! Или я в самом деле жертва чар? Ничего более удивительного мне слышать не приходилось.

— А разве это не приведет к уничтожению ада и не положит конец страданиям людей?

— Так вас учили.

— Неверно учили?

— Кто знает, капитан фон Бек? Я всего лишь Люцифер. Не Бог.

Его пальцы прикоснулись к моим.

Бессознательно я протянул к нему руку.

В его голосе звучала мольба, пульсировала боль.

— Прошу вас, пойдемте со мной.

У меня возникло ощущение, будто мы закружились в танце, точно змея и жертва.

Я отрицательно покачал головой. Мысли метались, и казалось, я теряю физическое и умственное равновесие.

Он снова дотронулся до моей руки. И я вскрикнул.

— Следуйте за мной, фон Бек. Придите в ад.

Его рука была горячей, но не обжигала. Прикосновение оказалось ласковым и одновременно говорило об огромной силе.

— Ваше сиятельство... — Пришла моя очередь молить о снисхождении.

— Разве в вас нет сочувствия, фон Бек? Пожалейте того, кто пал так низко! Проявите сострадание к Люциферу.

Настойчивость, боль, отчаяние, тоска — все было направлено на то, чтобы одержать надо мной победу, но я еще несколько секунд сражался.

— У меня нет жалости, — возразил я. — Я изгнал ее из души. Изгнал сострадание. Я сочувствую только себе.

— Неправда, фон Бек.

— Правда!

— По-настоящему безжалостное существо даже не знает, что оно безжалостное. Вы сопротивляетесь состраданию, присущему вашей душе. Вы жертва рассудка. Он заменил для вас человечность. Это и есть смерть, хотя вы продолжаете ходить и дышать. Помогите мне вернуться на небеса, и я помогу вам ожить...

— О, ваше сиятельство, — сказал я, — про вас говорят правду, вы очень умны. — И несмотря на то, что в тот момент я целиком и полностью принадлежал ему, я все еще противился сделке. — Я пойду с вами при условии, что вернусь в эту комнату по истечении часа. И снова увижу Сабрину...

— Согласен.

Каменные плитки пола библиотеки тут же расплавились, превратились в ртуть, а потом в голубую воду. Мы начали спускаться, словно парили в холодном небе над огромной и белоснежной, не имеющей горизонта страной.

Глава третья

М

оя кожа стала почти такой же белой, как эта безжизненная равнина.

Я глядел на руки и видел вены и кости — раньше со мной такого не случалось.

Ногти сверкали, как стекло, и казались невероятно хрупкими. Я совсем ничего не весил. Мне вдруг почудилось, что я превратился в хрустального призрака.

— Это ад? — спросил я.

Князь Тьмы тоже был бледен. Только его глаза, черные, как вороненая сталь, оставались живыми.

— Это ад,— сказал он.— Часть моих владений. Владений, которые простираются бесконечно.

— А бесконечность имеет аспекты? — поинтересовался я.

— Конечно, нет. Вы говорите о рае. Ад — это царство принуждения и унылого своеобразия.— Его улыбка показалась мне неуверенной, он косо взглянул на меня, словно встревожился, что я не сумею уловить иронию.

Казалось, Люцифер несколько стеснялся меня. Я поверил, что он хочет завоевать мою симпатию. Однако не понимал, зачем ему это нужно. Он, как и прежде, производил впечатление неограниченного могущества и гениальности. И меня по-прежнему, вопреки всем моим усилиям, влекло к нему. Я ни секунды не сомневался, что ни в чем не ровня ему. И все же не оставляло ощущение, что он нервничает. Чего он не мог потребовать из того, чем я обладал? Почему Люциферу так отчаянно необходима моя душа?

Впрочем, я не надеялся разгадать мотивы поведения сатаны. А он, вне всякого сомнения, с легкостью читал любую мою мысль, предвидел любой аргумент в споре и заранее знал, что я захочу предпринять в следующий момент.

И тут мне пришло в голову, что он попросту не хочет этого делать. Возможно, его деликатность связана с нежеланием использовать

свою власть. Князь Тьмы, который манипулировал королями и генералами, папами и кардиналами и для которого подобное поведение давно стало второй натурой, пытался действовать прямолинейно, отказавшись от многовековых привычек.

Однако это предположение тоже могло быть результатом хитроумного обмана.

Бессмысленно ломать голову, что движет Люцифером, или разгадывать его характер. Кроме того, не следует тратить силы, чтобы предвидеть его дальнейшие действия и нужды.

Мне остается лишь верить, что он сдержит слово. Пусть покажет все, что пожелает, в своем царстве. А я не буду верить собственным глазам, что бы он мне ни продемонстрировал.

— Вы прагматик, капитан,— небрежно бросил Люцифер.— Это у вас в крови. В самой душе, пожалуй.

Мой голос показался мне необычайно слабым. Его сопровождало едва уловимое эхо.

— Вы видите мою душу, ваше сиятельство?

Он взял меня под руку, и мы зашагали по равнине.

— Я с ней знаком, капитан.

Я не почувствовал страха, услышав эти слова, хотя на Земле обязательно содрогнулся бы. Мое тело ощущало присутствие Люцифера, но оно больше не было ни материальным, ни бесплотным, а чем-то средним между этими двумя состояниями. Эмоции, которые обычно очень сильны во мне, сейчас проскальзывали лишь намеками; мозг прояснился, но и это могло

быть иллюзией; движения, медленные и нарочитые, вполне поспевали за мыслями.

Это состояние не казалось неприятным, и я подумал, не соответствует ли оно обычному восприятию человеком ангелов и других более могущественных сверхъестественных существ.

Я расхаживал бок о бок с Люцифером по аду, и меня нисколько не удивило, что я начал размышлять о подобных удивительных существах и о чертогах, не имеющих ничего общего с моей Землей,— ведь в течение многих лет я отказывался в них верить, принимая лишь материальный мир.

Плоть и кровь (вот что определяло мою жизнь) остались для меня единственной реальностью с первых дней воинской службы. Мои разум и чувства притупились, тут никаких сомнений, но только это и спасло меня в мире, который меня окружал. Подобный образ мышления казался единственно возможным и разумным.

И вот совершенно неожиданно я обнаружил, что ко мне вернулась способность (иллюзорная или нет) к тонкому мироощущению, в которой отказано большей части человечества.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что я был смущен. И хотя я пытался взять себя в руки, на мое сознание серьезно воздействовали новые факторы. Я старался помнить, что нельзя заключать никаких договоров с Люцифером, нельзя ни на что соглашаться, какими бы заманчивыми ни показались его предложе-

ния. Надо выиграть время. Ведь ставка не только моя жизнь, но и судьба вечности.

Люцифер, похоже, пытался меня утешить.

— Я дал слово,— напомнил он,— и сдержу его.

В следующее мгновение перед нами возникла арка серебристого огня. Люцифер повлек меня к ней.

На сей раз я не колебался, сразу шагнул вперед и оказался в городе, построенном из черного обсидиана. Все мостовые, стены, купола и даже флаги оказались черными и играли тусклыми бликами. Люди носили одежды роскошных темных тонов — от пурпурного и темно-синего до кроваво-красного и зелено-го, а их кожа была цвета старого полированного дуба.

— Этот город находится в аду? — спросил я.

— Мы в одном из главных городов ада,— ответил Люцифер.

Когда мы проходили мимо, все люди немедленно опускались на колени, демонстрируя преданность своему повелителю.

— Они узнают вас,— заметил я.

— Да, конечно.

Город выглядел богатым, а люди здоровыми.

— Считается, что в аду грешников наказывают, не так ли? — спросил я.— Однако не очень заметно, чтобы эти люди страдали.

— Они страдают,— возразил Люцифер.— Такова уж их судьба. Вы обратили внимание, как поспешно они опускались на колени при виде меня?

— Да.

— Все они мои рабы. Никто не свободен.

— Не сомневаюсь, что и на Земле никто из них не был свободен.

— Правильно. Но они верили, что в раю их ждет воля. Наибольшее их несчастье в том, что они знают: им суждено провести в аду вечность. Уже само это знание — главное наказание для них.

— А что есть свобода в раю? — спросил я.

— В аду человек становится тем, кем он боялся стать. А в раю — тем, кем мечтал быть, — ответил Люцифер.

Я рассчитывал на более основательный или более сложный ответ.

— Не такое уж суровое наказание по сравнению с тем, которым грозит Лютер, — заметил я.

— Очевидно. И гораздо менее интересное, чем муки самого Лютера, о которых он мог бы вам рассказать. В аду, вообще, нет ничего интересного.

Меня позабавили слова Люцифера.

— Неужели эпиграмма на ад будет именно такой? — спросил я.

— Я сомневаюсь, что подобная эпиграмма существует. Может быть, Лютер в это верит. Хотите у него спросить?

— Он здесь?

— В этом городе, который называется Городом Смиренных Принцев. Возможно, он построен именно для Лютера.

У меня не было никакого желания встречаться с Мартином Лютером ни в аду, ни в раю, ни на Земле. Должен признаться, я испы-

тал определенное удовлетворение, когда узнал, что он не получил ожидаемой награды, а оказался в преисподней вместе с церковниками, которых так страстно обличал.

— Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду,— заявил я.

— О, я полагаю, мы оба понимаем гордыню, капитан фон Бек,— сказал Люцифер почти весело.— Так мне призвать Лютера? Теперь он очень послужен.

Я отрицательно покачал головой.

Люцифер увлекал меня за собой по черным улицам. Я смотрел на лица горожан и понимал, что готов почти на все, лишь бы не стать одним из них. Проклятие, наложенное на их души, было исполнено коварства. Самое большое впечатление на меня производили взоры: жесткие и безнадежные. И еще шепчущие голоса: холодные, лишенные достоинства. Да и сам город — в нем не было ничего человеческого.

— Этот визит в ад будет коротким,— заверил меня Люцифер.— Но я полагаю, он вам запомнится.

Мы вошли в огромное прямоугольное здание и оказались в кромешной темноте.

— А разве здесь нет пламени? — спросил я у него.— Нет чертей? Нет вопящих грешников?

— Это даровано очень немногим грешникам,— промолвил Люцифер.

Мы стояли на берегу широкого, но мелкого озера со спокойной сине-серой водой. Серовато-молочный свет лился из неизвестного источника. Небо у нас над головами было того

же цвета, что и вода. В озере, на некотором расстоянии друг от друга, по пояс в воде мылись обнаженные мужчины и женщины.

Вода шумела приглушенно, едва различимо. Движения людей казались совершенно механическими, словно вот уже многие века они проделывали одно и то же. Все одинакового роста; похожие бледные тела и полное отсутствие выражения на лицах; губы застыли в неподвижности. Несчастные черпали воду ладонями и выливали на головы и плечи с регулярностью маятников. И снова я увидел страдание в их глазах. Мне вдруг подумалось, что они подчиняются чужой воле и не в силах остановиться.

— Они виновны? — спросил я у Люцифера. — Им известно, в чем их прегрешения?

Люцифер улыбнулся. Он явно гордился таким видом наказания.

— Я считаю это имитацией вины. Ты видишь озеро Фальшивых Кающихся Грешников.

— Бог не отличается терпимостью, — заметил я. — Такое создается впечатление.

— Бог есть Бог, — пожал плечами Люцифер. — В мои обязанности входит толкование его воли и изобретение различных пыток для тех, кому заказан вход в рай.

— Значит, вы по-прежнему служите Господу?

— Возможно. — Казалось, Люцифером снова овладели сомнения. — Однако в последнее время я не уверен, что правильно понимаю желания Бога. В конечном счете, именно я придумываю наказания для грешников. А что, если я вовсе не должен карать их? Что, если мне следует

проявить милосердие? — Мне слышались в голосе Люцифера почти жалобные нотки.

— Разве вы не получаете указаний? — не слишком уверенно спросил я. — Неужели десятки миллионов душ должны страдать зря, если вы совершили ошибку?! — Я просто не мог в это поверить.

— Капитан, мне запрещено любое общение с Богом, — взял он резкий тон. — Разве это не очевидно?

— То есть вы никогда не знаете, доволен ли Он вашими действиями? Он не посыпает вам никаких знамений?

— Капитан, большую часть моего пребывания в аду меня не интересовали Его знамения. Я вынужден, как уже говорил вам, использовать людей в своих целях.

— И они ничего вам не рассказывают?

— А разве можно им верить? Капитан фон Бек, я изгнаник. Души, попавшие сюда, находятся в моей полной власти. Я делаю с ними все, что захочу, — главным образом для того, чтобы разогнать беспредельную скуку. — Он заметно помрачнел. — И воздать тем, кто мог, но не потрудился заслужить благоволение Бога, и тем, кому глупость и жадность помешали осознать, чего они лишаются.

Люцифер показал вперед. Я увидел зеленые просторы и множество прекрасных деревьев. Идиллический пейзаж. Даже свет здесь был более ярким и теплым, хотя, как и прежде, я не находил его источника.

Казалось, здесь царствует весна. На полях группами стояли и сидели люди, одетые в

лохмотья и напоминающие стада овец. Их кожа была грубой, шершавой и грязной, движения вялыми и медлительными. И все же эти бедные души производили впечатление вполне довольных.

Тут я заметил, что, несмотря на разные тела, у них совершенно одинаковые лица.

На каждом лежала печать безумия и зависимости, в сочетании с полнейшим эгоизмом. Люди медленно перемещались по полям, о чем-то переговаривались, обращаясь друг к другу, их монологи, как две капли воды, походили один на другой.

Визгливые, жалобные голоса очень быстро наполнили меня раздражением. Я не испытывал ни малейшего сочувствия.

— Каждая из этих душ погружена в собственные проблемы,— сказал Люцифер.

— Однако они все на одно лицо,— возразил я.

— Именно так. Они похожи даже в самых мелких деталях. Тем не менее никто из этих мужчин и женщин никогда в том не признается. Чем глубже они погружаются в себя, тем больше становятся похожими друг на друга.— Он бросил на меня сарднический взгляд.— Ну что, капитан, это уже больше похоже на тот ад, который вы себе представляли?

— Да, пожалуй.

— Каждый из них, живя на Земле, говорил о свободе воли, о необходимости учитывать желания окружающих людей. Об ответственности за собственную жизнь. Каждый верил, что он хозяин своей судьбы. И у всех был

только один критерий: материальное благополучие. Ничего другого не приходится ждать, когда человек перестает интересоваться чужими проблемами.

Я пристально посмотрел на одинаковые лица.

— Не кроется ли здесь специальное предупреждение для меня? — спросил я у Люцифера. — Мне думалось, вы постараетесь сделать ад как можно более привлекательным.

— А зачем?

Я не ответил. Слишком боялся произнести вслух то, что думал.

— Вам хочется и дальше находиться в моей власти, капитан фон Бек? — осведомился Люцифер.

— Нет, — ответил я. — На Земле я хотя бы могу сделать вид, что обладаю свободой воли. А здесь буду лишен возможности выбора.

— В то время как душа, попав в рай, в полной мере обладает свободой воли, — заметил Люцифер.

— Несмотря на хозяина рая? — поинтересовался я. — Мне кажется, Он требует от своих подданных очень многоного.

— Я не священник и не богослов, — усмехнулся Люцифер, — но, насколько мне известно, Бог хочет от мужчин и женщин лишь одного: чтобы они предъявляли к себе высокие требования.

Зеленые поля остались у нас за спиной.

— А я, со своей стороны, — продолжал Князь Тьмы, — ничего не жду от людей, кроме подтверждения того, что они совершенно бесполезны. Я расправляюсь с ними и презираю их;

использую человеческие слабости ради собственной выгоды. Во всяком случае, так было в начале моего правления.

— Вы говорите так, словно видите в человечестве своего противника. Не могу поверить, что ангел — пусть даже и падший — признается в подобной низости.

— Та ярость... Я все еще помню ее. Та ярость не казалась мне тогда ни мелкой, ни низкой, капитан фон Бек.

— Вы изменились, ваше сиятельство?

— Я уже говорил вам, капитан.

— Значит, вы разочарованы, что не смогли убедить Бога?

— Именно. Потому что Бог не может услышать меня.

— Вы уверены, ваше сиятельство?

— Я ни в чем не уверен. Однако я понял, что это правда.

Я почти проникся жалостью к великому существу — самому дерзкому из всех, но готовому признать собственное поражение и прекрасно понимающему, что никто не услышит и не поверит его признанию.

— Капитан, мне наскучила Земля, а еще сильнее — ад. Я жажду вернуть утерянное положение в раю.

— Но если ваше сиятельство искренне раскаивается...

— Я должен это доказать. И возместить ущерб.

После короткой паузы Люцифер продолжал:

— Я высоко ценил силу разума, способного создать на Земле множество чудес. Я стре-

мился продемонстрировать, что моя логика, изобретательность и ум превзойдут любое творение Бога. Потом я пришел к выводу, что люди меня недостойны. Спустя века я посчитал, что, возможно, я их недостоин. И мои устремления бесцельны, бессмысленны и не имеют будущего. Вы многое повидали в этом мире, капитан.

— Больше, чем иным позволено,— согласился я.

— Все разлагается, не так ли? Все. Дух разлагается, как плоть и разум.— Люцифер печально вздохнул.— Я потерпел поражение.

Его голос поблек. Я обнаружил, что жалею Князя Тьмы даже сильнее, чем души, которые навсегда заключены в его владениях.

— Я хочу вернуть уверенность и спокойствие, которые когда-то были мне присущи,— продолжал Люцифер.

Мы снова стояли посреди белой равнины.

— Я стремился доказать, что способен построить более прекрасный мир, чем созданный Богом. До сих пор, капитан, я не знаю, в чем допустил ошибку. Я думал об этом много столетий. И не сомневаюсь, что только человеческой душе откроется секрет, который ускользает от меня. Я должен восполнить нанесенный мной ущерб. Должен восполнить...

— И знаете, что для этого надо сделать? — негромко спросил я.

— Я обязан найти Средство от боли мира, капитан фон Бек.

На меня посмотрели бездонные черные очи, и от этого взора содрогнулось все мое существо.

— Средство? Причина боли, несомненно, — человеческая глупость. Ответ видится мне достаточно простым.

— Нет! — В голосе Люцифера послышался стон. — Все гораздо сложнее. Бог даровал миру один предмет, одну возможность вылечить все человеческие болезни. Если эта вещь будет найдена и мир снова станет правильным, Бог выслушает меня. И тогда, возможно, я сумею убедить Его в искренности моего раскаяния.

— Но при чем тут я, ваше сиятельство? Вы же понимаете, у меня нет средства от людской глупости.

Люцифер сердито махнул правой рукой.

Мы снова оказались в библиотеке замка. Наши взгляды были направлены в сторону огромного окна. Сквозь него я увидел зеленый молчаливый лес — и понял, как мало прошло времени. Мое тело вновь обрело плоть. Ко мне вернулись привычные чувства. Я вздохнул свободнее.

— Я попросил вас помочь, фон Бек, — сказал Люцифер, — потому что вы умный и изобретательный человек. Кроме того, вами совсем не просто манипулировать. Я прошу вас отправиться на поиски — от моего имени. Я хочу, чтобы вы нашли средство от всех болезней мира. Вы знаете, о чем я говорю?

— Я слышал только о святом Граале, ваше сиятельство, — ответил я. — И считаю его мифом. Если бы мне его показали, я бы поверил в его могущество не больше, чем в силу обломка истинного креста или ногтя Святого Петра.

Люцифер пропустил мимо ушей мои последние слова. Его загоревшиеся глаза смотрели в пустоту.

— О, да. Так его называют. Святой Грааль. Как вы его себе представляете, фон Бек?

— Легендарная чаша.

— Непростая чаша, верно?

— Физическое воплощение милосердия Бога к нашей Земле,— сказал я.

— Именно. Разве это не тот предмет, о котором я вам говорил?

Это было немыслимо.

— Люцифер посыпает изверившегося солдата удачи на поиски святого Грааля?

— Я прошу вас найти средство от боли мира. Называйте его Граалем.

— Легенда гласит, что только рыцарю с чистейшими намерениями позволено узреть святой Грааль, не говоря уже о том, чтобы его коснуться!

— Я уверен, что вы очиститесь в походе.

— Ваше сиятельство, что я получу, если соглашусь выполнить это поручение?

Люцифер иронически улыбнулся.

— Разве одно то, что вы помогаете мне, не честь?

Я отрицательно покачал головой.

— Для такой грандиозной задачи, ваше сиятельство, у вас наверняка есть более могущественные слуги.

Неужели Люцифер сошел с ума? Или играет со мной в игры?

— Я уже сказал, что таких, какие нужны, у меня нет.

Я заколебался. И решил, что должен выразить свои сомнения.

— У меня есть подозрения, ваше сиятельство.

— Какие?

— Мне непонятны ваши мотивы.

— О, тут все очень просто.

— Не сказал бы.

Полные муки глаза вновь посмотрели на меня, и он сдавленно прошептал:

— Вы не хотите понять, как велика моя нужда. О, как она велика! Такие души, как у вас, фон Бек, попадаются крайне редко.

— Ваше сиятельство, могу ли я сделать вывод, что вы пытаетесь купить мою душу?

— Купить? — удивленно спросил Люцифер.— Купить душу фон Бека? Неужели вы еще не поняли, что она целиком и полностью в моей власти? Я предлагаю шанс получить ее обратно.

Я сразу понял, что он говорит правду. Подсознательно я давно догадался.

И тут Люцифер улыбнулся, и в его улыбке я увидел подтверждение того, о чем мы оба знали. Он не лгал.

Холод охватил меня. Вот зачем он показал мне ад; не для того, чтобы заманить,— он хотел продемонстрировать, что меня там ждет.

Я отшатнулся от своего господина.

— Значит, рай для меня закрыт, ваше сиятельство? Вы это имеете в виду?

— Да, вам не попасть в рай.

— Получается, у меня нет выбора?

— Если я вас отвергну, вы получите шанс восстановить расположение Бога — точно так

же, как на это рассчитываю я. У нас с вами и в самом деле имеем много общего, фон Бек.

Мне никогда не приходилось слышать о подобных сделках. Дав согласие, я мог расстаться с жизнью несколько раньше, чем рассчитывал.

— Тогда у меня действительно нет реального выбора,— заявил я.

— Скажем лучше так: ваш характер предопределил выбор.

— И все-таки вы не можете обещать, что Бог примет меня на небеса.

— Я могу лишь обещать, что освобожу вашу душу. Подобные души далеко не всегда попадают в рай. Говорят, некоторые из них живут вечно.

— Да, я слышал легенды,— кивнул я.— О Вечном Жиде, например. Стоит ли спасаться от ада лишь для того, чтобы вечно странствовать по миру в поисках искупления?

Вдруг я сообразил, что оказался далеко не первым смертным, которому Люцифер предлагал сделку.

— Не могу сказать ничего определенного,— заявил Князь Тьмы.— Но если вы потрудитесь на совесть, весьма вероятно, что Бог проявит к вам милосердие.

— Вам лучше знать привычки Бога, ваше сиятельство.— Я ощущал странное спокойствие. Меня даже стало забавлять происходящее.

Люцифер заметил, что со мной творится, и с усмешкой спросил:

— Фон Бек, для вас это вызов, не так ли?

— Да, ваше сиятельство.— Я все еще пытался осмысливать сказанное.— Но если я и так ваш слуга, зачем вы потратили столько време-

ни, чтобы устроить нашу встречу? Зачем послали Сабрину?

— Я же говорил. Мне приходится действовать через людей.

— Несмотря на то что я в вашей власти?

— Сабрина сама решила служить мне. А вы еще не согласились.

— Выходит, Сабрину спасти нельзя?

— Все будут спасены, если вы найдете Грааль.

— Могу ли я попросить вас еще кое о чем, ваше сиятельство?

Красивая голова Люцифера слегка склонилась ко мне.

— Я понимаю, о чем вы хотите говорить.

— Освободите ли вы Сабрину, если я соглашусь выполнить ваше поручение?

Люцифер предвидел мою просьбу.

— Вашего согласия недостаточно. Только если вы добьетесь успеха, если найдете средство от боли мира и принесете его мне, я смогу освободить Сабрину точно на таких же условиях, на каких я освобожу вас.

— Значит, если я обречен на вечную жизнь, у меня будет спутница?

— Да.

Я немного подумал.

— Хорошо, ваше сиятельство. Где же мне искать средство от боли мира, где искать Грааль?

— Я знаю лишь одно: Грааль скрыт от меня и от всех, кто обитает в потустороннем мире. Чаша на Земле или где-то в сверхъестественных краях неподалеку от нее.

— Края, находящиеся не на Земле? Как я попаду туда?

— Мой замок построен именно в таком месте, фон Бек. Я наделю вас способностью входить в те части мира, где запрещено появляться обычным смертным. Вполне возможно, что средство спрятано в одном из подобных чертогов или отыщется где-нибудь на Земле. Однако вы сможете проникнуть практически в любой уголок, если возникнет необходимость.

— Вы хотите сказать, что сделаете из меня волшебника, ваше сиятельство?

— Возможно. Я в состоянии предложить кое-какие способности, которые помогут в трудных поисках. Но я знаю, что вы гордитесь собственными умом и ловкостью — от них в первую очередь и зависит конечный успех. А ваше мужество, фон Бек, многогранно. Вот еще одна черта сходства со мной, еще одна причина, по которой я выбрал вас.

— Я не уверен, что могу гордиться вашим выбором. Стать представителем сатаны на Земле, кем-то вроде антихриста? — Я решил сменить тему разговора. — Что произойдет, если я потерплю неудачу?

Люцифер отвернулся.

— Тут многое будет зависеть от природы поражения. Если вы погибнете, то попадете прямо в ад. Но если вы предадите меня, фон Бек — как бы это ни выглядело, — я всегда найду способ отомстить. Вы попадете ко мне в руки, и в моем распоряжении будет целая вечность, чтобы придумать достойную вас кару.

— Значит, если я погибну во время поисков Грааля, то ничего не выиграю, а просто перенесусь в ад?

— Совершенно верно. Но вы же видели, что ад многолик. К тому же я способен, в некотором смысле, воскрешать мертвых...

— Я видел эти воскрешения и предпочел бы остаться мертвым. Что ж, надо согласиться на ваши условия, ведь мне практически нечего терять.

— Вы правы, капитан.

Как резко повернула моя жизнь за последние сутки! Несколько лет, пока я был солдатом, мне удавалось не думать о проклятии или спасении, о Боге или дьяволе. Я служил многим хозяевам, но не оставался верным ни одному из них и никогда не доверял свою судьбу. Я считал себя абсолютно независимым человеком, уж не знаю, хорошо это или плохо.

И вот, совершенно неожиданно, сам Люцифер поставил меня в известность, что я проклят — и тут же предоставил возможность спастись. Стоит ли говорить, что все мои чувства смешались? Я не только превратился в верующего из прагматичного агностика, но согласился принять участие в самой монументальной из войн, бушующих на Земле, — в войне между раем и адом. И я стал важной фигурой в этой игре. Мне было трудно принять такие невероятные изменения собственной участии.

Я понял, что имела в виду Сабрина, говоря, что только души, принадлежащие Люциферу, могут обитать в замке и его окрестностях.

Я не поверил ей на слово, но сейчас уже не мог отрицать очевидного. Я проклят. И уже надеюсь (хоть и с трудом признаюсь в этом самому себе) на спасение. В итоге, отказавшись от прежних убеждений, я согласился следовать определенному курсу.

Я склонился перед Люцифером.

— Я готов отправиться на поиски Грааля, ваше сиятельство, как только вы того захотите.

Какая ирония, подумал я. Надежда возрождена во мне падшим ангелом, а не традиционным визитом Богородицы или какого-нибудь достойного священника.

— Я хочу, чтобы вы отправились безотлагательно,— заявил Князь Тьмы.

Я выглянул из окна. Поддень еще не наступил.

— Сегодня? — спросил я у него.

— Завтра. Сабrina проведет с вами еще некоторое время.

Я ощетинился, услышав намек на мои личные чувства.

— Может быть, у меня больше нет желания проводить с ней время, ваше сиятельство.

Люцифер негромко хлопнул в ладони, и в библиотеку вошла Сабrina. Она присела в реверансе.

— Капитан фон Бек согласился на мое предложение,— сказал ей Люцифер.— А сейчас, Сабrina, ты должна поступить так, как я тебе велел.

Она снова сделала реверанс.

— Да, ваше сиятельство.

Я взглянул на молодую женщину, и ее красота восхитила меня еще больше. Мои чувства к ней не изменились. Я даже испытал нечто вроде благодарности к Люциферу за то, что он послал ее ко мне.

Люцифер взял книгу и вернулся к столу в центре комнаты, как сельский джентльмен, желающий провести перед ужином несколько часов в одиночестве.

— Дорогая, капитан фон Бек потребовал, чтобы наш договор коснулся и тебя. У него есть новость, которая покажется тебе приятной.

Сабрина нахмурилась и перевела взгляд со своего господина на меня. Однако я еще не был готов для разговора с ней.

Сатана явно отпускал нас. Однако я колебался.

— Я ждал более драматичного завершения этой сделки, ваше сиятельство.

Люцифер снова улыбнулся. Его замечательные глаза на короткое время покинула боль.

— Капитан, я знаю очень мало смертных, которые сказали бы, что визиту в ад недостает драматизма.

Я снова поклонился, принимая ответ.

— Если вам будет сопутствовать успех, — добавил Люцифер, — вы вернетесь в замок с тем, что я вас просил найти. Сабрина будет ждать вас.

Я не удержался от последнего вопроса:

— А если, ваше сиятельство, вам не понравится то, что я принесу?

Люцифер опустил книгу. Его взгляд стал жестким, и я еще сильнее утвердился в мысли,

что он владеет моей душой. Уж слишком хорошо Люцифер меня понимал.

— Тогда мы все вместе отправимся в ад,— ответил он.

Сабрина коснулась моей руки. Я поклонился своему господину в третий и последний раз. Люцифер вернулся к чтению.

Когда мы выходили из комнаты, Сабрина сказала:

— Я уже знаю, что ты должен отыскать. Мне велено передать тебе карты. И другие вещи.

Она сделала реверанс и затворила двери в библиотеку Князя Тьмы. Потом взяла меня за руку и повела в маленькую комнату в одной из северо-западных башен. Я уже осматривал эту часть замка.

В комнатушке на маленьком столике я увидел ларец с картами, два томика в переплете из кожи, простое серебряное кольцо, свиток пергамента и обычную медную фляжку, какие носят солдаты.

Все эти предметы лежали в определенном порядке. Может быть, привычка Сабрины к колдовству, ее пристрастие к форме и символам оказали на нее влияние, которого она сама не заметила.

Для проверки я протянул руку к фляжке и слегка передвинул ее. Сабрина не возражала.

Это дало мне возможность немного поразмыслить. Я понял, что начал думать так, как не мог бы еще несколько дней назад. Более того, подобные мысли мне показались бы смешны-

ми. Мой мир изменился. Я всегда готовил себя к существованию совсем в иной действительности. И теперь она, в некотором роде, стала угрожающей. Мне навязали новую систему ценностей с бесконечным количеством деталей, каждая из которых есть вещь в себе. Я попытался отринуть свое новое восприятие. Не следует, подумал я, видеть опасность в полете птицы или делать какие-то выводы из того, что две ветки дерева пересекаются под определенным углом. Безумцы мнят себя пророками или художниками, а я обязан постоянно напоминать себе, что выбрал стезю солдата. Мне нередко действовала на нервы реальность, в которой я читал в глазах другого человека намерение со мной покончить, в которой перемещались отряды пехоты, в которой я должен был найти тайный склад крестьянских запасов.

Я повернулся к Сабрине с мольбой во взгляде.

— Я боюсь,— признался я.

Она погладила мою руку.

— Ты жалеешь об уговоре с нашим господином?

Я не сумел ответить прямо.

— Я сожалею об обстоятельствах, которые отдали нас с тобой в его власть. Но у меня не было иного выбора, как согласиться на его предложение.

— Он заявил, что часть вашего договора имеет для меня существенное значение.— Сабрина говорила беспечным тоном, но я не сомневался, что ее разбирает любопытство.— Так что же он имел в виду?

— Я попытаюсь вернуть не только свою душу, но и твою. Если найду... Грааль, мы оба получим свободу.

Она посмотрела на меня с надеждой, но почти сразу же на ее лице появилось отчаяние.

— Моя душа продана, Ульрих.

— Он обещал вернуть ее тебе. Если мои поиски увенчаются успехом.

— Значит, ты подумал и обо мне,—тихо сказала Сабrina.— Я тронута.

— Я люблю тебя.

Она кивнула. Я понял, что она тоже меня любит.

— Он призвал тебя, чтобы ты разыскал средство от боли мира. Да?

— Совершенно верно.

— И твои шансы на успех невелики. Может быть, такого средства попросту не существует. Может быть, Люцифер в отчаянном положении, как и мы с тобой.— Она помолчала немного, а потом прошептала: — Неужели Люцифер сошел с ума?

— Возможно,— ответил я.— Но безумен он или нет, ему принадлежат наши души. И даже если надежды почти не осталось, я должен отправиться на поиски.

— Я обязана забыть надежду.— Сабrina подошла ко мне.— Ульрих, для меня это непозволительная роскошь.

Я заключил ее в объятия.

— А для меня непозволительна утрата надежды. Я должен действовать. Такова моя натура.

Я поцеловал ее. Моя любовь к ней росла. Мне совсем не хотелось покидать свою подругу. Однако Люцифер (уж не знаю, сошел он с ума или нет) убедил меня, что, лишь исполнив наш уговор, я смогу быть вместе с Сабриной.

Я отстранился от нее и постарался спрятаться со своими чувствами. Потом взглянул на стол.

— Расскажи мне об этих вещах.

Сабрина едва могла говорить. Ее рука дрожала, когда она взяла ларец с картами и протянула мне.

— Здесь карты всего нашего мира, известных и неизвестных территорий. Отмечены края, которых ты не найдешь на обычных картах. Чертоги между Землей и раem, между раem и адом.

А это,— продолжала она, взяв со стола коробочку,— компас, как видишь. Он показывает, где начало и где конец зачарованных земель.

Она опустила на стол компас и взяла медную фляжку.

— Здесь жидкость, быстро восстанавливющая энергию и залечивающая раны. В книге заклинаний ты найдешь слова, которыми вызовешь помощь в случае необходимости. Но ими следует пользоваться с осторожностью.

— А кольцо? — поинтересовался я.

Она взяла со стола кольцо и осторожно надела на безымянный палец моей правой руки.

— Это подарок,— ответила Сабрина и поцеловала мою руку.

Я был тронут.

— Сабрина, к сожалению, у меня нет для тебя подарка.

— Ты должен благополучно вернуться назад,— сказала она.— Если будешь честно выполнять договор, даже в случае неудачи наш господин разрешит нам провести некоторое время вместе в аду.

Сабрина боялась надеяться. Я ее понимал.

На глазах у нее появились слезы. Я спохватился, что тоже плачу. Заставив себя успокоиться, я проговорил дрожащим голосом:

— А пергамент? Ты ничего о нем не рассказала.

— Свиток надо распечатать только в случае успеха.— Ее голос тоже дрожал.— В нем объясняется, как вернуться в замок. Но ты не должен читать его, пока не найдешь средство от боли мира.

Сабрина наклонилась и подняла с пола сумку.

— Здесь запас провизии,— сказала она,— и деньги на дорогу. Твоя лошадь со всем необходимым будет ждать тебя во дворе.

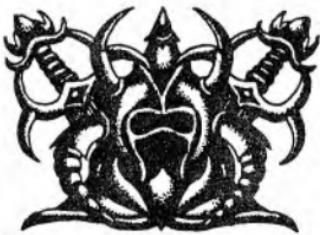
Она начала складывать карты и все остальное в сумку. Тщательно застегнула и протянула мне.

— Что дальше? — спросил я.

Улыбка Сабрины больше не несла в себе вызова и дерзости. Она показалась мне смущенной. Я снова ощутил аромат роз, коснулся ее волос и нежной щеки.

— У нас есть время до утра,— сказала Сабрина.

Глава четвертая

12

аутро я проснулся в необычном настроении. В душе моей спорили между собой самые разные чувства. Любовь к Сабрине омрачала мысль о том, что она помогла заманить меня в ловушку, хотя, честно говоря, я прекрасно понимал, что не стал жертвой обмана. В конце концов, Люцифер предложил мне спасти свою бессмертную душу. Мои впечат-

ления о посещении ада поутру оказались еще ярче, и я окончательно и бесповоротно поверили, что и в самом деле встретил Князя Тьмы и побывал с ним в его царстве. Я всегда гордился тем, что не бежал от правды; однако теперь, как и многие другие, ненавидел ее, потому что она заставляла меня делать то, что делать не хотелось. Я жалел о той безрадостной невинности, которой лишил меня Люцифер.

Сабрина все еще спала. Снаружи морось накинула на лес призрачную пелену. Я снова вспомнил беседы с Сабриной и Люцифером и тщетно попытался отыскать какую-нибудь логическую лазейку, возможность не поверить в то, что видел и слышал. Даже замок, в котором я находился, убеждал меня в том, что все правда. Ночью Сабрина сказала:

— Ты видишь поверхности так, каким представляют их себе твое земное зрение. А сознание смертного не в силах принять правды. В преисподней ничего нет: ни будущего, ни реализации возможностей, ни надежды. И никакой веры. Ни во что. Души, живущие там, надеялись только на собственное спасение. Но сейчас они расстались и с нею.

Я ничего ей не сказал на это. Меня поглотили чувства, которые невозможno облечь в мысли, не говоря уже о словах. В какой-то момент я поддался гневу и проговорил:

— Сабрина, если все это обман, чары, которые вы вместе с ловким шарлатаном на меня напустили, я вернусь и убью тебя.

Но когда это прозвучало, ярость моя исчезла, потому что я знал, что Сабрина не желает

мне зла. Я угрожал скорее по привычке, которая в данном случае оказалась совершенно бесполезной.

Я точно знал, что Сабрина меня любит. И что я ее люблю. Мы одинаково смотрели на многие вещи; мы были равными. Одна лишь мысль о том, что я могу ее потерять, причиняла невыносимую боль.

Я вернулся, чтобы задернуть занавеси, и уселся на край кровати глядеть на спящую Сабрину. Она неожиданно вздрогнула, вскрикнула, протянула руку туда, где я совсем недавно лежал рядом с ней. Я прикоснулся к ее щеке.

— Я здесь.

Сабрина повернулась ко мне, улыбнулась, но уже в следующее мгновение ее глаза погрустнели.

— Ты уходишь?

— Полагаю, я должен. Скоро.

— Да,— сказала она,— ведь уже утро.— Сабрина приподнялась, тяжело вздохнула.— Когда я заключила с Люцифером сделку, мне представлялось, что я сражаюсь с обстоятельствами, что беру свою судьбу в собственные руки. Однако обстоятельства продолжают влиять на нас. Неужели даже сейчас мы их жертвы? Существует ли какое-нибудь доказательство, кроме тех, что известны нам самим,— что мы отличаемся от всех остальных?

— Мы чувствуем себя не такими, как все,— сказал я.— Но циник видит только сходство и скажет, что мы все одинаковые.

— Потому что циник не обладает воображением, позволяющим заметить тончайшие различия, в которые мы с тобой верим?

— Я циник,— сказал я ей.— А циник не допускает различий в мотивах или характерах.

— О, нет, ты зря на себя наговариваешь! — Сабрина бросилась ко мне на грудь.— Иначе бы тебя здесь не было.

Я крепко прижал ее к себе.

— Я такой, каким должен быть сейчас. Ради себя самого.

— И ради меня,— напомнила Сабрина.

Я почувствовал, как меня охватывает глубокая грусть, и подавил ее, заставил отступить.

— И ради тебя.

Мы поцеловались. Боль становилась все невыносимее. Я отстранился от Сабрины, отшел в угол комнаты, к умывальнику. Моясь, заметил, что у меня дрожат руки, а дыхание необычайно участлилось. В это мгновение я пожелал вернуться в ад, собрать армию из несчастных проклятых душ и выступить с ними против Люцифера, как когда-то Люцифер восстал против Господа. Мне казалось, что я попал во власть безумных, бессмысленных существ, которыми движут гораздо более низменные побуждения, нежели человеком. Я мечтал от них избавиться. И считал несправедливым, что они наделены таким могуществом и властью над нами. Даже если они и создали нас, разве не можем мы их уничтожить?

Впрочем, какой прок в подобных размышлениях? Я не обладал ни возможностями, ни знаниями, ни могуществом, которые дали бы

мне право бросить им вызов. Я мог лишь признать, что моя судьба до определенной степени от них зависит. Придется сыграть свою роль на условиях Люцифера или вообще не участвовать в представлении.

Я достал чистое белье. Сабрина сидела на постели и наблюдала за мной. Я надел нагрудник, наголениники, шпоры. Затем пристегнул меч и разложил по местам кинжалы. Взял шлем. И вот я снова готов идти на войну.

— Ты сказала, что мой конь ждет? — спросил я.

— Во дворе.

Я наклонился, чтобы поднять сумку, которую дала мне Сабрина накануне. Заставил себя дышать ровнее, руки уже почти не дрожали.

— Я останусь здесь, — сказала Сабрина.

Я не стал спорить, зная, почему она не хочет проводить меня до ворот.

— Сделаю все, что в моих силах, — обещал я. — Честно говоря, я думаю, у меня почти нет шансов отыскать святой Грааль, но я так легко не сдамся, если буду знать, что ты в меня веришь. Ты не забудешь, что я обещал вернуться?

— Не забуду, — ответила Сабрина. — Потому что больше мне ничего не остается — лишь надеяться на твое возвращение. Да, Ульрих, я в тебя верю.

Мы оба отчаянно хотели хоть какой-нибудь определенности, и в нашем зыбком мире пытались превратить в нечто осозаемое и реальное самое непостоянное и изменчивое из чувств. Люди нередко так поступают, когда будущее неясно и они не знают, что их ждет.

— В таком случае, мы дали друг другу обет,— сказал я.— Должен признаться, эта сделка мне нравится больше тех, что я заключил за последние несколько часов.

Я подошел к Сабрине, коснулся ее обнаженного плеча кончиками пальцев, поцеловал в губы.

— Прощай.

— Прощай,— едва слышно повторила за мной Сабрина. А потом добавила: — Сначала ты должен отправиться в Аммендорф, там ты найдешь Уайлдгрейва.

— А что он мне скажет?

— Больше я ничего не знаю,— покачав головой, ответила Сабрина.

Я вышел из спальни.

Оказавшись за дверью, вдруг почувствовал, что едва держусь на ногах, и с трудом спустился по спиральной лестнице вниз, в главный зал. До сих пор мне не доводилось испытывать таких сильных чувств. И потому было трудно с ними справляться.

В зале кто-то накрыл для меня стол. Я остановился только, чтобы выпить вина, а затем широкими, неуверенными шагами двинулся к двери.

В тишине двора было слышно лишь, как дышит мой конь да шуршит дождь в кронах деревьев. Я приюхался и не уловил ничего, кроме привычного запаха моего коня.

Он стоял возле колодца посреди двора. Я сразу понял, что за ним прекрасно ухаживали. С седла свисали большие переметные сумы. Здесь же я увидел и свои пистолеты. Каждый

миллиметр упряжи, кожа и металл были отполированы до блеска. Под седлом я заметил новую попону. Конь повернул голову и посмотрел на меня огромными глазами, в которых читалось нетерпение. Зазвенели удила.

Я взобрался в седло с огромным трудом. Вино дало мне достаточно сил и решимости, и я пришпорил коня. Он легко и уверенно устремился вперед, радуясь возможности снова оказаться на дороге.

Кто-то заботливо поднял для меня решетку. Я не видел ни уродливых слуг Сабрины, ни малейших признаков присутствия нашего господина. Замок выглядел точно так же, как в тот день, когда я впервые проехал через его ворота.

Может быть, я стал жертвой сложнейшей иллюзии? Под влиянием этой мысли я решил больше не оглядываться назад: частично из страха, что замечу в окне Сабрину, а частично потому, что боялся не увидеть вовсе ничего.

Я проехал под аркой и направился к тропе, которая вилась по роскошному саду. Дождь омыл статуи и яркие безжизненные цветы, а заодно закрыл от меня лес внизу. Конь пустился вскачь и вскоре перешел на галоп, но я не стал его удерживать. Со шлема струилась вода, и я прямо на скаку достал кожаный плащ из переметной сумы и завернулся в него. Слезы на моем лице смешались с дождевой влагой.

Я мчался вперед сквозь холод и непогоду и довольно скоро оказался в пустом лесу. Лишь некоторое время спустя я бросил взгляд назад и увидел высокие каменные башни и зубчатые

стены замка. Они подтвердили, что происшедшее со мной не было игрой воображения.

Больше я не оглядывался. Теперь лес окружал меня серой, зловещей стеной, но какая-то часть моего существа обрадовалась его мрачным объятиям. Конь нес меня вперед до самого наступления ночи.

Дорога до окраины леса заняла почти два дня, и лишь на утро третьего я проснулся под пение птиц; моего лица коснулись ласковые теплые лучи солнца, и я ощутил аромат влажной земли, дубов и сосновой хвои. Радостное облегчение, которое я испытал, прислушиваясь к щебету зябликов и дроздов, напомнило мне о странном замке, оставшемся в лесу, и в очередной раз вынудило усомниться в реальности пережитого.

Я ни секунды не верил в то, что мне все приснилось. Однако никак не мог отбросить возможность сложной мистификации. Естественно, часть моего существа очень хотела бы, чтобы так оно и оказалось. Но я не мог себе позволить эту надежду.

После легкого завтрака я вытащил из футляра карты. Я принял твердое решение не смотреть их до тех пор, пока лес Люцифера не останется позади. Название Аммендорф было мне совершенно незнакомо, и я потратил немало времени, отыскивая его на карте.

Я до сих пор не знал, где нахожусь, но, по крайней мере, этот мир населяли живые существа, и я не сомневался, что рано или поздно выйду к деревушке или наткнусь на лесника, а может быть, повстречаюсь с углежогом. А они

скажут мне, куда я попал, и помогут добраться до Аммендорфа, который оказался маленьким городком милях в пятидесяти от Нюрнберга.

Мой конь с видимым удовольствием щипал сладкую зеленую траву. Растительность, оставшаяся позади, была достаточно питательной, но абсолютно безвкусной. Он напоминал узника, долго сидевшего только на хлебе и воде и вдруг приглашенного на роскошный обед. Я позволил ему наесться досыта, затем оседлал и скакал вперед, пока не выбрался на относительно широкую лесную дорогу.

К полудню я уже ехал между невысокими холмами, а яркое солнце омывало своим светом зеленые поля, кустарники и живые изгороди. В весеннем воздухе носился едва уловимый аромат древесного дыма, дождь прекратился, и меня наконец согрели порывы легкого юго-западного ветерка.

Вскоре я разглядел старые домики и угодья, которых явно не коснулась война. На полях мирно паслись овцы и другой скот. Я вдохнул ароматы душистых трав, цветов и деревенской жизни и почувствовал себя так, будто мне удалось смыть с себя грязь. Картина, представшая моим глазам, была такой умиротворяющей, что у меня возникло новое подозрение: а не очередная ли это западня? Но, к счастью, мой pragmatичный ум довольно быстро изгнал предательские сомнения. Я согласился выполнить безрассудную миссию, порученную мне существом, возможно, лишенным ума; но сам я должен сохранять здравомыслие, по крайней мере, в мелочах.

Подъехав к ближайшему дому, я почувствовал запах свежеиспеченного хлеба, и у меня потекли слюнки, ведь я не ел горячей еды с тех пор, как встретился с Люцифером. Я остановил коня и крикнул:

— Эге-гей!

Сначала я решил, что никто не отзовется — крестьяне в наше время опасаются встреч с незнакомцами. Конь сделал несколько шагов в сторону дубовой двери, и тут она распахнулась. На пороге стояла дородная женщина лет сорока пяти. Увидев на мне доспехи, она опустила голову и проговорила с акцентом, которого я не узнал:

— Добрый день, ваша честь.

— Доброе утро, сестра, — ответил я. — Можно ли честному человеку купить у тебя немногого горячей пищи?

Женщина добродушно рассмеялась.

— Сударь, если бы вы были вором, но пообещали заплатить за еду, я все равно не отказалася бы вам. Последнее время нам почти ничего не удается заработать, так что, когда придет пора ехать в город и купить ленты для нового платья, парочка пфеннигов нам не помешает. Моя дочь выходит через два месяца замуж.

Она провела меня в теплый полумрак типичного крестьянского дома — простая обстановка, очень чисто, на каменном полу свежий тростник, а на стенах несколько иконок со святыми угодниками. Поглядев на них, я понял, что семейство сохраняет верность Риму.

Хозяйка забрала у меня шлем и плащ и аккуратно положила на сундук в дальнем углу ком-

наты. Она поведала мне, что минут через пятнадцать собирается вынуть из печи пироги с мясом и яблоками, и спросила, согласен ли я потерпеть, скрасив ожидание крепким пивом ее собственного изготовления, если, конечно, я употребляю этот напиток. Я ответил, что с удовольствием отведаю все, что она мне предложит, и милая женщина отправилась на кухню за пивом, без умолку болтая о капризах погоды и видах на урожай.

Когда она принесла пиво, я высказал удивление — как же это село не коснулась войны? Круглое добродушное лицо посерезнело, женщина кивнула.

— Мы верим, что Господь услышал наши молитвы. — Она с сомнением покачала головой. — Только боюсь, нам просто повезло больше, чем остальным. Через долину проходит всего одна дорога, да и та дальше нашей деревни никуда не ведет, если не считать леса, конечно. Вы, наверное, издалека.

— Да, издалека.

Женщина нахмурилась, обдумывая мой ответ.

— Путешествовали через Безмолвные Земли?

Самая обычная осторожность заставила меня солгать.

— Я их миновал, если вы имеете в виду безжизненный лес.

Женщина перекрестилась.

— Только слугам сатаны дозволено находиться в тех землях.

Я понял, что она меня проверяла. Скажи я, что побывал в Безмолвных Землях, она сразу

догадалась бы, что моя душа принадлежит Люциферу, и сомневаюсь, что после этого вела бы себя столь же радушно, как вначале. Вскоре были готовы пироги, они оказались просто восхитительными.

За едой я представился посланником князя, чье имя не смею открывать посторонним. Моя миссия — установление мира в Германии.

Услышав эти слова, любезная женщина вновь с сомнением покачала головой. Потом взяла пустую тарелку и сказала:

— Боюсь, ваша честь, нам не видать мира до самого Судного Дня. Остается только молиться, чтобы он поскорее наступил.

Я был с ней целиком и полностью согласен, понимая, что если не выполню поручение Люцифера, сразу за его раскаянием придет Судный День.

— Мы живем в век, — продолжала женщина, — когда должен наступить конец света.

— Многие так считают, — согласился с ней я.

— Сударь, насколько я поняла, вы с этим мнением не согласны.

— Я хотел бы надеяться, — проговорил я, — но у меня нет уверенности, что так оно и будет.

Хозяюшка убрала тарелки, снова наполнила пивом мою кружку, предложила табака из кисета мужа, но я ответил, что не курю. Женщина сказала мне, что муж ее в поле и вернется только к вечеру. А дочь вместе со своим будущим мужем трудится в огороде.

Милые простые детали убаюкивали, и я подумал, что с удовольствием немножко пожил бы

у этих людей. Но я прекрасно знал, что не имею права нарушить данную Люциферу клятву, иначе его гнев может обрушиться не только на меня, но и на этих ни в чем не повинных крестьян. Я с радостью подумал о том, что в Германии есть хоть один уголок, где не свирепствуют война и чума.

Я допил пиво и спросил, как попасть в Нюрнберг. Женщина ни разу не уезжала далеко из своей деревни и потому не смогла вразумительно ответить. Но объяснила, как найти дорогу на Швайнфурт, по которой я и решил следовать, пока не доберусь до более крупного поселения, где, возможно, встречусь с более искушенными в мирских делах людьми.

Я заплатил женщине серебряный талер (боюсь, знай гостеприимная хозяйка, откуда взялась монета, она вряд ли приняла бы ее с такой радостью и благодарностью) и вскочил в седло.

Дорога петляла по долине, медленно взбираясь на холмы, расположенные на границе. Я проезжал мимо растущих врозь сосен по красноватому суглинку и время от времени оглядался на симпатичные уютные домики, над крышами которых мирно вился дымок, наводя на мысли о сонном покое.

Вскоре я выбрался на широкий тракт, увидел указатель с надписью «Тефенберг» и понял, что это ближайший городок. Солнце уже клонилось к горизонту, и я надеялся, что мне повезет найти гостиницу или, по крайней мере, ферму, где меня пустят переночевать на сено-вале. Однако удача от меня отвернулась. Я сно-

ва провел ночь, завернувшись в плащ, в канаве у дороги. Впрочем, никто меня не беспокоил.

Утром я проснулся от пения птиц, прославлявших теплые солнечные лучи. Бабочки порхали над придорожными маками и маргаритками, а я с наслаждением вдыхал ароматы цветов. Я пожалел, что не купил у славной крестьянки побольше пива, впрочем, я полагал, что очень скоро доберусь до Тефенберга. Торжественно пообещав себе, что непременно поем в первой же гостинице, я двинулся в путь. К полудню дорога увела чуть в сторону, и вскоре моим глазам предстали резные фронтонами внушительного постоянного двора, с кучей хозяйственных пристроек, конюшнями и несколькими домиками, расположенными чуть позади главного здания. Я поздравил себя с тем, что мне удастся выполнить задуманное.

Гостиница называлась «Черный монах» и стояла на берегу широкой, но мелкой реки. Внушительного вида каменный мост был перекинут на другую сторону (хотя мне показалось, что вода в речушке едва ли доходит до пояса), где вдалеке виднелась мельница, огромное колесо которой медленно вращалось, перемалывая зерно. Я решил, что гостиница и мельница, как это нередко случается в наше время, принадлежат одному семейству.

Я галопом влетел во двор, остановился у деревянной террасы, идущей по всему периметру здания, и, соскочив с коня, позвал хозяина.

Из двери первого этажа вышел мужчина плотного телосложения, с угольно-черными

бровями и багровыми руками под стать носу, и взял у меня уздечку.

— Меня зовут Вильгельм Хиппель, таверна принадлежит мне. Добро пожаловать, ваша честь.

— Похоже, тут у вас уютно, хозяин.— Я отдал ему плащ. Подбежал конюх и увел моего коня.

— Нам тоже так кажется, ваша честь.

— И, надеюсь, с припасами все в порядке.

На его лице появилась хорошо известное мне выражение — сомнение и лукавство одновременно.

— Ну, насколько это возможно в наше время.
Я рассмеялся.

— Не бойся, хозяин, я не собираюсь реквизировать продукты и вино для какого-нибудь воинственного князя. Я миротворец и надеюсь, что с моей помощью лишениям и страданиям скоро придет конец.

— В таком случае мы вдвое вам рады, ваша честь.

Меня провели в главный зал, где я получил кружку отличного пива, даже лучше того, которым угощала женщина в деревне. Мне предложили оленину и дичь, и я, сделав выбор, прекрасно позавтракал, болтая с герром Хиппелем о его проблемах и бедах. Они показались мне совсем незначительными по сравнению с теми страданиями, что выпали на долю людей, которых война коснулась непосредственно, хотя с точки зрения хозяина постоянного двора, естественно, больше всех натерпелся он.

Он предупредил меня, что на дороге орудуют разбойники, хотя и не причиняют ему особого беспокойства, однако прошлой осенью кое-кого из постояльцев ограбили и сильно избили, а одного даже убили. Зима прошла тихо, но до него дошли слухи, что бандиты возвращаются, «точно ласточки весной», — сказал он. Я заверил герра Хиппеля, что намерен соблюдать осторожность. Он поведал, что в самое ближайшее время ждет еще парочку гостей и что нам лучше отправиться в Тифенберг вместе. Я ответил, что обдумаю эту идею, хотя для себя решил ехать дальше в одиночестве, поскольку мне совсем не хотелось попасть в компанию священников или купцов, которые всегда продвигаются вперед не спеша на медлительных, хоть и надежных, лошадях.

В дальнем углу зала, в тени, с кружкой пива в руках клевал носом рыжеволосый юноша в грязной голубой шелковой рубашке с манжетами и воротником из рваного кружева; красные шелковые штаны, мешковатые и свободные, наподобие турецких шаровар, были заправлены в сапоги с отворотами, предназначенные для верховой езды. Поверх рубашки красовался незастегнутый жилет из грубой кожи — такие обычно носят мечники, отдавая им предпочтение перед металлическими нагрудниками. На скамье рядом с юношей лежала кривая сабля, а на поясе я заметил длинный нож и пистолет, украшенные серебром и чернью; узоры напомнили мне восточную вязь.

Я принял юношу за жителя Московии, поскольку он явно не был турком. Я поднял кружку, приветствуя его, но он не смотрел на меня. Хозяин прошептал мне на ухо, что юноша ведет себя прилично, но почти совсем не говорит по-немецки и даже самый дружелюбный жест вызывает у него вспышку подозрительности. Он остановился на подворье два дня назад и, похоже, дожидается воинствующего монаха, с которым они условились здесь встретиться. Герр Хиппель поведал мне, что у монаха какое-то латинское имя, паренек его либо неверно услышал, либо не смог правильно выговорить. Джозефус Крейтцерлинг или что-то вроде того. Мне показалось, он надеялся, что имя окажется мне знакомым, но я лишь отрицательно покачал головой. Я не любил и опасался монахов-воинов, которые, я знал это по собственному опыту, способны на гораздо более страшные и жестокие вещи, чем многие другие люди, попадавшиеся мне на войне.

Узнав, что можно добраться до Теффенберга засветло, я решил не медля пуститься в путь и уже поднимался из-за стола, когда двери распахнулись и вошел тощий тип с мрачными серыми глазами на бледном надменном лице; голову его покрывала черная широкополая шляпа, он был одет в бриджи и плащ из черной шерсти, сорочку с манжетами и воротником из простого полотна, а на ногах я заметил черные с пряжками ботинки и гамаши, которые, усевшись на табурет, он тут же стянул и явил миру белые чулки. На боку у него висел ничем не примечательный длинный клинок, а в левой

руке он держал перчатки с крагами. Единственным украшением служило алое перо на шляпе, но даже оно наводило на мысль, что этот человек носит траур.

Он сначала посмотрел на меня, а потом на хозяина постоянного двора. Герр Хиппель встал.

— Что-нибудь желаете, ваша милость?

— Вина и кувшин воды,— приказал незнакомец, затем повернулся и взглянул на юношу, который встрепенулся, увидев его.

— Вы Григорий Седенко?

— Я Григорий Петрович Седенко,— проговорил паренек с непривычным, каким-то рокочущим акцентом, делая ударение на гласных и согласных так, что сразу становилось ясно, откуда он прибыл. Он поднялся на ноги.— Кто назвал мое имя?

— Я тот, кто обещал встретиться с вами здесь.

Мне показалось, что я узнал лицо и манеры воинствующего монаха. Этот человек был типичным представителем своего клана; все человеческие чувства превратились в гордость и жестокость, чинимые именем Крестового Похода.

— Я Иоганнес Клостергейм, рыцарь Христа.

Юный житель Московии, как и полагается, перекрестился, но при этом смело посмотрел в суровое лицо монаха.

— Насколько я знаю, у вас имеется для меня поручение, брат Клостергейм.

— Да, имеется. Я знаю дом в Тефенберге. У меня есть все доказательства. Приговор вынесен. Вы должны привести его в исполнение.

— Вы уверены? — нахмурился юноша.
— Абсолютно.

Я решил, что присутствую при разговоре охотников за ведьмами. Однако если Клостергейм самый обычный монах, выявляющий ведьм, он не пришел бы сюда, чтобы встретиться и переговорить с юношой. Охотники за ведьмами обычно путешествуют в сопровождении большой свиты, с самыми разнообразными приспособлениями, необходимыми для положенных ритуалов. Или порой оседают в каком-нибудь городе или княжестве. Среди них практически нет монахов-воинов.

Григорий Седенко потянулся к своей сабле, упакованной в ножны, и собрался уже привязать ее к поясу, но Клостергейм поднял правую руку и отрицательно покачал головой.

— Еще рано. У нас есть время.

Мы с хозяином постоянного двора слушали разговор в молчании, поскольку сразу поняли, что Клостергейм нанял паренька, чтобы тот совершил убийство, пусть и именем Господа Бога. Оба мы чувствовали себя неуютно в присутствии этой парочки. Герру Хиппелю не терпелось уйти, а мне чутье подсказывало, что следовало бы отвести мальчишку в сторону и предупредить, чтобы поостерегся участвовать в гнусном предприятии, затеянном Клостергеймом. Однако в последние годы я взял за правило помалкивать и не вмешиваться в чужие дела. В наше время опасно высказывать свое мнение вслух.

Паренек снова уселся за стол.

— По мне, так поскорее бы все провернуть,— заявил он.— Чего тянуть-то?

— Я должен кое-что сообщить вам наедине,— сказал Клостергейм.— Это дело весьма необычное.

Тут Седенко расхохотался.

— У нас в Киеве самое обычное. Мы так зимой развлекаемся.

Клостергейм явно не одобрял его неуместного веселья.

— Мы должны вместе помолиться Господу нашему,— напомнил он.

— А как насчет платы? — поинтересовался юноша.

— Сначала молитва, потом плата,— ответил воинствующий монах.

Он бросил на нас взгляд, без слов сказавший, что нам не следует вмешиваться, и будет лучше, если мы и слушать не станем. Хозяин постоянного двора вышел из комнаты, оставил меня единственным свидетелем того, что происходило между этой очень странной парочкой.

— Мне не доводилось слышать о рыцарях Христа, брат,— решился заговорить я.— Это местный орден?

— Вовсе не орден,— ответил Клостергейм.— Рыцари Христа — общество.

— Прошу меня простить. Я не очень разбираюсь в церковной лексике.

— В таком случае, разберитесь в ней, супдарь.— Его глаза метали молнии.— А еще было бы неплохо, если бы вы последили за своими манерами. Работа над ними должна стать вашей второй целью.

— Брат, я вам очень признателен за доб-
рый совет,— проговорил я.— Я отнесусь к нему
со всей серьезностью.

— И советую не откладывать, сударь.

Не слушаясь доводов рассудка, я остался на
месте, хотя Клостергейм явно хотел, чтобы я
ушел. В конце концов, он поднялся и, усев-
шись рядом с Седенко за столом, заговорил
так тихо, что я не мог разобрать ни слова. Я
знал потягивал пиво и внимательно разгляды-
вал заговорщиков. Юношу мое внимание ни-
чуть не трогало, а вот монаху было не по себе,
но меня это радовало — исключительно пото-
му, что он мне совсем не нравился.

Наконец, выругавшись, как не пристало свя-
тому служителю Господа, Клостергейм под-
нялся со скамейки и потянул юношу за собой к
двери. Они вышли во двор.

Я решил, что уже достаточно развлекся, и
потому, осушив кружку, позвал хозяина, рас-
платился и попросил привести моего коня.

Через некоторое время я выглянулся в окно
и увидел, что появился конюх. Я надел шлем,
свернул плащ и, набросив его на руку, отво-
рил дверь.

Клостергейм и юноша были поглощены раз-
говором в противоположном конце двора. Когда
я вышел, монах резко повернулся ко мне спи-
ной.

Възбираясь в седло, я обратил внимание на
то, что солнце уже припекает.

— Прощайте, брат. Прощайте, герр Седен-
ко,— крикнул я и пришпорил коня, направив
его в сторону дороги.

Солнце село и сгостились сумерки к тому моменту, когда я разглядел в вечерней дымке шпили и крыши Тефенберга, оказавшегося симпатичным городком, жители которого вели себя достаточно разумно и без чрезмерной подозрительности смотрели на приезжих, вроде меня — на хорошей лошади и в доспехах — так что мне не составило никакого труда найти гостиницу, где мы с конем остановились на ночь. И снова, исключительно ради уголения любопытства хозяина, я выдал себя за доверенное лицо одной высокопоставленной особы и сказал, что в мою задачу входит замирение воюющих сторон. Естественно, я встретил самый радушный прием.

Утром хозяин гостиницы, его жена, зять и три дочери объяснили мне, как попасть на дорогу, ведущую в Швайнфурт, и пожелали успеха в столь благородной миссии. Я уже и сам почти поверил в то, что являюсь тем самым героем, которым представлялся.

На окраине я проехал мимо дома, окруженного толпой. Мужчины, женщины и дети стояли плечом к плечу и наблюдали за тем, как на пороге появилось несколько человек в черном. Женщины пронзительно причитали, а дети были явно перепуганы до полусмерти. Люди в черном вынесли из дома три трупа.

«Интересно, — подумал я, — имеет ли необычная парочка, встреченная мной на постоянном дворе, отношение к тому, что здесь произошло?»

Я спросил одного из горожан, что тут случилось.

— Это евреи,— ответил он.— Всех мужчин поразил ночью Меч Господень. Он отомстил за преступления, которые они совершили.

Я был возмущен. Не тем, какая судьба постигла ни в чем не повинных людей — в этом не было ничего необычного,— а тем, что страшное зло совершено в таком мирном городке, как Тефенберг.

Не дослушав до конца перечень мерзких деяний несчастной семьи (ведь повсюду от Балтийского моря до Черного они были абсолютно одинаковыми), я сердито прищпорил коня и вскоре, к своему облегчению, добрался до главной дороги. Воздух здесь показался мне чище, чем в городе. Я мчался галопом еще несколько миль, пока Тефенберг окончательно не скрылся из вида, а потом пустил коня шагом.

В каком-то смысле я порадовался тому, что увидел в городе в то утро. Это послужило напоминанием о реальной действительности и о том, что ждало меня впереди.

Глава пятая

¶

о мере того как уменьшалось расстояние от Тефенберга до Швайнфурта, погода становилась все теплее и теплее. Вскоре припекло, как летом, и я с трудом удержался — вопреки своей обычной осторожности — от того, чтобы снять часть доспехов. Однако я продолжал ехать дальше, время от времени выливая на рубашку немного воды. До-

рога оставалась вполне приличной, в последние дни здесь практически не было дождей, да и солдаты проходили довольно давно; мне везло: почти каждую ночь удавалось найти относительно удобное место для ночлега. Впрочем, признаки войны теперь попадались мне все чаще. Я миновал несколько виселиц, чаще проезжал мимо сожженных развалин ферм и церквей.

Я добрался до горных районов, меня окружили сосны и блестящий известняк, а однажды, когда я выехал из небольшого ущелья, глазам предстал широкий луг, на котором совсем недавно произошло кровавое сражение. Повсюду валялись трупы, почти все без одежды. Вороны лениво прохаживались среди распластанных тел и клевали бессильную плоть. Не было никакой возможности определить, за кого воевали противники, да и смысла в этом я особого не видел. Я не сомневался, что причины битвы окажутся по меньшей мере весьма смутными.

Обычно я предпочитаю обходить поле битвы стороной, но моя тропа шла через него, а по краям луга виднелись крупные валуны. Мой конь пробирался между телами, мухи со злобным жужжанием поднимались в воздух, чтобы атаковать меня,— видимо, теплая кровь нравилась им больше, чем остывшая.

Я уже наполовину пересек поле, прижимая к носу платок, чтобы смягчить отвратительный запах смерти, когда справа, за валунами, послышался шум. Я посмотрел в ту сторону и увидел, как покатился камень, вспыхнул на солнце металл, мелькнула голубая материя. Мои

инстинкты мгновенно заставили меня насторожиться.

Бросив поводья на луку седла, я выхватил оба пистолета и успел взвеси курки за миг до того, как появились разбойники. Пешие, в самых разнообразных доспехах, вооруженные ржавыми топорами и пиками; впрочем, у некоторых я заметил толедские мечи и кинжалы. Оборванцы явно не принадлежали ни к какой регулярной армии — тут сомневаться не приходилось. Самые обычные мародеры с потными, красными рожами, небритыми подбородками; грязная щетина не скрывала следов многочисленных болезней.

Когда разбойники медленно двинулись ко мне, я навел на них пистолеты.

— Стойте! — закричал я. — Иначе буду стрелять!

Их главарь, почти карлик, одетый в грязный черный плащ, шляпу и рваную льняную рубаху, вытащил огромный пистолет — мне никогда не доводилось видеть ничего подобного — и злобно усмехнулся. У него почти не осталось зубов. Он прищурился, прицелился и сказал визгливым голосом:

— Давайте, ваша честь. А мы с удовольствием сделаем то же самое.

Я выстрелил ему в грудь. Он застонал, вскинул вверх руки, упал на спину, задергался и через несколько минут умер. Пистолет остался лежать у его ног, но никто из мародеров не осмелился поднять его.

Я спрятал разряженный пистолет и вытащил меч.

— Предупреждаю, друзья мои, вам эта добыча не покажется легкой,— сказал я.

Один из оборванцев, стоявших в заднем ряду, поднял арбалет и выстрелил. Стрела просвистела над моим плечом, но я сделал вид, что даже не заметил ее. Моя хорошо вышколенная лошадь тоже сохраняла спокойствие.

— Больше не советую так поступать,— мрачно заметил я.— Иначе мой второй пистолет будетпущен в дело. Вы уже видели, что я умею попадать в цель.

Я заметил, как бандиты приготовили аркебузы и мушкеты.

Косоглазый разбойник с прусским акцентом заявил:

— Мы голодны, сударь. Не ели уже много дней. Мы честные солдаты и вынуждены сами добывать себе пропитание, после того как наши офицеры сбежали.

Я улыбнулся.

— Уж не знаю, кто от кого сбежал. У меня нет лишнего продовольствия. Почему бы вам не поискать какую-нибудь армию и не присоединиться к ней?

— Во имя любви к Господу нашему...— заговорил другой разбойник.

— Я не люблю Бога и сомневаюсь, что он испытывает любовь ко мне,— с уверенностью ответил я.— Вы не можете просить милостыню у человека, которого собирались убить.

Они начали подбираться поближе. Я снова поднял пистолет. Мародеры остановились, но один из них, стоявший в середине, прицелился и выстрелил, слегка задев шею моей лошади, и

та рванулась в сторону, на миг потеряв спокойствие. Я тут же спустил курок, но пуля миновала моего врага, ранив другого, стоявшего у него за спиной.

И тогда они бросились на меня.

Я упустил момент — бежать было слишком поздно. Разбойники быстро окружили меня, пытаясь схватить лошадь за уздечку и делая выпады пиками. Я защищался мечом, высвободил ногу из стремени, надеясь лягнуть одного из подонков в лицо, одновременно спрятал пистолет, чтобы вытащить из-за пояса длинный кинжал. Я прикончил троих и ранил еще нескольких, но другие перестали меня бояться, и я понял, что очень скоро они стащат меня с лошади.

Я получил два легких ранения, одно в бедро, другое в предплечье, но еще мог свободно двигаться. Разбойники попытались убить лошадь — отчаянный шаг, поскольку она являлась самым ценным моим достоянием — и тут я услышал, что к нам приближается еще один всадник с леденящим душу боевым кличем. Несколько мародерам пришлось отступить от меня, чтобы сразиться с новым неприятелем.

Я его сразу узнал. Это был молодой житель Московии, с которым я познакомился на постоялом дворе. Его шашка стремительно рассекала воздух — и не только воздух! — когда он, пригнувшись к шее своего коня, разрезал плоть бандитов с точностью и сноровкой опытного хирурга, препарирующего труп. И он продолжал испускать пронзительный боевой клич до тех пор, пока мародеры не обратились в бег-

ство. Тогда он сорвал с головы шапку из овчины и расхохотался, посыпая вслед нескольким оставшимся в живых разбойникам оскорблений.

Только после этого я заметил в отдалении еще одного всадника. Он замер у выезда из ущелья, сидя почти неподвижно на каштаново-го цвета кобе*, и, сжав губы, неодобрительно смотрел на меня и Григория Седенко.

Смеясь, Седенко развернул свою низкорос- лую лошадку.

— Хорошая была сеча! — сказал он.

— Благодарю вас, — проговорил я.

Он пожал плечами.

— Мое путешествие стало совсем скучным.

Я рад немного повеселиться.

— Ты рисковал жизнью, как глупец и агно- стик, — заявил Клостергейм, слегка сдвигая на затылок широкополую шляпу. — Ты меня разо- чаровал, Седенко.

— Он мой товарищ, солдат — а это куда большие для меня значит, чем ты, Клостергейм, вместе со всеми твоими протестантами.

Я порадовался тому, что юноша рассердил- ся на воинствующего монаха. Но потом я вспом- нил евреев в Тефенберге и с некоторым со- мнением посмотрел на жителя Московии, поскольку мало сомневался в том, что Седен- ко убил всех троих, пока они спали.

Губы Клостергейма изогнулись в презри- тельной усмешке.

— Напрасно ты не дал ему умереть, — ска- зал он Седенко. — Ты ослушался меня.

* Порода коренастых верховых лошадей.

— И готов поступить точно так же, если еще раз возникнет подобная ситуация,— ответил юноша.— Я устал от твоих проповедей и тихих смертей, брат священник. Я поеду в Швайнфурт только вместе с благородным дворянином, если не ради него, то ради себя самого.

Клюстерьгейм отрицательно покачал головой.

— На этом человеке лежит проклятие. Разве ты не видишь?

— Я вижу лишь крепкого воина, не хуже меня.

Клюстерьгейм пришпорил коня. Его ненависть ко мне казалась совершенно беспочвенной. Он проехал мимо по полю, на котором лежали новые и старые трупы.

— Я намерен путешествовать в одиночестве,— заявил Клюстерьгейм.— Ты потерял мое расположение, Седенко. И золото.

— Тем лучше, мне не жаль ни того, ни другого,— воскликнул рыжеволосый юноша и повернулся ко мне.— Куда вы направляетесь, сударь, и не хотите ли составить мне компанию?

Я улыбнулся. Мальчик не был лишен обаяния.

— Я еду в Швайнфурт, а потом еще дальше. Буду рад получить в спутники такого прекрасного воина. А куда направляешься ты?

— Ничего определенного. Швайнфурт мне вполне подойдет.— Он плюнул вслед удаляющемуся Клюстерьгейму.— Этот человек настоящий безумец.

Я осмотрел свои ранения. Они не показались мне серьезными. Я смазал их бальзамом, и вскоре мы с Седенко уже скакали рядом по дороге.

— Клостергейм нанял тебя телохранителем? — осторожно поинтересовался я.

— В некотором роде. Но он знал, что я не люблю евреев, турок и других неверных. Поначалу он хотел, чтобы я помог ему прикончить нескольких евреев в Тефенберге. Клостергейм сказал, что у него есть доказательства, будто бы они приносят в жертву христианских детей. Ну, все знают, что евреи так поступают и их следует наказывать. Я был готов ему посодействовать.

Я ничего не ответил. Безумная ненависть, которую южные московиты питали к своим восточным соседям, была притчей во языцах. Мальчик казался ничем не хуже, чем любой из своих сородичей.

— Это ты убил тех евреев? — спросил я.

Он презрительно усмехнулся.

— Конечно, нет. Один из них оказался совсем старым, а остальные слишком молодыми. Да и Клостергейм обманул меня. Он не располагал никакими доказательствами, что те люди совершили страшное преступление, в котором он их обвинил.

— Однако кто-то с теми евреями расправился.

— Естественно. Я объявил Клостергейму, что не намерен делать за него грязную работу. В конце концов, он был вынужден сам потрудиться — хоть и очень этого не желал.

Потом он сказал, что у меня будет возможность убивать басурманов, а за труды мне хорошо заплатят. Постепенно до меня дошло, что ему требуется убийца, а не солдат. Но я кто угодно, только не убийца. Да, в честном бою я могу, не дрогнув, прикончить своего противника. А если речь идет о евреях и турках, я всегда стараюсь сделать так, чтобы у них были шансы на спасение. И еще ни разу не напал ни на кого сзади.

Казалось, он этим гордится. Я рассмеялся, проявив достаточную терпимость, и сказал, что встречал в свое время нескольких порядочных евреев и, по меньшей мере, одного благородного турка. Седенко ничего на это не сказал, видимо сочтя мое последнее замечание признаком чрезвычайно дурного вкуса.

В компании Седенко путь до Швайнфурта показался мне коротким. Довольно часто мы видели впереди алые перья и черный плащ Клостергейма, но потом он поехал быстрее и скоро опередил нас по меньшей мере на целый день.

История Седенко оказалась вполне типичной.

Он был сыном закаленных трудностями пионеров, казаков, которые расширяли территорию Московии, воюя с татарами (отсюда традиционная ненависть к выходцам с востока), и вырос рядом с южной столицей, Киевом. Его народ славился своими всадниками-воинами; Седенко хвастался, что в совершенстве овладел всеми умениями, необходимыми хорошему казаку, а потом оказался втянут в кров-

ную вражду между двумя кланами, не сумевшими решить миром, следует ли идти войной на поляков, и убил вождя — гетмана. За это преступление его изгнали из родных краев. Тогда Седенко решил отправиться на запад и записаться в армию какого-нибудь балканского князя. Некоторое время он служил у карпатского короля — как утверждал сам Седенко, то была война двух рыцарей-разбойников. Григорий, как и многие его соплеменники, отличался фанатичной верой, поэтому, услышав о «Священной Войне» в Германии, сразу решил, что это ему больше по вкусу. Однако юный казак был разочарован, обнаружив, что не питает особой симpatии ни к одной из сторон, поскольку его религия признавала патриарха в Константинополе, а не Папу Римского, а в других отношениях его вера была еще более сложной, чем католицизм.

— Я думал, что буду сражаться с неверными, — признался Седенко в своем разочаровании, — татарами, евреями или турками. Но оказался в самом сердце раздоров между христианами, которые даже толком не понимают причин своих разногласий. По-моему, все они болваны, лишенные истинной веры. Я не буду сражаться ни за кого из них. Я пытался наняться в телохранители к нескольким дворянам, но они сочли меня слишком диким, в результате я оказался на грани голодной смерти, когда встретился с Клостергеймом.

— А где произошла ваша первая встреча?

— Там, где вы нас видели. Один монах из Аллергейма сказал мне, что воинствующий монах

ищет защитника христиан. Ну, я решил выяснить, что это такое — не говоря уже о том, что в качестве аванса получил серебряный флорин и сумел добраться до Тефенберга. Мы все знаем, что хороший христианин стоит двадцати евреев при любых обстоятельствах и что соотношение двадцать к одному будет честным, если захочешь напасть на деревню. Я рассчитывал на серьезное сопротивление. У меня сложилось впечатление, что Тефенбергу угрожает маленькая армия. Но трое! Во всем городе нашлось всего трое евреев-мужчин! Признаюсь, я почувствовал себя оскорблённым. Крайне редко приходилось мне терпеть такую злобу, которую проявлял Клостергейм. Для него все кругом басурманы. Он вознамерился обратить меня в свою серую веру, чтобы я забыл религию моих предков!

Его открытость и наивность, юношеские предрассудки и энтузиазм показались мне одновременно забавными и обезоруживающими. А болтовня не слишком занимала, но помогала отвлечься от собственных невеселых мыслей.

Скоро мы добрались до Швайнфурта — довольно крупного города, на лице которого война уже оставила свой след. Наше появление ни у кого не вызвало интереса, и я принял-
ся расспрашивать о дороге на Нюрнберг. Мы с Седенко остановились в гостинице на окраине Швайнфурта, на следующее утро я собрался было распрощаться с ним, но он усмехнулся и сказал:

— Если не возражаете, капитан фон Бек, я останусь с вами еще на некоторое время. У

меня нет никаких планов, а вы производите впечатление человека, которого ждут приключения. Вы почти ничего не рассказали о себе и о своей миссии, и я уважаю ваше молчание. Но мне доставляет удовольствие общество настоящего воина. Кто знает, может быть, именно вместе с вами мне удастся найти хорошую службу.

— Я не стану сейчас тебя отговаривать, Седенко,— ответил я,— потому что и мне приятно твое общество. Я еду в Нюрнберг, а оттуда в небольшой городок под названием Аммендорф.

— Никогда не слыхал о таком.

— И я тоже. Но мне необходимо туда попасть. Вполне может быть, что ты не захочешь ехать дальше, когда мы окажемся в Нюрнберге, где у тебя будет много возможностей найти подходящего господина. И еще: весьма вероятно, что после того, как я доберусь до Аммендорфа, ты больше не сможешь следовать за мной. Ты уже понял, что я не собираюсь раскрывать тебе суть своей миссии, но ты не ошибся, она чрезвычайно важна. Для собственного блага — как и для моего — ты должен подчиняться приказам, если они будут касаться цели моего путешествия.

— Я солдат и знаком с дисциплиной, капитан. Кроме того, вы гораздо лучше знаете свою страну, чем я. Буду счастлив сопровождать вас до тех пор, пока на то будет ваше согласие.

Седенко сдвинул на затылок шапку и усмехнулся.

— Я простой казак. Мне нужна только вера в Бога, немного пищи, достойный господин,

возможность скакать вперед на коне и пользоваться вот этим.— Он вытащил шашку и подцепил рукоять.— И я буду совершенно всем доволен.

— Ну, еду я могу тебе обещать,— заверил его я.

Мы снова двинулись дальше. Я чувствовал, что мне будет не хватать общества Седенко, когда наши дороги разойдутся, но был слишком эгоистичен, чтобы расстаться с ним раньше.

Немного позднее, когда мы ехали по дороге в Нюрнберг, он вновь заговорил о Клостергейме. Его глубокое отвращение к прежнему хозяину поразило меня.

— Он рассказал мне о ведьмах, которых убивал — иные из них были совсем детьми. И христиане. Здесь я провожу черту. А что вы на это скажете, капитан фон Бек?

— На моих руках много крови,— ответил я.— Слишком много, чтобы чрезмерно горевать о ней, мой юный московит.

— Но ведь на то и война, чтобы проливать кровь.

— Да, действительно, война. Как ты думаешь, Седенко, сколько детей погибло из-за меня?

— Вы командир. Всегда бывают жертвы, о которых потом приходится жалеть.

Я тяжело вздохнул.

— Я ни о чем не жалею. Впрочем, если и стоит сожалеть о чем-либо, так лишь о том, что я покинул Бек. Но сейчас не время оглядываться назад. Видишь ли, я не родился солдатом. Ты потомок народа воинов. А мои предки были учеными и землевладельцами.— Я пожал

плечами.— Мои люди не раз убивали крестьянский детей. К тому же я был в Магдебурге.

— О,— сказал Седенко,— Магдебург.— Он замолчал, словно хотел продемонстрировать мне уважение.

Прошло не менее получаса, прежде чем он снова заговорил.

— В Магдебурге произошла ужасная бойня, не так ли?

— Да, так.

— Настоящий солдат не хотел бы там оказаться.

— Согласен с тобой,— кивнул я.

Больше мы не говорили о Магдебурге.

Вскоре мы стали замечать следы перемещения армий, которые, судя по моим картам (а мне никогда не приходилось пользоваться такими точными), шли почти параллельно главной дороге. Изредка мы встречались с небольшими отрядами, а один или два раза нас останавливали люди с оружием в руках. У меня вошло в привычку кричать: «Посланец!», и нас пропускали без особых расспросов.

Я пришел к выводу, что было бы неразумно ехать прямо в Нюрнберг. Ходили слухи, что там собирались крупнейшие дворяне Саксонии — возможно, на мирные переговоры, а скорее всего, чтобы выработать новую стратегию и заключить союзы. Мне совсем не хотелось оказаться вовлеченным в их игры — если начнутся серьезные расспросы, мой примитивный обман сразу будет раскрыт. В те времена всякий, кто не объявлял о своей принадлежности к армии какого-нибудь аристократа, немедленно

попадал под подозрение. Дело, за которое сражался тот или иной дворянин, не имело ровным счетом никакого значения — главное, чтобы вы присягнули ему на верность,

Не доеzzая пяти миль до Нюрнберга, мы разбили лагерь в долине, и я спросил у Седенко, не считает ли он, что нам пришло время расстаться.

— В Нюрнберге тебя примут с распостертыми объятиями, — заявил я. — И гарантирую, что очень скоро ты поучаствуешь в каком-нибудь сражении.

Он отрицательно покачал головой.

— Я всегда могу вернуться.

— Впереди лежат земли, куда ты не сможешь отправиться вслед за мной, — предупредил я Григория.

— За Аммендорфом, капитан?

— Я не уверен. Там я получу новый приказ.

— Тогда давайте повременим с решением до тех пор.

Я рассмеялся.

— Ты упрям, как терьер, Григорий Петрович.

— Мы, казаки, знамениты своим упрямством, капитан. Мы вольные люди и ценим нашу свободу.

— Однако ты выбрал меня в качестве господина?

— Нужно же кому-нибудь служить или чему-нибудь, — просто ответил он. — Разве не так, капитан?

— Ну, тут я должен с тобой согласиться, — кивнул я.

Интересно, как бы он себя повел, если бы я сказал, что служу сатане?

Впрочем, я знал, что преследую сразу несколько целей. В поисках меня поддерживала надежда, что рано или поздно я смогу воссоединиться с госпожой Сабриной. Ведьма она или нет, это первая женщина, которую я полюбил по-настоящему. Для меня этого более чем достаточно. Если бы я слишком долго ломал голову над значением своей миссии, то потерял бы способность здраво мыслить. Люцифер может говорить о судьбе мира, о рае и аде, но я предпочитаю думать о человеческой любви. Я не до конца разобрался в ее сути, но все равно понимал ее гораздо лучше, чем что-либо другое.

На следующее утро мы миновали большое дерево, на котором висели шесть трупов — черные сутаны, руки и ноги в запекшейся крови. Стало быть, перед смертью их пытали. На одном из тел я заметил деревянное распятие. Но к какому ордену принадлежали монахи, я определить не смог. Впрочем, я понимал, что это не имело особого значения. Не вызывало сомнений лишь одно — у них забрали все, что представляло собой хоть какую-то ценность. Теперь многие монашеские ордена стали давать обет бедности. Какой смысл копить под крышами монастырей богатство, если все могут отобрать под любым предлогом?

Мы проехали еще пару миль по дороге и остановились перед аббатством. Оно еще горело; зачем-то тела монахов и монахинь были уложены на стенах через равные промежутки,

так фермер вывешивает трупы вредителей, чтобы отпугнуть остальных. За долгие годы на войне я повидал немало примеров такого мрачного юмора, да и сам не раз поступал подобным образом. Возникало ощущение, будто люди заставляли себя забыть о совести, забыть о том, что Бог на них смотрит и видит весь этот ужас и тех, кто явился его причиной.

Если верить Люциферу, Бог и в самом деле взглянул на меня с небес и решил, что я не годусь для рая.

На следующий день я обрадовался, когда в очередной раз изучил карту и обнаружил, что Аммендорф всего в нескольких часах пути.

Я не представлял себе, как найду ловчего Уайлдгрейва, однако испытал облегчение от того, что завершил первую часть своей миссии.

Дорога шла через густой лес, повсюду лежали мшистые камни, заросли кустарника мешали нашим лошадям. Аромат влажной земли, растений и зелени наполнял ноздри. Тропа стала подниматься вверх, и скоро мы уже ехали по довольно крутым склону холма, а лес все не кончался. Даже когда мы добрались до самой вершины, листва не позволяла разглядеть то, что лежало впереди. Мы начали спускаться по другому склону. Седенко явно волновался. Казалось, он получает от нашего приключения гораздо больше удовольствия, чем я. Молодой казак лишь с огромным трудом удерживался от расспросов; поскольку я все равно ничего не мог ему рассказать, я делал вид, что поощряю его скромность.

Когда я пришел к выводу, что до Аммендорфа осталось менее мили, я придержал лошадь и напомнил своему спутнику о нашем недавнем разговоре.

— Ты не забыл, Седенко, что обстоятельства могут сложиться так, что после Аммендорфа ты не сможешь следовать за мной?

— Конечно, капитан.— Он посмотрел мне прямо в глаза.— Вы уже говорили.

Удовлетворившись его ответом, я продолжал двигаться вперед по узкой тропе, которая изгибалась вместе с долиной.

Лес редел, свободного пространства становилось все больше, вскоре мы въехали в Аммендорф.

Городок располагался у подножия огромной серой скалы, покрытой мхом и плющом. Дома были построены из темного древнего камня, который, казалось, сливался с самой скалой.

Ни единый дымок не поднимался над трубами Аммендорфа. Во дворах мы не заметили домашней скотины, дети не играли на улицах; жители Аммендорфа не стояли у дверей и не выглядывали из окон.

Седенко первым остановил коня. Опираясь на луку седла, он наклонился вперед, с удивлением рассматривая странный черный город, раскинувшийся перед нами.

— Но здесь все мертвое,— тихо проговорил он.— Люди не живут тут уже сто лет.

Глава шестая

16

близи Аммендорф дышал гниением и старостью. В крышах зияли дыры, дранка сгнила; только массивные камни стен остались на своих местах, но и их покрывали плесень и сырой мох.

У меня сложилось впечатление, что жители покинули городок все разом, а зеленоватое свечение, пробивающееся сквозь тень навис-

ших скал, отдаленный, равномерный шум падающих где-то капель, мягкая, влажная земля, на которую мы соскочили с коней,— все это только усугубляло чувство запустения.

Седенко принюхался и положил ладонь на рукоять шашки.

— Да тут прямо-таки разит злом.

Мы подняли головы, и мне показалось, что я заметил на вершине одной из скал какое-то творение рук человека, но буйные заросли плюща и боярышника надежно скрывали его от глаз наблюдателя.

«Неужели Люцифер окончательно лишился памяти? — подумал я. — Зачем он послал меня в городок, который жители оставили много лет назад? Вряд ли здесь найдется кто-нибудь, кто объяснит мне, как отыскать Уайлдгрейва, тем более что он, вне всякого сомнения, давно умер».

У Седенко был весьма озадаченный вид. Но он не собирался высказывать вслух свои мысли.

День клонился к вечеру. Я проговорил:

— Я должен остановиться здесь на ночь. Однако если ты хочешь продолжать путь, советую сделать это без промедления.

Паренек фыркнул и в раздумье потер лоб. Затем глянул на меня и тихо рассмеялся.

— Возможно, это и есть то самое приключение, о котором я столько мечтал.

— Боюсь, особого удовольствия от него ты не получишь.

— Когда речь идет о приключении, нельзя не учитывать такого риска, не правда ли?

Я хлопнул его по спине.

— Вот такой спутник мне по душе! Жаль, казак, что мы не встретились раньше, во время моих прошлых предприятий.

— В мои намерения входит участие в ваших будущих предприятиях, капитан.

Будущее представлялось мне столь таинственным и непостижимым, что я не смог ничего ему ответить. Мы один за другим обыскали дома. Обнаружили, что сквозь трещины в плитках мостовых пробиваются растения, кое-где даже небольшие деревья. Весь городок пропитала сырость — обломки мебели сгнили, куски обивки от малейшего прикосновения превращались в драные лоскутья.

— Даже крысы ушли.— Седенко вернулся из подвала с бутылкой вина в руках. Откупорил, понюхал.— Скисло.

Он швырнул бутылку в пустой камин.

— Ну,— проговорил казак,— в каком из уютных домиков проведем ночь?

В конце концов мы остановили выбор на доме, в котором, по всей видимости, проходили городские собрания. Он был просторнее и свободнее остальных, и мы смогли развести огонь в большом очаге.

К наступлению темноты мы устроили коней поудобнее в одном из углов главного зала и приготовились отойти ко сну, согретые нашим импровизированным костром.

Снаружи, на улицах безжизненного Аммендорфа, царило безмолвие. Лишь время от времени вдалеке тявкала лисица да пролетала птица в погоне за насекомыми. Вскоре Седенко мирно захрапел, но мне заснуть было труднее.

Я все размышлял о причинах, заставивших Люцифера послать меня в заброшенный городок по имени Аммендорф. Естественно, я не мог не вспомнить Сабрину и приуныл, потому что не знал, увижу ли ее снова. Я даже несколько минут раздумывал, а не вернуться ли назад, чтобы вступить в армию шведского короля, она как раз сейчас бодрым маршем проходила по Германии. Но тут в моей памяти всплыли картины Магдебурга и угрозы Люцифера, подробно объяснившего мне, что он со мной сделает, если я его предам. От подобных мыслей я довольно быстро погрузился в тоску. Так прошло часа два или три, и в конце концов, я провалился в беспокойный сон, из которого меня вырвал неожиданный звук,— я не сомневался, что услышал грохот лошадиных копыт.

Я вскочил на ноги, испытывая почти облегчение, и, схватив ножны с мечом, бросился к окну иглянул в темную ночь. Моросил дождь; и тучи закрыли луну и звезды. Показалось, что я различаю жутковатое сияние какого-то диковинного фонаря, плывущее по улицам, между домами. Свет становился все ярче, пока не запыпал над половиной Аммендорфа. Теперь копыта гремели по мостовым, так что мне даже заложило уши — однако я по-прежнему не видел всадника.

В следующее мгновение Седенко с саблей в руке оказался рядом со мной. Он потер лицо и спросил:

— Ради всех святых, капитан, что это такое?

— Понятия не имею,— покачав головой, ответил я.

И вот уже содрогается огромное здание, в котором мы решили заночевать, а наши лошади бьют копытами, ржут от страха и рвутся с привязи.

— Буря,— сказал Седенко.— Это буря, точно, капитан?

— Мне таких еще видеть не приходилось,— заявил я.— Но вполне возможно, что ты прав.

Седенко был абсолютно уверен в том, что ошибается. Каждый жест, каждый взгляд указывали на то, что его переполняет суеверный страх.

— Сюда идет сатана,— прошептал он.

Я не стал говорить ему, почему считаю его объяснение маловероятным.

Неожиданно из-за угла появился всадник. Когда он предстал перед нами, гончие псы, мчавшиеся вслед за его конем и олицетворявшие собой дикую ярость, залаяли. За первым всадником скакал целый отряд, однако их командир был таким огромным, что все остальные рядом с ним выглядели гномами. На голове у него красовался чудовищных размеров крылатый шлем, а на бородатом лице тем же зеленым огнем, что затопил всю деревню, сверкали глаза. Грудь воина защищала кольчуга, а на плечи он накинул плащ из медвежьих шкур. Ноги, засунутые в массивные стремена, тоже закрывала специальная броня. Он запрокинул голову и оглушительно расхохотался, его голос слился с лаем гончих псов. Спутники великаны, по-прежнему маячившие черными тенями у него за спиной, принялись по очереди издавать такой же нестерпимо жуткий звук.

— Матерь Божья,— выдохнул Седенко.— Я готов сразиться в честном бою с любым человеком, только не с ними. Мы должны уйти, капитан. Они нас предупреждают. Они нас прогоняют.

Я не двинулся с места.

— Конечно, предупреждают,— согласился я,— и уж можешь не сомневаться, они получат уйму удовольствия, загоняя нас, словно диких зверей, Седенко. Это охотники, и их добыча — человек.

— Но они же не люди!

— Думаю, когда-то были людьми. А теперь они бессмертны.

Я смотрел на белые лица вокруг бородатого охотника. Губы ухмылялись, а глаза горели (хотя, надо признать, не таким ярким огнем, как у вожака). Все они были покойниками. Я научился распознавать мертвых. И проклятые души.

— Седенко,— сказал я,— если ты хочешь оставить меня, не теряй времени попусту.

— Я буду сражаться с вами, капитан, кем бы ни были наши враги.

— Возможно, для тебя они враги, но не для меня. Уходи.

Он отказался наотрез.

— Если они ваши друзья, значит, я останусь. Крепкие ребята, верно?

Ситуация не располагала к препирательству, я пожал плечами и направился к двери, прицепив к поясу меч. Дверь со скрипом растворилась.

Охотники собирались на полуразрушенной площади Аммендорфа. Я чувствовал горячее

дыхание гончих, запах их тел. Собаки, прижав уши, расположились у ног коня, на котором восседал их хозяин.

Вожак охотников уставился на меня своими наводящими ужас глазами. Во мраке ночи белые лица его товарищей казались особенно жуткими. Лошади были копытами заросшие травой булыжники.

— Ты пришел за мной? — спросил я.

Губы великана зашевелились, и я услышал глубокий, печальный голос, гораздо более мелодичный, чем можно было ожидать.

— Ты фон Бек?

— Да.

— Ты стоишь перед Уайлдгрейвом.

Я поклонился.

— Это большая честь.

— Ты живой человек? — с некоторым удивлением спросил великан. — Самый обычный смертный?

— Именно, — подтвердил я.

Брови Уайлдгрейва поползли вверх, он оглянулся на своих бледных спутников, словно хотел, чтобы они повеселились вместе с ним. Когда он снова заговорил, его голос звучал почти весело.

— Мы расстались с жизнью лет двести пятьдесят, или больше, тому назад. Покинули царство смертных, как и большинство людей.

— Но на самом деле вы не отошли в мир иной. — Я говорил высоким языком, и Седенко был явно озадачен, но именно на этом языке ко мне обратился Уайлдгрейв, и я считал, что будет невежливо ответить ему иначе.

— Наш господин не позволил нам,— пояснил Уайлдгрейв из Аммендорфа. Похоже, он считал меня своим товарищем, такой же проклятой душой.— Не соблаговолите ли принять приглашение посетить мой замок, сударь? Он расположен неподалеку.— Уайлдгрейв махнул рукой в сторону скал.

— Благодарю вас, великий Уайлдгрейв.

Великан обратил горящий взгляд на Седенко.

— А ваш слуга? Вы возьмете его с собой?

— Нас пригласили на обед, приятель,— повернувшись к Седенко, объяснил я.— Но мне кажется, тебе следует вежливо отклонить предложение.

Седенко молча кивнул.

— Он подождет меня здесь до утра,— сказал я.

Уайлдгрейв выслушал меня и заявил:

— Ему никто не причинит вреда. Не будете ли вы так любезны, сударь, сесть позади меня на коня?

Уайлдгрейв вытащил ногу из стремени, чтобы я мог взобраться в седло. Решив, что в данном случае колебаться нецелесообразно, да и невежливо, я подошел к коню, поставил ногу в стремя и вскочил на широкую, зловонную спину громадного коня, покрепче уцепившись за седло.

У Седенко отвисла челюсть, он наблюдал за мной широко открытыми глазами и никак не мог понять, что же происходит.

Я улыбнулся и помахал рукой.

— Вернусь утром,— крикнул я.— Можешь спать спокойно, тебя никто не потревожит.

Уайлдгрейв из Аммендорфа отдал приказ своей лошади и всей охоте — гончим псам и товарищам — и выехал с площади. Мы промчались, точно безумные, по улицам городка и вскоре очутились на заросшей травой дорожке, взбиравшейся между низко нависшими кронами деревьев и покрытыми мхом валунами на вершину скалы. Теперь я смог убедиться в том, что раньше глаза меня не обманули. Мне казалось, что я заметил каменные деревенские строения, да так оно и было — устрашающего вида древний замок, частично превратившийся в руины, с массивными сторожевыми башнями на фоне черного ночного неба.

Всадники спешились все разом, и Уайлдгрейв, возвышавшийся надо мной на целую голову, положил мне на плечо холодную руку и провел под аркой в крепость. И здесь лестницы и каменные плиты давно растрескались и истерлись. Огромный зал освещала одна-единственная головня в ржавой скобе над столом. В очаге на вертеле жарилась оленья туша. Охотники поспешили к огню греться, не обращая ни малейшего внимания на двух дрожащих слуг, юношу и девушку, которые, очевидно, не принадлежали к их компании, но и не были живыми мертвецами. Впрочем, наверняка их души были прокляты, как и у всех нас.

Казалось, глаза Уайлдгрейва потухли, когда он занял место во главе стола, а меня усадил по правую руку от себя. Не снимая перчатки, он налил мне бренди и приказал выпить до дна — «от плохой погоды» (которая на самом

деле была достаточно теплой). Видимо, для него в мире всегда свирепствовали холода.

— Я предупрежден о твоем приезде,— сказал он.— Среди мне подобных прошел слух, что тебе доверили миссию, которая, возможно, позволит нам всем обрести свободу.

— Не знаю, господин Уайлдгрейв,— тяжело вздохнув, проговорил я.— Наш господин гораздо больше верит в мои возможности, чем я сам. Естественно, я сделаю все, что смогу. Потому что в случае успеха я тоже стану свободным.

— Вот именно.— Уайлдгрейв кивнул.— Но ты должен знать, что не все мы тебя поддерживаем.

— Не понимаю,— удивился я.

— Некоторые опасаются, что, если наш господин помирится с Богом, их ждет еще более страшная судьба, потому что у них не останется покровителя и защитника и они не смогут сохранить свою индивидуальность в пустоте.

— Я не знаком с понятием пустота, господин Уайлдгрейв.

— Ну, если хочешь, чистилище. Там не признают даже малейших следов индивидуальности.

— Теперь я вас понял. Но ведь если Люцифер одержит победу, мы все будем спасены.

Уайлдгрейв горько улыбнулся.

— Какие логические доводы дают тебе такую надежду, фон Бек? Если Бог и милосерден, Он предпочитает этого не показывать.

Я допил бренди.

— Некоторые из нас пришли сюда,— продолжал Уайлдгрейв,— именно через такое по-

нимание природы Бога. Естественно, я не из их числа. Но они считали, что Бог мстителен и безжалостен. Так что можешь не сомневаться, найдется немало желающих помешать тебе в выполнении твоей миссии.

— Она трудна и загадочна и без этого,— сказал я, когда юный слуга с грохотом поставил передо мной тарелку с олениной. Мясо пахло превосходно.— Ваши слова не вселяют надежды на успех.

— Я предупредил тебя от чистого сердца.

Уайлдгрейв взял тарелку и, как это было принято в стародавние времена, продемонстрировал мне уважение, протянув солонку. Я насыпал щепотку соли на мясо и вернул Уайлдгрейву солонку.

Когда он поднес горячее мясо к губам, возле его рта возникло облачко пара. Я решил последовать его примеру. Оленина оказалась очень вкусной, и я получил колossalное удовольствие.

— Нам сегодня еще предстоит охота,— сказал Уайлдгрейв.— Потому что мы существуем в своем собственном мире только до тех пор, пока поставляем нашему господину свежие души. Вот уже целый месяц мы никого не отловили.

Я не стал выспрашивать подробности, и мне показалось, Уайлдгрейв остался признателен мне за это.

— Мне приказано доставить тебя в Миттельмарк,— сообщил он.

Пока мы разговаривали, его люди расселись вокруг стола. Они ели молча, явно не обращая внимания на наш разговор. У меня возникло

ощущение, что их что-то беспокоит, возможно, им не нравилось, что нарушено привычное течение их жизни иочных вылазок.

— Я никогда не слышал о Миттельмарке,— честно признался я.

— Но ты же знаешь, что на нашей Земле есть места, куда большинству смертных вход закрыт?

— Да, мне говорили.

— Некоторым из нас они знакомы под именем Срединные Земли.

— Потому что находятся между Землей и преисподней?

Уайдгрейв улыбнулся и вытер рот рукавом.

— Не совсем. Пожалуй, лучше будет сказать, что они лежат между надеждой и отчаянием. Я не очень понимаю их суть. Но зато могу приходить в эти земли и покидать их. Завтра утром мы доставим туда тебя и твоего спутника.

— Мой спутник не из нашего числа,— сказал я.— Он всего лишь простой солдат. Я велю ему возвращаться в мир, который ему понятен.

— Только те, чьи души прокляты, могут войти в Миттельмарк,— кивнул Уайдгрейв.— Но должен заметить, что не все живущие в Миттельмарке прокляты.

— А кто там правит? — спросил я.

— Многие.— Уайдгрейв пожал огромными плечами.— Ведь Миттельмарк, как и наш собственный мир, как и сам ад, весьма многолик.

— А место, куда я отправлюсь завтра, отмечено на моих картах?

— Конечно. В Миттельмарке ты должен найти некоего отшельника, известного под именем Филандер Грут. Однажды мне довелось с ним встретиться.

— И что я должен у него спросить? Как найти Грааль?

Уайлдгрейв положил на тарелку кусок мяса и с трудом удержался, чтобы не расхохотаться.

— Нет. Ты расскажешь ему свою историю.

— И что он сделает?

Уайлдгрейв развел руками.

— Кто знает? Он не служит нашему господину и отказывается иметь со мной дело. Могу сказать только, что до меня дошли слухи, будто он хотел бы с тобой поговорить.

— Он знает обо мне?

— Новость о твоей Миссии разошлась по свету. Я же тебе говорил.

— Но как она могла разойтись по свету так быстро?

— Мой друг... — Уайлдгрейв почти по-отечески обнял меня — ... неужели ты не понимаешь, что в аду, как и в раю, у тебя немало врагов? И именно их следует опасаться больше всего.

— А вы не скажете, кто эти враги? — спросил я.

— Естественно, я не могу тебе их назвать. Должен признаться, что я и так вел себя с тобой откровеннее, чем следует в моем положении. Конечно, вокруг Аммендорфа меня все боятся. Но, как и остальные слуги нашего гос-

подина, я не наделен реальной силой. А, значит, может случиться, что твои враги в один прекрасный день станут моими друзьями.

Меня огорчили его слова.

— Неужели вы боитесь принимать самостоятельные решения?

Лицо Уайлдгрейва на мгновение погрустнело.

— Когда-то я был очень смелым и не боялся никаких решений,— проговорил он.— Однако если бы мне хватило мужества сохранить независимость, я не был бы сейчас слугой Люцифера.— Уайлдгрейв помолчал, и его глаза медленно загорелись диким огнем.— Впрочем, то же самое наверняка можно сказать и о тебе, фон Бек, верно?

— Полагаю, да.

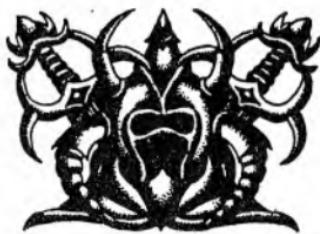
— По крайней мере, капитан, у тебя есть шанс спастись, каким бы незначительным он ни казался.— И снова голос могучего великаны стал безжизненным и пустым.— Как я тебе завидую.

— Но ведь, если я добьюсь успеха и Бог выполнит желание Люцифера, мы все получим шанс,— напомнил ему я.

— Вот чего многие из нас боятся,— пророчал Уайлдгрейв.

Глава седьмая

C

еденко сказал, что хорошо спал ночью. Когда я на рассвете вернулся, он блаженно сопел, как маленький мальчик на руках матери.

За завтраком он нетерпеливо расспрашивал меня о встрече с «дьяволом», и я без особого желания ответил:

— То был не дьявол, Седенко. Просто создание, служащее ему.

— Значит, вы не продали ему душу.

— Не продал. Он помогает мне, вот и все. Теперь я знаю, куда мне предстоит отправиться. Седенко охватило благоговение.

— Какой же властью вы должны обладать, если можете приказывать таким, как Уайлдгрейв!

Я пожал плечами.

— У меня нет никакого могущества, кроме того, которое ты сам видишь. Оно ничем не отличается от твоих возможностей. Сообразительность и быстрый меч — вот и все мое достояние.

— Тогда почему он вам помогает?

— У нас есть общие интересы.

Седенко с тревогой взглянул на меня.

— А ты возвращайся в Нюрнберг, — заявил я, — или езжай куда глаза глядят. Ты не можешь сопровождать меня.

— А куда вы направляетесь?

— В неизведанные земли.

Он заинтересовался.

— Вы поплынете по морю? В Новый Свет? В Африку?

— Нет.

— Я буду хорошо вам служить, если позволите ехать с вами...

— Не сомневаюсь. Но тебе не дано пойти туда, куда лежит мой путь.

Он упорствовал, но я отверг все его предложения; потом я почувствовал усталость и попросил Седенко побыстрее уехать и дать мне отдохнуть — ужасно хотелось спать.

Он отказался.

— Я буду вас охранять,— заявил казак.

Я согласился и вскоре заснул. Почти сразу после полудня открыл глаза, до меня донеслись приятные запахи — Седенко стряпал. Он нашел котелок и повесил его над костром. Над варевом поднимался пар.

— Кролик,— сказал казак.

— Седенко,— тяжело вздохнул я,— тебе нужно уезжать. Ты не можешь остаться со мной.

Он нахмурился.

— У меня хороший конь, вы же знаете. И, насколько мне известно, я не подвержен морской болезни.

Я снова погрузился в молчание. Только проклятые могут достигнуть Миттельмарка. Даже если Григорий последует за мной, он не войдет в этот чертог. Я решил не тратить силы на уговоры, ограничившись советом молодому казаку вернуться в Нюрнберг, найти себе хорошего капитана, или, если ему такая идея понравится больше, оставить Германию и возвратиться домой, где его нерастреченные силы пригодятся в борьбе с поляками.

Он заметно помрачнел.

— Уайлдгрейв придет за мной сегодня вечером.— Я пожал плечами.— Мне необходимо подготовиться к путешествию. Похлебка была вкусной. Спасибо.— Я встал и занялся лошадью.

Седенко сидел у огня, скрестив ноги, и наблюдал за мной. Он почти не шевелился, пока я возился с доспехами, тщательно пристегивая нагрудник и поправляя наголенники. Я считал,

что должен подготовиться к любым неожиданностям в царстве Миттельмарк.

Спустилась ночь. Седенко продолжал неотрывно наблюдать за мной. Он молчал, а я даже не поворачивался в его сторону. Я накормил лошадь. Смазал маслом все кожаное. Вычистил пистолеты и проверил затворы. Наточил меч и кинжал. Потом тщательно осмотрел шлем. Принялся насвистывать. Седенко по-прежнему не спускал с меня глаз.

К полуночи я уже немного нервничал, но старался не показывать этого своему безмолвному спутнику. Я выглянул в окно, Аммендорф был залит слабым лунным светом.

Когда я отвернулся от окна, послышался далекий зов могучей трубы. Казалось, наступил Судный День. Холодный, пронзительный звук — одинокая, долгая нота. Потом снова стало тихо.

Здание задрожало от топота копыт. Синевозеленое мерцание исходило от соседних зданий. Я услышал лай собак.

Взял лошадь под уздцы, я вывел ее из зала на площадь. Хотелось попрощаться с Седенко, но я понимал, что должен любой ценой избавиться от него.

Охота приближалась. Алым жаром несло из разверстых пасть. Глаза Уайлдгрейва казались единственным источником света. Его люди выли вместе с собаками, пока не застыли в неподвижности на своих лошадях — словно статуи. Только Уайлдгрейв продолжал двигаться, его голова в крылатом шлеме повернулась в мою сторону.

— Я вижу, ты готов, смертный.

— Я готов, милостивый государь.

— Тогда едем. В Миттельмарк.

Я вскочил на коня. Уайлдгрейв сделал знак, и охота вновь пустилась в путь, я скакал рядом с ним, моя лошадь фыркала, жалуясь на собак, которых она боялась. Мы не поехали обратно к замку, а направились прочь из Аммендорфа, прямо в лес. Холод чудовищного тела Уайлдгрейва словно вытягивал из меня тепло, через полчаса я уже дрожал. Мы промчались мимо озера, и мне почудилось, что оно сверкает льдом,— однако я прекрасно понимал, что в это время года такого просто не может быть. Мы скакали до тех пор, пока впереди не возникли огни города, и здесь, на холме, в нескольких милях от него, Уайлдгрейв натянул поводья и пожелал мне удачного завершения миссии.

— А как я найду Миттельмарк? — озадаченно спросил я.

— Я привел тебя в Миттельмарк,— ответил Уайлдгрейв.

Тут только я заметил, что мне на рукав падает снег.

— Но никакого перехода не было,— проговорил я,— во всяком случае, я его не почувствовал.

— А почему он должен быть для нас? Нам просто нужно следовать по определенным тропам.

— А вы бы не могли показать мне тропу?

— Есть особые способы ее увидеть,— отозвался Уайлдгрейв.— Не бойся. Здесь ты не попадешь в ловушку.

— Как поздно идет снег в Миттельмарке,— заметил я.

Я видел, что в некоторых местах снег был довольно глубоким, он толстым слоем покрывал ветви деревьев. Изо рта у меня шел пар.

Уайлдгрейв отрицательно покачал головой.

— Не позднее, чем в ваших землях, капитан.

— Тогда я не понимаю,— признался я.

— Здесь иной порядок времен года, вот и все. Уже по одному этому знаку ты узнаешь, что покинул Миттельмарк.

Люди Уайлдгрейва с беспокойством смотрели на своего предводителя. Им хотелось побыстрее продолжить охоту. И хотя она вызывала ужас у своих жертв, сами охотники боялись еще сильнее — они прекрасно знали, что их ждет, если Люцифер останется недоволен.

Холодная рука дружески легла мне на плечо.

— Найди Филандера Грута. Ничего лучшего я не могу тебе посоветовать. И веди себя здесь так же мудро, как и в своем чертоге, капитан. Надеюсь, ты найдешь средство от боли мира.

Он поднес к губам рог, раздался долгий, пронзительный звук. С деревьев посыпался снег. Собаки подняли головы и залаяли. Мне почудилось, что в лесу у меня за спиной разбегаются звери.

Уайлдгрейв рассмеялся, и зов рога показался мне детской песенкой.

— Прощай, фон Бек. Ради всех нас постарайся выяснить, существует ли такое понятие, как свобода.

Охота отступила, под копытами коней задрожала земля, а потом на лес опустилась тишина, и я остался один. Я поплотнее закутался в плащ и, осторожно лавируя между сугробами, направил лошадь в сторону раскинувшегося внизу города.

Прошло совсем немного времени, и на небесах сначала появилась большая желтая луна, а потом и звезды — меня окутало призрачное сияние. Подумалось, что созвездия здесь какие-то чужие, но я никогда особенно не интересовался астрономией и не мог сказать, в чем тут дело. Далеко впереди высились зазубренные пики гор. Эти земли производили впечатление более просторных и монументальных, чем те, что я покинул. И хотя все вокруг казалось диким и таинственным, атмосфера была если и не умиротворенной, то знакомой, что уже само по себе утешала. Словно я возвращался в Бек. И попал в давно минувшее детство.

Я понимал, что мне следует вести себя в Миттельмарке осторожно и что тут мне грозят еще более серьезные опасности, чем в моей родной земле. Тем не менее я двинулся дальше в приподнятом настроении; услышав стук копыт за спиной, я придержал коня, но не слишком встревожился.

Я повернул голову и предупредительно крикнул, чтобы всадник знал, что перед ним скачет еще один человек.

Ответа не последовало, тогда я вытащил меч и остановил коня, желая встретить противника лицом к лицу.

Всадник тоже натянул поводья, а потом замер. Я смутно различал его фигуру возле огромного, покрытого снегом валуна.

— Кто вы такой, сударь? — спросил я.

И опять никакого ответа.

— Должен предупредить вас, что я вооружен, — сказал я.

Всадник шевельнулся, его конь по-прежнему стоял на месте, перебирая ногами. И больше ничего. Я медленно двинулся ему навстречу. Только после этого незнакомец решил более не прятаться.

И выехал на открытое место, залитое лунным светом. Вид у него был одновременно извиняющийся и дерзкий. Он махнул затянутой в перчатку рукой и пожал плечами.

— Я привык к снегу, господин. Неужели вы думали, что он может меня остановить?

— О, Седенко. — Мое сердце наполнилось печалью.

— Господин?

— Седенко, мой друг. — Я подъехал и обнял его за плечи.

Он ожидал, что я рассержусь, поэтому заметно удивился. Однако энергично обнял меня в ответ.

Он не знал того, что было известно мне: раз ему позволено последовать за мной в Миттельмарк, значит, несчастный Седенко проклят — других вариантов быть не могло.

Вот тогда-то я и восстал против Бога, обрекшего столь невинную душу на муки преисподней. Все, что сделал Седенко, было результатом его воспитания или верности

религиозным догмам, которые вынуждали его убивать с именем Христа на устах. Мне вдруг подумалось, что Бог выжил из ума, потерял память и больше не помнит, зачем поселил Человека на Земле. Стал вздорным и капризным. Господь сохранил власть над нами, но больше не прислушивается к мольбам своей паствы. А где же Его Сын, посланный на Землю для искупления нашей вины? Не потому ли мы не сумели принять его наставлений, что Его переполняла злоба? Может быть, мы — независимо от того, что делаем и как живем, — автоматически прокляты, все до одного? Может быть, жизнь лишена смысла? А вместе с ней и моя миссия? Эти вопросы промелькнули у меня в голове, когда я смотрел на молодого казака и размышлял о совершенных им преступлениях, за которые ему уготованы адские мучения. Похоже, Люцифер гораздо более последовательный и разумный господин, чем сам Бог.

— Ну, капитан? — с усмешкой проговорил Седенко. — Я доказал вам свою пригодность? Могу я теперь сопровождать вас?

— Да, конечно, Седенко. Будь на то моя воля, я бы оставил тебя с собой до самого конца.

Вот еще одна душа, которую может пощадить Люцифер, если я добьюсь успеха.

Седенко стал насвистывать какую-то дикую, удалую мелодию, появившуюся на свет на его далекой родине. Потом свесился с седла, зачерпнул пригоршню снега и с победным криком подбросил его в воздух.

— Это место мне очень даже подходит, капитан. Вы же знаете, я родился среди снежных просторов. Я дитя зимы!

Посвистев немножко, Седенко затянул песню на своем варварском языке. И стал похож на счастливого мальчишку. Я улыбнулся ему, но на сердце было тяжело.

К утру мы подъехали к маленькому городку, похожему на тот, что совсем недавно покинули. На утесе стоял отлично сохранившийся замок. Да и сам городишко совсем не казался обезлюдевшим. Над домами вился дымок, голоса далеко разносились в морозном воздухе. Мы ехали между белыми деревьями, лошади лениво вышагивали по улице, и вскоре мы оказались на рыночной глоущади.

Я спешился рядом с прилавком с отварным мясом и соленой рыбой и спросил у краснолицей женщины, как называется город.

Меня совсем не удивил ее ответ.

— Разве вы не знаете, господин? — удивилась она.— Это Аммендорф.

— Аммендорф? — переспросил Седенко. — Значит, два города с таким названием расположены совсем рядом?

— Нет, существует только один Аммендорф.— с гордостью заявила женщина.— Нигде вы не найдете ничего похожего.

Я посмотрел вдаль, туда, где за лесом и городом возвышались огромные горные кряжи. Раньше я этих гор не видел. Мне показалось, что они выше Альп. Кто знает, может быть, они вадымаются до самого рая?

— У вас есть священник? — спросил я.

— Отец Христоффель? Вы найдете его в церкви.— Женщина показала на противоположную окраину деревни.— Вверх по этой улочке, за колодцем.

Я вел своего коня на поводу, а смущенный Седенко что-то бормотал под нос у меня за спиной. Если кому-нибудь и известно об отшельнике Филандере Груте, то священнику. Я нашел нужную улочку. В снегу, между изгородями, остались глубокие следы новозки.

Седенко запел. Мне кажется, он радовался, что сумел меня найти. Я с трудом переносил его веселый голос. Юноша был совершенно счастлив.

Повернув за угол, я очутился возле церкви, украшенной шпилем. Рядом лежало кладбище. Я привязал коня к ограде и распахнул капитку. Седенко я попросил присмотреть за лошадьми.

Двери церкви легко отворились, и я обнаружил довольно скромное помещение. Церковь явно была католической, но я не уловил аромата благовоний, которые принято возжигать во время молитв, обращенных к деве Марии. Священник хлопотал возле алтаря.

— Отец Христоффель?

Он был толст, на лице остались шрамы от какой-то болезни. Я с первого взгляда узнал человека, повторствующего своим желаниям; рот ленивой, дорогой шлюхи, но глаза спокойные и внимательные. Этот священник определенно склонен ублажать плоть, но разум его остается стойким в самых трудных обстоятельствах.

— Капитан Ульрих фон Бек,— представился я, снимая шлем и перчатки.— Я прибыл сюда с секретной миссией, но в ней есть и религиозные аспекты.

Отец Христоффель смотрел на меня, склонив маленькую жирную голову набок.

— Да?

— Я ищу человека, который, по слухам, обитает в ваших краях.

— Гм?

— Некий отшельник. Возможно, вы его знаете?

— Как его зовут, капитан?

— Филандер Грут.

— Грут? Да?

— Я хочу поговорить с ним. Надеюсь, вам известно, где он живет.

— Грут прячется от самого себя и от Бога,— ответил священник.— А еще он прячется от нас.

— Но вам известно, где он прячется?

Священник приподнял тяжелые брови.

— Можно и так сказать. Зачем он нужен воину?

— Я кое-что разыскиваю.

— То, что ему принадлежит?

— Скорее всего, нет.

— Предмет ваших поисков имеет военное значение?

— Нет, отец.

— Вас заинтересовала его философия?

— Я с ней незнаком. Впрочем, меня мало интересует философия.

— А что вы хотите от Грута?

— Полагаю, мне следует рассказать ему одну историю. Мне дали понять, что он охотно ее выслушает.

— Кто поведал вам о Груте?

Мне совсем не хотелось обманывать этого человека.

— Уайлдгрейв.

— Наш Уайлдгрейв,— пробормотал священник с некоторым удивлением. Потом нахмурился.— О, нет. Конечно. Другой.

— Подозреваю, что так оно и есть,— ответил я.

— Так вы тоже служите Люциферу? Грут, несмотря на все свои ошибки, в данном вопросе сохраняет непреклонность. Он просто не станет с вами разговаривать.

— Я мог бы сказать, что служу всему миру,— заявил я священнику.— Моя миссия состоит в том, чтобы найти Грааль.

И снова на лице священника появилось удивление. Его губы беззвучно повторили мои последние слова. Он пристально посмотрел на меня блестящими, умными глазами.

— Значит, вы безгрешны?

Я отрицательно покачал головой.

— Лишь немногие грехи мне неизвестны. Я убийца, вор и насильник.

— Обычный солдат.

— Именно так.

— Значит, у вас нет надежды найти Грааль?

— У меня есть надежда.

Священник потер плохо выбритую щеку. И глубоко задумался, время от времени поглядывая на меня, словно пытался осмыслить

мои слова. Потом снова покачал головой и, повернувшись ко мне спиной, занялся алтарем.

Я услышал, как он пробормотал под нос:

— Обыкновенный солдат.— Казалось, эти слова его позабавили, хотя насмешки я не заметил.

Наконец он повернулся ко мне.

— Если вам удастся найти Грааль, что вы надеетесь из него извлечь?

— Средство от боли мира,— ответил я.

— Вас так беспокоит судьба мир?

— Я беспокоюсь о себе, отец.

Он улыбнулся.

— Страх — болезнь, с которой лишь немногие из нас умеют бороться.

— А еще наркотик,— добавил я,— к которому многие привыкают.

— Мир пришел в жалкое состояние, мой дорогой воин.

— Да.

— И всякий мужчина, не утративший надежды на то, что его можно изменить к лучшему, получит мою помощь и даже благословение. Однако Филандер Грут...

— Вы считаете его злом?

— Я бы сказал, что в Филандере Груте вообще нет зла. Именно поэтому я так и сержусь на него. Он отказывается принять Бога.

— Так он атеист?

— Хуже. Он верит. Но не желает почитать Создателя.

Я обнаружил, что сочувствую Филандеру Грут.

— А значит,— продолжал священник,— ему будет отказано в рае, и он несправедливо попадет в ад. Я скорблю из-за него. Он глупец.

— Но честный глупец, если судить по вашим словам.

— Я не знаю никого честнее Филандера Грута, капитан фон Бек. Многие его ищут, но говорят, что он располагает волшебной властью. Грут живет под защитой горного королевства, которое, в свою очередь, охраняют могущественные силы. Чтобы добраться до королевства, вам нужно идти к дальним горным пикам и отыскать Перевал Отшельника, который и ведет в долину, где обитает Грут.

— Перевал назван в его честь?

— Вовсе нет. Там всегда жили отшельники.— В голосе священника появился сарказм.— Но Грут не просто отшельник. Говорят, он провел детство в учениках у Мыслителя. Может быть, они неизвестны в вашей части мира. Мыслители проводят все свое время в ожидании прихода Антихриста и Армагеддона. Жизнь может быть весьма приятной, особенно в такие трудные времена. Но Грут, судя по тому, что он мне говорил, устал от ожидания будущего и для разнообразия занялся изучением прошлого. Теперь же, как он утверждает, его интересует только вечное настоящее.

— Как бы я хотел отвергнуть прошлое и будущее,— с чувством сказал я.

— Да, а потом мы сумеем отвергнуть совесть и последствия наших деяний, не так ли? — усмехнулся священник.— Но я уже спорил на

этую тему с моим другом Грутом и не стану наводить на вас скуку. Если вы с ним встретитесь, он изложит вам свою позицию гораздо лучше, чем я.

Я достал из сумки футляр с картами.

— Здесь отмечен Перевал Отщельника?

После многочисленных обращений к картам я сразу мог извлечь нужную (в данный момент меня интересовала та, где были изображены оба Аммендорфа) и протянул ее священнику.

Толстым пальцем он показал мне дорогу, уходящую в высокие горы, которые я уже видел.

— Северо-восток,— сказал он.— И пусть Бог, или тот, кто правит Миттельмарком, отправляется вместе с вами.

Я вышел из церкви.

— Мы запасемся здесь провизией,— сказал я моему спутнику,— а потом двинемся дальше.

— Когда мы проезжали через город, я заметил хорошую гостиницу,— произнес Седенко.

— Хорошо, пообедаем там.

Встреча с отцом Христоффелем одновременно подбодрила и встревожила меня. Хотелось побыстрее оставить Аммендорф за спиной.

— Ну что, исповедались? — невинно спросил молодой казак, когда я вскочил в седло.

Я пожал плечами.

— Может быть, мне тоже следовало испросить благословения священника,— продолжал Седенко.— В конце концов, прошло много времени...

Меня рассердил Седенко — ведь я так много о нем знал. Я был готов возненавидеть его за пренебрежение к собственной судьбе.

— Этот священник чуть ли не агностик, — сказал я. — Он не может снять тяжести грехов с собственных плеч, не говоря уже о твоих или моих. Пойдем, Седенко, нам пора.

Я замолчал, не зная, стоит ли рассказать ему еще что-нибудь о предстоящем путешествии. И вдруг выпали:

— Я ищу святой Грааль.

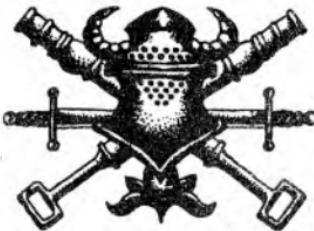
— А что это такое, капитан?

Седенко насвистывал, направив коня вслед за моим. Его дыхание белыми клубами висело в морозном воздухе.

Я рассказал ему все, что мог. Он слушал вполуха, словно речь шла о легенде, не имеющей к нам никакого отношения. Легкомыслие этого паренька еще сильнее испортило мое настроение.

Глава восьмая

огда мы выезжали из Аммендорфа, я с возмущением думал о божестве, которое с легкостью приговорило душу такого человека, как Седенко, к аду. Мое сердце переполняла горечь. Казалось, в мире нет справедливости, как и нет никакой возможности ее добиться, и не к кому обратиться за помощью, некому пожаловаться. Зачем же тог-

да я беспокоюсь о своей душе, если мир таков? Чего я избегаю, спасая ее от преисподней?

Седенко попытался было заговорить со мной, отвлечь от мрачных мыслей, но вот уже некоторое время он ехал, не произнося ни слова, и, похоже, смирился с моим молчанием и нежеланием отвечать даже на самые невинные вопросы. Близилась ночь, становилось все холоднее, однако я решил пока не разбивать лагерь. Я устал. Отличное вино и еда Аммендорфа помогали мне справиться с непогодой и недосыпанием, и я убедил себя в том, что Седенко молод, и одна бессонная ночь ему не повредит. Меня лишь беспокоило состояние лошадей, но складывалось впечатление, что они в полном порядке, ведь мы не гнали их вперед. Движение — вот единственное, чего мне хотелось. Мы миновали скалы, заснеженную вересковую пустошь, потом лес, пересекли несколько неглубоких рек, направляясь в сторону высоких горных пиков и Перевала Отшельника.

Когда опустилась ночь, я слез с лошади и повел ее на поводу. Седенко, не задавая лишних вопросов, сделал то же самое.

Прошло уже много лет с тех пор, как я растерял веру во что бы то ни было, кроме собственного умения выживать в мире, где бушует война. Но, очевидно, в глубине моего сознания теплилась надежда на то, что Бог помогает человеку найти избавление. Сейчас, когда я отправился на поиски святого Грааля (или того, что играет роль святого Грааля), я не только сомневался в возможности спасения души. Я не был уверен в том, что ради боже-

ственного благословения стоит тратить силы. И снова борьба между Господом и Люцифером представилась мне не более чем дрязгами мелких князьков из-за крошечной, бесполезной территории. Складывалось впечатление, что судьба жителей данной территории их совершенно не занимает, и даже награда, обещанная за верность, казалась мне незначащей. Сам я считал, что заслуживаю любого конца, каким бы жестоким он ни был, потому что я расходовал свой ум и способности на самообман. Этого нельзя сказать о Седенко, который был всего лишь порождением своего времени и обстоятельств. Я получил справедливое подтверждение существования Бога и дьявола, и моя вера в них стала еще меньше, чем была до сих пор.

Плащ совсем не защищал от пронизывающего ветра зимней ночи. Зубы отчаянно стучали и чудилось, будто сердце вот-вот превратится в ледышку. Даже Седенко дрожал, а ведь он привык к еще более суровым холодам.

Мы забирались все выше в предгорья. Вершины теперь заслоняли половину неба, снег становился все глубже и вскоре начал попадать нам в сапоги. Приближался рассвет, и я понял, что если мы в самое ближайшее время не согреемся и не поедим, то, скорее всего, окончим здесь свои дни и оба прямиком отправимся в преисподнюю. Эта перспектива заставила меня вспомнить, по какой причине я согласился на сделку с Люцифером.

В сумерках было почти ничего не видно, но мне все-таки удалось заметить нависшую

над землей скалу, под которую намело относительно мало снега. Я велел Седенко развести огонь.

Пока он собирал хворост, начало светать, и холодное небо порозовело. Я смотрел, как мой спутник молча работает в небольшой рощице внизу, наклоняется, выпрямляется, стряхивает снег с хвороста. Каким-то непостижимом образом я вспомнил притчу об Аврааме и его сыне. Почему человек должен служить Богу, требующему столь безумной верности, Богу, запрещающему своим подданным обычные чувства, созданные им самим?

Седенко развел костер и достал из сумок еду. Казалось, ему доставляет радость уже то, что он находится рядом со мной. Его глаза горели возбуждением, он предвкушал великие, поразительные приключения. Я подумал, что если бы ему было суждено умереть завтра, он с таким же любопытством разглядывал бы преисподнюю, очутившись в ней.

Вдруг пришла мысль, что Люцифер солгал мне, что он лгал всем, кто ему служит. Может быть, наши души вовсе не прокляты, может быть, мы смогли бы каким-нибудь образом вырвать свои судьбы из его рук, освободиться от его влияния, как и он сам пытается выйти из под власти Бога. Почему наше благополучие зависит от подобных существ?

Ответ тут же пришел на ум, как и всякий раз, когда я занимался такими вот логическими построениями: потому, что Бог и сатана могут уничтожить нас в любой момент, стоит им только пожелать.

Я почти сочувствовал тем, о ком рассказывал Уайлдгрейв; ведь они считали, что я помогаю Люциферу предать своих. Они видели в нем прежде всего пример небесного высокомерия и несправедливости. Если Господь и Люцифер договорятся между собой, мои врачи лишатся покровительства и защиты, и все лишь потому, что Люцифер посчитал возможным изменить свою точку зрения.

Но позволит ли Бог Люциферу изменить точку зрения? Даже сам Люцифер этого не знает. А вдруг я, ищущий средство от боли мира, найду вовсе не целительный эликсир? Что, если человечество поднесет святой Грааль к губам, а там окажется смертоносный яд? Что, если излечиться от боли можно, лишь погрузившись в забвение смерти, где нет ни рая, ни ада?

Я так тяжело вздохал, что Седенко, гревший руки у костра, поднял голову и посмотрел на меня.

— Что сказал вам священник, господин? Вас не покидает печаль с тех пор, как вы с ним встретились.

Я промолчал. Конечно же, вовсе не священник причина моего беспокойства. Я не мог сообщить Седенко, что его душа отправится в ад, что Бог, которому он служит, отверг его, даже не потрудившись поставить об этом в известность.

— Он отказал вам в отпущении грехов? — расспрашивал Седенко.

— Мое настроение никоим образом не связано с разговором в церкви, — проговорил я. —

Священник ответил на все мои вопросы. И рассказал, где я найду некоего отшельника.

— И вам по-прежнему неизвестна цель вашего путешествия?

— Мне кажется, она мне известна, в той степени, в какой это, вообще, возможно. Приготовь-ка нам завтрак, юный казак. И спой одну из твоих звучных песен, если у тебя, конечно, есть настроение.

Я заснул еще до того, как он занялся стряпней, и открыл глаза лишь в полдень. На огне кипел суп. Седенко, тоже решив немного отдохнуть, спал, завернувшись в одеяло, неподалеку от меня. Я съел суп и вымыл котелок, а потом разбудил казака.

Горы показались мне огромными, ничего подобного я в жизни не видел. Зазубренные пики, крутые склоны, покрытые замерзшим снегом и сверкающие в лучах холодного зимнего солнца, точно вырезанные из хрусталия. Ослепительно белые пейзажи: чистота и непорочность зимы. В нескольких местах снег прорезали речушки, и я понял, что на самом деле здесь не так холодно, как кажется. Видимо, я привык к весеннему теплу, и моему организму требовалось время, чтобы приспособиться к смене температуры воздуха. Однако я видел, что Седенко чувствует себя прекрасно.

— Человек в состоянии понимать снег,— сказал он. И поведал мне, что в его языке имеется несколько слов, обозначающих разные виды снега.— Снег может убивать,— продолжал он, укладывая наши вещи в перемет-

ные сумы,— но ты учишься вести себя так, чтобы он тебя не прикончил. Или, по крайней мере, стараешься увеличить свои шансы на выживание. С людьми, капитан, дело обстоит совсем не так.

— Точно,— с улыбкой сказал я.

— Человек скажет, что ты должен сделать, чтобы он тебя не убил. И ты все в точности выполнишь. А он все равно убивает, верно?

— Абсолютно верно, Седенко.

Я утешал себя тем, что его наивная душа будет приятной компанией в аду, если нам, конечно, позволят остаться вместе. Я не стал говорить ему, что его наблюдения относительно природы человека с моей точки зрения так же верны, как и размышления о Боге и Его падшем ангеле. Вряд ли Седенко мне поверил бы. Потому что мне и самому не хотелось в это верить.

Мне нравился запах снега, и меня охватывало особое возбуждение, приходящее в тот момент, когда ты теряешь надежду на все, кроме, пожалуй, нескольких часов жизни. И вдруг, рискуя лопиадью, я пустил ее галопом по снегу, который ослепительными брызгами разлетался во все стороны. Седенко с радостными воплями и улюлюканьем погнался за мной на своем пони, причем он низко наклонялся то вправо, то влево, демонстрируя удивительную ловкость, а потом одним изящным движением вскочил на спину лопиадки и, расставив руки, принялся умело балансировать на скаку.

Он утверждал, что казаки самые лучшие наездники в мире, и должен сказать, я ему

поверили, если только его соотечественники так же искусны, как и он. Его возбуждение передалось и мне, и я постарался отогнать мысли о добре и зле, о войне в небесах и наслаждался пейзажем, в то время как Седенко постепенно успокаивался, напоминая жизнерадостного щенка, и, тяжело дыша и ухмыляясь, пристроился рядом со мной.

Вечером он опять развел костер, а я принялся изучать карту. Мы уже забрались достаточно высоко, и казалось, будто горы на нас наступают. Далеко позади осталась долина, но даже ее загораживали холмы. Перевал Отшельника находился не больше чем в пяти милях к северо-западу. Если мы не встретим на пути препятствий, то доберемся до него к середине завтрашнего утра.

Временами я подумывал о том, что неплохо было бы узнать, как защищен Перевал и какие опасности ждут нас впереди. Но Седенко я ничего не говорил.

Мы добрались до первой горной гряды около полудня и легко обнаружили вход в ущелье. Мы обвязали коныта лошадей тряпками, поскольку каменистая почва была покрыта льдом и нам частенько приходилось спешиваться и вести животных на поводу. Теперь пики гор скрылись из виду, казалось, мы приближаемся к бесконечно высокой стене из сверкающего хрусталия, белого и бледно-голубого или серого — там, где ветер сдул снег со скал. Меня не покидало восхищение перед высотой и формой гор; мне еще не приходилось видеть ничего похожего.

Ущелье напоминало темную рваную рану на теле отвесной скалы. Только подойдя поближе, мы поняли, что оно располагается между горами, резко поворачивая в сторону, из-за чего разглядеть лежащее впереди не представлялось возможным. Здесь снега было совсем мало, но лед оказался намного толще, чем в долине. Мы поняли, что придется двигаться с особой осторожностью.

Без промедления мы запагали вперед. Зимнее солнце скрылось из вида, и температура резко упала, пришлось шотнее закутаться в шапки. Звук наших шагов гулким эхом отдавался в каньоне, где-то в стороне с шумом бежала вода, трещал и скрипел подтаявший снег. Сверху, с нависших уступов, нам на головы и плечи несколько раз надал снег.

Седенко посмотрел наверх, на далекую полоску света, и с благоговейным страхом проговорил:

— Это почти что пещера. Громадный, чудовищный туннель, капитан. Он приведет нас в преисподнюю?

— Очень надеюсь, что нет,— ответил я, гораздо лучше, чем си, понимая скрытое значение его слов.

Мы разговаривали шепотом, точно знали, что слишком громкий звук заставит снег, скалы и лед покинуть свои привычные места, и мы в доли секунды окажемся погребены под ними. Мы свернули и очутились почти в непроглядной темноте. Каждый, даже самый незначительный шум имел свое значение, потому что мог привести к оползню. Я вдруг понял, что

стараюсь сдерживать дыхание и слышу каждый удар своего сердца.

Постепенно ущелье расширилось, и в конце концов у нас над головами появились проблески света. Здесь снег оказался глубоким и сырьим, но льда почти не было, его растопили солнечные лучи, и мы немного успокоились и расслабились. Через несколько поворотов дорога стала еще шире, и вскоре мы попали в небольшую долину. Тут и там росли чахлые кусты и деревца, и мне даже удалось разглядеть кое-где маленькие зеленые прогалины. Звуки, издаваемые снегом и льдом, остались позади, перестали нас занимать. Примерно через час мы решили отдохнуть и поесть хлеба и маринованной селедки, купленной в Аммендорфе.

Когда мы счищали снег с большого плоского камня, я вдруг уловил шорох и удивленное восклицание и понял, что где-то неподалеку прячется человек.

Я замер и прислушался, но кругом царила полная тишина. Тем не менее я достал пистолеты и положил рядом с собой, и только после этого принялся за еду.

Седенко ничего не слышал, но знал, что я встревожен, и жевал, не спуская глаз с моего лица.

Еще один звук. Справа от нас упал камень и посыпался снег. Я положил хлеб и, взяв оба пистолета, направил их в ту сторону, откуда доносился шум.

— Будьте осторожны! — крикнул я. — Лучше вам выйти, чтобы мы могли поговорить.

Из-за скалы появилась девочка лет пятнадцати, худая, замерзшая, в лохмотьях. В ее глазах страх уживался с голодом и любопытством.

Я не опустил пистолетов. Война научила меня опасаться детей.

— Тут есть еще кто-нибудь?

Она покачала головой.

— Твоя деревня где-то поблизости?

И снова девчушка отрицательно покачала головой.

— В таком случае что, во имя нашего Господа и святой Софии, ты здесь делаешь? — удивленно спросил Седенко, засовывая саблю в ножны и подходя к девушке. Я считал, что он ведет себя неосторожно, но не остановил. — А ты хорошенъкая. Что с тобой произошло, крошка? На твоих спутников напали бандиты? И ты единственная осталась в живых? Заблудилась?

Неожиданно ему в голову пришла новая мысль, и он сделал шаг назад.

— Ты ведьма? Умеешь менять внешний вид? — Седенко бросил взгляд на далекие горы, потом оглянулся, и спросил через плечо: — Как вы думаете, капитан? Может быть, она нас хочет куда-нибудь заманить?

— Вполне возможно, — ответил я. Мне эта мысль пришла в голову в тот же момент, когда я ее увидел.

Седенко отошел назад, потом еще на несколько шагов, пока почти не уперся спиной в дуло моего пистолета. Сердито уставившись на девушку, он сказал мне негромко:

— Значит, ведьма?

— Несчастное дитя, скорее всего, оставленное в горах. И не более того.

— Мой господин... — Девушка показала рукой себе за спину.

— Вот! — с ликованием возопил Седенко. — Колдун, которому она служит.

— Кто он, твой господин, девочка? — спросил я.

— Святой человек, ваша милость. — Она попыталась изобразить что-то вроде реверанса.

— Mar! — настойчивым шепотом объявил Седенко.

— Отшельник, живущий в ущелье, так? — поинтересовался я.

— Да, ваша милость.

— Она всего лишь подружка отшельника, — сказал я Седенко. — Ты наверняка и прежде видел детей вроде нее?

Седенко потер нижнюю губу пальцем, искасса посмотрел на девочку. Впрочем, мои слова его почти убедили.

— Ну, и где же твой господин? — спросил я ее.

— Наверху, сударь. Он умирает. У нас уже давно нет еды. И он много дней назад получил рану. Еще до того, как выпал снег. — Девушка махнула рукой.

Теперь я сумел разглядеть темное отверстие в скале. В ущелье повсюду были разбросаны такие пещеры, думаю, у отшельников они пользовались популярностью. Мало того, что служили вполне удобным с точки зрения этих людей жильем, они находились неподал-

леку от дороги и давали возможность обращаться к путникам за пищей или чем-нибудь другим.

— И давно ты живешь со своим отшельником? — спросил я девушки.

Я решил, что можно убрать пистолеты, поскольку не сомневался, что она не лжет. Однако Седенко все еще опасался подвоха.

— С самого детства. Он присматривает за мной с тех пор, как орлы убили брата, отца и мать.

— Ну что ж, — проговорил я, — отведи нас к умирающему отшельнику.

Седенко в голову пришла неожиданная мысль.

— Может быть, это ваш Грут, капитан?

— Навряд ли. Но, возможно, он знает про Грута. Насколько мне известно, все отшельники соперничают между собой.

Вслед за девушкой мы взобрались по заснеженному склону и вскоре оказались перед пещерой. Из нее доносилась резкая вонь, но я знал, что святых людей, вроде этого, всегда сопровождает мерзкий запах, и смело вошел, лишь прикрыв рот рукой.

Девушка показала в угол, где что-то шевелилось.

Седенко, недовольно ворчая, остался снаружи. Я не возражал.

Измокленное лицо чуть приподнялось над горой тряпья, и на меня уставились черные глаза. Если вонь и зрелище были отвратительными, то улыбка на лице отшельника, заставила меня содрогнуться. Он весь излучал безумную набожность. Отшельник предлагал себя в

качестве примера, обвинял и прощал одновременно. Мне уже доводилось видеть лица, подобные этому. И я не раз убивал тех, кто вот так мне улыбался. Однажды я сказал, что такая улыбка на губах обязательно должна получить себе для пары улыбку на горле.

— Приветствуя тебя, святой отшельник,— проговорил я.— Твоя служанка утверждает, что ты болен.

— Она преувеличивает, сударь. Две-три раны, только и всего. Разве можно сравнить мою боль со страданиями нашего дорогого и горячо любимого Христа, которому мы все стремимся подражать и за которым готовы следовать? Мои раны приближают меня к небесам, сразу в нескольких смыслах.

— Да, и пахнут они раем, верно? — ответил я.— Я Ульрих фон Бек, и я ишу святой Грааль.

Я знал, что мои слова должны произвести на отшельника впечатление. Он снова откинулся на спину, в его позе появилось нечто вроде презрения.

— Грааль? Грааль? Ах, сударь, но ведь Грааль сможет меня излечить!

— И всех тех, кто болен или умирает,— прибавил я.— Однако мне еще не удалось его отыскать.

— Но ваши поиски уже близятся к концу? — спросил отшельник.

— Не знаю.— Я подошел к нему.— Я дам еды. Седенко! — крикнул я своему спутнику.— Принеси еды для этой парочки.

Седенко с неохотой начал спускаться по склону.

— Я горжусь тем, что мне довелось встретиться с таким святым человеком, — проговорил отшельник.

— Вы сами не менее святы, — заявил я.

— Нет, сударь, в святости вы намного превосходите меня. Могу легко доказать вам свою правоту. Как же сильно довелось вам страдать, чтобы снискать такую милюсть!

— О, нет, господин отшельник, я уверен, что ваши мучения превосходят мои в тысячу раз.

— Я вам не верю. Смотрите! — Он вытянул руку, и я заметил движение, которое не имело никакого отношения к мышцам или костям. Я стал приглядываться.

— Что я должен увидеть?

— Моих друзей, дражайший рыцарь. Существа, которых я люблю больше, чем самого себя.

Теперь я понял, что являлось причиной вони — она исходила из протянутой ко мне руки. Когда мои глаза приспособились к сумраку пещеры, я заметил, что всю конечность святого отшельника покрывают черви. Они питались его плотью. А он им улыбался, совсем как несколько минут назад улыбался мне. Вне всякого сомнения, он испытывал к ним гораздо большую привязанность, чем к любому человеческому существу. Ведь, в конце концов, они с радостью помогали ему в его мученичестве.

Я из тех, кто привык скрывать свое отвращение, однако и мне понадобилось совершил усилие над собой, чтобы в тот же миг не отвернуться от безумца.

— Такое благочестивое страдание вызывает восхищение.— Я выпрямился и с тоской посмотрел на выход из пещеры, мечтая как можно скорее оказаться на снегу и свежем воздухе.

— Вы очень добры, господин рыцарь — С тяжелым вздохом отшельник откинулся на грязное тряпье.

Мысль о том, что я поднесу ко рту несчастного пищу, чтобы он смог снова накормить своих червей, вызывала омерзение, но ни в чем не повинное дитя нуждалось в пище. Вернулся Седенко, я вышел к нему, взял хлеб и протянул девушки. Она тут же отломила большой кусок и отнесла своему господину. Когда она раскрошила хлеб и положила ему в рот, он принял медленно, старательно жевать, а по грязному подбородку и бороде потекла струйка слюны.

Я вышел наружу на несколько минут, потому что был не в силах справиться с тошнотой.

— Эта девушка здесь пропадает зазря,— проговорил Седенко.— Старый урод помрет самое большое через пару дней.

Я не стал спорить.

— Когда он поест, я спрошу, что он знает про Грута, и мы отправимся дальше.

— У меня на родине таких святых людей тоже немало,— проговорил Седенко.— Они думают, будто грязь и страдания плоти приближают их к Богу. Только зачем такие нужны нашему Господу?

— Может быть, Он хочет, чтобы мы все последовали примеру этого отшельника? Мо-

жет быть, Бог испытывает удовлетворение, когда Его создания отказывают себе во всех благода-
тях, созданных Им?

— Ересь, капитан,— проворчал Седенко.— Или очень близкие к ереси слова.

Ему явно не понравился мой тон, в котором прозвучала не только насмешка. У меня было очень мрачное настроение.

Я вернулся в пещеру.

— Скажите, пожалуйста, сударь отшельник, вы что-нибудь знаете о человеке из вашей бра-
тии, о Филандере Груте?

— Конечно. Он поселился в Долине Золо-
того Облака, по другую сторону гор. Только про него нельзя сказать, что он святой, хотя сам он утверждает обратное. Знаете, я даже слышал, что он отказался от Бога. Он не истя-
зает свою плоть. Говорят, Грут часто моется — не меньше десяти раз в год. Его одеж-
да... — Отвратительное существо передо мной раскачивалось. — Ну, достаточно вам знать, что он не принадлежит к нашей секте, хотя я уве-
рен, — с некоторым усилием добавил отшель-
ник, — что у него имеются вполне весомые причины, по которым он выбрал именно такой путь, и не нам судить, кто прав, а кто нет. — И снова его лицо осветила счастливая и улыбка, исполненная благочестия и гордости за самого себя.

— Значит, у него нет червей, — заявил я.

— Ни одного, — ответил мне отшельник. — Насколько мне известно, господин рыцарь. Впрочем, может быть, я к нему несправедлив без всякой на то причины. Я ведь только на-

слышан о Финандере Груте. Наши пещеры раньше населяло много отшельников. Теперь я остался один. Они частенько рассказывали про Грута.

— Благодарю вас,— изо всех сил стараясь быть вежливым, произнес я, а затем перевел взгляд с мерзкого старика на девушки.— А что станется с вашей служанкой, когда вы, в конце концов, отправитесь на небеса, господин отшельник?

Он улыбнулся.

— Она будет вознаграждена.

— Вы считаете, ей удастся выжить здесь зимой?

— Скорее всего, нет,— нахмурился отшельник,— если я умру. Возможно, она воспарит со мной в небеса. Ведь она еще девственница.

— И вы думаете, девственность послужит ей пропуском?

— Конечно, и еще то, что она верно служила мне на протяжении многих лет. Я научил ее всему, что знаю сам. Когда она пришла ко мне, она была совершенно невежественной. Но я рассказал ей о грехе и о рае. Я рассказал ей о падении Люцифера и о том, как наши предки были изгнаны из Эдема. Я научил ее десяти заповедям. И поведал о рождении Христа, его страданиях, смерти и воскресении, она знает о Судном Дне. Ей посчастливилось получить гораздо больше, чем многим другим женщинам, вы со мной согласны?

— Конечно,— сказал я,— девушке исключительно повезло. А что еще она получит в наследство от вас?

— У меня ничего нет,— с гордостью ответил отшельник.— Только то, что вы видите перед собой.

— А как насчет червей, вы завещаете их девушки?

Впервые за весь наш разговор он уловил в моих словах иронию, нахмурился, не зная, что ответить.

Мне надоело ждать.

— Ну, господин отшельник, каким будет ваш ответ?

— Вы надо мной издеваетесь,— проговорил он.— Не могу поверить...

— Думаю, пришло вам время получить награду,— сказал я и вытащил свой меч.— Мне кажется, несправедливо заставлять вас ждать.

Девушка вскрикнула и бросилась ко мне, поняв, что я намереваюсь сделать. Я оттолкнул ее в сторону свободной рукой и позвал на помощь Седенко. Я медленно приближался к отшельнику.

Тут же возник ужмыляющийся Седенко. Вне всякого сомнения, он одобрял мое решение. Подхватив девушку на руки, он понес ее из пещеры в тот момент, когда я поднял свой клинок.

— Иди с моим другом, девочка. Тебе не нужно смотреть.

— Убей и меня тоже,— попросила она.

— Нет, так нельзя,— ответил я.— Если и ты умрешь, это воистину будет напрасной жертвой. Сомневаюсь, что сам Бог в состоянии справиться с таким количеством благородных душ сразу. Однако если ты хочешь чем-нибудь

пожертвовать, пожалуйста, у тебя есть кое-что еще. Не сомневаюсь, что Седенко сумеет предложить тебе какую-нибудь достойную альтернативу.

Девушка заплакала. Я повернулся к свято му, на его лице не было страха.

— Поступай так, как ты должен, брат,— проговорил он.— Это Божье дело.

— Что? — удивился я.— Разве мы с тобой не разделим ответственность за твою смерть?

— Это Божье дело,— повторил отшельник. Я улыбнулся.

— Моего господина зовут Люцифер.— Я нашел его сердце стальным клинком и медленно надавил на рукоять.— Подозреваю, что и твоего тоже.

Отшельник умер, издав лишь короткий стон. Я вышел из пещеры. Седенко уже нес девушку вниз по склону. Он улыбался ей и что-то говорил на своем родном языке.

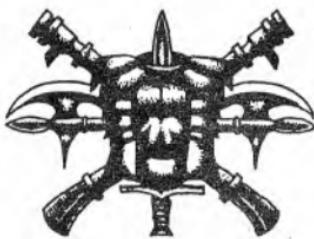
Ночью, когда я пытался заснуть, Седенко насладился девушкой. В какой-то момент она закричала, но потом затихла. А утром я ее не увидел.

— Думаю, она попытается добраться до Аммендорфа,— сказал мне Седенко.

У меня не было настроения разговаривать.

Еще несколько дней мы путешествовали по горам, Седенко пел песни, а я размышлял над загадками бытия, которое считал в самом лучшем случае весьма сомнительным подарком.

Глава девятая

У

меня появилась привычка извлекать удовольствие из иронии моей судьбы, из парадоксов и контрастов моей миссии. Я размышлял о чудовищных преступлениях, которые могут быть совершены ради поисков святого Грааля. Достаточно ли я силен, чтобы их совершить? Какой самодисциплиной я должен обладать, чтобы вопреки соб-

ственной натуре содеять страшный грех? Мои внутренние споры становились все сложнее и отвлеченнее, но помогали хотя бы на время забыть о малоприятном окружающем мире.

Прошла трудная неделя, а мы все еще находились среди гор. Мы пережили несколько лавин, два нападения местных разбойников, трижды чуть не сорвались с горных троп, не говоря уже об обычных переменах погоды. Седенко сохранял присутствие духа, да и мое настроение постепенно начало улучшаться.

Наконец мы остановились на выступе скалы и посмотрели вниз — где-то там лежала цель нашего путешествия.

Однако всю долину скрывал мерцающий золотистый туман, а вокруг высались покрытые снегом крутые склоны.

— Здесь обитает Филандер Грут, капитан, — сказал Седенко, опираясь на луку седла. — Но как мы до него доберемся?

— Надо найти способ спуститься. Проход обязательно должен существовать — сумел же Грут проделать этот путь.

Мы осторожно двинулись вниз по узкой тропинке. До сумерек оставалось еще около четырех часов, когда мы поняли, что пора разбивать лагерь. Эти горы были слишком опасными, чтобы расхаживать по ним в темноте.

Наше первое столкновение со стражами долины произошло после того, как мы услышали пронзительный свист. Подняв глаза к чистому голубому небу, мы увидели четкие очертания двух стражей. Их намерения не вызывали сомнений. Они собирались покончить с нами.

Мне никогда не приходилось видеть столь огромных и великолепных орлов. Их тела были почти такими же большими, как пони Седенко, а каждое крыло вдвое превышало длину туловища. В окраске доминировали белый, золотой и пурпурный цвета, лишь головы оказались темно-синими. Мощные клювы стального цвета гармонировали с широко расставленными когтями. Орлы мчались на нас с торжествующим клекотом, заранее предвкушая победу.

Наши лошади пытались встать на дыбы и отчаянно ржали. Я вытащил пистолет, взвел курок, прицелился и выстрелил. Пуля ударила первого орла в плечо, и он беззвучно свернулся в сторону, кровь полилась из раны. Сабля Седенко встретила другого и заставила его отпрянуть, однако орел парил над нами, и ветер от его громадных крыльев грозил снести нас в долину. Я вытащил второй пистолет и выстрелил еще раз. На этот раз мне сопутствовала удача — я попал в голову огромной птицы. С диким криком орел попробовал набрать высоту, но у него ничего не вышло, и он рухнул в пропасть. Скоро его скрыла пелена тумана. Его спутник (может быть, супруг) некоторое время следовал за падающим товарищем, а потом с пронзительным криком снова бросился на нас. У меня не было времени перезарядить пистолеты. Оставалось сражаться на мечах. Чудовище стремительно метнулось вниз, и если бы Седенко не нырнул вбок, орел утащил бы его за собой. Быстрая казацкая сабля успела сре-

зать несколько хвостовых перьев гигантской птицы. Седенко схватил их и с победной усмешкой потряс над головой.

В следующий раз птица напала на меня. Ее когти могли проткнуть меня насквозь не хуже копья. Мой конь отступил, он явно мечтал обратиться в отчаянное бегство, поэтому приходилось уделять ему внимание. Все же я успел нанести удар мечом, на белых перьях появилась кровь, но я понимал, что птица получила несерезное ранение.

Теперь орел держался не так уверенно — сказывалась пулевая рана в плечо и отсутствие хвостовых перьев. Седенко умудрился отсечь один из когтей; птица начала слабеть, но не оставляла нас в покое.

После каждой новой атаки орел получал одно или два ранения.

Так мы и сражались с огромной птицей. Медленно, но верно после наших многочисленных ударов все ее прекрасные перья окрасились кровью. Во время последней атаки Седенко вскочил на седло и, приподнявшись на цыпочки, нанес точный удар — на сей раз ему удалось отрубить часть крыла. Орел потерял равновесие, отчаянно забил крыльями, пытаясь удержаться в воздухе, но тщетно — он рухнул вниз, и белые, золотые и пурпурные перья на снегу обагрились свежей кровью. Орел яростно закричал, и ни у одного из нас не достало мужества спуститься и положить конец его страданиям. Несколько минут мы смотрели на великолепную птицу, а потом убрали в ножны клинки и поехали дальше. Никто из нас не

считал, что удалось одержать красивую и благородную победу.

Постепенно тропинка уходила все ниже в золотистый туман, вскоре видимость сократилась до нескольких футов. Нам пришлось снять спешиться и продвигаться вперед с превеликой осторожностью, пока не наступила ночь; мы были вынуждены остановиться на первом же плоском участке, где удалось привязать лошадей и разбить лагерь.

Прежде чем заснуть, Седенко сказал:

— Эти птицы были сверхъестественными существами, да, капитан?

— Я никогда не слышал о подобных орлах,— ответил я.— Не сомневаюсь, что ты прав, Седенко.

— Они служат волшебнику, которого мы разыскиваем,— предположил казак.— Из чего следует, что мы нанесли ему оскорблениe, убив его слуг...

— Мы не знаем, служили ли ему орлы, и не можем быть увереными, что он разгневается за то, что мы убили птиц, защищая свою жизнь.

— Я боюсь этого волшебника, капитан,— спокойно признался Седенко.— Всем известно, что только самые великие колдуны в силах повелевать духами воздуха. А кем еще могут быть орлы?

— Они очень большие,— заметил я,— и чрезвычайно опасные. Но меня не удивит, если они видели в нас добычу и ничего более. Например, пропитание для птенцов. В здешних краях редко появляются путешественники, да и крупной дичи не найдешь. Зачем тревожиться

о вещах, которые нам не дано постигнуть? Так только даром потратишь время.

Седенко принял мои слова за приказ ломалить. Он поджал губы, но не перестал размышлять об орлах.

Утром мы продолжили наше путешествие и оба заметили, что воздух постепенно становится теплее, а золотой туман редеет. Вскоре мы оказались на широкой горной троице, которая вела в долину удивительной красоты — здесь совсем не было снега. Создавалось впечатление, что в долине стоит поздняя весна или лето. На полях колосилась пшеница; мы видели богатые деревни, а на востоке возвышался крупный город, построенный на берегах широкой и спокойной реки. Мы с Седенко едва верили своим глазам: вокруг, на склонах гор, лежал глубокий снег.

— Сначала мы шагнули из весны прямо в зиму, — с удивлением проговорил Седенко, — а теперь оказались посреди лета. Может быть, мы прошли, как старик из легенды, львиную долю года, капитан? Или нас заколдовали, а мы этого и не заметили? Или эта долина волшебная?

— Мне такое волшебство нравится, — сказал я другу.

Сняв плащ, я скатал его и положил поперек седла.

— Ничего удивительного, что эти места охраняют с помощью гигантских орлов. — Седенко всматривался вперед. Он увидел стада овец и другого скота; богатая земля. — Отличное место, неплохо бышю бы здесь осесть, не так ли, капитан? Когда захочешь, можно быст-

ро оказаться в краю, где полно снега, совершают набеги... — Он помолчал, видимо размышляя о своей версии рая.

— И что мы будем добывать в набегах? — с улыбкой спросил я. — Все, что нам нужно, здесь имеется в изобилии.

— Ну, — он пожал плечами, — мужчина должен разбойничать. Или делать еще что-нибудь.

Я поднял глаза. Золотой туман, давший название долине, простирался от одного ее конца до другого. Я не понимал сути этого явления, но верил, что оно естественного происхождения. Каким-то образом холод и снег не касались долины. Я знал о существовании подобных мест, менее других подверженных влиянию времен года, но ничего подобного мне наблюдать не приходилось.

Мы медленно ехали по тропе; прошло больше часа, прежде чем мы спустились на самое дно долины. Здесь тропу перегораживали ворота, которые было невозможно объехать; перед воротами стоял огромный боевой конь, а на его спине восседал часовой, одетый в доспехи трехсотлетней давности. Его латы и оружие были богато позолочены, а в одежде преоблацали белый, золотой и пурпурный цвета, живо напомнившие мне орлов, с которыми мы совсем недавно сражались.

Из-под опущенного забрала донесся голос:
— Остановитесь, незнакомцы!

Мы натянули поводья. Седенко снова стал осторожным, я знал, что он боится, что возникшее перед нами существо рождено сверхъестественными силами.

— Меня зовут Ульрих фон Бек,— представился я.— Я отправился на поиски Грааля и мне нужен тот, кто обитает в долине.

Казалось, стража рассмешили мои слова.

— Да, незнакомец, тебе необходим мудрец. Потому что ты глуп, если ищешь Грааль.

— Вы знаете о Граале? — неожиданно Седенко охватило любопытство.

— А кто о нем не знает? Нам, живущим в Долине Золотого Облака, многое известно, потому что наши земли ищут те, кто мечтает об Эдеме. Мы привыкли к легендам, незнакомец, поскольку сами являемся легендой.

— Легендой? Но вы существуете. Значит, и Грааль может существовать, — сказал я.

— Одно не доказывает другое, — возразил страж, слегка пошевелившись в седле.— Вы убили наших орлов, не правда ли?

— На нас напали! — начал оправдываться Седенко.— Мы защищали свою жизнь...

— Убийство орла не является преступлением, — холодно проговорил страж.— Мы, живущие в Долине Золотого Облака, не навязываем наших правил чужакам. Мы только просим их не приносить нам весьма своеобразные представления о справедливости. Однако, как только вы оставите эти ворота позади, вам придется подчиняться нашим законам до тех пор, пока вы нас не покинете.

— Ну, конечно, мы согласны, — заверил я стражу.

— Эти законы просты: не красть ничего, будь то абстрактная идея или чужая жизнь. Все изучать. Платить честную цену. И помни-

те, лгать — значит красть свободу действий чужой души или ее часть. Здесь лжец и вор — одно и то же.

— Ваши законы кажутся мне превосходными, — заметил я. — И представляются идеальными.

— И простыми, — с чувством добавил Седенко.

— Они действительно просты, — сказал страж, — но иногда нуждаются в довольно сложном толковании.

— А каково наказание за нарушение законов? — поинтересовался Седенко.

— У нас только два вида наказания: изгнание и смерть. Для некоторых они равнозначны.

— Мы запомним все, что вы сказали, — заверил я стража. — Мы ищем Филандера Грута, отшельника. Вам известно, где его можно найти?

— Мне — нет. Только короля знают.

— Она правит вашими землями? — спросил Седенко.

— Она их олицетворение, — ответил страж. — Королева живет в городе. Вы можете туда отправиться.

Он отъехал в сторону и сделал знак. Невидимые руки начали поднимать решетку ворот.

Когда мы проезжали мимо стража, я поблагодарил его за любезность, но решил оставаться настороже и самым внимательным образом наблюдать за происходящим вокруг. Прошло уже много лет с тех пор, когда я верил, что возможна абсолютная справедливость, и не-

сколько недель с момента, когда усомнился в том, что в нашем мире (или вне его) существует хоть какая-нибудь справедливость вообще.

Теплый воздух был напоен ароматами. Мы медленно проезжали мимо зеленых полей, направляясь к далекому городу, чьи крепостные стены и башенки были преимущественно белого цвета, и ловили отблески золотистого тумана.

— Благородное существо этот страж,— с восхищением проговорил Седенко, оглядываясь по сторонам.

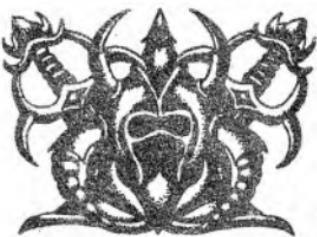
— Или лицемерное,— возразил я.

— Ну, иногда нужно верить в идеальное,--- Седенко неожиданно стал серьезным,— в противном случае невозможно надеяться на рай.

— Верно,— сказал я несчастному, проклятому юноше.

Глава десятая

C

тражники у городских ворот были одеты в такую же старомодную пышную форму, как и те, которых мы встретили первыми. Они не остановили нас, и мы въехали на широкие улицы. Нашему взору предстали великолепные жилые дома и общественные здания, веселые жители, державшиеся с огромным достоинством, и довольно ожив-

ленный рынок. Поскольку нам было велено явиться к королеве, мы отправились на поиски дворца и вскоре обнаружили его: относительно невысокое строение поразительной красоты, с бельведерами, сглаженными углами и яркими витражами. От них так и веяло покоем.

Трубачи возвестили о нашем прибытии, когда мы проходили под аркой в широкий двор, где росли самые разнообразные кусты и цветы. Простота дворца, атмосфера, царившая вокруг него, напомнили мне почему-то о детстве, проведенном в Беке. Особняк моего отца излучал такое же спокойствие и благолепие.

Нам навстречу выскочили конюхи и забрали лошадей, а вслед за ними в дверях появилась женщина в юбке и старинном головном уборе и пригласила войти. Подойдя поближе, мы обнаружили, что она невероятно молода и хороша собой, с огромными голубыми глазами и открытым лицом, пышущим здоровьем. Чем-то она напоминала монахиню из процветающего монастыря.

— Приветствую вас,— проговорила она.— Королева ждет. Не желаете ли сначала освежиться, может быть, помыться, прежде чем предстать перед ней?

Я взглянул на Седенко. И подумал, что если я и вполовину такой же грязный и небритый, как он, то с удовольствием приму ванну и переоденусь.

— Мы ехали по снегу, госпожа,— заявил Седенко.— Нам не нужно мыться. Видите? За нас это сделала Природа.

Я поклонился девушке и сказал:

— Мы вам очень признательны за заботу. Лично я не отказался бы от горячей воды.

— Вы ее получите!

Она поманила нас и провела внутрь, где оказалось достаточно прохладно. Низкие потолки и стены украшала роспись. Мы прошли по крытой галерее, где, очевидно, располагались апартаменты для гостей. Девушка показала отведенные для нас комнаты. В центре одной из них стояли две огромные деревянные лохани с горячей водой.

Седенко принюхался, словно опасался, что пар содержит в себе колдовские чары.

Я поблагодарил нашу проводницу, она улыбнулась и сказала:

— Я вернусь через час и отведу вас к королеве.

К ее возвращению я уже успел привести себя в порядок. У Седенко смены одежды не было, и он редко позволял воде касаться своего тела, но даже он вымылся и старательно побрился, оставив только усы. Выглядел он теперь намного приличнее, чем когда мы сюда прибыли.

И снова мы последовали за девушкой, прошли через огромное количество коридоров, крытых галерей и садов и в конце концов, оказались в комнате невероятных размеров, с высоким потолком, на котором были нарисованы солнце, звезды и Луна — если я не ошибаюсь, иногда такие изображения называют солнечным атласом.

На троне из зеленого стекла и резного красного дерева сидела девочка лет пятнадцати.

Поскольку ее темно-рыжие волосы украшала хрустальная с бриллиантами корона, мы поклонились и пробормотали подходящие к случаю приветствия — так мы, по крайней мере, надеялись.

Девушка благосклонно нам улыбнулась. У нее были огромные карие глаза и алые губы.

— Добро пожаловать в нашу страну, путники. Я королева Ксиомбарг Двадцать Пятая, и мне страшно любопытно узнать, какая нужда заставила вас, не побоявшись орлов, прийти к нам. Я не сомневаюсь, что вас, в отличие от иных искателей приключений, привлекли не легенды о золоте и волшестве.

Седенко заволновался.

— Сокровища? — не подумав, выпалил он. Но тут же, покраснев, попытался исправить свою ошибочность. — О, нет, ваше величество.

— Я ищу Грааль, — сообщил я юной королеве. — Мне нужен отшельник по имени Фильтандер Грут, и я надеюсь, что ваше величество знает, где он обретается.

— Да, мне доверено знание, — ответила она. — Но я поклялась никогда не открывать сей тайны. А каким образом может посодействовать вам герр Грут?

— Не знаю. Мне известно только, что я должен его найти и рассказать ему свою историю.

— Она необычна, ваша история?

— Многие посчитают ее более чем необычной, ваше величество.

— И вы не поведаете ее мне?

— Я не рассказывал ее никому. И намерен сделать для Филандера Грута исключение лишь оттого, что рассчитываю на его помощь.

— Вы поделитесь с ним своим секретом в обмен на его тайну, верно? — спросила королева.

— Похоже, что так.

— Ему понравится.

Я поклонился.

Седенко выпалили:

— Это Божье дело, ваше величество. Если он найдет Грааль...

Я попытался перебить его, но королева подняла руку.

— Нас нельзя ни в чем убедить или, наоборот, разубедить. Мы здесь не верим ни в небеса, ни в преисподнюю. И не поклоняемся никаким богам, как, впрочем, и демонам. Мы верим только в умеренность.

Мне не удалось скрыть скептицизма, и, заметив выражение моего лица, королева улыбнулась.

— Нас вполне удовлетворяет нынешнее положение вещей. Здравый смысл здесь не подчиняется чувствам — они находятся в равновесии.

— Равновесие всегда представлялось мне ностальгической мечтой, ваше величество. В реальности оно может оказаться очень скучной штукой.

Королева не рассердилась на мои слова.

— О, у нас достаточно развлечений, капитан. Есть музыка, живопись, театр...

— Вне всякого сомнения, ваши идеи умеренности не требуют особой борьбы. И, таким образом, побеждают человеческие стремления к сильным желаниям. Разве в ваших искусствах заключено величие? Насколько они благородны? Каких эмоциональных и интеллектуальных высот достигают?

— Мы живем в мире,— спокойно ответила она мне.— И мы его не избегаем. Наши молодые люди, когда им исполняется восемнадцать, покидают долину. За ее пределами они узнают, что такое горе и боль, и встречают людей, которые одерживают победу над ними. А потом дети нашей страны возвращаются назад, принося с собой опыт. Здесь, в тишине и покое, мы его изучаем, и он ложится в основу нашей философии.

— Вам повезло,— с некоторой горечью проговорил я.

— Верно.

— Итак, получается, что справедливость может существовать только при удачном стечении обстоятельств?

— Возможно, капитан.

— Но вы тем не менее нуждаетесь в опыте. Вы посыпаете ваших молодых людей на поиски опасности. Не совсем то же самое, что подвергаться ей, хочешь ты того или нет.

— Нет, конечно. Но все равно так лучше, чем вообще не знать, что это такое.

— Мне кажется, ваше величество, вы наделены привилегией спокойствия и мирной жизни. А что, если на вашу землю кто-нибудь нападет?

— Ни одна армия не сумеет до нас добраться так, чтобы мы об этом не узнали.

— Вполне возможно, что ни одна армия не может пройти по земле. А что, если, например, ваши враги выдрессируют орлов, и те пронесут солдат сквозь Золотое Облако?

— Немыслимо,— рассмеялась королева.

— Для тех, кто не имеет возможности выбирать и постоянно сталкивается с опасностью,— заявил я,— не существует немыслимого.

— Ну, мы довольны нашей жизнью,— пожала плечами царственная девочка.

— Я счастлив, что это так, ваше величество.

— Вы интересный человек, капитан. Не согласитесь ли погостить несколько дней при нашем дворе?

— К сожалению, я должен отыскать Филандера Грута, и как можно скорее. Надеюсь, мне это удастся. Моя миссия имеет срочный характер.

— Хорошо. Выезжайте из города по Западной дороге. Она приведет вас в лес. В лесу есть большая поляна, на которой стоит засохший дуб. Если Филандер Грут захочет с вами встретиться, он найдет вас там.

— В какое время?

— Он сам выберет время. Вам придется проявить терпение. А сейчас, капитан, я надеюсь, вы согласитесь хотя бы отобедать с нами и рассказать о некоторых из своих приключений.

Мы с Седенко приняли приглашение и не пожалели — обед оказался просто великолеп-

ным. Мы наелись до отвала, провели ночь в роскошных постелях, а утром по Западной дороге выехали из города юной королевы.

Мы без проблем добрались до леса и легко отыскали поляну, о которой она говорила. Разбили там лагерь и принялись ждать Грута. Тёплый воздух навевал лень, а цветы услаждали и смягчали сердце своей красотой и ароматами.

— Вот в таком местечке хорошо бы поселяться на старости лет,— проговорил Седенко и, растянувшись на земле, принялся рассматривать зеленые кроны деревьев.— Только думаю, молодому тут делать нечего. Ни драк, ни сражений, даже поохотиться не на кого...

— Тишина и покой раздражают тех, кому меньше сорока,— согласился я с ним.— Никак не могу понять, почему мне это место так не нравится. Возможно, тут все слишком нормальное и разумное. Если только допустимо это назвать разумным. Интуиция подсказывает мне, что жизнь здесь несет в себе элементы безумия.

— Ваши рассуждения слишком сложны для меня, капитан,— заявил Седенко.— Жители этой страны богаты, счастливы, им не грозит никакая опасность. Разве не к этому мы все стремимся в конце концов?

— Здоровому животному,— проговорил я,— необходимо без устали тренировать тело и ум.

— Но не все время, капитан.— У Седенко сделался встревоженный вид, словно я требовал от него каких-то действий.

Я рассмеялся.

— Нет, не все время, мой юный казак.

Прошло три дня ожидания на мирной поляне, и отдых нам откровенно наскучил. Мы облизали все окрестности, изучили речушки, поля и перелески. Собирали цветы и плели венки. Обходили лошадей. Купались. Седенко побывал на вершине каждого дерева, на которое можно было залезть, а я, правда без особого успеха, попытался разобраться в книге заклинаний, которую мне дала Сабрина. Кроме того, я изучил карты и заметил, что территории Миттельмарка существуют в виде больших пятен между землями, где в моем собственном мире никаких пятен не было.

На рассвете пятого дня я собрался вскочить в седло и покинуть Долину Золотого Облака.

— Я найду дорогу к Граалю без помощи Грута,— заявил я.

И стоило мне произнести эти слова, как, будто по волшебству, в нашем лагере появился щеголь и принял оглядываться по сторонам, причем весь его вид говорил о некоторой брезгливости и одновременно добродушной насмешке над самим собой. Он был одет в расшитый золотом и серебром бархат и кружева, повсюду сверкали блестящие пряжки. Шел он, опираясь на самым чудовищным образом изукрашенную трость, и от него разило туалетной водой. Широкополую шляпу красавчика украшали пучки серебряных и белых перьев, а борода и усы были подстрижены с тщательностью, которая пристала лишь французскому придворному фату. Меч, сработанный искус-

ными мастерами, казался вецио абсолютно бесполезной. Наш гость с любопытством взглянул на меня, а потом сделал один из тех изысканных поклонов, что мне так и не удалось освоить.

— Добрый день, господа,— нежнейшим голоском приветствовал он нас.— Я очарован встречей с вами.

— Мы прибыли сюда вовсе не затем, чтобы проводить время с мужчинами, одевающимися в женские наряды,— возмутился Седенко.— Мы ждем великого ученого мужа, отшельника и мудрейшего человека.

— Ах, простите меня. В таком случае, не стану вас задерживать. Прошу вас, назовите свои имена, господа.

— Я Ульрих фон Бек, капитан пехоты, а это мой спутник Григорий Петрович Седенко, воин. А как зовут вас, сударь?

— Меня зовут Филандер Грут.

— Отшельник? — удивленно вскричал Седенко.

— Да, сударь, я отшельник.

— Вы совсем не похожи на отшельника.— Седенко положил руку на рукоять сабли и сделал шаг вперед, чтобы повнимательнее изучить нашего гостя.

— Сударь, уверяю вас, я и в самом деле отшельник.— Грут вел себя вежливо. И скромно.

— Мы слышали, что вы святой,— продолжал Седенко.

— Я не могу отвечать за то, что другие говорят или слушают, сударь.— Грут резко выпрямился. Он был немного ниже Седенко,

который, в свою очередь, не отличался высоким ростом.— Я тот самый Филандер Грут, которого вы искали. Принимайте меня таким, каков я есть, или уходите. Вот и все.

— Мы не предполагали, что встретим тут денди,— сказал я, пытаясь извиниться за прямоту Седенко.— Мы думали, что увидим человека в домотканой одежде. Ну... как это обычно принято у отшельников.

— В мои привычки не входит удовлетворять ожидания тех, с кем я имею дело. Я Грут. Грут — вот кто я такой.

— Но почему такой франт? — Седенко вздохнул и отвернулся от нас.

— Существует множество способов удалиться от мира,— пояснил Грут мне.

— И еще несметное число других способов, помогающих удерживать мир подальше от себя,— добавил я.

— Значит, вы одобряете мой путь, господин рыцарь. Познание самого себя, однако, не приводит к спасению. Мне кажется, нам с вами нужно проделать еще очень длинный путь, чтобы достигнуть цели. Вам — носредством действия, а мне, поскольку я трус, через размышления.

— Боюсь, мне не хватает смелости для глубокого самоанализа, господин Грут,— заявил я.

Мои слова его развеселили.

— Каким бы замечательным человеком мы с вами стали, если бы можно было нас объединить в одного. И какие перед нами открылись бы перспективы!

— Мне сказали, господин Грут, что вы, возможно, захотите выслушать мою историю и согласитесь помочь мне в решении моей проблемы.

— Меня переполняет любопытство,— объявил расфуфыренный философ,— и я с радостью заплачу информацией за доставленное удовольствие. Однако вам придется согласиться с тем, что я сам назначу цену. Вас это не устраивает?

— Вполне устраивает.

— В таком случае мы с вами прогулинемся по лесу, вдвоем.

Седенко посмотрел на меня.

— Осторожно, капитан. Вдруг он подготовил западню?

— Григорий Петрович,— ответил я,— если бы господин Грут хотел устроить нам какую-нибудь неприятность, он прекрасно мог бы это сделать, пока мы его тут ждали.

Седенко сдвинул шапку из овчины на затылок и что-то сердито проворчал, а потом принял яростно трогать заросли цветов.

Филиандер Грут элегантно взял меня под руку, и мы шли по тропинке, пока не добрались до ручья.

— Начинайте, сударь.

Я рассказал, где родился и как стал солдатом. Я поведал о Магдебурге и о том, что последовало за теми событиями. О Сабрине, о встрече с Люцифером и путешествии в преисподнюю. Он узнал про сделку и про то, чего ожидает от меня Люцифер. Я сообщил ему, что ишу,— точнее, свое мнение по этому поводу.

Мы шли вдоль берега ручья, я говорил, Грут кивал, время от времени бормотал тихонько, что понимает, иногда — очень редко — просил что-то уточнить или объяснить. Казалось, он пришел в восторг от всего услышанного и, когда я закончил, дернул меня за руку, чтобы я остановился. Грут снял украшенную перьями шляпу и пригладил старательно уложенные локоны. Задумчиво поскреб аккуратную бородку. Улыбнулся и посмотрел на воду. А потом снова повернулся ко мне.

— Грааль и в самом деле существует, — сказал он. — И вы правильно делаете, что называете его этим именем, поскольку он часто принимает форму чаши.

— Вы его видели? — спросил я.

— Думаю, что видел, сударь. Когда скитался по свету.

— Значит, легенда о Непорочном Рыцаре — сплошное вранье?

— В определенном смысле все зависит от того, как вы понимаете непорочность, я думаю, — ответил Грут. — Достаточно сказать, что эта вещь становится совершенно бесполезной в руках существа, намеренного совершить с ее помощью злодеяние. Ну, а что касается зла — мы с вами вполне можем принять традиционное и хорошо известное определение. В каждом из нас есть толика альтруизма, и если с ним правильно обращаться и тщательно смешать с соответствующей выгодой для данного индивидуума, мы получим счастливого человека, не причиняющего неприятностей ни раю, ни аду.

— Я слышал, что вы отказались присягнуть на верность как Богу, так и сатане,— сказал я.

— Точно. Сомневаюсь, что я когда-нибудь встану на чью-то сторону. Мои исследования и философия вывели меня совсем на другую дорогу.— Грут пожал плечами.— Впрочем, кто знает? Я еще достаточно молод...

— Но вы признаете их существование?

— Как же так, сударь, вы же сами подтвердили это!

— Вы верите тому, что я был гостем Люцифера, а теперь стал его слугой?

— Я должен принять на веру ваши слова, сударь.

— И вы мне поможете?

— Насколько буду в состоянии. Грааль можно найти, я думаю, в местечке, которое называется Лес На Границе Рая. Не сомневаюсь, что вы сумеете отыскать его на своих картах. Лес находится на самой дальней окраине Миттельмарка. Вы должны идти на запад.

— А существуют ли какие-нибудь ритуалы, которые я должен исполнить? — спросил я у Филаандера Грута.— Мне кажется, я помню...

— Ритуал — это правда, превращенная в детскую игру, в лучшем случае. Я уверен, вы сами поймете, что следует делать.

— Больше никакого совета вы мне не дадите?

— Если бы я так поступил, то пошел бы против всего, во что верю. Нет, господин рыцарь, я и так сказал достаточно. Грааль существует. Вы почти наверняка найдете его в том месте, которое я назвал. Чего еще вам нужно?

Я самоуничтожительно улыбнулся.

— Думаю, мужества.

— В этом должны помочь здравый смысл и разговор с вашей собственной совестью. Это единственный вид мужества, который стоит иметь. Не сомневаюсь, что вы со мной согласитесь.

— Конечно, я согласен.

Мы возвращались на нашу полянку. Грут задумчиво проговорил:

— Я не очень верю, что всего лишь один предмет может излечить мир от боли. Должно быть что-то еще. Скажите, капитан, ваш господин в отчаянии?

— У меня такое чувство, что вызывающее поведение и рационализм больше не помогают ему скрывать всю глубину отчаяния,— сказал я отшельнику.— Неужели ангел может так низко пасть духом?

— Целые монастыри, огромные школы ломают копья над проблемами вроде этой,— рассмеявшись, проговорил Грут.— Я не осмелюсь рассуждать на эту тему, господин рыцарь. Природа ангелов не принадлежит к разделам философии, которые занимают меня всерьез. Я бы сказал так: Люцифер не может обмануть всеведущего Бога, значит, тот уже наверняка знает, что вы отправились на поиски Грааля. Если Люцифер преследует какие-то иные цели — не те, что он вам назвал, — то и Богу тоже все известно. Но он не пытается — до определенной степени, конечно — вам помешать. Именно такие разговоры просто обожают учёные бездельники. Но это не для меня.

— И не для меня,— кивнул я.— Если отыщу Грааль и спасу свою душу, мне этого будет достаточно. Я могу только молиться, чтобы Люцифер сдержал слово и выполнил наш уговор.

— И кому же вы молитесь? — поинтересовался Грут, еще раз улыбнувшись. Вопрос был риторическим, и отшельник покачал головой, показывая, что задал его не всерьез.

— Вы кажетесь мне не обычным подданным королевы Ксиомбарг,— заметил я.— Или у меня сложилось неверное представление о ней и об этой стране?

— Возможно, вы ошибаетесь насчет королевы и ее страны,— сказал Грут,— но в любом случае, могу вас заверить, что во всем Миттельмарке нет более мирной долины, а в настоящее время и на настоящем этапе моей жизни спокойствие необходимо мне больше всего.

— А вы понимаете суть Миттельмарка? — спросил я.

— Нет,— пожав плечами, ответил Грут.— Мне известно только, что Миттельмарк не может существовать без остального мира, в то время как остальной мир в состоянии без него прожить. Именно этого, мне кажется, и боятся, видя вас, его жители — если они, вообще, чего-нибудь боятся.

— Получается, что изначально вы не из Миттельмарка?

— Я из Эльзаса. Мало кто из местных жителей здесь родился. Эта долина и еще парочка мест — исключение. Иные существуют тут в

виде теней. Кое-кто становится тенью в вашем мире. Все очень запутано, капитан. Я не обладаю необходимым мужеством, чтобы взглянуть на проблему открытыми глазами. Пока еще не обладаю. Мне почему-то кажется, что если я осмелюсь это сделать, то умру. А теперь вы, наверное, желаете покинуть Цолину Золотого Облака, правда ведь? И отправиться дальше в путь. Я провожу вас до Западных ворот. Тропинка выведет вас через горы на хорошую дорогу, по ней вы сможете покинуть Миттельмарк.

— А как я ее узнаю?

— В здешних местах не так уж много дорог, капитан.

Мы вернулись на поляну, где нас поджидал хмурый Седенко.

— Я решил, что вас убили или захватили в плен, капитан фон Бек.

У меня почти отлегло от сердца.

— Чушь, Григорий Петрович. Господин Грут оказал мне существенную помощь.

Седенко принюхался к острому запаху туалетной воды.

— Вы ему доверяете?

— Как самому себе.

Грут махнул рукой.

— Собирайте вещи, господа. Я пройду с вами до Западных ворот.

Когда мы были готовы отправиться в путь, наш новый знакомый достал кружевной платочек из-под манжета и вытер лоб под шляпой.

— День становится жарким,— заявил он. И, держа трость под каким-то особым углом, ще-

голь направился к дороге.— Следуйте за мной, друзья. Если поспешим, вам удастся к ночи выбраться отсюда.

Мы вели на поводу лошадей, шагая за Грутом, устремившимся вперед. Больше всего он в этот момент напоминал учителя танцев. Отшельник тихонько напевал под нос и время от времени привлекал наше внимание к красотам окружающего пейзажа, полей и домиков. В конце концов мы добрались до противоположного края долины и ворот, точно таких же, как те, через которые мы сюда вошли. Грут подозвал стражника.

— Друзья покидают нас,— сказал он.— Пропустите.

Стражник в знакомом нам облачении отъехал в сторону, и подъемная решетка заскользила вверх. У самых ворот Филандер Грут остановился, глядя на тропинку, которая, извиваясь, поднималась все выше и выше, пока не терялась в золотистой дымке. Мне трудно было понять, о чем он в этот момент думал. На мгновение мне показалось, что он похож на изгнаниника, мечтающего вернуться домой, но когда Грут ко мне повернулся, его черты приняли уже привычное для меня сдержанное и немного насмешливое выражение.

— Ну, вот мы и у врат, капитан. Желаю вам успеха в ваших поисках, и еще: не забывайте о здравом смысле. Я был бы рад снова с вами встретиться когда-нибудь. Я буду наблюдать, насколько это возможно отсюда, за вашим продвижением. С огромным интересом, поверьте.

— А вы не хотите составить нам компанию? — неожиданно для самого себя предложил я. — Мы с удовольствием примем вас в отряд, а я лично буду рад возможности с вами поговорить на самые разнообразные темы.

— Весьма соблазнительно, капитан. Я говорю абсолютно искренне. Однако я дал обет находиться здесь некоторое время и не стану его нарушать. Но вы должны знать, что моя душа будет сопровождать вас.

Последний изысканный поклон, взмах руки, и Филандер Грут отступил в сторону, чтобы мы могли проехать через ворота. За нашими спинами опустилась решетка. В воздух взметнулся надущенный шаточек.

Вскоре нас окутал золотой туман, потом наступила ночь, и мы разбили лагерь прямо на тропинке, поскольку не удалось найти более подходящего места. Утром мы взглянули на расположенные у подножия далеких гор холмы и поняли, что очень скоро снова окажемся на ровной земле. Примерно через полчаса после того, как мы тронулись в путь, мы услышали топот копыт и, оглянувшись, увидели, что в нашу сторону мчится стряд из двадцати вооруженных всадников.

Их командир не был вооружен. Я увидел белое и черное. И алое перо. И узнал прежнего господина Седенко и своего яростного врача, воинствующего монаха Клостергейма.

Мы пришпорили лошадей, заставляя их устремиться вперед, надеясь, что нам удастся уйти от погони. В вооруженном отряде, преследовавшем нас, было что-то таинственное. Доспе-

хи воинов сияли. Казалось, будто они полыхают пламенем — правда, черным. Ключья тумана не касались шлемов, а дымка, окружавшая диковинных солдат, становилась серой, точно их дыхание пачкало ее, лишило первоначально золотистого цвета.

— Что может делать Рыцарь Христа в такой компании? — удивленно спросил у меня Седенко. — На этих существах печать ада, они не могут служить божьим целям.

Мне хотелось возразить, мол, что если я могу служить дьяволу, почему бы этим существам не встать на защиту интересов Бога, но я заставил себя промолчать, сосредоточив все внимание на довольно крутом спуске. Копыта скользили, и дважды мы чудом не покатились вниз, причем один раз в бездонную пропасть.

— Мы погибнем, если и дальше будем так мчаться! — крикнул я. — Но я чувствую, что Клостергейм желает нам зла. И у нас нет ни малейшего шанса одержать победу над его воинами.

Мы пытались отыскать выход. Безрезультатно. Можно было поспешить вперед или, наоборот, остановиться и подождать дьявольский отряд Клостергейма. Дальше тропинка, по которой мы скакали, расширялась, и я заметил, что она проходит по узкой щели между нависшими скалами; проехать там мог только один человек, да и то с трудом. Именно там мы и зайдем оборону — лучшего места не найти. Я натянул поводья и показал на скалы. Моя лошадь встала на дыбы, но Седенко сразу по-

нял, что я имею в виду, и кивнул. Он промчался мимо меня, а затем, развернув коня, начал медленно, дюйм за дюймом продвигаться вперед. Я бросил ему один из своих пистолетов и мешочек с порохом и пулями и осторожно последовал за ним. Справа и слева нас защищали скалы, так что теперь мы могли отразить любую атаку, не опасаясь, что неприятель зайдет с другой стороны.

Клюстегейм бросился вперед, не успев сообразить, что мы сделали. Прицелившись в него, я нажал на курок. Я промахнулся, но Клюстегейм остановился. Он заорал, причем весьма злобно, затем натянул поводья и поднял руку, чтобы остановить наступление своего воинства. Его приказ был исполнен мгновенно и без колебаний.

— Клюстегейм,— крикнул я,— что тебе от нас нужно?

— От Седенко ничего не нужно, он может спокойно продолжать свой путь,— ответил священник.— Мне требуется твоя жизнь, фон Бек, и ничего другого.

— Неужели я так сильно тебя оскорбил?

Именно в этот момент я сообразил, что мы по-прежнему находимся в Миттельмарке. И расхохотался.

— О, Клюстегейм, какие страшные преступления ты совершил во имя Господа! Если бы наш хозяин не изменился, он был бы тобой крайне доволен. Твоя душа проклята, ты ничем не отличаешься от нас! И ты, по-видимому, один из тех, кто опасается, что успех моей миссии положит конец всему. Ты боишься лишиться

дома, господина, будущего, своей личности. Поэтому ты так меня ненавидишь, Клостергейм?

Иоганнес Клостергейм зарычал в ответ. Его глаза метались, оглядывая тропинку. Он посмотрел вверх, в надежде найти способ обойти нас с фланга. Ничего у него не вышло.

— Ты не знаешь, на что я способен,— заявил он.— У меня еще не отняли мою силу. Ариох!

Он выкрикнул имя одного из герцогов Люцифера, который, возможно, был его покровителем. Затем махнул рукой, будто бросил в скалу невидимый мяч. У нас над головами раздался треск. Может быть, это была молния. Я ощутил мерзкую вонь.

— Ну-ка, попробуй пистолеты, Седенко,— прошептал я.

У меня из-за спины раздался выстрел, и краем глаза я заметил вспышку. Пуля не поразила Клостергейма, она ударила в сверкающий черный нагрудник, а затем отскочила от камня.

— Ариох!

И снова вспышка молнии, я увидел, как огромная глыба оторвалась от стены ущелья и покатилась вниз, в пропасть.

— Ты могущественный волшебник, Клостергейм,— сказал я.— Но мне страшно интересно, зачем ты так долго притворялся священнослужителем?

— Я не притворялся,— сквозь зубы процедил Клостергейм.— Ибо я служу самому святыму делу на земле. Я объединился с Люцифером, чтобы уничтожить Бога! Я путешествовал по свету, показывая именем Бога, какие в мире

существуют ужасы. Не было дела благороднее, чем то, которое задумал Люцифер,— и вот он собрался капитулировать, отказаться от нас, допустить уничтожение ада и всего, что с ним связано. Люцифер бросил в свое время вызов Богу, так я теперь вправе бросить вызов Люциферу. Нам угрожает предательство. Он мой господин, фон Бек, как и твой. И я хорошо ему послужил!

— Но сейчас ты больше ему не служишь. Он разгневается на тебя.

— Ну и что из того? У него нет достойных союзников. Его собственные герцоги настроены против него. Какая их ждет судьба, если Бог позволит ему вернуться?

— Ты намекаешь на то, что в аду восстание? — удивленно спросил я.

— Можно и так сказать. Люцифер теряет авторитет с каждой минутой. Твой господин, фон Бек, сейчас намного слабее даже ноющего Христа, который первым предал человечество! А я слабости не терплю! Ариох!

Новая вспышка молнии. Солдаты в сверкающих шлемах подняли головы, словно радуясь происходящему. На нас с Седенко посыпалась каменные осколки.

— Скачи как можно быстрее, Седенко,— приказал я.— Уходи отсюда. Это единственная наша надежда.

Седенко колебался. Я настаивал.

— Уезжай! Я приказываю!

У нас над головами застонали гранитные глыбы, в ущелье посыпался снег, вскоре я уже не сомневался, что закончу свои дни под ним.

— Теперь ты один, фон Бек, — с облегчением объявил Клостергейм. — Ты мне задолжал, и немало — и уж можешь не сомневаться, я бы получил должок, постаравшись растянуть удовольствие. Но я с радостью тебя прикончу, чтобы твоя бесполезная душа вернулась к нашему господину.

— Ты же отрицаешь, что он твой господин, — напомнил я воинствующему монаху. — Однако ты тем не менее прекрасно знаешь, что Люцифер владеет твоей душой. Можешь не сомневаться, Клостергейм, он тебя обязательно накажет. Ты не избежишь его гнева.

— В таком случае, почему Ариох дал мне двадцать своих рыцарей? — насмешливо поинтересовался Клостергейм. — В преисподней идет гражданская война, капитан фон Бек. Жертвой этой войны падешь ты, а не я.

Он снова выкрикнул имя своего покровителя, и уже в который раз вспыхнула молния.

Я не стал ждать, быстро развернул лошадь и поскакал по узкой тропе вслед за Седенко, как раз в тот момент, когда сверху свалился огромный камень. Неожиданно я вспомнил, что в одной из колдовских книг мне встретилось нечто, могущее мне пригодиться. Не сдерживая коня, я сунул руку в седельную сумку и отыскал книгу. Вскоре я выбрался на более широкую часть тропинки. Я знал, что буду у подножия гор примерно через полчаса. Там у меня появятся реальные шансы спастись от дьявольского отряда Клостергейма.

Я оглянулся.

Рыцари в пламенеющих черным доспехах скакали по засыпанной камнями тропе. Мелькнуло алое перо. Я знал, что мой конь устал, что вот-вот у него подкосятся ноги и он сбросит меня на землю. И потому я натянул поводья и заставил его перейти на шаг. Он тяжело дышал. Я чувствовал, как его сердце бьется у моей ноги. Взяв поводья в зубы, я принялся искать нужную страницу в книге заклинаний. И нашел то, что мне требовалось: написанные неровными буквами «Слова, помогающие справиться со слугами герцога Ариоха». Неужели Люцифер предвидел предательство своих собственных придворных? Сами слова показались мне совершенно лишенными смысла, но я развернул коня, прекрасно понимая, что иного оружия против рыцарей преисподней у меня нет.

— *Рехойм Фарах Нъядах!* — изо всех сил заорал я.

И увидел, что рыцари замедлили шаг, а яростно вопящий Клостергейм начал подгонять их.

— *Рехойм Фарах Нъядах! Гушниет Марадай Кааг!*

Рыцари остановились. Из середины отряда галопом выскочил Клостергейм. Он бросал на меня злобные взгляды, сжимая в руке клинок. Тогда я положил книгу обратно в седельную сумку и вытащил свой собственный меч как раз вовремя, чтобы парировать точный и сильный удар, который в противном случае отсек бы мне руку.

Я сделал выпад, Клостергейм отразил мой удар, я отбил его новую атаку. Краем глаза

мне удалось заметить, что рыцари зашевелились, казалось, они не понимают, что делать дальше.

Во время боя Клостергейм рычал, точно дикий зверь. Его ненависти хватило бы, чтобы со мной покончить. Он наносил один удар за другим. Я защищался. И вдруг я услышал у себя за спиной топот копыт — мне на помощь спешил Седенко. Раздался пистолетный выстрел. Заржала, падая, лошадь Клостергейма. Рыцари начали медленно двигаться вперед. Клостергейм, не выпуская из руки меча, поднялся на ноги и снова бросился ко мне.

— Думаю, нам пора, капитан,— крикнул Седенко.

Я воспользовался его советом. Когда мы мчались прочь по тропинке, я оглянулся и увидел, что Клостергейм проковылял к солдатам Ариоха и спихнул одного из них с коня. Тот повалился на землю и тут же превратился в груду сияющего металла.

Мы добрались до относительно ровной местности, когда вышло солнце, в лучах которого россыпью драгоценных камней засверкал снег. Мы слышали, что Клостергейм и его отряд нас преследуют. Солнце пригревало все сильнее, снег должен был вот-вот растаять, и к тому моменту, когда мы решились наконец оглянуться, наши враги нас почти догнали. Я попытался вспомнить слова из колдовской книги, а затем выкрикнул их в лицо неприятелю. Однако на сей раз преследователи не остановились.

Нагоняя нас, рыцари в черных доспехах перестроились в широкий полукруг.

Солнце уже нещадно палило. Дорога была такой пыльной и неровной, что я почти ничего не видел. Мне удавалось разглядеть Седенко впереди, но наших врагов я только слышал.

Я весь обливался потом, когда нагнал молодого казака и крикнул ему, что нет иного выхода, кроме как сражаться, хотя почти наверняка мы обречены на поражение. Я полистал еще раз колдовскую книгу и нашел слова заклинания.

Мы поставили лошадей таким образом, что оказались спиной друг к другу, и смотрели на своих преследователей, которые неумолимо приближались.

— *Рехойм Фарах Нъядах!* — движимый отчаяньем выкрикнул я.

Пыль начала оседать. Отряд Клостергейма был уже совсем близко. Я видел алое перо на шляпе командира. И видел, как на нас надвигаются черные тени.

Ко мне метнулся длинный клинок, и я парировал удар, а затем нанес ответный, полагая, что он наткнется на доспехи, защищающие грудь. Вместо этого мой меч вонзился в плоть, и я услышал стон.

И вот моим глазам предстало лицо того, кто на меня напал. Кривоглазое, смутное, небритое.

Оно превратилось в лицо самого обычного бандита.

Глава одиннадцатая

С

олице палило изо всех сил. Из облака пыли возник конный отряд головорезов, разодетых в самые разнообразные наряды. Ими по-прежнему командовал Клостергейм. От неожиданности я чуть не забыл об осторожности: как могли рыцари Ариоха превратиться в такой сброд? Но их было так много, что мы вряд ли сумели бы с ними спра-

виться. Я раскашлялся от пыли, попавшей в рот и ноздри. Нас с Седенко окружил настоящий лес стальных копий. Очень скоро мы и наши лошади покрылись множеством мелких ран, однако нам довольно быстро удалось прикончить пять или шесть врагов — после чего у остальных поубавилось смелости. За спинами бандитов вопил Клостергейм, которому не терпелось пролить нашу кровь.

У меня было сильное предчувствие, что мои заклинания здесь не помогут, и что мы вышли из Срединных Земель в наш собственный мир. Солнце ярко светило над головами, а низкие деревца и высокая трава напоминали мне об Испании.

Разбойники начали теснить нас. Теперь я разглядел лицо Клостергейма. Он предвкушал наше близкое поражение. Мы медленно отступали от дороги в сторону обрыва — если сорвемся, пролетим футов пятнадцать, вполне достаточно, чтобы свернуть шею себе и лошадям.

Седенко что-то прокричал мне, но я не разобрал. В следующий момент он исчез, и я остался один против целой банды разбойников. Я не верил, что казак бросил меня на произвол судьбы, чтобы спасти свою шкуру, но ничем другим его поведение объяснить не мог.

Головорезы наступали со всех сторон, от смерти меня отделяло всего несколько мгновений, но тут послышался сдавленный голос Клостергейма. Неожиданно мои враги отступили.

— Остановитесь!

Седенко держал Клостергейма за горло. Лицо охотника за ведьмами побледнело от злости и разочарования.

— Прекратите, болваны!

Клинок казака касался адамова яблока Клостергейма, я увидел, что за его воротник стекает тонкая струйка крови.

— Ах, Седенко,— злобно прошипел Клостергейм,— я мог бы сохранить тебе жизнь. Но теперь — все. Даже если мне придется вернуться из ада, чтобы с тобой покончить.

Я рассмеялся. Сам не знаю, почему мне стало смешно.

— Что? Разве здесь нет герцога Ариоха, способного за тебя заступиться? — спросил я.— Почему исчезли его люди?

С обнаженным мечом в руке я подъехал к Седенко. В глазах Клостергейма застыло неизбывное страдание, которое я многократно видел у обитателей ада.

— Убейте одного из нас, и мы прикончим вашего господина. Если он умрет, вы все обречены — вам это прекрасно известно. Поезжайте вверх по дороге до тех пор, пока мы не скроемся из глаз.

Оставшиеся в живых разбойники не знали, на что решиться, но когда казацкая сабля чуть сильнее прижалась к горлу Клостергейма, его злобный крик заставил их подчиниться. Он тоже прекрасно знал, что означает для него смерть. Его ожидала страшная участь — куда более страшная, чем то, что грозило мне. Клостергейм будет цепляться за жизнь, пока остается

хотя бы малейший шанс. Он давно забыл о гордости и чести — он готов на все, лишь бы не отдавать свою черную душу тому, кто ею уже владеет.

— Выполняйте приказ! — прошипел Клостергейм.

Разбойники медленно удалились от нас. За ними я увидел холмы, но совсем не похожие на высокие пики Миттельмарка. Пологие склоны поросли травой.

Хромая, ругаясь и проклиная нас, разбойники вели на поводу лошадей. Мы молча смотрели им вслед. Когда расстояние между нами стало довольно приличным, я заметил, что из их ртов повалил пар, им стало холодно, они начали притоптывать, нервно оглядываясь по сторонам. Головорезы Клостергейма вошли в Миттельмарк. А в следующее мгновение исчезли.

— Воины герцога Ариоха не смогли последовать за нами, — предположил я. — И ты собрал банду подонков, чтобы они ждали нашего возвращения в этот мир. Проклятые не могут вернуться на Землю, как и невинные не в силах попасть в Миттельмарк.

Клостергейм трясясь от ужаса.

— Ты собираешься меня убить, фон Бек?

— Было бы разумно покончить с тобой, — ответил я. — Здравый смысл подсказывает, что я должен поступить именно так. Однако мне известно, что означает для тебя смерть, Клостергейм, поэтому я не могу хладнокровно прервать твою жизнь. В бою — другое дело.

Не вызывало сомнений, что он находил мое милосердие отвратительным, но был вынужден

его принять. Клостергейм боялся смерти больше, чем любой другой человек, которого я знал.

— Где мы сейчас находимся? — спросил я у него.

— А почему я должен отвечать на твои вопросы?

— Если ты будешь молчать, я найду в своей душе достаточно гнева, чтобы сделать то, что положено, и очистить землю от мерзости.

— Ты в Италии, — ответил он. — На дороге, ведущей в Венецию.

— Значит, горы у нас за спиной — Венецианские Альпы?

— А что же еще?

— Мы должны ехать на запад, — сказал я, обращаясь к Седенко. — В сторону Милана. Грут сказал, мы найдем то, что ищем, на западе.

Лицо Клостергейма исказилось, когда Седенко отобрал у него меч и отбросил в сторону.

— Спешивайся, — приказал я. — Твои лошади свежее наших.

Мы привязали Клостергейма к дереву на обочине дороги, а потом перенесли наши седла на лошадей Клостергейма и одного из убитых разбойников. На своих скакунов мы погрузили оставшиеся вещи.

— Не следует отпускать его живым, — сказал Седенко. — Хотите, я перережу ему глотку, капитан?

Я отрицательно покачал головой.

— Я уже говорил тебе, что не могу хладнокровно обречь любую душу на судьбу, которая неизбежно ожидает Клостергейма.

— Ты совершаешь глупость, оставляя меня в живых,— прорычал воинствующий монах.— Я твой величайший враг. И я еще могу одержать победу. У меня есть могущественные союзники в аду.

— Но не такие могущественные, как мои,— ответил я на высоком немецком, которого Седенко не понимал.

Клостергейм заговорил на том же языке:

— Сейчас мои союзники стали еще сильнее. Люцифер теряет себя. Большинство его герцогов не желает примирения с раем.

— Никто не знает, чем все это закончится. Планы Люцифера остаются тайной. А пути Господни неизвестны. Разве мы знаем, что происходит в действительности?

— Люцифер намерен предать своих,— заявил Клостергейм.— Вот все, что мне известно. А больше ничего и не нужно знать.

— Ты слишком упрощаешь,— сказал я.— Наверное, это неизбежно для людей твоей профессии.

— Нас предали — и Бог, и Люцифер,— не унимался Клостергейм.— Ты должен это понять, фон Бек. Нас бросили. Мы ни во что не можем верить — даже в проклятие! Остается лишь продолжать партию и надеяться на выигрыш.

— Но нам неизвестны правила.

— Значит, нужно их изобрести. Присоединяйся ко мне, фон Бек. Пусть Люцифер сам ищет свой Грааль!

Мы сели на лошадей.

— Я дал слово. Больше у меня ничего нет. Я не понимаю разговоров об играх, преданно-

сти и предательстве. Я обещал найти средство от боли мира — если смогу. И я надеюсь на успех. Это в твоем мире, Клостергейм, обменяиваются ходами. Однако подобное отношение к жизни лишает ее всех прелестей и губит разум. Я постараюсь по мере сил не участвовать в твоих развлечениях.

Когда мы уезжали, Клостергейм закричал мне вслед:

— Я предупреждаю тебя, Пес Войны! Все сверхъестественные силы объединились против тебя!

То была угроза, от которой стыла кровь. Даже Седенко, не понимавший ни слова, содрогнулся.

Глава двенадцатая

еперь мы скакали по относительно ровной местности, время от времени нам попадались низкие белые постройки и виноградники, желтые и зеленые под лучами палящего солнца.

В первом достаточно крупном городе я нашел врача, который обработал наши раны. У меня имелся эликсир Люцифера, но я

решил сохранить его для более серьезных случаев. Серебро, полученное мной у сатаны, убедило доктора заняться еще и лошадьми. Сначала он ворчал, но немного успокоился, когда я привел довод, что за свою карьеру он наверняка уморил гораздо больше людей, чем лошадей, и теперь ему представилась великолепная возможность сравнять счет. Хотя моя шутка явно не показалась ему чересчур остроумной. Впрочем, работу свою он делал умело и быстро.

Мы выбрались на миланскую дорогу, смеясь с группой пилигримов, большинство из которых возвращалось во Францию, а кое-кто в Англию. Эти люди посетили священный город, накупили всяческих святых вещиц и амулетов, поглазели на разнообразные диковинки, как древние, так и современные, и казались совершенно довольными, полагая, что трудности странствий позволили им приобрести огромный опыт. Их переполняли истории про волшебников и святых чудотворцев, про видения и откровения. Многие выдавали всякую ерунду за кости того или иного святого, перья ангелов, кусочки истинного креста и тому подобные реликвии. По крайней мере, трое из встреченных мной путников владели подлинным Граалем, но считали себя слишком греховными, чтобы иметь возможность оценить его внутреннюю красоту (на самом деле это были оловянные плошки, раскрашенные под серебро) или постичь их магические свойства. Естественно, я не говорил им о своей миссии, как, впрочем, и не пытался убедить в

том, что сокровища, купленные ими, самые обыкновенные подделки.

Добравшись до симпатичного городка Вероны, мы оказались в самом центре переполоха. Какой-то католический рыцарь, вне всяко-го сомнения уставший от войны в Германии и посчитавший ее причины абсолютно не стоящими того, чтобы отдавать за нее жизнь, собрал вокруг себя рьяно настроенных молодых людей, готовых вместе с ним отправиться в Крестовый Поход. Насколько я понял, они намеревались напасть на Константинополь, чтобы освободить его от турок. Эта мысль пришла Седенко по душе, ведь его сородичи считали, что живут на свете лишь ради того, чтобы сорвать с города, который они называли Царыградом, цепи ислама. Однако стоило Седенко увидеть командира крестоносцев, полуумного барона, явно страдавшего от сифилиса, и его смехотворное воинство, как он решил подождать, пока «армии казаков подойдут к Святой Софии и уничтожат полумесяц, оскверняющий ее алтарь».

Неподалеку от Брешии мы стали свидетелями суда и сожжения человека, объявившего себя Антихристом: огромного мужчины с копной нечесаных черных волос и бородой, одетого в красный балахон, с венком из алых роз на голове. Он призывал людей отказаться от ложной гордости, от заблуждений, что они все дети Христа, и признать себя грешниками. Он возвестил, что вот-вот разразиться последняя война, и те, кто пошел за ним, выйдут из нее победителями. Он заявил, что Библия лжет.

Мне было ясно, что несчастный верит каждому своему слову и самым искренним образом печется о благе других. Он умер на костре, умоляя всех окружающих спасти свои души, последовав за ним. Во время казни где-то вдалеке прогремел гром, и священники посчитали это знамением божиим, о чем немедленно сообщили собравшимся. Однако те приняли грозу за начало Армагеддона и, попадав на колени, возопили о прощении. В основном они возносили молитвы ко Христу, хотя, я заметил, что кое-кто поклонялся обугленным костям лже-Антихриста.

А в Кремоне мне довелось познакомиться еще с одним безумным существом — это был гермафродит, который утверждал, что он ангел, упавший с небес и лишившийся крыльев, и не имеющий возможности вернуться на небеса. Жил ангел подаянием. Жители Кремоны были к нему добры, кое-кто даже верил в его историю. Однако мне пришлось встретиться с настоящим ангелом, пусть и темным, и я знал, каковы эти существа на самом деле. Впрочем, когда ангел из Кремоны взмолился, чтобы я, “благородный рыцарь и добродетельный путник”, подтвердил, что он действительно свалился с небес, я заверил всех, кто готов был меня слушать, что мой скромный опыт убеждает меня: именно так ангелы и выглядят, и этот несчастный вполне мог потерять крылья. Я посоветовал им приложить все силы к тому, чтобы он чувствовал себя как можно уютнее во время своего пребывания на Земле.

В пяти милях от Кремоны мы увидели целую деревню, уничтоженную бандитами в плащах священной инквизиции Испании. Они покинули деревушку, забрав с собой все, что имелось в церкви, и все самое ценное из домов, а также женщин и детей, которых, вне всякого сомнения, намеревались продать в рабство. А те, кому повезло остаться в живых, верили, что их посетили слуги Иисуса и что их имущество отдано на дело служения Богу.

На той дороге мы почти не встречали хороших людей. Кое у кого из тех, кто попадался нам на пути, честь превратилась в гордышко, однако они меня презирали за мой циничный прагматизм. Постепенно я поведал Седенко свою историю, поскольку считал, что будет только справедливо, если он узнает, кому служит. Он лишь пожимал плечами. После того, что нам довелось повидать, заявил он, все это уже не имеет большого значения. По крайней мере, моя миссия благородна, даже если люди, предпринявшие ее, особой святостью не отличаются.

За Кремоной мы снова въехали в Миттельмарк. Если не считать того, что здесь были другие времена года, пейзаж практически ничем не отличался от привычного нам. Вскоре мы выяснили, что оказались в королевстве, которое было частью Карфагенской Империи, победившей Рим во время знаменитой кампании Ганнибала и захватившей всю Европу и часть Азии, а затем обратившей всех в иудаизм, так что миром правили Рыцари Раввины. Эти земли наводили на Седенко ужас, он даже

предположил, что наказан за свои прегрешения и уже попал в ад. Нас встречали с присущим этим людям гостеприимством, а мои инженерные способности пригодились, когда главный судья Коринфских земель вынес смертный приговор титану. Нужно было построить виселицу. За помощь коринфян в моем предприятии и немного золота я создал проект подходящего эшафота. Титана повесили, а я заслужил вечную благодарность.

Вскоре после этих событий мы прибыли в огромный город, чье управление представляло собой бесконечный ряд уравновешенных звеньев, таких изысканно-гармоничных, что мне они тогда показались невыносимыми для нормального человека. Здесь царили божественные абстракции, и жители нас едва замечали. На Седенко все это производило не такое тяжелое впечатление, как на меня, но мы оба с радостью выбрались за стены мудреного города и скоро с удовольствием обнаружили, что находимся на территории хорошо знакомой нам Франции, неподалеку от Сент-Этьена, где несколько недель нас продержали в тюрьме, объявив убийцами и еретиками. Лишь благодаря вмешательству священника, сумевшего найти свидетелей, подтвердивших, что мы ни в чем не виновны, нас выпустили на свободу. Мы заплатили священнику карфагенским золотом и не мешкая отправились дальше. Во мне крепло ощущение, что как в нашем мире, так и в Миттельмарке дела обстоят все хуже и хуже, но мы упорно продвигались на запад, в конце концов, пересекли море и попали в Англию,

где, надо сказать, встретили не очень радушный прием.

В Англии чуть ли не все смотрели на нас с подозрением. В стране было неспокойно, и любой иностранец считался либо предателем-пуританином, либо католиком-подстрекателем, поэтому мы с радостью попрощались с английскими берегами и устремились в Ирландию, раздираемую на части сразу несколькими войнами. Мы оказались втянутыми в две такие кампании, один раз на стороне ирландцев, а другой — на стороне англичан; Седенко влюбился и убил мужа своей возлюбленной, когда его тайна была раскрыта. Таким образом, нам пришлось в спешке покинуть Ирландию и снова направить свои стопы в Миттельмарк.

Исполнился уже почти год с тех пор, как я отправился на поиски Граала, но мне казалось, что я нисколько не приблизился к сине-зеленому Лесу На Границе Рая, хотя и повидал мир, не открыв для себя ничего такого, о чем не знал раньше. Я скучал по своей Сабрине, которую никак не мог забыть. Моя любовь к ней была такой же сильной, как и в тот день, когда мы расстались.

Временами возникало чувство, что я замечал Клостергейма или его "почерк" в нескольких нападениях на нас, но уверенности не было. Все реже и реже нас встречали с радостью. Мы уже самим себе казались преступниками. Простой народ забыл свое обычное гостеприимство. Борьба между раем и преисподней, сражение в самом аду, войны, изматывающие земли Миттельмарка,— все это отражалось в

конфликтах, раздирающих Европу. И конца им не виделось. Смерть и чума продолжали расползаться по миру. Мы усомнились в том, что нам стоит двигаться дальше на запад, в Новый Свет, что там суждено найти что-нибудь иное. Седенко выглядел изможденным, лет на десять старше, чем когда мы с ним познакомились. Я, похоже, внешне совсем не изменился. Мне удалось разобраться в большинстве заклинаний, содержащихся в колдовских книгах, и я даже иногда к ним прибегал. Причем в последнее время все чаще. И что интересно, я заметил, что они действуют все слабее. Единственное объяснение, которое приходило мне в голову, в том, что придворные Люцифера набирают силу в войне со своим господином. А следовательно, моя миссия и все усилия пойдут прахом.

Как-то раз весенним днем в Миттельмарке шел дождь. Мы с Седенко промокли до нитки, от лошадей шел пар. Мы ехали по широкой долине, по растрескавшейся земле. Тут и там попадались погребальные костры, и все небо заволокло густым черным дымом. Дождь безжалостно поливал наши плащи, на земле быстро собирались лужи. Мы встретили и без проблем победили пятерых или четверых уродливых типов, подозреваю, их подослал Клостергейм; я постоянно сверялся с компасом, надеясь выбраться из Миттельмарка. Меня уже охватывало такое нестерпимое отчаяние, которого до сих пор мне познать не довелось. Я вдруг подумал, что мое путешествие не имеет конца, что я жертва гнусного розыгрыша.

Погребальные костры встречались все чаще. Вокруг них мы не видели скорбящих, но на каждом лежал тщательно завернутый в саван труп. Я подумал, что, возможно, эти люди умерли от какой-то болезни. И вдруг заметил, как сквозь дым кто-то движется, и указал Седенко, однако тот ничего не разглядел.

Мы уже так давно не встречали Клостергейма, что решили, он исчез из нашей жизни. Но сейчас я был почти уверен в том, что тень, окутанная дымом, и есть охотник за ведьмами собственной персоной. Я остановился и поднял руку, призывая Седенко к осторожности. Дождь и дым по-прежнему не давали разглядеть хоть что-нибудь даже на самом небольшом расстоянии.

В конце концов мы решили, что будет разумно двигаться вперед. Вскоре дождь прекратился, и на восточном небе засияло солнце, темно-красное, огромное.

Мы оставили за спиной погребальные костры, и дым постепенно превратился в дымку, поднимающуюся над разбитой землей, которая расстелилась на многие мили во все стороны.

Седенко заметил деревню первым. В вечернем сумраке блеснул металл. Мне показалось, что дома здесь все полусферические, с небольшими шпилями на верхушке. Приблизившись, я увидел, что на самом деле это кожаные палатки на колесах, расписанные самыми разнообразными символами. Шпили на крышах были с инкрустацией из золота, бронзы и серебра — это они сияли в солнечных лучах.

Седенко затянул дыхание.

— Мне уже приходилось видеть такие юрты! — воскликнул он и положил ладонь на рукоять сабли.

— Что? — удивился я. — Это татары?

— По всем признакам.

— В таком случае, может быть, стоит обойти их лагерь стороной? — предложил я.

— И лишиться возможности прикончить хоть парочку! — возмутился Седенко с таким видом, точно я окончательно и бесповоротно сошел с ума.

— Знаешь, друг Седенко, их там может оказаться гораздо больше, чем нас с тобой. Я не думаю, что господин будет доволен, если я потрачу свое драгоценное время на геноцид...

Седенко нахмурился и что-то проворчал. Он походил на гончего пса, которому хозяин не позволяет загнать дичь.

— Кроме того, — добавил я, — смотри, они проявляют к нам живейший интерес.

В нашу сторону направлялось около двух десятков всадников. Я пришпорил коня, однако Седенко не последовал за мной.

— Я не убегаю от татар, — с тоской проговорил он.

Я вернулся, схватил его поводья и потащил за собой. Но татары двигались с поразительной скоростью, и через пять минут нас окружили скакуны, отлитые из меди, а не созданные из плоти и крови. Безжизненные, чуть навыкате глаза едва слышно скрипели, когда существа ими двигали. Впрочем, татары оказались самыми обычными людьми.

— У вас механические лошади,— сказал я.— Мне не доводилось еще встречать ничего подобного!

Один из азиатов теребил свои длинные усы и, прежде чем что-нибудь ответить, долго меня изучал.

— Ты говоришь на языке Филандера Грута.

— Это немецкий,— пояснил я.— А что вы знаете про Грута?

— Наш друг.— Вождь татар с подозрением уставился на Седенко.— А почему твой спутник такой сердитый?

— Полагаю, потому что вы за нами гнались,— заявил я.— Он тоже друг Филандера Грута. Мы виделись с ним меньше года назад в Долине Золотого Облака.

— Говорили, что он туда собирается.— Татарин сделал знак своим людям, которые, окружив нас плотным кольцом, начали подталкивать в сторону деревни.— Именно Грут сделал нам этих лошадей, когда пришла чума и погубила всех племенных кобыл и большую часть стад.

— Значит, это они там горят? — спросил я, показав себе за спину на костры.

— Не наши,— покачав головой, заявил татарин, не пожелав пускаться в объяснения.

Мое уважение к Грутту еще больше выросло, когда я увидел образчик его искусства. Трудно было понять, почему щеголь, способный на такое, избрал жизнь отшельника.

Механические лошади требезжали.

— Это не настоящие татары, естественно,— сообщил мне Седенко,— а жители Миттель-

марка. Значит, им совсем не обязательно быть моими кровными врагами.

— Мне кажется, будет, по меньшей мере, разумно, Седенко, если ты придержишься этой точки зрения,— заявил я.— Во всяком случае, в течение некоторого времени.

Он недоверчиво на меня посмотрел, а потом кивнул, словно хотел сказать, что ради меня готов на все.

В деревне мы увидели множество собак, коз, женщин и детей — и там отвратительно воняло. Татары остановили механических скакунов, и те замерли, точно безжизненные изваяния. Костры и кастрюли, плохо выделанные шкуры, сморщеные старики — все это как-то не вязалось со сложным изобретением Грута.

Нас проводили в одну из самых больших юрт, где вонь была гораздо сильнее, чем та, что встретила нас на улицах поселка. Я чуть не выскочил наружу, однако Седенко принял ее как должное. Я догадался, что его собственный народ позаимствовал у татар немало обычаяев и чужестранцу будет совсем непросто отличить казаков от их исконных врагов.

— Мы все стражи джинна,— сказал вождь татар, который предложил нам сесть на груду экзотически-ярких и страшно грязных подушек.— Вы должны разделить с нами трапезу, если вы и в самом деле друзья Грута. Мы забьем ради этого собаку и козла.

— Ваше гостеприимство безгранично,— ответил я.— Простая чаша риса, больше нам ничего не нужно.

— Вы должны поесть мяса,— твердо стоял на своем вождь.— У нас редко бывают гости, и мы с удовольствием послушаем новости.

Меня развеселила мысль о том, что он подумал бы, если бы мы рассказали ему нашу настоящую историю. Впрочем, я уже научился вести себя в подобных ситуациях, поскольку частенько мы прибывали в какое-нибудь место не из граничащего с ним королевства, незнакомые с географией, обычаями и политическим устройством этой страны. Теперь мы нередко выдавали себя за пилигримов, давших обет никому не говорить о цели своих странствий и не называть имени божества, покровительствующего нам. Таким способом мне, по крайней мере, удавалось как-то связывать выдуманного мной бога с теми, которым поклонялись встречные. Седенко, по-прежнему остававшийся довольно религиозным, предпочитал в таких случаях помалкивать.

Я как мог описал свои приключения в Миттельмарке и некоторые события, свидетелями которых мы стали, путешествуя по Европе. Вождь татар слушал меня с удовольствием, и к тому моменту, когда нам подали собаку и козла (причем мясо было смешано в одном котелке вместе с приправами и овощами), мне кажется, мы вполне расплатились с нашими хозяевами за пищу, и я решил, что пришло время задать вопрос:

— А кто такой этот джинн, которого вы сторожите?

— Очень могущественное существо,— с важным видом проговорил вождь,— он живет

в сосуде. Джинн — пленник вот уже многие века. Филандер Грут дал его нам. И мы его охраняем в благодарность за механических коней, которых он нам подарил.

— А чем вы занимались до того, как стали стражами джинна? — поинтересовался я.

— Воевали с другими племенами. Покоряли их, забирали лошадей, скот и женщин.

— Вы перестали с ними воевать?

Татарин печально вздохнул.

— Мы не можем. Уже к тому времени, когда к нам прибыл Филандер Грут, мы уничтожили всех и остались одни.

— Вы расправились со всеми племенами?

— Чума их ослабила. Мы подумывали напасть на Бакинакс, но нас совсем мало. Филандер Грут сказал, что джинн защитит нас от чумы. Получается, что так оно и есть.

— А что такое Бакинакс? — спросил Седенко.

— Город чумы, — пояснил вождь татар. — Именно оттуда она пришла. Ее породил демон, принадлежащий горожанам. Я слышал, что они пытаются его уничтожить, но он питается душами людей и зверей, и поэтому насыщает на них мор. Он сидит в шаре на центральной площади Бакинакса и жрет всех, кого только пожелает.

— Однако ваши души он не трогает.

— Точно. У нас есть джинн.

— Ну да, верно.

После того, как мы поели, вождь приказал зажечь факел и отвел нас на окраину деревни, где стоял небольшой эшафот. А на нем

на веревке из плетеного конского волоса висела бутыль из темно-желтого стекла. Татарин поднес факел поближе, и мне показалось, что я различил внутри сосуда движение, впрочем, это могли быть всего лишь блики отраженного света.

— Если сосуд разобьется,— объявил вождь,— и джинн окажется на свободе, он станет громадным и причинит жуткие разрушения в Миттельмарке. Демон знает это, так же как и жители Бакинакса, вот почему нас никто не трогает.

Он взял вязаное одеяло и с почтительным видом накрыл весь эшафот, спрятав от нас бутыль.

— Мы укрываем его на ночь,— сказал он.— А теперь я провожу вас в юрту для гостей. Вам прислать женщин?

Я отрицательно покачал головой, потому что не знал другой женщины с того самого момента, как принял кольцо из рук Сабрины. Седенко раздумывал несколько дольше, но потом тоже решил отклонить заманчивое предложение вождя, прошептав мне на ухо:

— Переспать с татаркой все равно что совершиТЬ святотатство — по нашим казачьим законам.

Юрта, в которой мы должны были провести ночь, оказалась относительно чистой, на полу специально для нас постелили душистую свежую солому. Мы вытянулись на коврах и вскоре заснули, впрочем, сначала Седенко все-таки проворчал, что для него весьма унизительно не воспользоваться случаем прикончить парочку татар.

— На худой конец следовало бы у них что-нибудь украсть.

Когда я проснулся на рассвете, Седенко уже встал и выходил наружу, чтобы облегчиться.

— Дождь прекратился, капитан. Один мальчишка сказал мне, что до Бакинакса всего день, если скакать прямо на запад. Нам ведь по пути. Как вы думаете, стоит туда заехать? У нас почти кончилась провизия.

— Неужели тебе не терпится посетить место, которое называется Город Чумы?

— Мне не терпится съесть что-нибудь, кроме собаки или козла,— с чувством ответил Седенко.

Я рассмеялся.

— Ладно. Рискнем.

Я встал и помылся водой над тазиком, приготовленным специально для нас, затем мы позавтракали рисом, который принесла рабская татарская девушка, и я вышел из юрты. Поселок еще только начал просыпаться. Я направился к юрте вождя, и тот дружелюбно меня поприветствовал.

— Если встретите Филандера Грута,— попросил он,— передайте, что мы с нетерпением ждем встречи с ним, чтобы оказать ему почести за все его благодеяния.

— Очень сомнительно, что встречусь с ним,— ответил я,— но обещаю передать ваши слова, если все-таки нам посчастливится увидеться.

Мы расстались друзьями. Казалось, Седенко не терпится поскорее добраться до Бакинакса, и через полчаса безумной скачки я предложил ему немного сбавить ход.

— Неужели тебя так сильно манят кастрюли Бакинакса, друг мой? — спросил я.

— Я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, когда между мной и татарами встанут городские стены, — сказал он.

— Они явно не желают нам зла.

— Ситуация могла измениться, — заявил Седенко и оглянулся в ту сторону, где находился поселок татар, который уже пропал из вида. Затем он сунул руку в седельную сумку и вытащил свою добычу.

Сосуд с джинном.

— Ты дурак, Седенко, — мрачно проговорил я. — Не следовало поступать столь предательски по отношению к тем, кто оказал нам гостеприимство и вел себя дружелюбно. Ты должен вернуть джинна.

— Вернуть?! — Седенко был потрясен. — Это вопрос чести, капитан. Ни один казак не покидает татарскую деревню, не прихватив с собой вещь, которую басурманы особенно ценят!

— Сосуд с джинном дал им наш друг Фильтандер Грут, они приютили нас ради Грута. Ты должен вернуть джинна! — Я дернул поводья и потянулся к сосуду.

Седенко выругался и чуть отъехал в сторону.

— Он мой!

Я спрыгнул с коня и подбежал к нему.

— Отвези джинна в деревню, или, давай это сделаю я!

— Нет!

Я подпрыгнул, пытаясь достать сосуд, Седенко хотел было увернуться, но бутыль вы-

скользнула из его руки в перчатке. Надеясь ее поймать и спасти, я бросился вперед, но драгоценный сосуд упал на жесткую землю. Седенко что-то кричал на своем варварском языке. Я наклонился, чтобы поднять бутыль, заметил, что пробка держится не так плотно, и в этот момент Седенко ударил меня сзади плашмя саблей, да так сильно, что я потерял сознание. Однако через несколько мгновений я пришел в себя и увидел, что казак бежит к своей лошади, прижимая к груди сосуд с джинном.

— Седенко! Ты сошел с ума!

Он повернулся ко мне, его глаза сверкали яростью.

— Это же татары! — крикнул он, точно пытаясь урезонить дурака.— Это были татары, капитан!

— Верни им джинна! — Я с трудом поднялся на ноги.

Седенко твердо стоял на своем. А затем дико заорал, когда я пошел к нему:

— Они могут получить назад свою проклятую банку! Только вот джинна им не видать! — И вытащил пробку.

Я в ужасе остановился, ожидая появления страшного чудовища.

И вдруг Седенко фыркнул. Швырнул мне сосуд.

— Там пусто! Сплошной обман. Грут их на дул!

Мне показалось, что он страшно обрадовался.

— Если хотите, отдайте им склянку, капитан.— Седенко дико расхохотался.— Какая

отличная шутка. Я знал, что Филандер Грут парень что надо!

Я держал сосуд в руках и вдруг заметил, как две крошечные ручки уцепились за край горлышка. Я заглянул внутрь. И увидел маленькое, беспомощное, умирающее существо. Оно должно было погибнуть, потому что его коснулся воздух. Джинн напоминал обнаженного человека, только невероятно худого. Из его сморщеных губ вырывались тихие стонны, мне даже показалось, что я сумел различить несколько слов. А в следующее мгновение ручки соскользнули, и крошка свалилась на дно бутыли, где и осталась лежать, отчаянно дрожа.

Я понимал, что нужно как можно скорее вставить пробку на место. И с отвращением посмотрел на Седенко.

— Пусто! — радовался он.— Там пусто, капитан. О, позвольте мне вернуть им джинна. Я чуть не испортил Груту все веселье.

Я засунул пробку в горлышко и протянул сосуд Седенко.

— Да, тут пусто,— сказал я.— Отдай его татарам, Седенко.

Он бросил свою добычу в седельную сумку, вскочил в седло и умчался безумным галопом, который так обожают его сородичи.

Я подождал его минут сорок, а затем отправился дальше на запад, в сторону Бакинакса. В тот момент меня не очень беспокоило, останется ли Седенко в живых. Заглянув в карту, я понял, что Бакинакс находится примерно в неделе пути от Леса На Границе Рая.

Я приближался к городу, и меня охватили мрачные предчувствия.

Вскоре меня догнал ухмыляющийся Седенко.

— Они не заметили пропажи, — сообщил он мне. — Правда, Филандер Грут страшный хитрец, а, капитан?

— О, да, — согласился я.

Я думаю, у Грута имелись достаточно веские причины, по которым он обманул татар. Благодаря джинну, живому или мертвому, им удалось сохранить свое племя, потому что Бакинакс не осмеливался на них напасть. Грут подарил татарам жизнь и, в некотором смысле, цель существования.

Наконец огромная долина осталась позади, и теперь мы ехали по поросшей сухой травой дороге, которую пересекало множество речушек и окружали холмы. Снова пошел дождь.

Я подумал о том, что Миттельмарк за год наших странствий поблек, словно растениям все труднее здесь выживать, словно кто-то высасывал душу королевства. Я убеждал себя в том, что причина изменений, представших моим глазам, заключается в географических различиях, но в глубине души меня самого это объяснение не удовлетворяло.

Вечером мы увидели впереди город и сообразили, что добрались наконец до Бакинакса.

Мы скакали по улицам, залитым лунным светом. Вокруг царила удивительная тишина. Мы остановили человека, который с факелом в каждой руке возвращался домой с пирожками. Мы не понимали его языка, но при помощи жестов нам удалось выяснить, в какую сторо-

ну следует ехать, и вскоре обнаружили маленький, вонючий постоянный двор, где и остановились на ночь.

Утром наш завтрак, состоявший из очень необычных на вкус сыров и незнакомого мяса, был прерван появлением пяти или шести человек в одинаковой форме, с алебардами в руках, в морионах, украшенных перьями; руки и ноги вновь прибывших были защищены доспехами. Они дали нам ясно понять, что мы должны идти с ними.

Седенко приготовился броситься в бой, но я понимал, что это бессмысленно. Наши лошади провели ночь в конюшне, и мы не имели ни малейшего представления о том, где они находятся. Более того, все здесь было чужим. Дары Люцифера оставались при мне — это уже давно вошло у меня в привычку — как и меч, а потому я не чувствовал себя слишком уязвимым, когда поднялся, вытер салфеткой губы и поклонился солдатам, показывая им, что мы не намерены сопротивляться.

При дневном свете улицы Бакинакса оказались узкими и грязными. Оборванные детишки, измощденные, голодные лица, старики в лохмотьях — прохожие останавливались, чтобы поглазеть на нас. Унылый, безрадостный город, как и многие другие, виденные мной в Европе. Казалось, над ним повисла мрачная тоска, и я подумал, что Бакинакс вполне заслужил свое имя — Город Чумы.

Нас провели через главную площадь, где на деревянном помосте стоял громадный шар из тусклого, неприятного на вид металла, кото-

рый охраняли солдаты в такой же форме, что и стражники, арестовавшие нас.

— Наверное, там живет демон, про которого говорили татары, — прошептал Седенко. — Как вы думаете, он и в самом деле питается душами горожан, капитан?

— Не знаю, — ответил я, — но я бы с радостью скормил ему твою душу.

Я еще не простил его за глупую кражу сосуда с джинном. Сам же он не чувствовал ни малейшего раскаяния. Он отнесся к моим словам (так уже не раз бывало) как к шутке, и, пока мы шагали вверх по каменным ступеням к двери здания, которое я принял за ратушу, Седенко вертелся, пытаясь получше разглядеть шар на помосте.

Нас ввели в комнату, вдоль стен которой стояли скамейки. Впрочем, никто на них не сидел. В дальнем конце комнаты была установлена кафедра, а за ней, точно священник, устроился высокий, тощий мужчина в ярко-красном парике и черно-золотом одеянии.

— Вы говорите на латыни, люди? — обратился он к нам.

— Я немного говорю, — ответил я. — Почему нас привели сюда, да еще обращались с нами так грубо, ваша милость? Мы честные путники.

— Ну, не такие уж вы и честные. Вы собирались избежать уплаты пошлины. Вы проехали по священным Горящим Землям и осквернили их. Вы проникли в Бакинакс через Восточные Ворота и не положили на тарелку золота. И это только самые главные из ваших

преступлений! И не пытайтесь обмануть меня притворными сожалениями, или возмущением! Я Великий Мэр Бакинакса, именно я отдал приказ о вашем аресте. Вы намерены что-нибудь ответить?

— Мы не могли знать ваших законов,— проговорил я,— поскольку мы чужие в этих краях. Уверяю вас, если бы мы ведали, что ваши Горящие Земли священны, мы объехали бы их стороной. А что касается золота, которое необходимо положить на тарелку, мы с радостью заплатим все, что полагается.

— Слишком поздно,— заявил Великий Мэр. Затем громко высморкался и сердито на нас уставился.— Не станете же вы утверждать, что никто ничего вам не говорил про Бакинакс, когда вы сюда направились, ведь наш город очень знаменит и называется Городом Чумы. Неужели никто не сказал вам про демона?

— Да, про демона нам говорили,— признал я, пожав плечами.— Но ни единого слова о пошлинах, ваша честь.

— А зачем вы вообще сюда явились?

— Чтобы пополнить запасы провизии.

— В Городе Чумы? — насмешливо поинтересовался он.— В ужасном Городе Демона? Нет! Вы явились, чтобы доставить нам кучу неприятностей!

— Послушайте, сударь, разве можем мы вдвоем устроить беспорядки в целом городе? — спросил я.

Этот человек явно сошел с ума. Хуже того, он, по всей видимости, в этом не одинок. Я

пожалел о том, что решил заехать в Город Чумы, и подумал, что Мэр, заявивший, будто только дурак захочет добровольно посетить это место, прав.

— Вы доставите нам кучу неприятностей, будучи тем, что вы есть! — вскричал Мэр.— Мы никому не позволим над нами насмехаться, путники! Не позволим, так и знайте!

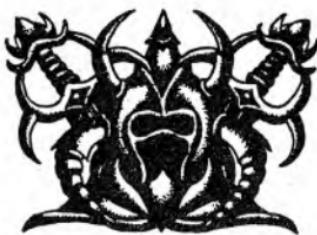
— А мы и не собирались над вами насмеяться,— заявил я.— Обещаем, что мы нигде не произнесем даже имени вашего города. Мы просим вас лишь об одном, благородный господин, позвольте нам отправиться дальше, потому что нам предстоит выполнить священную миссию.

— Вот уж точно,— с некоторой долей удовольствия объявил старик.— Вам придется заплатить за глупость и высокомерие своими душами. Вас отдадут на съедение демону. Таким образом два жителя нашего города смогут прожить немного дольше, а вы будете достойно наказаны за преступления. Ваши души отправятся в преисподнюю.

Услышав его слова, я громко расхохотался. Седенко не имел ни малейшего представления о нашем разговоре, и я в общих чертах поставил его в известность о том, что нас ждет.

Его моя история почему-то совершенно не развеселила. Может быть, на самом деле он не верил в то, что его душа действительно принадлежит Люциферу.

Глава тринадцатая

13

ы, сударь,— сказал мне Мэр,— первым сразитесь с нашим демоном.

Никто еще не сумел его победить. Однако если вам удастся его прикончить, дверь сферы откроется, и вы освободитесь. Если через час вы не выйдете наружу, за вами последует ваш друг.

— Могу я взять с собой меч?

— Вы можете взять с собой все, чем владеете,— ответил Мэр.

— Тогда я готов.

Мэр обратился к солдатам на своем языке. Один остался стеречь Седенко, а остальные повели меня на площадь. Снова пошел дождь.

Мы по ступеням поднялись на платформу. В сфере оказалась маленькая круглая дверца, к которой подошел один из стражников. Он явно нервничал. Положил ладонь на ручку, но не торопился ее повернуть.

В этот момент я заметил на площади новую фигуру.

Клостергейм выглядел еще более изможденным — если такое вообще возможно. Он с усмешкой смотрел на меня. Казалось, Клостергейм с нетерпением ждет чего-то очень приятного. Его черные одежды были испачканы, алые перья шляпы смяты и поломаны; он стал сутулиться. А в глазах, как и прежде, светилась безумная отрешенность. Он снял шляпу в издевательском приветствии как раз в тот момент, когда дверца распахнулась и солдаты подтолкнули меня вперед.

— Это твоих рук дело, Клостергейм? — спросил я.

Охотник за ведьмами пожал плечами.

— Я друг Бакинакса,— ответил он.

— Этот демон — твой подарок городу?

Клостергейм отвернулся и сделал небрежный знак стражникам.

Я махнул ему рукой, наклонился и вошел в отвратительно пахнущий мрак сферы, солоноватый и влажный. Присел на корточки, замор-

гал и всмотрелся в темноту, но ничего не увидел. Круглая дверца со скрежетом затворилась за мной. Постепенно мои глаза приспособились, и я понял, что свет исходит от странного вещества, устилающего пол. Оно было белым, клейким и являлось источником мерзкого запаха. Жидкость на дне сферы хлюпала. Я не смог определить ее цвет. Все здесь казалось белым, серым и черным. Существо, плавающее на дне, выглядело довольно большим. Его тело покрывала чешуя. Огромная, печальная и бесформенная голова поникла к левому плечу. Половина длинных зубов была сломана, губы усеяны ранами, словно чудовище жевало их. Из ноздри что-то сочилось. Чудовище запищало — я решил, что оно задало вопрос.

— Вы демон этой сферы? — вежливо спросил я.

Голова слегка приподнялась. После долгой паузы послышался глухой голос:

— Да.

— Вы должны знать, — предупредил я, — что мою душу нельзя съесть. Она уже принадлежит нашему господину, Люциферу.

— Люцифер. — Слово прозвучало невнятно. — Люцифер?

— Он владеет моей душой. Поэтому я ничего не в силах вам предложить, господин демон. Могу лишь убить вас.

— Убить меня? — Демон облизнул губы рванным языком. На его лице появилось нечто, похожее на улыбку. — Люцифер? Я хочу свободы. Я больше ничего не желаю есть. Почему они так часто меня кормят? Если бы меня ос-

вободили от договора, я бы немедленно отправился в ад.

— Вам здесь не нравится?

— Я никогда не мечтал тут жить. Меня обманули. Я пострадал от собственной жадности. Я знаю, что твоя душа не для меня, смертный. Я бы сразу понял, если бы мог поживиться,— но я не чувствую ее запаха.

— И все же вы меня убьете, не так ли?

Демон сел в своей луже. Повозил по воде когтистыми пальцами.

— Дети и юноши. И все. Больше нет ни единой души в Бакинаксе — ни единой взрослой души,— которая оставалась бы свободной. Я не буду убивать тебя, смертный, если только ты не заскучаешь и не захочешь вступить со мной в сражение. Ты один из немногих, кто захотел поговорить. Другие сразу же принимаются кричать. Дети, юноши и девушки — я их поглощаю. Тогда они замолкают. Порой это меня развлекает. И я не испытываю голода некоторое время. Но сейчас мне ничего не нужно. Я слишком много ел.

— Но вы не отпустите меня из своего логова?

— А разве я могу? Я и сам здесь в ловушке. Договор. Когда-то давно он показался мне весьма привлекательным.

— Как зовут волшебника, который заключил вас сюда?

— Его имя Филандер Грут. Хитрый человек. В те годы я, рыскал по всему королевству. А теперь должен сидеть в Бакинаксе, в клетке. О, как мне надоели безвкусные моло-

дые души.— Демон вздохнул, макнул палец в жидкость и пососал его.

— Они вас боятся,— сказал я.— Именно поэтому и держат здесь. Считают, что вы ускользнете отсюда, если они не станут вас умиротворять.

— Ну, с людьми иначе и не бывает? — проворчал демон.— Что я еще должен им продемонстрировать?

Я прислонился к стене сферы, хотя это было очень неудобно. К запаху я уже привыкал.

— Ну, они не отпустят вас и не отпустят меня, пока я вас не убью. У вас есть пища, а у меня нет. Поэтому мне предстоит сделать выбор между голодной смертью и попыткой вас уничтожить.

Демон посмотрел на меня.

— У меня нет желания убивать тебя, смертный. Пойдя на это, я оскорблю своего господина, не так ли? Твое время еще не пришло.

— Я верю, что так оно и есть,— кивнул я.— Поскольку Люцифер лично поручил мне одно дело.

— Тогда перед нами дилемма,— заявил демон.

Я немного подумал.

— Я могу попытаться вас изгнать,— предложил я.— Тогда вы освободитесь из сферы. И куда в таком случае направитесь?

— Прямо в ад.

— Где и хотите обитать.

— Я никогда больше не покину ад,— с чувством проговорил демон.

— Но я не специалист по экзорцизму.

— Горожане пробовали меня изгнать, но те, кто уже принадлежит аду, даже не ведая об этом, не в силах заставить меня уйти.

— Значит, и я не в силах вас изгнать?

— Похоже на то.

— И мы снова зашли в тупик,— устало проговорил я.

Демон опустил голову и вздохнул еще горше прежнего.

— Да.

— А если я вас убью? — поинтересовался я.— Куда отправится ваша душа?

— В забвение. Я бы не хотел умирать, господин рыцарь.

— Однако мне сказали, что дверца отворится только в том случае, если я вас прикончу.

— Откуда они могут знать, если меня еще никто не убивал?

— Возможно, им сказал Филандер Грут.

Я еще немного поразмыслил над проблемой.

— Через некоторое время дверь отворится, чтобы впустить сюда моего спутника, он должен стать вашей следующей жертвой. Почему бы нам не попытаться спастись, когда наступит его очередь?

— У тебя будет такой шанс,— отозвался демон.— Но меня здесь держит не только металл. Видишь ли, я заключил договор с волшебником. Если я попытаюсь выйти, то буду немедленно уничтожен.

— Только Филандер Грут может освободить вас?

— Точно.

— А Филандер Грут стал отшельником и поселился в далеком королевстве.

— Да, я слышал.

— Я постоянно прихожу к неизбежному выводу,— признался я,— что для того, чтобы спасти, необходимо вас убить. Но мне хорошо известно, что у меня практически нет надежды на успех.

— Я очень силен,— доверительно сообщил демон,— а также весьма свиреп.

— Получается, что следует подождать, пока пройдет час, а когда сюда войдет мой друг, выскочить в дверь.

— Да, похоже на то,— согласился демон.— Но они все равно с тобой расправятся, не так ли?

— Да, такой исход весьма вероятен.

Теперь задумался демон.

— Может быть, я сумею придумать другое решение, которое устроило бы нас обоих.

— Не говоря уже о детях и девственницах Бакинакса,— добавил я.

— Конечно,— кивнул демон. В его голосе послышались ностальгические нотки.— А ты не знаешь, не осталось ли еще татар?

— Немного. Их защищает джинн.

— Тот, что сидит в кувшине?

— Да, тот самый.

— Ага.— Демон нахмурился.— Мне нравились татары.

У меня создалось впечатление, что сверхъестественные существа в этой стране абсолютно бесполезны. Может быть, не только Мит-

тельмарк, но и весь ад приходит в запустение. Или причина в гражданской войне, которая, по словам Клостергейма, разгорелась между Люцифером и его герцогами.

Мне показалось, что у меня над головой возникло движение. Я протянул руку к демону. Он вложил свои чешуйчатые пальцы в мою ладонь.

— Вы не могли бы сделать мне одолжение? Если я встану вам на плечи, то и у меня появится шанс спастись, когда откроется дверь.

— Конечно,— кивнул Демон,— если только ты обещаешь мне одно: в случае спасения найди Филандера Грута и скажи ему, что как только он разорвет наш договор, я обещаю вернуться в ад и никогда больше не появляться на Земле.

— Вероятность того, что я встречу Грута, невелика,— честно ответил я.— Однако даю слово, что если снова встречусь с ним или смогу отослать ему письмо, я обязательно передам вашу просьбу.

— Тогда я желаю тебе удачи,— сказал демон, наклоняясь так, чтобы я мог взобраться ему на спину.— Надеюсь, ты убьешь Мэра, который заставил меня столько времени здесь скучать.

Дверца распахнулась. Я услышал смех стражников. И проклятия Седенко.

Его лицо появилось надо мной. Я приложил палец к губам. Его глаза округлились от удивления. Я прошептал:

— Вытащи меч. Мы попытаемся пробиться...

— Но... — начал Седенко.

— Не задавай вопросов, — приказал я.

Казак пожал плечами и повернулся назад.

— Подождите, ребята, я должен обнажить оружие!

В следующее мгновение в его руке оказалась сабля. Я вытащил меч, а демон начал поднимать меня вверх, к двери. Я ухватился за порог и выпрыгнул наружу, проскочив мимо Седенко, бросился на ближайшего стражника и пронзил его сердце. Я успел уложить еще двоих, прежде чем они поняли, что происходит. Мы с Седенко быстро покончили бы с tremя оставшимися, если бы меня не отвлекла возбужденная жестикуляция казака. Я повернулся посмотреть в ту сторону, куда он показывал.

И увидел Клостергейма на могучем боевом коне. За его спиной ожидали приказа двадцать всадников, закованных в жуткие блестящие, черные доспехи. То были боевые демоны Ари-оха, герцога ада.

В первый момент мне захотелось вернуться в сферу.

Клостергейм смеялся надо мной, дожидаясь, пока схватка закончится.

Я прикончил еще одного стражника, а Седенко справился с двумя другими.

Из-за моей спины, из открытой сферы, доносился запах гниющих душ. Перед нами восседал на своем скакуне торжествующий Клостергейм и его застывшие в неподвижности приспешники.

— Да, мы обречены, — пробормотал Седенко.

Я уже успел запомнить заклинание, которое могло остановить всадников. Поэтому, не обращая внимания на страхи Седенко, я поднял вверх руку.

— *Рехойм Фарах Нъядах!*

Клостергейм смеялся. Наконец он успокоился и сам поднял руку.

— *Нивер Оахр Шук Ариджоийя!* — На его лице появилось вызывающее выражение. — Я нейтрализовал твое заклинание, фон Бек. Нетужели ты думаешь, что я зря потратил прошлый год и не думал о том, как ты остановил моих людей?

— Значит, мы в твоей власти, — сказал я.

— Да, я тебя поймал. Я знал, куда ты направляешься. Знал, что ты решил в поисках святого Грааля проехать к Лесу На Границе Рая через Бакинакс. Теперь ты никогда не увишишь его, фон Бек.

— А как идет война в аду? — поинтересовался я.

Клостергейм откинулся в седле.

— Неплохо, — ответил он. — Люцифер слабеет. Ему пора на покой. Он не будет сражаться. Наших союзников все больше. Ты поступил глупо, отказавшись перейти на мою сторону.

— Я согласился выполнить поручение Люцифера, — сказал я. — И знал, что у меня почти нет надежды на конечный успех. Но договор надо выполнять. Кроме того, моя душа принадлежит Люциферу, а не тебе, Клостергейм.

Неожиданно на город пала тень. Я поднял голову, и моим глазам предстало самое поразительное зрелище из всех, что мне приходи-

лось видеть в аду и Миттельмарке. Громадная черная кошка смотрела на нас сверху вниз. Если бы она шевельнула одной лапой или взмахнула хвостом, то могла бы уничтожить весь город. Сначала я подумал, что прибыл очередной союзник Клостергейма, но почти сразу понял, что охотник за ведьмами изумлен не меньше нас.

— Ну, и что ты сотворил теперь, фон Бек? — спросил он.

Потом Клостергейм отвлекся и выругался, уставившись на что-то у нас за спиной.

Седенко обернулся первым и закричал от удивления. Послышалось громкое чириканье: такие звуки издают по вечерам скворцы. Я быстро оглянулся.

По небу, прямо к нам, катилась бронзовая с серебром колесница, в которую были впряжены тысячи маленьких золотых птиц.

— В атаку! — закричал Клостергейм.

И направил своего коня к платформе, а за ним устремилась черная волна всадников.

Когда колесница остановилась на платформе, Клостергейм заставил своего скакуна за прыгнуть на нее и бросился прямо ко мне. Я парировал его первый удар. Рыцари герцога Ариоха спешились и двинулись по ступенькам к нам на платформу. Нас быстро оттеснили назад.

Раздался голос из колесницы:

— Демон из сферы, я освобождаю тебя от заключенного со мной договора при условии, что ты сразишься с врагами твоего господина, устроившими заговор против Люцифера.

Несмотря на опасность, я повернул голову. Человечек в колеснице пригладил бороду и кивнул мне. Донесся знакомый аромат туалетной воды. Я увидел кружева и бархат. К нам явился Филандер Грут собственной персоной.

— Вы не хотите присоединиться ко мне, джентльмены? — вежливо осведомился он. — Боюсь, Бакинакс очень скоро станет полем битвы — а это малоприятное зрелище для чувствительных людей.

Седенко не пришлось приглашать дважды. Он сломя голову помчался к колеснице. Я последовал за ним.

Из сферы, моргая и рыча, выбрался демон. И завопил от переполнявшей его энергии. Его чешуя звенела и сверкала. Демон рассмеялся, он был счастлив. А я увидел, что Клостергейм с искаженным от злобы лицом продолжает атаковать нас, полный решимости прикончить меня в тот момент, когда я буду забираться на колесницу Грута.

Демон сферы и рыцари герцога Ариоха вступили в схватку. Мне показалось, что силы неравны, но демон мог постоять за себя.

Лошадь Клостергейма встала на дыбы, когда колесница начала подниматься в воздух, влекомая маленькими птицами. Рот монаха-воина застыл в злобном оскале. Он плакал как ребенок, у которого отняли лакомство.

Когда я в последний раз глянул на охотника за ведьмами, он направил свою лошадь вниз с платформы и поскакал прочь от разгоревшейся не на шутку битвы. Я увидел, как два закованых в латы рыцаря отлетели к стене. Посы-

пались камни. Там, где падали рыцари Ариоха, вспыхивал огонь.

А мы, под спокойным взглядом черной кошки, покинули Бакинакс и летели над красной равниной.

— Я не планировал ничего подобного,— заявил Филандер Грут, словно оправдываясь перед нами.— Но я знал, что равновесие, достигнутое мною, не может сохраняться вечно. Рад, что с вами все в порядке, господа.

Я лишился дара речи. Щеголь приподнял бровь.

— Несомненно, вы заинтересовались, как и почему я сюда попал. Ну, некоторое время я размышлял над вашим рассказом, капитан фон Бек, а потом усомнился в правильности своего решения удалиться от дел людей, богов и демонов. Затем я задумался о вашей миссии и — вы должны меня простить — понял, что хотел бы принять в ней участие. Уж очень она значительна.

— Я и не думал, что вы такой великий волшебник,— признался я.

— Вы очень любезны. У меня возникло ощущение, что повсюду сейчас происходят важные события. Должен сказать, что я тщеславен, а в Долине Золотого Облака мне наскучило. И я пришел к выводу, что могу снова воспользоваться своим прежним могуществом, хотя и отношусь к нему — как, несомненно, и вы — как чему-то детскому и немного вульгарному.

— Я посчитал, что ваша помощь ниспослана небесами,— сказал я.

Его мои слова позабавили.

— Ну, тут вы ошибаетесь, капитан фон Бек. С небесами моя помощь не имеет ничего общего.

Мы летели дальше, и щеголь ненадолго замолчал. Затем он заговорил со всей серьезностью.

— В настоящий момент ни один воин герцогов ада не может попасть в обычные царства Земли. Но если Люцифер будет побежден, то нарушится всякий порядок и действительно придет конец света. Появится множество Антихристов, можно сказать, Клостергейм является их представителем на Земле. Повсюду разгорится беспощадная война между силами ада и рая. Наступит Армагеддон, господа,— как и предсказано. Человечество погибнет. И, что бы ни утверждала христианская Библия, никто не знает, чем все закончится.

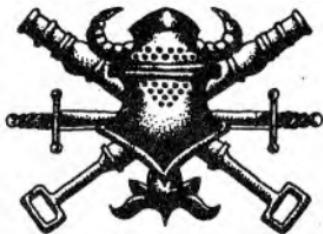
— Но Люцифер не хочет воевать с Богом,— возразил я.

— Теперь этот вопрос будет решен без участия Люцифера. И без Бога. Может быть, оба лишатся своей власти.

— А Грааль? — спросил я.— Какую роль играет Грааль?

— Может быть, никакой,— ответил Грут.— Кто знает, возможно, то был ложный маневр.

Глава четырнадцатая

олесница Филандера Грута наконец опустилась на землю на склоне холма, устроившегося на краю мирной долины, напомнившей мне мой родной, так давно утерянный Бек.

В долине горела деревня, и черный дым клубами окутывал фермерские постройки и мельницы. Темные воины с факелами в руках

расхаживали тут и там, поджигая все подряд. Знакомое зрелище, виденное мной не раз на войне. Я и сам порой отдавал такие приказы.

— Мы еще в Миттельмарке? — спросил я Грута. — Или вернулись на нашу Землю?

— Миттельмарк, — ответил он, — но знаете, это вполне могла бы быть и Земля. Здесь многое разрушено или находится под угрозой уничтожения.

— И все потому, — предположил я, — что Люцифер отправил меня на поиски Грааля!

— Не совсем. — Грут махнул рукой, и колесница снова поднялась в воздух. А потом добавил, точно эта мысль только что пришла ему в голову: — Боюсь, теперь мы не сможем прибегать к подобным трюкам. Большинство этих существ рождены силами тьмы, которые, впрочем, не всегда пользуются ими. Вы знали, капитан фон Бек?

— Нет.

— Теперь, раз я больше не принадлежу к числу Серых Властелинов, как ад называет тех из нас, кто сохраняет нейтралитет, мне вряд ли удастся так же легко творить заклинания. — Он помолчал, пригладил усыки. — Вы необычный человек, капитан, но не ваша миссия привела к тому, что сейчас здесь происходит. Решение Люцифера помириться с его Создателем ускорило развитие кризиса, который уходит корнями в то время, когда родился Христос. Видите ли, линии судьбы сплелись. Язычники почти все уничтожены. Будда, Христос и Магомет об этом позаботились. Для многих гибель язычества означала приближение смерти

мира (я не стану особенно распространяться на эту тему, поскольку она слишком сложна, хотя таковой и не кажется с первого взгляда). Мы отказались отвечать за свои поступки — перед Богом и Люцифером. Я не уверен, что Бог требует от нас этого, да и не хочет он быть нам судьей. В нашей вселенной нет ничего определенного, капитан.

— Значит, ничто не изменится, даже если мне и посчастливится найти средство от боли мира?

— Не знаю. Может быть, Грааль всего лишь разменная монета в игре такой изощренной, что даже два главных участника не понимают ее правил. Впрочем, я могу ошибаться. Однако вам следует знать вот что: Клостергейм сейчас намного сильнее, чем вы себе представляете. Не думайте, что если он, движимый гордыней, привел с собой все тех же двадцать рыцарей, которых вы уже однажды победили, он не сумеет вызвать подкрепление. Теперь он один из самых могущественных генералов, возглавляющих восстание в преисподней. Надеюсь, вы не забыли, что ваша миссия, в определенном смысле, послужила причиной возмущения. Они остановят вас, если смогут, капитан фон Бек. Или отнимут Грааль, когда вы его отыщете.

— Но с вашей помощью, волшебник, — вмешался Седенко, — у нас появляются дополнительные шансы.

Грут улыбнулся ему.

— Не нужно недооценивать Клостергейма, господа. И переоценивать меня. То немногое, что я знаю, уже отработано. Оно было отнято

у других — само мое могущество. И в любой момент они могут потребовать свой дар назад. Мои фокусы с джиннами и демонами — жалкая мелочь в глазах ада. Я уже растратил почти все свои возможности. Однако я все равно буду сопровождать вас, если не возражаете; любопытство мое велико, и мне невероятно интересно узнать, что ждет вас впереди. До Леса На Границе Рая дня два пути, и я полагаю, что мы будем избавлены от общества Клостергейма, хотя бы ненадолго. Он наверняка потерял несколько весьма ценных рыцарей в стычке в Бакинаксе. Но когда он снова появится на нашем горизонте, он приведет с собой гораздо более серьезное войско, чем то, с которым вы сталкивались до сих пор.

— Против меня выступают все сверхъестественные силы, — сказал я, повторив предупреждение Клостергейма.

— Точно. Потому что именно их благополучию угрожает успешный исход ваших поисков. Кое-кто считает, что чудеса, свидетелем которых вы стали, рождены болью мира. Без нее они будут никому не нужны. Они перестанут существовать.

— Вы хотите сказать, что нужды человечества создают чудовищ?

— Человек — рационализирующее существо, если не рациональное, — сказал Филандер Грут. — Идемте, вон в той рощице нас ждут лошади.

Мы последовали за ним вниз по склону и действительно вскоре обнаружили лошадей. Мы уселись на них, и Грут пустился в светскую

беседу, рассказывал разные забавные истории о своих знакомых и местах, в которых побывал, точно мы предприняли веселое путешествие лишь затем, чтобы хорошенъко отдохнуть. Мы ехали по гребням холмов всю ночь, избегая встречи с солдатами в долине, и в конце концов выбрались из нее. Только тогда мы подумали об отдыхе. Уже вовсю сияла луна, когда мы оказались на перекрестке дорог и Филандер Грут занялся изучением надписей на дорожных столбах.

— Вот,— заявил он и махнул своей миниатюрной ручкой в сторону знака: «До Вульфсхабена 3 мили». — Знаете, что такое Вульфсхабен, капитан? А вы, герр Седенко?

Мы оба тут же сообщили, что не имеем ни малейшего представления.

— Великолепный городок. Если вы любите женщин, вам следует посетить местный бордель. Лично я непременно туда отправлюсь, да и постели там гораздо удобнее, чем где бы то ни было.

— Я с удовольствием составляю вам компанию,— с энтузиазмом воскликнул Седенко.

— Если можно получить хорошую постель без шлюхи в придачу,— сказал я,— меня это устроит. Я с вами.

Моих друзей развлекали просто по-королевски в великолепном борделе Вульфсхабена (который, насколько я понял, весьма знаменит среди путешественников Миттельмарка), а я проспал мертвым сном до самого утра.

Весеннее утро было еще достаточно прохладным, когда мы пустились в путь, покинув

Вульфсхабен. На светло-зеленой траве блестела роса, а листья деревьев намокли от легкого дождя, прошедшего, видимо, ночью,— нас окутали сладостные ароматы.

Филандер Грут, ехавший впереди с Седенко, принюхался и страшно напомнил мне придворного, вышедшего порезвиться в Версальском саду.

— Какой великолепный день, господа! — воскликнул он.— Разве не чудесно жить на свете?

Дорога увела нас в другую долину, такую же зеленую, как и предыдущая; здесь не видно было ни одного солдата, да и вообще складывалось ощущение, что этих мест война не коснулась. Однако когда дорога свернула чуть в сторону, мы встретились с длинной процессией, состоящей из мужчин, женщин и детей верхом на лошадях и в тележках, с узлами на спинах и наполненными ужасом глазами. Они принадлежали к самым разным слоям общества. Филандер Грут радостно их поприветствовал, точно не понимал, что означает их появление на дороге.

— Кто вы? Пилигримы, идущие в Рим?

Человек, одетый лишь частично в доспехи — похоже, он очень спешил и потому не успел приладить все как следует, — подъехал к нам.

— Мы спасаемся от армии, сударь. Я не советую вам двигаться дальше в этом направлении.

— Благодарю за предупреждение, сударь. А от чьей армии вы бежите?

— Мы не знаем,— сказала женщина с расщепленной бровью.— Они появились неожидан-

но. Убивали всех подряд. Забирали наши вещи. И не произнесли ни слова.

— Никаких объяснений. Никаких угроз. Никакого благородства,— добавил человек в доспехах.

— Я думаю, сударь,— проговорил Грут и посмотрел на нас, словно спрашивал нашего согласия, которое мы немедленно дали,— что мы на некоторое время присоединимся к вам.

— Очень мудро с вашей стороны.

Итак, вместе с тысячью беженцев мыступили на дорогу, по которой сначала не собирались ехать; впрочем, она не уводила нас назад. Мы провели с ними почти два дня. В основном здесь были образованные люди: священники и монахини, астрономы, математики, врачи, ученые, актеры, помешники и их жены. И никто не мог понять, за что на них напали и чья армия пришла в их город, хотя выдвигалось множество теорий; иные показались мне весьма сильно притянутыми за уши. Нам удалось сделать только один-единственный вывод: речь шла о смертных солдатах, служащих герцогам ада; однако и тут у нас полной уверенности не было, учитывая, что священнослужители заявили, будто жители города совершили какой-то ужасный грех, и теперь Бог ниспоспал им наказание в виде безжалостных, уничтожающих все на своем пути воинов.

В конце концов мы расстались с ними и отыскали на наших картах новую дорогу, ведущую на запад. Повсюду нам встречались армии. И приходилось часто прятаться, потому

что мы не решались вступить в сражение с солдатами герцогов ада.

Казалось, весь мир охвачен пламенем пожаров. Огонь охватил целые леса; города сгорали дотла, как когда-то Магдебург.

— Ах,— сказал Филандер Грут,— складывается впечатление, что наступил конец, друзья мои.

— Вот и хорошо,— сказал я.— Мы жили в отвратительном, несчастном, разлагающемся мире. Он требует любви без жертв. Он требует немедленного удовлетворения своих желаний, точно маленькое дитя, точно дикий зверь. А если не получает того, чего хочет, начинает уничтожать все подряд, становясь мелочным и жестоким. Зачем искать средство от его боли, Филандер Грут? Зачем пытаться спасти его от судьбы, которую он заслужил?

— Полагаю, потому что мы живы, капитан фон Бек. У нас нет иного выбора, мы должны надеяться на то, что сможем сами изменить наш мир, сделать его лучше.— Мне показалось, Филандера Грута развеселил мой вопрос.

— Мир — это мир,— заявил Седенко.— Мы не в силах его исправить.

— Возможно, Господь считает, что мы должны сами позаботиться о мире, в котором живем,— тихо ответил Грут. Но не стал развивать эту тему.— О, посмотрите! Смотрите, что там впереди! Какая красота, друзья мои!

Он показывал на высокое сооружение, уходящее прямо в небо и состоящее из сверкающих хрустальных граней. Огромное строение

из стекла и кварца — такого мне еще никогда видеть не приходилось.

— Громадное! — воскликнул Седенко. — Загляните внутрь. Там растут деревья. Совсем, как в джунглях!

Филандер Грут приложил к губам палец и сдвинул брови. Но вскоре его лицо прояснилось.

— Да это же знаменитый птичий двор графа Отто Геранц-Гольфейна. Давайте пройдем через него, господа. Наша дорога ведет прямо через птичник. Я и не знал, что он так близко. Мне доводилось слышать об этом птичьем дворе, но я ни разу здесь не бывал. Граф Отто уже умер. Он был помешан на экзотических пернатых. Один мой друг построил для него птичий двор много, много лет назад. Именно поэтому тут столько деревьев, видите? Деревья посажены для птиц. Подумать только, он все еще на месте! Это сооружение — чудо архитектуры. Вы нервничаете, вам не по себе? Может быть, не пойдем внутрь?

— Пойдем, — заявил Седенко.

— Мне хочется взглянуть на него поближе, — сказал я, подумав, что с радостью приму хоть небольшой отдых, пусть и временный.

— Граф Отто так гордился своим птичьим двором и коллекцией птиц, что настаивал на том, что его должны посетить все путники, заходящие в эти края, — рассказывал Филандер Грут. — Вот почему он приказал проложить дорогу. — Маленький денди был самым искренним образом счастлив.

Когда мы подошли поближе, я заметил, что вход в громадный птичий двор давно заброшен и зарос травой; складывалось впечатление, что вот уже многие годы здесь никто не бывает. Я прислушался к пению птиц. И немедленно до меня донесся странный звук — что-то среднее между бормотанием и ворчанием, точно безутешный великан рассуждал вслух о своих несчастьях.

— Граф Отто сумел заполучить в свою коллекцию по меньшей мере по одному экземпляру всех известных птиц, — проговорил Филандер Грут, ведя нас за собой в миниатюрные джунгли. Над нашими головами сплетались ветви деревьев, однако дорога оказалась достаточно чистой. — Когда он умер, его племянник не пожелал иметь ничего общего с птичьим двором. Поэтому он и находится теперь в таком плачевном состоянии.

Я ощутил сильный запах земли и старых растений, а впереди в рассеянном зеленоватом свете разглядел яркое пятно и решил, что это блестят крылья птицы.

— Уж слишком большая должна быть птица, — засомневался Седенко, озираясь. — Отличное место, здесь Кlostергейм мог бы устроить засаду...

— Он позади, — напомнил я казаку.

— Ему помогают силы ада, — вступил в разговор Филандер Грут. — Не забывайте, он теперь один из самых главных генералов Ариоха. Его не сдерживают заботы смертного; по крайней мере, в данный момент. Однако мы можем столкнуться с опасностью где угод-

но, если помнить о возможностях Клостергейма.

— Именно по этой причине у вас такой беззаботный вид, Филандер Грут? — спросил я у щеголеватого волшебника.

Он повернулся ко мне с улыбкой на устах и уже собрался что-то сказать, когда на нас прямо из зарослей со страшным треском выскочило чудовище.

Оно оказалось раза в четыре больше лошади и ковыляло на трех ногах. Четвертая, правая передняя, была повреждена уже довольно давно и чуть приподнята над землей. То яркое пятно, которое я видел впереди на дороге и принял за перья, оказалось чешуей, горящей красным и желтым огнем. Из открытой пасти торчали серебристые зубы, а хвост метался за спиной чудовища, точно хвост разъяренного кота.

Оно приближалось с головокружительной скоростью. Грут метнулся в одну сторону, Седенко — в другую, а я вытащил меч и остался поджидать хромого дракона.

До сих пор мне еще ни разу не приходилось сражаться с драконами. И я не верил, что они вообще существуют на свете. Тот, что мчался мне навстречу, не изрыгал пламя, но его дыхание было зловонным. И нам не приходилось ждать от него ничего хорошего. Насчет этого у меня сомнений не возникло.

Мой конь ржал от ужаса и пытался спастись бегством, но я знал, что не должен рассчитывать на спасение ценой бегства. Я вонзил острие своего меча чудовищу в морду,

появилась кровь. Дракон зарычал и защелкал зубами, однако немного осадил назад. Я нанес новый удар. Он попытался достать меня правой лапой, и при этом, чтобы не потерять равновесие, был вынужден подняться на задние лапы. Я промчался мимо него, перепрыгнув через бьющий о землю хвост — чудовищу не позволяли развернуться густо растущие деревья. Серебряные зубы сомкнулись на моем рукаве и вонзились в плоть. Я вскрикнул, но рана оказалась несерьезной. Тут я заметил, что Филандер Грут и Седенко подъехали к дракону сзади и наносят ему удары клинками.

Чудовище теснило меня все дальше в кустарник, пока я не уперся спиной в стеклянную стену, попав в ловушку, из которой не видел выхода. И снова голова дракона метнулась вниз, а его зубы, чудом упустив меня, сомкнулись на шею моей лошади, которая отчаянно заржала. Я выпал из седла на спину как раз в тот момент, когда лошадь вдруг взвилась в воздух. Тяжело рухнув в кусты, я попытался подняться на ноги.

Лошадь умерла в челюстях дракона. Он некоторое время принюхивался, а потом выпустил свою добычу; останки коня приземлились в нескольких ярдах от меня. Дракон явно желал заполучить меня и не удовлетворился бы ничем другим. Мне же оставалось рассчитывать только на свой меч. Я начал отползать под укрытие толстого ствола какого-то дерева, но знал, что вряд ли сумею отыскать безопасное место в разрушенном птичнике.

Треснуло стекло под ударами мощного драконьего хвоста. С крыши донесся странный перезвон, а затем, словно они только что проснулись, в воздух, хлопая крыльями, взвились разноцветные птицы. Целая стая. Они медленно опустились на труп лошади, не обращая ни малейшего внимания на наше сражение. Дракон тоже их игнорировал. Птицы приступили к пиру.

Чудовище снова принюхалось и уловило мой запах. Хромая, дракон пустился в погоню, а позади него Филандер Грут и Григорий Петрович Седенко с дикими воплями наносили ему один удар за другим — без какого бы то ни было результата. Я быстро терял силы. Вокруг сыпались осколки стекла, один из них чуть не пронзил меня нас kvозь.

И снова острые зубы меня нашли, и я почувствовал, как они вонзились в мою левую руку — возникло ощущение, будто дракон в одно короткое мгновение превратил ее в тонкие лоскутья. У меня закружилась голова, но я не останавливался.

Филандер Грут что-то крикнул мне, но я не понял ни одного слова. Я снова нанес удар дракону прямо в пасть и пронзил ему нёбо. Он заворчал и поднял голову, выхватив у меня из рук меч, однако в следующее мгновение он его выплюнул. Мне больше нечем было защищаться.

Я упал, пополз по земле, отчаянно надеясь найти хоть какое-нибудь, пусть и временное, убежище. Коготь вцепился мне в правую ногу, ослепительная вспышка боли пробежала по

позвоночнику, наполнила тело. Но я продолжал двигаться, цепляясь за низкие ветви, подтягиваясь на них.

И тут моя рука коснулась чего-то гладкого и холодного. Сквозь пелену, застилавшую глаза, я сумел разглядеть, что это один из осколков, упавших с разбитой крыши. Он был похож на длинную сосульку с острым концом. Я попытался поднять его одной рукой, воспользовавшись здоровой ногой в качестве рычага, и вскоре мне удалось установить свое оружие между двумя корнями так, что острый конец был направлен в сторону дракона.

Чудовище снова встало на задние лапы и двинулось вперед, с его морды стекала слюна, щелкали серебряные зубы. В тот момент, когда дракон бросился на меня, я успел откатиться за громадный осколок стекла.

Острое попало ящеру в грудь, чуть ниже горла, и пронзило насеквоздь. Дракон дико взревел, бросая на меня яростные взгляды, словно сообразил, что именно я виновник его страданий.

Из тела чудовища брызнула черная кровь, он заколотил по осколку здоровой лапой, загоняя его тем самым еще глубже. Кровь полилась сильнее. Мерзкая жидкость покрывала меня с головы до ног, но кажется, я улыбался.

Филандер Грут и Седенко соскочили с коней и бросились ко мне. У Грута в руках я заметил еще одно стеклянное копье. Он вонзил его изо всех сил своего небольшого тела дракону в бок.

Чудовище застонало и повернулось к новому источнику боли. Вдруг оно зашлось кашлем.

Затем налетело на одну из полуразрушенных стен и превратило ее в мелкие обломки. Несколько мгновений казалось, что дракон, упавший на землю, покрытую листьями, осколками стекла и обломками деревьев, попытается встать. Он хрюпал, из ноздрей текла кровь. Птицы поднялись с трупа моей лошади, от которой остались лишь кости. И снова мы услышали ужасный, почти жалобный кашель умирающего дракона.

Один последний всхлип, и он издох.

Яркие птички опускались на его чешую, и вскоре дракон оказался погребенным под ярким покрывалом из разноцветных перьев.

Филандер Грут и Григорий Седенко пришли мне на помощь, на их лицах я видел тревогу. Я повернул голову и посмотрел на свою руку. Она была разорвана до кости. Да и нога оказалась не в лучшем состоянии.

Я показал на скелет лошади. Седельные сумки остались нетронутыми.

— Бутылочка,— проговорил я с трудом, потому что меня вдруг окатила новая волна боли.

Седенко знал, о какой бутылочке идет речь. Он побежал к седельной сумке и отыскал ее. Она была помята, но содержимое осталось в целости. Ему не сразу удалось вытащить пробку и поднести эликсир к моим губам. Я пил медленно. Боль постепенно сменилась чем-то, похожим на холодный восторг, а затем я впал в забытье.

Мне приснилось, что я снова юноша и живу в Беке и что мое приключение — всего лишь кошмарный сон.

Когда я проснулся, оказалось, что мои друзья как могли помыли меня и переодели. Несколько мгновений я раздумывал над тем, не защищен ли я, как Зигфрид, от всех напастей, поскольку мне довелось искупаться в крови дракона. Левая рука была исполосована шрамами, но я мог ею двигать, и она болела совсем чуть-чуть. Точно таким же образом зажила и нога.

Филандер Грут улыбался, подергивая бородку. Он казался спокойным, как и всегда. Его одежда и манеры были само совершенство.

— Ну вот, теперь вы стали настоящим рыцарем, капитан фон Бек, — заявил он. — Держите, — добавил он. — Рыцарей без мечей не бывает.

Не колеблясь ни секунды, я принял его дар. Я до сих пор не знаю, почему он это сделал и почему я с такой готовностью ответил соглашением.

— Я вам очень благодарен, — сказал я.

Я сидел, прислонясь спиной к стене, в углу огромного птичника. Сквозь листву виднелась разрушенная стена, а рядом с ней кости дракона. И нигде ни малейшего признака необычных птиц. Похоже, они просыпаются только тогда, когда ощущают смерть.

Я с трудом поднялся на ноги.

— Вы проспали целый день, — сообщил мне Филандер Грут, когда я прикрепил меч к поясу.

— Драгоценные часы,— ответил я,— которые мы проиграли Клостергейму.

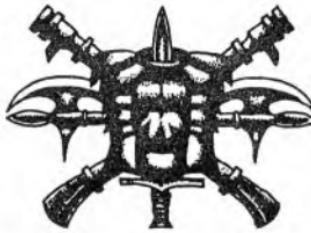
— Возможно,— согласился волшебник.

Появился Седенко с двумя оставшимися в живых лошадьми.

— Я проехал немного вперед,— сказал он.— Там огромная долина. А за ней сине-зеленый лес, уходящий вершинами в небо. Мне кажется, мы добрались до края света, капитан.

Глава пятнадцатая

охоже на мою родину,— радостно заявил Григорий Петрович Седенко.— Как в украинской степи.

Бескрайние поля расстилались почти до самого горизонта, однако мы разглядели подернутые дымкой спокойные сине-зеленые леса.

Мы пересекли небольшой каменный мост; казалось,

его соорудили для давно не существующего города.

— Граф Отто любил здесь жить,— сказал Филандер Грут.— Говорят, он построил свой замок так, что из него был виден рай, а когда Отто умер, то попал на небеса вместе с замком. Во всяком случае, никаких следов поместья нет.

— Ну,— заметил я,— теперь до окончания моей миссии осталось совсем немного.

— Неужели Грааль действительно на той стороне? — спросил Седенко.

— Скоро я узнаю.— На меня вдруг нахлынули сомнения.— Очень скоро выяснится, имели ли смысл наши приключения и страдания — или все зря. Человек сражается в надежде, что стойкость и упорство могут изменить его судьбу. Но мне кажется, все усилия ведут лишь к краху.

— Значит, вы остаетесь фаталистом,— не-громко проговорил Филандер Грут.

— Я знаю, что человек смертен,— сказал я.— Что голод и болезни ему неподвластны. Мой опыт заставил меня стать человеком действия. Однако мне удалось принести в мир лишь новую боль.

— Но теперь вы близки к тому, чтобы найти средство от этой боли.— Голос Филандера Грута смягчился.— Может быть, человека удастся освободить от зависимости, и он навсегда избавится от Бога и Люцифера. И мы увидим рассвет Нового Века. Века Разума.

— Но что, если разум человека так же не-совершенен, как и все остальное в нем? — спросил я.— Почему нам следует превозносить

его скучную логику и склонность к изобретению законов, которые потом только осложняют его судьбу?

— Ну,— ответил Филандер Грут,— может быть, дело в том, что у нас больше ничего нет. И мы должны учиться методом проб и ошибок — если нет другого пути.

— За счет человечности?

— Иногда.— Филандер Грут пожал плечами.— А теперь вам следует взять моего коня, господин рыцарь. Я, как смогу, последую за вами пешком.

— У вас больше не осталось магии, чтобы помочь нам?

— Как я уже говорил, мое волшебство исчерпано. Герцоги ада забрали последние крохи могущества, выпущенного ранее в мир. Пусть они наслаждаются своей фантастической властью. Я некогда отверг ее и отвергаю сейчас. Впрочем, теперь у меня нет выбора. Однако, поскольку я принял аналогичное решение, когда у меня был выбор, я не страдаю от потери. А моя нужда в магии исчезла много лет назад.

Неожиданно Седенко воскликнул:

— Посмотрите! Посмотрите назад!

Мы повернули головы.

За мостом, за холмами собиралась огромная, черная туча, которая двигалась в нашем направлении.

— Это Клостергейм и силы ада,— невозмутимо сказал Филандер Грут.— Вы должны торопиться, капитан фон Бек. Они преследуют только вас.

— Их так много? — спросил я.

Он спокойно улыбнулся.

— А вы разве не польщены?

— Они вас убьют, Филандер Грут,— вмешался Седенко.— Я настаиваю, чтобы вы сели на мою лошадь сзади.

— Я люблю жизнь,— сказал волшебник.— Поэтому приму твое предложение, казак.

Так мы и продолжали путешествие — Филандер Грут сидел позади Седенко, обхватив его руками за пояс. Мы ехали гораздо медленнее, чем того требовали наши нетерпеливые сердца, а черная туча все приближалась. Вскоре мы почувствовали, как задрожала под ногами земля, словно началось землетрясение, однако никто из нас не обращал на это внимания, потому что над далеким горизонтом возникла сине-зеленая дымка.

Прошло еще немного времени, и у нас появилось ощущение, что весь мир разделился на две половины: одна темная, а другая светлая. Позади оставались Клостергейм и силы ада; впереди — рай, куда мы не могли попасть. Мы оказались в лишенном течения времени чистилище, последние трое смертных, застигнутых между противниками таинственной и бессмысленной Войны, грозившей уничтожить все Царства Земли.

Мы все еще находились в нескольких милях от леса, когда сзади послышались крики, и мы увидели дюжину всадников, которые мчались на нас. Это был передовой отряд армии Клостергейма.

То были жуткие воины с изуродованными болезнями лицами — у некоторых из-под сгнив-

шей плоти выглядывал кости. Все они ухмылялись, как положено разлагающимся мертвецам.

Мечи были обнажены и началось сражение, но теперь Грут не только не имел лошади, но и остался без оружия. Всякий раз, когда наши клинки рассекали тела мертвецов, они отвратительно хихикали — что не слишком поднимало боевой дух нашего маленького отряда.

Враги скакали вокруг нас, делая невозможным продвижение вперед, а я мучительно пытался вспомнить заклинание, которое могло их остановить. Однако Грут нашел выход.

— Братья! — неожиданно закричал он. — Почему бы вам не догнать фон Бека? Он вас всех уничтожит, если добьется успеха. Смотрите — он уже почти добрался до опушки леса!

Когда наши враги обратили свои тусклые глазницы в том направлении, куда показывал Грут, он прошептал мне:

— Я уже давно обнаружил, что мертвецы, в большинстве своем, очень глупы!

Всадники перестали хихикать и начали совещаться между собой, а мы снова прищорили лошадей и поскакали в сторону сине-зеленой дымки. За нашими спинами растянулась армия преследователей, а тьма над нами все ближе подкрадывалась к солнцу. Скоро она закроет его.

С востока повеяло холодом, казалось, поднимается ветер. Но мне вдруг представилось, что это пустота стремится поглотить нас. Мы дрожали, но продолжали мчаться вперед, а за нами неслись адские существа.

— Герцог Ариох распростер крылья,— сказал Грут, посматривая на черную тучу.— Он предоставил в распоряжение Клостергейма целую армию.

Запах разлагающейся плоти преследовал нас, мертвые руки пытались схватить. А за первой дюжиной всадников возникли новые невероятные существа: полулюди-полубезьяны, одетые в шкуры, с копьями и дубинками в руках, длинные клыки угрожающие торчат из открытых ртов. За ними скакали узколицые, высокие воины с развевающимися седыми волосами в зелено-белых одеждах и без доспехов. Они были вооружены огромными двуручными мечами и управляли своими могучими лошадьми одними коленями. По одну сторону от них неслись на адских конях рогатые демоны с наростами и бородавками, а еще я успел разглядеть женщин с подпиленными зубами, и женщин со свиными рогами; чудовищ, чья жидккая плоть колыхалась на бегу; обезьян, оседлавших ящериц; страусов, на спинах которых восседали прокаженные; каркающих созданий в капюшонах — но мы продолжали мчаться вперед, лишь немного опережая армию нечисти, Седенко закричал, обращаясь к Богу, царю и святой Софии с просьбой о защите, а побледневший Грут отчаянно вцепился в казака, не в силах сохранять прежнюю уверенность.

Невнятный гомон, визг и хохот наполнили наши уши. Уже одно это могло кого угодно свести с ума, не говоря уже об отвратительном запахе, от которого мы едва не теряли

сознание. Наши лошади устали. Я видел, как конь Седенко споткнулся, и волшебник едва не свалился на землю. Создавалось впечатление, что Филандер Грут напутан не меньше меня и что он истратил все свое волшебство. Теперь ему ничего не оставалось, как убегать вместе с нами, рассчитывая, что в лесу мы сумеем найти хотя бы временное убежище.

Мы совсем немного опережали наших преследователей. Медленно, но верно они нас нагоняли и снова начали окружать.

— О, Господи, прояви ко мне милосердие. Я раскаиваюсь! Я раскаиваюсь! — закричал Седенко, выхватывая саблю. Казак одним быстрым движением снес демону голову. — Я признаю, что был грешником и негодяем! — Еще одна голова покатилась с плеч. Кровь обрызгала лицо Седенко. Он плакал, бледный от страха, не замечая, что молится и убивает одновременно. — Матерь Божья, прижми меня к своей груди!

Мерзкие демоны все туже смыкали кольцо. Однако ни один вражеский меч не коснулся наших тел, никто из них не нанес ни одного удара. Я понял, что Клостергейм приказал взять нас живыми. Его подлая натура могла удовлетвориться лишь в том случае, если он сам станет свидетелем нашей гибели.

— Книга заклинаний! — отчаянно заорал Седенко. — Там должно быть что-нибудь полезное!

Я вытащил одну, потом другую. И начал произносить волшебные слова. Выкрикнул зак-

линиане, которое остановило войска герцога Ариоха. Но сейчас ничто не действовало на адские существа, окружившие нас. И я понял, что могущество Ариоха росло, а сила Люцифера уменьшалась. Я швырнул книги заклинаний в жуткие, хохочущие рожи. А когда Клостергейм с безукоризненно прямой спиной и потусторонней улыбкой на узких губах направился к нам, покинув ряды своих соратников, я метнул в него карты. Он небрежно протянул руку, поймал футляр, пожал плечами и бросил карты на землю.

— Теперь ты мой, фон Бек, — заявил Клостергейм.

Именно в этот момент Филандер Грут скочил с лошади и встал между нами и моим старым врагом.

— Клостергейм, — произнес он спокойным и негромким голосом, в котором слышались отголоски былого могущества, — твое искусство есть персонификация нищеты разума.

Клостергейм ухмыльнулся.

— Однако я здесь, Филандер Грут, на подъёме к величию, а тебе остается только рассчитывать на легкую смерть. Может быть, ты возразишь, что это несправедливо. А я скажу, что сильные всегда диктуют собственную справедливость — действием, набираясь тем самым еще большего могущества.

— Тебе была дарована сила, Иоганнес Клостергейм, потому что герцог Ариох счел это полезным для себя. Но когда твоя полезность будет исчерпана, Иоганнес Клостергейм, тебя отбросят, как ненужную карту.

— Я командую могущественной армией! — Клостергейм обвел рукой бесконечные ряды проклятых. — Сам Люцифер трепещет предо мной! Смотри! Мы добрались до границ рая. Покончив с вами, мы двинемся на Святой Город — если примем такое решение. Мы возьмем осадой слабого, умирающего Бога, который прячется за его стенами. Мы нападем на жалкого идиота Сына. Герцог Ариох использует меня, тут ты прав, но Люцифер точно так же использует фон Бека. Дьяволы ценят нас за мужество. За мужество смертного!

— В фон Беке это действительно мужество, — возразил Филандер Грут. — В тебе, Иоганнес Клостергейм, — безумие.

— Безумие? Искать могущество и получить его? Нет!

— Отчаяние принимает самые разнообразные формы мысли, — спокойно продолжал волшебник, — и разные виды действия. Отчаяние одних приводит к просветлению и пониманию, к анализу мира — такого, какой он есть и каким может быть. Других же погружает в опасные пучины безумия, ведет к попыткам навязать окружающим собственные представления о реальности. Я сочувствую тебе, Иоганнес Клостергейм, потому что, в конечном счете, тебе не суждено найти утешение. Ничего нет хуже твоего отчаяния. И все же иные смотрят на тебе подобных и завидуют — как ты, бессспорно, завидуешь герцогу Ариоху, а герцог Ариох, несомненно, завидует своему господину Люциферу, которого, в конце концов, предал, и, возможно,

сам Люцифер завидует Богу. Интересно, к кому испытывает зависть Бог? А вдруг он с тоской взирает на простого смертного, удовлетворенного своей участью и не знающего зависти?

— Я не стану слушать твою чушь,— заявил Клостергейм.— Ты наводишь на меня скуку, Филандер Грут. Если мне и дальше будет скучно, я очень скоро покончу с вами!

Филандер Грут выпрямился. Теперь он казался совсем спокойным. Он принял одну из своих любимых поз и подергал усы.

— Ба! Слишком грубо даже для тебя, Иоганнес Клостергейм. Если ты требуешь развлечений от других, то должен и сам что-нибудь предложить!

Армия ада нетерпеливо шаркала ногами и копытами, пускала слюни, фыркала и хрюкала. Она мечтала только об одном — побыстрее нас сожрать.

— И это...— продолжал Грут, махнув тонкой рукой в сторону демонов и изуродованных зомби,— все, чем ты располагаешь? Жалкие страшилища? Вызвать в человеке ужас совсем нетрудно. Неужели ты этого не знаешь?

Клостергейма не смущили речи волшебника. Он равнодушно пожал плечами.

— Но ты ведь не станешь отрицать, что ужас помогает нам с максимальной быстротой достичнуть искомого результата. Ужас самая экономичная из всех эмоций, не так ли, философ?

— Я полагаю, что встретился с бурными возражениями,— спокойно заметил Грут; ка-

залось, он играет роль радушного хозяина на званом обеде,— и нам никогда не удастся до конца понять мотивы и амбиции, которые движут противоположной стороной.

Он поднял руку в воздух и, казалось, потянул за какой-то невидимый шнур. В следующее мгновение у него в ладони появился сверкающий золотой шар. Золото сияло все сильнее и сильнее, пока все тело Филандера Грута не превратилось в ослепительное пламя. Его спокойные и немного скучающие глаза продолжали смотреть на нас, когда адские орды в страхе и смущении отступили назад. Волшебник слегка шевельнул одной рукой, и огненный поток хлынул на ближайшую группу демонов. Они мгновенно загорелись, отчаянно взывали и принялись кататься по земле, пытаясь сбить пламя, пожирающее их тела. Новое движение, и запытало еще несколько десятков чудовищ.

Клюстергейм отшатнулся, защищая лицо от жара.

— Что? Ты обманул меня. Убейте его!

Филандер Грут продолжал сохранять невозмутимость.

— Полагаю, я буду мертв через несколько мгновений. Советую вам поскорее уносить ноги.

— Идем с нами! — предложил я.

— Нет. Я принял решение.

Я посмотрел на запад — туда, где мерцала сине-зеленая дымка.

— Держи! — Я кинул ему фляжку с остатками эликсира Люцифера.

Он благодарно кивнул и поднес фляжку к губам.

— Седенко! — закричал я и пустил свою лошадь галопом.

— Вы должны немедленно прикончить их всех! — раздался злобный вопль Клостергейма.

Мы снова скакали по траве. Я оглянулся назад. Поле боя скрывала тень, лишь золотой огонь метался по рядам проклятых. Седенко был бледен, как смерть. Его рука цеплялась за спину коня, казак рыдал.

Я увидел, как Филандер Грут сдвинулся с места. Огненная река разлилась между нами и адскими ордами. Встречный ветер отнес в сторону отвратительную вонь, нам стало легче дышать.

Когда мы оказались среди первых деревьев, Седенко упал с коня. Дыхание с трудом вырывалось из его почерневших губ.

Я заметил длинную, кровавую рану, идущую от плеча к бедру. Слезы рекой лились из его глаз.

— Они меня убили. Ради всего святого, капитан! Они меня убили.

Золотой огонь погас. Черная армия снова устремилась вперед. Потом чудовища остановились.

Я знал, что они не смогут войти в Лес На Границе Рая, но Клостергейм вместе со своей армией будет ждать моего возвращения.

Я соскочил с усталого коня и подошел к Седенко. Обхватив казака за плечи, помог ему спуститься на землю. Кровь потекла мне на грудь. Седенко взглянул на меня, на его лице появилось невинное и молящее выражение.

— Я и в самом деле проклят, капитан? И обязательно попаду в ад?

Я не смог ему ответить.

Когда он умер, я поднялся на ноги и осмотрелся. Все было спокойно. Одиночество нахлынуло на меня.

Теперь мрак окутал все вокруг, кроме леса. Но даже сюда проникали полосы серого тумана, словно зло искало новые пути.

Я поднял голову к небу и погрозил ему кулаком.

— Я отвергаю тебя. Я отвергаю твой рай и твой ад. Делай со мной, что хочешь, но теперь я знаю, что твои желания ничтожны, а амбиции лишены смысла!

Я ни к кому не обращался. Я обращался ко всей вселенной. Я обращался к пустоте.

Глава шестнадцатая

12

а мир опустилась тишина.

Казалось, вся долина от начала до самого конца заполнена армией Клостергейма, застывшей в неподвижности, ждущей своего часа. Сам же лес напоминал тот, в котором стоял замок Люцифера. Ни животных, ни птиц, ни малейшего шороха, только сладостный аромат цветов и травы.

Я собрал листья и дикие тюльпаны и накрыл ими тело

Седенко. У меня не было сил на то, чтобы его похоронить. Я оставил его лошадь на посту, а сам взобрался в седло своего коня и направил его на запад, в самое сердце сине-зеленого леса. Мое тело и сознание погрузились в холодное онемение. Возможно, я просто больше не мог выносить ни горя, ни ужаса.

Я знал, что Ульрих фон Бек, покинувший замок Люцифера, не имел никакого отношения к тому человеку, которым я был сейчас. Так же сильно я изменился и когда расстался с родным домом, отправившись в Магдебург. Эти изменения не лежали на поверхности, и заметить их сразу было невозможно. У меня не возникло сильного чувства откровения или чего-нибудь в этом роде. Моя горечь имела совсем иной источник. Я никого не винил — даже Бога — за страдания мира. И не испытывал невыносимых терзаний из-за своих прошлых преступлений. Я знал, что, если мне суждено вернуться в покинутый мной мир, я никогда не стану ни католиком, ни протестантом. А употреблю свое военное искусство на то, чтобы защитить себя и тех, кого я люблю, если в этом возникнет необходимость. И никогда больше не пойду добровольцем на войну. Я скорбел о Седенко и Филандере Груте и поклялся себе, что если у меня возникнет возможность отомстить за их гибель, я непременно это сделаю, хотя, должен признаться, меня не переполняла ненависть к Иоганнесу Клостергейму, чье могущество и чей ужас перед миром росли с каждой минутой.

Дорога начала подниматься вверх, практически следуя за изгибами ландшафта, которые я заметил издалека. Теперь, оказавшись вдалеке от влияния сил Клостергейма, я услышал пение выорка, сорок и дроздов. Какие-то мелкие животные резвились в кустах. Все стало как обычно.

Прошло много часов, прежде чем я понял, что в этом лесу ночь не наступает. На мирном безоблачном небе сияло ласковое солнце. Я поднялся вверх по склону холма и вдруг услышал детский смех и увидел маленькую полянку, домик с соломенной крышей, несколько хозяйственных построек, корову и коня, запряженного в плуг. Три маленьких мальчика играли во дворе, а у дверей стояла женщина с седыми волосами, прямой спиной и гладким, как у девушки, лицом. Даже издалека я видел ее глаза. Они оказались такими же сине-зелеными, как и сам лес. Женщина улыбнулась мне и помахала рукой.

Я медленно спускался вниз по склону, наслаждаясь мирным покоем представшей моим глазам сцены.

— Должен вас предупредить,— сказал я,— что огромная армия, пришедшая сюда прямо из ада, осаждает ваш лес.

— Я знаю,— ответила женщина.— Как твое имя, путник?

— Меня зовут Ульрих фон Бек, и я ищу святой Грааль, который поможет исцелить мир, и тогда Люцифер, возможно, получит разрешение вернуться в небесный чертог.

— Понятно,— проговорила женщина.— Наконец-то ты прибыл, Ульрих фон Бек. Он у меня.

Я соскочил с коня.

— Что у вас, госпожа? — изумленно спросил я.

— У меня есть то, что ты назвал бы Граалем. Это чаша. Я думаю, именно ее ты ищешь.

— Госпожа, я не могу вам поверить. Мне кажется, до нынешнего момента я не верил в то, что и в самом деле найду Грааль. И можете не сомневаться, я даже представить себе не мог, что его вручит мне женщина.

— Знаешь, Ульрих фон Бек, Грааль — очень простая вещь. И действует он совсем просто.

Я с трудом держался на ногах. У меня кружилась голова. До сих пор я не знал, как сильно устал.

Женщина сделала знак одному из мальчишек, чтобы тот занялся моей лошадью. Затем обхватила меня за плечи. Она оказалась очень сильной.

Женщина провела меня в прохладную комнату и усадила на скамейку. Принесла молока. И хлеба с медом. После этого забрала у меня шлем, и принялась гладить по голове, что-то тихонько нашептывая, пока я не расплакался.

Я прорыдал целый час. Немного успокоившись, я взглянул на женщину и сказал:

— Все, что я люблю, потеряно навсегда, или в беде.

— Так может показаться, — ответила она.

— Мои друзья умерли. Моя единственная любовь попала во власть сатаны, как и я сам. И я не могу до конца поверить в то, что мой господин сдержит слово.

— Люциферу нельзя доверять,— согласилась женщина.

— Он пообещал вернуть мне душу,— признался я.

— Да. Ничего другого, что имело бы ценность для смертного, он предложить не может, Ульрих фон Бек. Он в силах послужить могущество и знание, но они бесполезны, если приходится платить за них ценой собственной души. Ко мне в Лес На Границе Рая приходили многие. Солдаты и философы.

— Они искали Грааль?

— Да.

— И вы им его показывали?

— Некоторым показывала.

— И они уносили его в мир?

— Один или двое... да, они унесли его в мир.

— Значит, все обман. Грааль не обладает никакой особой силой.

— Я тебе этого не говорила, Ульрих фон Бек.— Ее голос звучал тихо, точно убаюкивал меня. Она налила мне еще молока из кувшина. Намазала вкусный хлеб медом.— Но многие ожидали от Грааля волшебства. Многие надеялись хотя бы услышать божественную музыку. Многие были такими чистыми душой, Ульрих фон Бек, и такими добродетельными, что не смогли вынести правды.

— Что? Неужели Грааль — очередной обман сатаны? Если так, то смысл того, что я делал...

Женщина рассмеялась.

— Ты предполагаешь худшее, потому что твой жизненный опыт научил тебя ждать худшего. О, мне приходилось видеть благородных сердцем мужчин и женщин, которые падали на колени, испытывая благоговение перед чашей. Я видела, как они молились дни напролет, надеясь узреть священный знак. Я видела, как они, испытав горечь разочарования, уезжали отсюда со словами, что их обманули, подсунув фальшивый Грааль. Тот самый Клостергейм, что командует теперь армией ада, угрожал мне смертью.

— Клостергейм побывал здесь? Когда?

— Много лет назад. Я вела себя с ним также, как и со всеми остальными. Но он ожидал слишком много. И потому не получил ничего. И он ушел. Клостергейм ударил меня своим мечом вот сюда.— Женщина показала себе на левую грудь.

— Однако он вас не убил.

— Нет, естественно. Он недостаточно силен.

— Сейчас с ним могущественное войско.

— Верно! Но он не сумел извлечь урока,— сказала моя собеседница,— и это очень плохо. У Иоганнеса Клостергейма есть характер, и он мне понравился, несмотря на свою наивность. Он отказался осознать то, что не захотел осознать Люцифер. Однако мне кажется, что ты, Ульрих фон Бек, сумел все понять.

— Я понял, госпожа, что нужно принимать мир таким, каков он есть. Надеюсь, я научился принимать самого себя и способность человека создавать не ощущения или чудеса, а города

и фермы, которые правят миром и придают нашему существованию справедливость и разумность.

— Ясно,— проговорила женщина.— И это все, что ты познал, молодой человек? Больше ничего?

— Думаю, да,— ответил я.— Великолепие — это ложь по необходимости, искажение реальности. В лучшем случае, метафора, ведущая к правде. Мне кажется, я знаю, что является причиной боли мира, госпожа. По крайней мере, я понимаю, что вызывает эту боль.

— И что же, Ульрих фон Бек?

— Солгав себе или кому-нибудь другому, отказываясь от единичных фактов мира в том виде, в каком они были созданы, человек увеличивает боль мира. А боль, госпожа, ведет к новой боли. И не нужно стараться быть святым или грешником, Богом или дьяволом. Необходимо стремиться стать человечнее и научиться любить в себе это качество.— Я смутился.— Вот и все, что я осознал, госпожа.

— Небеса большего и не требуют,— сказала она.

Я выглянул в окно.

— А разве есть такое место — небеса?

— Мне кажется, есть,— ответила женщина.— Пойдем, погуляем, Ульрих фон Бек.

Я уже успел хорошенько отдохнуть. Она взяла меня за руку и вывела из домика и дальше через лес позади него, пока мы не вышли к пропасти, откуда поднимался сине-зеленый туман. Неожиданно я почувствовал, как все мои мысли и ощущения воспарили ввысь, ничего

подобного испытывать мне еще не доводилось. Меня охватили незнакомые доселе радость и мир. Мне вдруг захотелось броситься вниз, в холодную дымку, отдаваясь тем чувствам, что заполнили мое существо. Однако женщина потянула меня за руку, и мне пришлось отвернуться от небес.

Даже сейчас я не могу с уверенностью сказать, пережил ли тогда намек на то, что познает человек, попадая на небеса. Я познал ясность, нечто похожее на понимание. Неужели разница между раем и адом заключена лишь в разнице между знанием и невежеством?

Я повернулся спиной к небесам.

Я повернулся спиной к небесам и вошел с женщиной в ее домик. Дети куда-то исчезли, лишь корова и конь по-прежнему мирно паслись неподалеку.

Я сел за стол, и хозяйка снова налила мне молока из кувшина.

— Где? — спросил я ее. — Где находится ад?

— Ты уже должен был и сам догадаться. —

Она подошла к деревянному комоду и выдвинула ящик, из которого достала простую глиняную чашу. Поставила ее передо мной на стол. — Вот. Отнеси ее своему господину. Скажи ему, что ты нашел Грааль. И еще скажи, что он сделан руками самой обычной женщины.

— Это? — Я не мог заставить себя дотронуться до чаши. — Святой Грааль?

— Да, чаша рождена духом, который, как ты веришь, присущ святому Граалю, — ответила она. — Она священна, я думаю. Я сделала ее сама. Эта чаша дарит гармонию. И исцеляет

души тех, кто находится рядом с нею. Однако — какая ирония! — ее может взять в руки только тот, чья душа здорова.

— Моя душа принадлежит Люциферу, неужели ее можно назвать здоровой, госпожа?

— Ты человек,— сказала женщина.— Смертный. И про тебя нельзя сказать, что ты добродетелен. Но и душа твоя не разрушена. Да, Ульрих фон Бек, ты достаточно здоров.

Я протянул руку к чаше.

— Мой господин не поверит.

Женщина пожала плечами.

— Твой господин глупец,— заявила она.— Твой господин глупец.

— Ну, что ж,— проговорил я.— Я отнесу ему чашу. И скажу то, что вы велели. Что я нашел средство от боли мира.

— Ты принесешь ему гармонию,— поправила меня она.— Это и есть лекарство. Которое находится в каждом из нас.

— Больше никаким другим качеством чаша не наделена, госпожа?

— Сила гармонии — достаточная сила,— тихо проговорила женщина.

— Однако ее трудно продемонстрировать,— чуть улыбнувшись, заметил я.

Она улыбнулась мне в ответ, затем пожала плечами и больше ничего не сказала.

— Ну,— пролепетал я,— благодарю вас за гостеприимство, госпожа. И за ваш дар — за святой Грааль. Должен ли я в него поверить?

— Верь во что пожелаешь. Чаша — это всего лишь чаша,— сказала женщина.— И она твоя. Можешь ее взять.

Я наконец дотронулся до чаши. Она оказалась теплой на ощупь. Меня охватило ощущение, похожее на то, что я испытал, когда мы заглянули в пропасть за домом женщины.

— Благодарю вас за драгоценный дар,— повторил я.

— Это не дар,— проговорила женщина.— Ты ее заслужил, Ульрих фон Бек. Честно заслужил, можешь не сомневаться.

— У меня есть пергамент,— сказал я,— который я должен развернуть, если хочу вернуться к своему господину.

— Ты не можешь сделать это здесь,— сказала она.— Потому что не можешь вернуться отсюда ни в преисподнюю, ни в любое другое место, которым правит Люцифер. Таков закон.

— Но, госпожа, я проделал такой длинный путь! Неужели теперь я должен стать жертвой обмана?

— Никто не намерен тебя обмануть,— ласково ответила женщина,— но таков закон. Воспользуйся своим пергаментом, как только выйдешь из леса. И тогда он тебе послужит.

— На границе вашего леса меня поджидают Клостергейм и его армия.

— Да,— проговорила женщина,— я знаю.

— Получается, я обречен — и это в тот момент, когда я порадовался тому, что достиг цели?

— Ну, если ты так думаешь...

— Вы должны мне сказать! — Я готов был разрыдаться в любую минуту.— О, госпожа, вы должны мне сказать!

— Возьми Грааль,— посоветовала она.— И пергамент. И то, и другое послужит тебе. Покажи Клостергейму Грааль и помни, что он уже его видел.

— Он поднимет меня на смех.

— Конечно, Клостергейм поднимет тебя на смех, если у него появится такая возможность. Он настоящий воин, этот Клостергейм.

— А потом он меня убьет,— напомнил я ей.

— В таком случае, тебе следует собрать воедино всю свою отвагу.

Она встала из-за стола, и я понял, что должен ее покинуть.

Один из мальчишек привел мою лошадь в тот момент, когда я вышел во двор. Другой сидел на насосе и наблюдал за мной. Третий не обращал никакого внимания, он с интересом разглядывал цыплят.

Я вскочил на коня и вставил ноги в стремена. В моей седельной сумке рядом с пергаментом Люцифера лежала глиняная чаша.

— О тебе никто не сложит легенд,— проговорила седовласая женщина,— однако должна тебе сказать, что ты понравился мне больше всех остальных, приходивших за Граалем.

— Матушка,— спросил я,— вы не назовете мне своего имени?

— Ну,— ответила она мне,— я самая обыч-
ная женщина, сделавшая глиняную чашу и жи-
вшая в маленьком домике в Лесу На Границе
Рая.

— А имя?

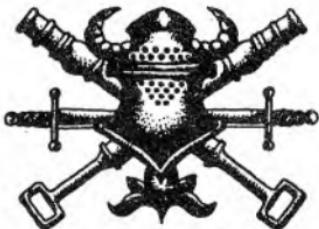

— Называй меня, как пожелаешь,— заявила она и ласково улыбнулась.— Называй меня Лилит, как некоторые.

А затем она шлепнула моего коня по крупу, и я поскакал на восток. Туда, где меня поджидали Клостергейм и его отвратительная армия.

Глава семнадцатая

Я

знал, что надеяться глупо, однако совершенно сознательно вернулся туда, где осталось тело Седенко. Мне вспомнилась одна из легенд о Граале — в ней говорилось, что он может возвращать мертвых к жизни. Я подержал маленькую глиняную чашу над трупом моего друга, но веки его не затрепетали, а раны не затянулись, хотя лицо

Седенко показалось мне сейчас более умиротворенным, чем в тот момент, когда я покрыл его цветами и листьями.

Эта мечта лишена всякого смысла, подумал я. Глиняная чаша, не более чем глиняная чаша. Я ничего не узнал и ничего не выиграл. Однако я поехал обратно и вскоре выбрался из сине-зеленого Леса На Границе Рая и остановился перед армией восставшего ада. Моя рука потянулась к заветному пергаменту, Клюстегейм медленно двинулся ко мне, отделившись от своего бескрайнего черного войска.

— Я даю тебе возможность присоединиться к нам и поучаствовать в отличном приключении, — предложил он. Его лицо было серьезным. Он наморщил лоб и поджал губы. — Ты, как и я, обладаешь великим мужеством, фон Бек, и вместе мы сможем взять рай штурмом. Подумай только о том, что он станет нашим!

— Ты безумен, Иоганнес Клюстегейм, — сказал я. — Филандер Грут уже говорил тебе об этом. Он оказался прав. Как ты можешь взять дары рая штурмом?

— Точно так же, как я взял ад, глупец!

— Я нашел Грааль, — заявил я, — и теперь прошу пропустить меня, потому что я возвращаюсь к своему господину. Моя миссия успешно завершена.

— Тебя обманули. И ты не первый, кто обманут.

— Я знаю, что ты смотрел на Грааль и отверг его, — продолжал я, — но не стану поступать так же, Клюстегейм. И не спрашивай меня почему — я не отвечу на твой вопрос, хотя не

сомневаюсь, что у тебя были причины отказаться от Грааля.

— Да, я не принял его,— кивнул Клостергейм,— потому что это всего лишь трюк. Никаких чудес не было. Или Бог обманул нас, или у Него нет власти. Именно в тот момент я выбрал Люцифера своим господином. А теперь служу самому себе, став врагом Люцифера.

— Ты никому и ничему не служишь,— возразил я,— лишь раздору и вражде.

— Моя цель имеет вполне определенный смысл! Фон Бек, я предлагаю тебе все, что ты только можешь пожелать.

— Ты предлагаешь мне даже больше, чем Люцифер,— усмехнулся я.— Неужели ты веришь, что его власть перешла к тебе?

— Так оно и будет!

Он подал знак, и черные воина ада двинулись ко мне. Я снова уловил отвратительный запах разложения. Послышался невнятный гомон. Я увидел жуткие изуродованные лица. Ряд за рядом они надвигались на меня.

— Вот что теперь правит миром,— сказал Клостергейм.— Смерть и ужас — инструменты, при помощи которых я поддерживаю свою власть. Я сам устанавливаю справедливость — собственную. Справедливый мир — это тот мир, в котором Иоганнес Клостергейм получает все, что пожелает.

Я достал глиняную чашу из своей сумки.

— Значит, ты от этого отрекся?

Земля снова задрожала. Казалось, весь мир колеблется под нашими ногами. Над рядами

слуг ада разнеслось пронзительное улюлюканье.

Клостергейм сурово посмотрел на свое воинство.

— Да. Именно от этой вещи. Я тебе уже сказал, что ты попался на ту же самую уловку, фон Бек.

— Тогда взгляни на святой Грааль,— предложил я.— Пусть твое войско посмотрит на него!

Сам не знаю, почему я произнес эти слова. А потом поднял глиняную чашу над головой. Она не засияла. И не раздались звуки божественной музыки. И вообще ничего удивительного не произошло. Маленькая глиняная чаша ничуть не изменилась.

Однако адские существа взирали на нее и не могли оторвать глаз. И на их лицах появилось нечто, напоминающее умиротворение.

— Это средство,— вскричал я, повинувшись инстинкту,— средство от вашей боли. Средство от вашего отчаяния.

Несчастные, проклятые души, которые всю жизнь ничего не знали, кроме страха, которых в будущем ждали лишь ужас или, в лучшем случае, забытье, вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть простую глиняную чашу у меня в руках. Они опустили оружие. Стихли ворчание и бормотание..

Клостергейм был ошеломлен. Он не протестовал, когда я двинулся к его армии.

— Это средство,— повторил я.— Посмотрите на него. Посмотрите.

Они падали на колени. Слезали со своих коней. Даже самые жуткие твари были зачарованы глиняной чашей. Однако она по-прежнему не излучала никакого света. И не произошло никакого чуда, если не считать чуда спасения.

Теперь Клостергейм двигался бок о бок со мной между расступающимися чудовищами — и никто из них не попытался причинить мне вред. Лишь на Клостергейма Грааль не произвел никакого впечатления. Его лицо исказилось от невыразимой муки. Клостергейм был поражен, но не хотел верить собственным глазам. Он закашлялся. Он застонал.

— Нет,— сказал Клостергейм.

Мы проехали вместе с ним вдоль рядов его армии. И вся она лежала распростертой на земле — казалось, слуги ада спят. С тем же успехом они могли и умереть.

К этому моменту только Клостергейм и я оставались в сознании.

Моего врага трясло. Он вертел головой, кусал губы и свирепо поглядывал на меня и на глиняную чашу. И не мог вымолвить ни слова. Из его наполненных мукой глаз текли слезы.

— Нет,— прошептал Клостергейм.

— Это правда,— сказал я.— Ты мог бы завладеть Граалем. Но ты его отверг. Ты отверг собственное спасение и спасение всех остальных людей. Ты мог бы завладеть святым Граалем, Иоганнес Клостергейм.

И тогда он прижал пальцы к своим окровавленным губам. И слезы ручьем побежали по ввалившимся щекам. Клостергейм повторил:

— Нет.

— Это правда, Клостергейм. Да, правда.

— Не может быть.— Он выкрикнул последние слова.

И протянул руки к Граалю, словно все еще верил, что может быть спасен.

А потом упал с коня. У него отняли душу. Герцог Ариох забрал ее к себе.

Я спешился. Клостергейм был мертв.

Часть армии герцога Ариоха продолжала спать, некоторые воины поднимались на ноги и разбредались в разные стороны. И те, кто уходил — наверное, впервые в жизни — пребывали в мире с самими собой. Лесу На Границе Рая ничего более не угрожало, да и Люцифер наверняка одержал в аду окончательную победу.

Я размышлял о значении моей миссии и о самой чаше. Каким-то образом она послужила и Богу и дьяволу. И я вспомнил слова женщины. Она говорила о гармонии.

Я достал из сумки свиток и развернул его. Начал читать — и не успел закончить, как оказался в библиотеке замка, где мы повстречались с моим господином, Люцифером.

В библиотеке было пусто, если не считать мебели и книг. Утренний свет проникал сквозь огромные окна. Ветерок снаружи ревзился в кронах деревьев. На ветвях сидели птицы. И пели.

Я понял, что это место — уже не владения ада.

Глава восемнадцатая

Я

раздумывал над тем, не потерпел ли Люцифер поражение и не забрал ли в преисподнюю душу Сабрины, намереваясь вскоре востребовать и мою.

Некоторое время я стоял у окна, наслаждаясь красотой мирного и непрятательного пейзажа. Я поставил маленькую глиняную чашу на стол, у которого сидел Люцифер во время

нашей первой встречи. А затем вышел из библиотеки, оказался в прохладном зале и поднялся по лестнице в комнату Сабрины. Я не надеялся ее там найти.

Я отворил дверь.

Сабрина лежала на кровати. Ее лицо было исполнено таким покоем, что на мгновение мне показалось, будто она умерла. Великолепные волосы разметались по подушке, красота Сабрины не увяла с тех пор, как я видел ее в последний раз. Она ровно дышала, и я наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб. Сабрина открыла глаза и посмотрела на меня, нисколько не удивившись моему появлению в комнате. Затем улыбнулась мне и протянула руки. Я наклонился обнять ее.

— Ты принес Грааль,— сказала она.

— Ты уже знаешь? — Я уселся рядом и принял гладить ее плечо.

— Конечно, знаю.— Сабрина поцеловала меня.— Мы свободны.

— Мне казалось, что я потерял все,— проговорил я.— И всех.

— Нет,— успокоила меня Сабрина.— Ты многое добился, причем не только для себя. Люцифер тебе благодарен. Ты достиг цели и, сделав это, победил его самого страшного врага.

— И он больше не господин нам?

— Нет, больше он не властен над нами.— Сабрина посмотрела на меня умными глазами.— Он вернулся в преисподнюю. И заявил, что на Земле нет места его королевству.

— Мы больше никогда его не увидим?

— Мы его увидим. В библиотеке. В полдень.— Сабрина поднялась с кровати и принялась искать платье. Я протянул ей его. Белое, точно свадебное.

— А Бог? — спросил я.— Люцифер по-прежнему ведет с Богом переговоры?

— Не знаю.— Она взглянула на окно.— Уже почти полдень. Люцифер попросил нас прийти вместе.

Мы снова обнялись, на этот раз более страстно. А затем покинули спальню и направились вниз по лестнице в библиотеку.

И снова, как будто не прошло этого года, Сабрина открыла огромную дверь. И снова Люцифер сидел за столом. Но сейчас он не читал. Он держал глиняный сосуд в руках. Услышав наши шаги, он посмотрел на нас прекрасными глазами. Толика ужаса и высокомерия — так мне показалось — покинула его.

— Доброго вам утра, капитан фон Бек,— сказал он.

— Доброе утро, князь Люцифер.— Я поклонился.

— Вам, наверное, будет приятно узнать, — заявил он,— что ваши друзья не попали в ад. Я отпустил на свободу их души — как и вашу.

— Значит, преисподняя по-прежнему существует,— сказал я.

Я услышал так хорошо знакомый мне мелодичный смех.

— Конечно, существует. Средство от боли мира не может уничтожить ад, и так же точно оно не в состоянии исцелить человека от всех его страданий.

Он осторожно поставил чашу на стол и поднялся на ноги. Его обнаженная кожа сияла, точно серебряный огонь, а в сверкающих медных глазах все еще виделась та боль, что наполняла их раньше.

— Я решил не иметь больше дел с вашей Землей,— сообщил он.

И, двигаясь с поразительной грацией, приблизился к нам, взглянул на нас. Мне показалось, что я заметил в его глазах любовь или, по меньшей мере, привязанность. Я не знал, солгал ли он мне. И не знаю этого до сих пор. Он протянул свои чудесные руки и коснулся нас. Я вздрогнул, испытав необычный экстаз, который для многих мог бы стать чем-то вроде наркотика. Я с трудом дышал. Он убрал руки.

— Я говорил с Богом,— признался Люцифер.

— И он отказал, ваше сиятельство? — мягко спросила Сабрина.

Его мелодичный, чуть дрожащий голос был почти таким же тихим, как и ее, когда он ответил:

— Я не считаю его ответ отказом. Однако я надеялся на большее.— Князь Тьмы вздохнул, а потом улыбнулся. Горькой и очень грустной улыбкой.

— Меня не приняли назад в рай,— продолжал Люцифер.— Вместо этого Бог отдал мир под мою единоличную ответственность. Я получил задание его возродить, со временем. Если я помогу людям принять их человеческую природу, тогда я, Люцифер, стану

тем, чем был до того, как меня изгнали из рая.

— Итак, теперь вы властелин Земли, ваше сиятельство? — спросил я.— Здесь больше не правит Бог?

— На самом деле, я не правлю. Я должен принести в мир разум и гуманность и, таким образом, обнаружить средство от боли мира. Я должен понять природу этой чаши. И когда я ее пойму, и когда все человечество вслед за мной осознает ее суть, мы будем спасены!

Люцифер поднял голову и рассмеялся. В его музыкальном смехе прозвучали одновременно ирония и безудержное веселье.

— Как все обернулось, фон Бек! Как обернулось!

— Значит, вы по-прежнему остались нашим господином,— сказала Сабрина. Она хмурилась, потому что снова боялась.

— Вовсе нет! — Люцифер обернулся, было видно, что он вот-вот рассердится.— Вы сами себе хозяева. Ваша судьба в ваших собственных руках. Так же, как и ваша жизнь. Разве вы не видите, что наступил конец чудесам? Вы стоите на пороге новой эры, века исследований и анализа.

— Века Люцифера,— сказал я, словно хотел посоревноваться с ним в иронии.

Он понял шутку и улыбнулся.

— Человек — христианин или язычник — должен учиться управлять собой, понимать свою суть, брать на себя ответственность за собственную жизнь. Больше не может быть никаких

кого Армагеддона. Если человек погибнет, это будет означать, что он сам себя уничтожил.

— Получается, что дальше мы будем жить сами, не рассчитывая ни на чью помощь,— проговорила Сабrina, и ее лицо прояснилось.

— Да, никто не будет вам помогать, но и мешать никто не станет,— сказал Люцифер.— Ваши друзья, ваши дети и дети ваших детей найдут средство от боли мира.

— Или погибнут, пытаясь его отыскать,— вставил я.

— Вполне честный и оправданный риск,— заявил Люцифер.— И вы не должны забывать, фон Бек, что я заинтересован в вашей победе. У меня есть мудрость и знания, которыми вы можете располагать. Я всегда готов был наделить человека этим даром. И теперь, когда мне позволено распоряжаться им совершенно свободно, я решил, что каждая кроха мудрости должна быть завоевана. И уж можете не сомневаться, капитан, человеку придется немало потрудиться, чтобы приобрести знание и мудрость.

Затем Люцифер нам поклонился. Казалось, его сияющее тело вспыхнуло ослепительным пламенем, и библиотека неожиданно опустела.

Он забрал с собой глиняную чашу.

Я взял Сабрину за руку.

— Ты все еще боишься? — спросил я.

— Нет,— ответила она.— Я благодарна. Миру слишком долго угрожало сверхъестественное, непостижимое и чудовищное. Я буду совершенно счастлива, если снова почувствую запах сосны и услышу пение дрозда. И буду с тобой, капитан фон Бек.

— Мир по-прежнему в опасности,— напомнил я,— но, возможно, не Люцифер ее источник.— Я сжал ладонь своей любимой.— Теперь мы можем вернуться домой, в Бек.

...Мы с Сабриной поженились в старой часовне в Беке. Мой отец умер вскоре после нашего возвращения, радуясь, что я оказался рядом и смогу теперь следить за порядком в нашем имении, о чём он всегда мечтал. Он сказал, что я «повзрослел», и он полюбил Сабрину, мне кажется, так же сильно, как её любил я. Она родила двух девочек и мальчика, все они выросли и живут сейчас вполне благополучно. Мы постигали мир и частенько принимали в гостях великих людей, на которых особенно сильное впечатление производила способность Сабрины проникать в суть естественных наук, в то время как некоторые мои рассуждения они порой находили слишком сложными и запутанными.

Я больше ни разу не встречался с Люцифером и думаю, мне не суждено увидеть его вновь.

Временами меня посещают сомнения, принадлежит ли мне моя душа. Вполне возможно, что Люцифер солгал нам, может быть, Бог не стал его слушать, вообще отказался с ним разговаривать. Может быть, Люцифер, бросая вызов Богу, решил завладеть Землей? А существует ли Бог на самом деле?

Естественно, я не со всеми делаюсь подобными мыслями... если не считать этих записей — впрочем, мне кажется, я умираю. Мир небезопасное место для человека, осмеливающегося произносить вслух столь богохульные речи. У меня нет причин верить в то,

что Разум торжествует или что это когда-нибудь произойдет. Но если у меня и есть вера, она заключена в мизерной надежде на то, что человечество спасет само себя, что Люцифер, в конце концов, мне не солгал.

Я побывал в преисподней и знаю, что не хотел бы провести там вечность. А еще я верю, что мне довелось сделать глоток рая.

Мы счастливы в Беке. Мы искали гармонию, но не при помощи силы или страстных аргументов; и я полагаю, мы ее нашли — в известной степени. Познать гармонию совсем непросто, так мне думается.

Война постепенно закончилась и почти нас не коснулась. А что до Войны, угрожавшей сверхъестественным королевствам, то мы больше ничего о ней не слышали. Чума не добралась до Бека. Не занимаясь особенно старательно торговлей, мы тем не менее стали довольно состоятельными людьми. Музыканты и поэты искали нашего покровительства и платили нам в ответ произведениями искусства, так что мы жили весело и редко скучали.

В 1648 году враждующие стороны согласились заключить мир — вовсе не потому, что ими двигали благородные соображения, а главным образом из-за того, что они устали, лишились людей и денег. Войне пришел конец. В течение следующих нескольких лет в нашем имении появлялись мужчины и женщины, родившиеся во время войны и не знавшие ничего, кроме войны. Мы не гнали их из Бека. Многие и сейчас живут среди нас,

и потому, что они так много знают про войну, они изо всех сил ратуют за надежный мир.

В 1678 году моя жена умерла своей смертью и была оплакана всеми нами и похоронена в фамильном склепе. Что касается меня, то я в настоящий момент одинок. Наши дети за границей: сын преподает медицину и естественные науки в Пражском университете, где его очень ценят, старшая дочь — в Лондоне (насколько я знаю, ее салон очень знаменит и она даже дружит с королевой), а младшая вышла замуж за преуспевающего врача из Любека.

С моей субъективной точки зрения боль мира не такая мучительная, какой была тридцать лет назад, когда наша Германия лежала в руинах. Если Люцифер мне не солгал, я молюсь ему всем сердцем и душой и надеюсь, что он сможет когда-нибудь привести нас к гармонии.

Короче говоря, я молюсь о существовании Господа, и о том, что Люцифер будет прощен, а человечество со временем освободится от них обоих: потому что до тех пор, пока человек не станет сам решать свои проблемы в соответствии с собственным опытом, он не познает истинный мир.

Этим завещанием я отдаю свою душу вечности, не предлагая ее ни Богу, ни Люциферу, а посвящаю ее человечеству, чтобы оно воспользовалось или отбросило ее прочь — по собственному усмотрению. И еще я умоляю тех, кто прочел эти строки и поверил

мне, продолжить дело, начатое мною и моей супругой.

Продолжайте дело дьявола.

И я подозреваю, что тогда вам суждено увидеть рай раньше, чем вашему господину.

*Подписано собственной рукой
в Год Нашего Творца*

1680. Бек

Ронны Зилора

КЛАМ-ХИЩНИК

кно разлетелось от удара, и в него, размахивая широким мечом, с боевым кличем вломился белокурый гигант. Лицо Низриффа из Гулипта исказилось от ужаса, он вскочил со стула и спрятался за мягкой кушеткой.

— Где она, ты, дермо? — проревел Кlam. — Клянусь богами, если с ней что-то случилось...

— Нет, Клам, нет! Она в безопасности, клянусь! Она... Она... В нижней тюрьме замка. Но за ней ухаживают, уверяю тебя!

— В каком замке? Мне что теперь, обшаривать все замки на планете?

— Урджол — единственный замок на острове Цив. Собственный замок Урджола. Пожалуйста, Клам, я больше ничего не знаю...

Гигант сбежал по длинному трапу на палубу и закричал в рупор:

— Курс на Цив! Мы должны добраться туда за день!

— Но это невозможно, сэр, — возразил помощник.

— Тогда сделай это возможным. Здесь ставка больше, чем затраты на ремонт этой лоханки.

На следующий день они достигли Цива, и Клам приказал поставить корабль на якорь. Взяв с собой только меч и нож, он скользнул в небольшой скиф и быстро заработал веслами, покрывая с огромной скоростью оставшиеся мили до необитаемой части острова.

Наконец лодка ткнулась носом в берег, Клам спрятал ее в тростнике и запагал к замку. Через час перед ним раскинулась каменная громада, изъеденные временем башни которой возвышались над пеленой сырого тумана. Почти неприступный, замок казался куском огромной скалы, распластавшейся на низких холмах.

Как попасть внутрь — этот вопрос беспокоил Клама с той минуты, когда он услышал, что Шераль томится здесь в тюрьме. Старые замки, весьма непрятательные на вид, были

настолько хорошо построены и так надежно охранялись, что даже очень изобретательному человеку пришлось бы поломать голову над тем, как проникнуть туда.

За спиной послышалось свирепое урчание, и Клам резко обернулся. Болотный кот, выпустив когти и открыв пасть с острыми, как бритва, зубами, замер, готовясь к прыжку.

Клам отреагировал мгновенно. Вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону, как пугливая жертва, он рванулся навстречу зверю, выставив перед собой меч, словно копье, и острием клинка ткнул в пасть хищника, раздирая ее, как корабль режет воду. Жуткий вой огромного кота походил на леденящий кровь свист каменного ядра, выпущенного из катапульты. Раненый зверь дернулся и затих. Клам вздохнул было с облегчением, но тут же насторожился: а вдруг в замке слышали этот крик? Ответ не заставил себя ждать. Возбужденные голоса, донесшиеся из-за стены, не оставляли сомнений: да, слышали и идут сюда выяснить, в чем дело.

— Кто там внизу? — крикнул кто-то. — Что произошло?

Клам прижался к влажным камням и затаил дыхание. Вскоре ворота замка открылись, и колонна настороженных людей, одетых в броню, вышла наружу. Воины внимательно смотрели по сторонам, но вряд ли могли увидеть что-нибудь, кроме тумана, который никогда не рассеивался над островом.

Последний в колонне оказался невезучим. Из сплошной пелены вынырнули сильные руки,

схватили его и, вдавив в грязь, удерживали до тех пор, пока он не потерял сознание от нехватки воздуха. Кlam, сняв с воина одежду и доспехи, быстро связал бедолагу и заткнул ему рот, а затем переоделся. Потом он подошел к воротам и начал колотить в них, пока наконец не открылось окошко. Охранник посмотрел на Klama и впустил его внутрь.

— Что случилось? — поинтересовался стражник. — Там кто-то был?

— Если даже и был, то теперь его там нет, — честно ответил Klam. Даже во дворе замка серый туман был настолько густым, что стражник не мог разглядеть его лица.

Поднявшись по лестнице, ведущей в главную часть здания, Klam свернул в один из темных коридоров, которыми пронизаны все стариные постройки, и остановил служанку, проходившую мимо:

— Эй, женщина! Где сейчас Урджол?

— Где всегда в это время, — грубо ответила та. — В верхней комнате главной башни.

Тогда по лестнице в верхнюю комнату. Времени на уловки нет, придется...

— Стой где стоишь, друг мой! Если ты шелохнешься, то улетишь в бездонный колодец!

Klam взглянул вверх: на потолке виднелся маленький люк-глазок, и злобная физиономия Урджола с Цива маячила за ним. Увидев лицо Klama, Урджол сразу узнал его.

— А, мой добрый друг Klam из Корала навестил меня. Я очень рад видеть тебя снова. Твоя сестра сейчас как раз здесь. Несомненно, ты хочешь присоединиться к ней? Что ж,

это легко устроить.— Злорадно улыбающаяся физиономия исчезла, послышался какой-то шум.— И не советую тебе двигаться вообще. Если хотя бы переступишь с ноги на ногу, плита, на которой ты стоишь, повернется, и ты полетишь в колодец, а он, насколько мы знаем, не имеет дна.

Кlam замер. Urджол, возможно, надул его, но проверять это как-то не хотелось. Вскоре по лестнице загрохотали тяжелые шаги, и несколько стражников окружили его.

Снова послышался голос Urджола:

— А теперь все можете войти.

Klam втолкнули в богато обставлennую комнату, одно из немногих ярко освещенных мест в темном замке. В камине полыхал огонь, в углу комнаты на стуле сидела со связанными руками его сестра, бледная и сердитая, но, слава богам, живая и здоровая!

— Шераль! — воскликнул Klam.— Что это болотное отродье сделало с тобой?

— Ничего особенного, он только посадил меня в отвратительную камеру. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж. Фу! Я скорее стану женой болотного кота. По крайней мере, они не трусы!

— Неплохо, девочка,— рассмеялся Klam.

— Ну-ну, повеселитесь,— прошипел Urджол.— Вы оба скоро будете плакать, моля о пощаде!

— Ты, похоже, забыл, что у меня целый флот возле твоих берегов, Urджол. Они подождут еще час, затем подойдут к Циву и сметут с лица земли твой замок.

— Ты врешь, Клам, у тебя всего один корабль, и мои суда легко потопят его. И надежда не облегчит твои страдания, друг мой!

— Тогда я могу полагаться только на самого себя! — взревел Клам и прыгнул на Урджола.

Он вцепился в горло цивита и повалил его на пол. Стражники бросились было вперед, чтобы спасти хозяина, но меч Клама уже свистел в воздухе, вычерчивая сверкающие голубые дуги. Стражников было немного, и, используя варварский прием, недавний пленник уложил сразу троих, перерезав всем горло. Урджол даже не пытался подняться с пола, и злобная радость на его лице сменилась страхом. Шераль смирно сидела в своем углу: ее руки были связаны, и участвовать в схватке она не могла, а попасть под горячую руку ей не хотелось. Пятась к ней, Клам продолжал биться, нанося противникам серьезные раны. Оказавшись рядом с сестрой, он вытащил из-за пояса нож и велел Шераль протянуть к нему руки. Не отвлекаясь ни на мгновение от боя, он вслепую разрезал путы одним ловким движением. Девушка радостно вскрикнула. Клам бросил нож ей на колени и, налетев на противников, как стальной ураган, погнал их в другой конец комнаты. Шераль, сжимая рукоять клинка в маленькой, но сильной ладони, подскочила к Урджолу.

— Это за все унижения! — вскричала она и всадила нож в сердце негодяя.

Клам быстро разделался с оставшимися стражниками и сунул в ножны окровавленный меч.

— Надо успеть предупредить людей на корабле об опасности,— сказал он сестре.— Попспешим.

Они сбежали по лестнице во дворик.

— Эй, остановитесь! — Стражник попытался заступить им дорогу.

Клам уложил его одним ударом меча и помчался к воротам, Шераль не отставала. Схватив девушку на руки, он побежал по хлюпающему болоту к скифу. Звуков погони они так и не услышали. Тишину нарушали только чавканье грязи под ногами да звон надоедливых насекомых-кровососов.

Наконец Клам добежал до воды. Усадив сестру в маленькую лодочку, он опустил весла и мощными гребками погнал скиф к своему судну.

Вражеских кораблей еще не было видно, но они могли появиться с минуты на минуту. Клам греб как одержимый. И вот наконец корабль. Скиф еще болтался у борта, а Клам уже дал приказ отходить.

— У нас на хвосте целый цивитский флот! — закричал он.— Поторопитесь, ребята!

Великолепная команда мгновенно развернула судно, и оно устремилось в открытое море. Вражеские суда, появившись из-за острова, пустились в погоню. Но не им было счастья с «Гордостью Корала» в быстроходности, и вскоре вражеская эскадра осталась где-то далеко за горизонтом.

— Куда теперь, Клам? — спросил Риши, помощник, высокий чернобородый человек, приходившийся родственником Кламу.

— На край земли! — воскликнул Клам.— Посмотрим, что есть там, где не ступала нога цивилизованного человека.

ДЕК ИЗ НУТАРА

Путешествие Дека

ревний Зилор породил множество легенд, из которых самая великая связана с таинственным Мечом Жизни. Этот Меч оберегал своего хозяина от болезней и старости и придавал ему сверхъестественные силы в бою.

Дек из Нутара был сыном человека, который однажды решил найти сказочный Меч и вернуть его людям,

полагая, что такое оружие должно послужить добрым делам, а не пытиться в забвении. Но, как это ни прискорбно, у него ничего не вышло. Он вернулся домой с пустыми руками, на веки потеряв разум, разрушенный страшной силой гипнотического внушения, которым обладали Хранители Меча — Кудесники.

После смерти отца Дек поклялся, что добудет Меч или умрет, и потому решил отправиться в путешествие по морю к Острову Кудесников.

Пристегнув свой любимый меч, которым он владел весьма искусно, Дек устремился навстречу приключениям, каждое из которых могло стоить ему жизни.

Одноместный скиф, на котором смельчак задумал достичь заветного острова, имел единственный парус; его можно было по желанию поднимать или опускать. В носовом ящике лежало немного жареного мяса, сухарей и несколько сделанных из тыкв бутылей с водой — наибольшая ценность путешественника.

И вот как-то ветреным утром Дек из Нутара вышел в открытое море и тем же курсом, что и его отец двадцать лет назад, отправился к Острову Кудесников.

На третий день ему повстречалось огромное морское чудовище длиной в двадцать футов. Оно напоминало огромную змею, но с головой крокодила, а в его пасти торчали острые зубы.

Рискуя перевернуться, Дек встал на ноги в своей маленькой лодке и рубанул чудовище по голове легким мечом. Как ни странно,

тварь оказалась невероятно проворной и бросилась прочь, но вскоре вернулась и снова напала, не желая упускать редкую добычу. Несколько раз Дек чуть было не потерял равновесие и не вылетел за борт. Случись это, он непременно погиб бы. Человек пытался обмануть чудовище, а то, в свою очередь, собиралось им пообедать, но удача все-таки повернулась лицом к Деку: когда монстр вынырнул и метнулся к лодке, Дек, собрав все силы, опустил клинок на тонкую шею. Голова морской твари покатилась на дно скифа, а тело, судорожно извиваясь, скользнуло обратно в море.

Дек, расхохотавшись, выбросил останки за борт, но вдруг, посмотрев на небо, посеребрел. Густые черные тучи, клубившиеся и распухавшие на глазах, предвещали бурю — самое страшное испытание для неопытного моряка.

Море постепенно успокоилось, и повисла звенящая тишина, от которой закладывало уши. Неожиданно вдалеке послышались раскаты грома, поднялся ветер, начали падать мелкие капли дождя. Они постепенно становились все крупнее, ветер усиливался — казалось, суденышко попало в середину кипящего котла.

Буря не утихала, а наоборот, усиливалась в течение нескольких часов, но тем не менее скиф благодаря исключительной легкости беззаботно прыгал по гребням бушующих волн, а на дне его плескалось совсем немногого воды.

Дек, прижавшийся ко дну лодки, не видел прекрасного и жуткого штормового моря, не видел он и яростных волн, которые злобно бились о скалистый берег острова, лежавшего прямо по носу скифа. Он чувствовал опасность, только когда черная зубчатая скала пропорола корпус суденышка.

Мгновенно сообразив что к чему, он нырнул в покрытую клочьями пеной воду, и его тут же с бешеною скоростью понесло к темному берегу. Вскоре, проехавшиесь животом по острым камням и круtnому песку, он проворно вскочил на ноги и помчался подальше от моря. Отхлынувшая волна едва не унесла его обратно, но он зацепился за скальный выступ и не разжимал рук, даже когда его захлестнуло с головой. Потом Дек выполз на безопасное место и, заметив какие-то темные отверстия в скале, отправился к ним. Это оказались пещеры. Все прибрежные утесы были источены морем и напоминали губку. Путешественник спрятался в одной из пещер и проспал до утра, решив для себя, что позже обдумает, где достать другой корабль, чтобы добраться до Острова Кудесников. До него было две недели пути, а Дек потерпел крушение на третий день.

Было уже позднее утро, когда Дек проснулся и почувствовал зверский голод и жажду. Голые скалы окружали его со всех сторон. Возможно, внутренняя часть острова была более приветливой, но путь туда лежал через каменистые осьпи и обрывы. Впрочем, Дек вырос в горной стране, и потому

он легко взбирался на кручи и перепрыгивал через небольшие ущелья. Он стремился на вершину утеса, который возвышался над остальными на добрый десяток футов, чтобы посмотреть, куда занесла его стихия. Еще несколько шагов, и, оказавшись на высоте двухсот футов над бушующим морем, он замер от восторга. Дек стоял на высочайшей точке плато, середина которого несколько понижалась. Пройдя несколько миль по его краю, он обнаружил то, что искал: небольшой ручеек скатывался со скалы и водопадом устремлялся к морю. Рядом росли фруктовые деревья, плоды которых оказались очень вкусными.

Прогуливаясь по маленькой рощице и лакомясь фруктами, Дек, к своему удивлению, обнаружил несколько выдолбленных каноэ. К каждому была привязана длинная веревка из волокон, служившая для того, чтобы вытаскивать крохотное суденышко на сушу.

Рассматривая лодки, Дек так увлекся, что не сразу обратил внимание на странный шелест за спиной. Он быстро обернулся и увидел человек двадцать туземцев, вооруженных топориками. Покрытые редкой шерстью, они были одеты, как и Дек, в шкуры. Понимавший неладное, Дек успел броситься на землю, когда один из топориков просвистел мимо его головы. Дек выхватил нож. Как бы отвечая на безмолвный вызов, один из аборигенов, жестом приказав остальным не двигаться, бросился на Дека с поднятым топором.

Пронзительно взвизгнув, туземец приготовился нанести смертельный удар, но Дек проворно, как змея, скользнул в сторону. Диккарь напал снова, избежать столкновения не удалось, и противники повалились на твердую землю.

Туземец оказался невероятно сильным, и поэтому одолеть его можно было, только применив какой-нибудь хитрый прием. Дек медленно подтянул ноги к животу, затем мощным рывком расправил их, и его похожий на злобного зверя противник, взлетев в воздух, удалился о землю у самого края утеса. Не давая ему опомниться, Дек столкнул его со скалы, и, взревев, тот полетел, кувыркаясь, вниз и скрылся в пучине.

Победитель проводил взглядом падающее тело и резко обернулся: аборигены медленно надвигались на него. Понимая, что ему не справиться с такой толпой, Дек быстро огляделся по сторонам, увидел каноэ, и в его голове мгновенно созрел дикий план.

Быстро развязав веревку, он спихнул одно из суденышек с утеса в воду. Туземцы завопили, неуклюже побежали к дерзкому чужаку и едва не поймали его, но, схватив топор побежденного противника, Дек швырнул его в нападавших и нырнул с утеса.

На лету он увидел, как мечется море вокруг черных скал, а среди волн, как щепка, прыгает каноэ. Дек погрузился в белую пену, но слишком глубоко: хотя он и задержал дыхание, воздуха не хватило. Потом он медленно, очень медленно всплыл на поверх-

хность и с наслаждением сделал глоток живительного воздуха.

В нескольких ярдах от путешественника качалось каноэ. Он подплыл к суденышку и забрался внутрь. Там оказалось грубое весло, Дек схватил его и принялся грести, направляя каноэ в открытое море.

Осада Нутара

то безнадежно, Дек,—
вздохнул Сарок, дядя
Дека и правитель Нутара.— Тарзорийские легионы
окружают город, и наше
поражение — это вопрос
времени. Мы сможем оборо-
няться, пока у нас хватит
продовольствия. У нас нет иного
выхода, как только сдаться
на милость тирана Фуны.

— Нет! Во имя всех бо-
гов, я никогда не сдамся!

Лучше умереть с голоду, чем принять его условия. Чтобы народ Нутара попал в рабство? Нет. Никогда.

— А что делать? Ты ведь не отдашь Тарли, твою сестру, этому негодяю, даже если это будет означать свободу Нутара.

— Нет. И народ не допустит этого.

Вдруг в комнату, освещенную свечами, стремительно вошел воин, богатые доспехи которого указывали на высокое положение в свите принцессы Тарли.

— В чем дело, Гарл? Ты выглядишь куда более озабоченным, чем я сам,— криво улыбнулся Дек.

— Сэр, у меня достаточно веские причины для беспокойства. Принцесса исчезла.

— Исчезла...—ахнул Сарок.

— Сэр, укутанный в плащ с капюшоном всадник недавно покинул город.

— Боги! — воскликнул Дек.— Да, девочка говорила, что пожертвует для Нутара всем. Так вот что она задумала... Маленькая глупышка! Неужели она поверила, что Фуна сдержит свое слово и отступит?

Подумав минуту, Дек схватил перевязь с чудесным Мечом Жизни, который он добыл на Острове Кудесников год назад, и приказал воину:

— Подготовь моего скакуна и оповести десять лучших бойцов — мы едем на разведку. Сбор у главных ворот. Немедленно.

Воин бросился выполнять приказание.

— Что ты собираешься делать, сын мой? — спросил Сарок.

— Пока не знаю,— последовал ответ.— Я хочу только спасти Тарли из лап негодая.

Пристегнув оружие, Дек выскочил из комнаты и побежал по истертym ступеням лестницы к главным воротам. Его приказ уже был выполнен: десять воинов сидели верхом на черных мъяттах. Дек вкратце объяснил им свой замысел, и под мерный топот копыт маленький отряд выехал за ворота.

Дек знал окружающую местность как свои пять пальцев и потому, ничем не рискуя, повел людей по узкому глубокому оврагу под самым носом противника. Он всегда мог сбежать из города незаметно, но не хотел бросать свой народ.

Отряд выехал из оврага далеко за линиями тарзорийцев. Здесь Дек приказал людям остановиться, чтобы рассмотреть позиции врага, окружившего город. Желтая луна освещала окрестности, и серебряные шлемы и сталь клинков поблескивали в ее свете.

Внизу, почти у самого подножия пологого холма, на который выехали всадники, стояла большая палатка. По ее расположению — глубоко в тылу — можно было предположить, что в ней, вероятно, отдыхал сейчас Фуна из Тарзора. Дек сжал рукоять своего меча и тихо выругался. Затем он подозвал людей поближе и тихо сказал им:

— Отсюда я отправлюсь один. Если вы мне понадобитесь, я протрублю в рог.

Отдав честь своим бойцам, он направил мъята к лагерю вражеского войска, именовавшегося тарзорийскими легионами, хотя на самом

деле армия Фуны насчитывала не больше двух тысяч человек.

Дек привязал мъятта ярдах в двадцати от палатки и, соблюдая осторожность, подобрался к ней сзади. Внутри слышались голоса, но слов разобрать он не мог. Вынув кинжал из ножен, Дек сделал в парусине разрез, достаточный, чтобы заглянуть внутрь и услышать разговор.

В палатке находились два человека. Одним из них был Фуна, и хотя Дек никогда не видел его прежде, он сразу понял, кто это. Ему часто описывали внешность тирана: холодные косые глаза, тонкогубый прямой рот, похожий на щель, и острая ухоженная бородка.

Собеседника или, точнее говоря, собеседницу Фуны, Дек смог бы узнать и с закрытыми глазами — Тарли, его сестра. Он слышал ее высокий сердитый голос:

— Ты снимешь осаду, как и обещал? Я здесь, значит, пора дать приказ об отступлении, не так ли?

— Ну что ты, моя дорогая. Как бы сильно я ни хотел встретиться с тобой, мне еще больше нужны богатства, которые находятся за этими стенами.

С нежных губ Тарли полился поток самых ужасных слов, какие Дек когда-либо слышал, и девушка попыталась ударить откровенно наслаждавшегося ее бессильным гневом него-дяя. Однако Фуна оказался очень проворным и успел схватить Тарли за запястье. Дек чуть не задохнулся от ярости. Он полоснул но-

жом ткань и проделал огромную дыру — такую, что теперь смог бы въехать в палатку верхом, если бы захотел. Услышав шум, тарзориец быстро обернулся и увидел прямо перед собой грозного воина, который, как он полагал, должен находиться за высокими стенами Нутара. В руке воина поблескивал острый нож.

С криком ужаса Фуна бросился прочь из палатки, созывая своих воинов.

— Идем,— сказал Дек, хватая сестру за руку.— Тебе не место здесь.

Оказавшись на безопасном расстоянии от палатки, он вынул рог и трижды коротко пропустил. Словно по волшебству, из сумеречного леса возникли воины Нутара. Дек легко, будто девушка ничего не весила, поднял Тарли и посадил на мятта за спиной одного из своих офицеров.

— Отвезите принцессу в город,— приказал он.— А я должен свести счеты.

И Дек отправился обратно. Не доходя до палатки, он укрылся в маленькой рощице, наблюдая сквозь густую листву, как разгневанный тарзориец отдает поспешные приказы отряду примерно в двадцать воинов. Минуту спустя они подстегнули мяттов и помчались по следу, который оставили воины Нутара. Фуна остался один. Зловеще улыбнувшись, Дек раздвинул листву и шагнул на полянку. Тиран в ужасе сделал несколько шагов назад.

— Твои люди уехали, подонок,— выплюнул Дек,— а ты сейчас умрешь.

— Ты ошибаешься, нутарская собака. Не родился еще воин, который мог бы победить Фуну в честном поединке!

Дек начал медленно наступать, держа меч перед собой. Фуна выхватил клинок и замер в ожидании. Несколько мгновений, длившихся бесконечно долго, эти два прекрасных фехтовальщика прощупывали друг друга аккуратными, четко выверенными движениями, отыскивая слабые места в обороне. Неожиданно Фуна расправился, как скатая пружина, и взмахнул клинком, метя в голову. Дек искусно парировал удар и попытался проделать тот же трюк — увы, с тем же результатом.

Начался серьезный бой. Уважая мастерство друг друга, осторожно, не рискуя понапрасну, противники плавно кружили по поляне, изредка обмениваясь ударами. Время шло, и Фуна чуть замедлил движения, реакция его стала не такой молниеносной. Дек, более сильный, почти не чувствовал усталости, но все же затягивать поединок не собирался: кровь сочилась из бесчисленных порезов, оба буквально купались в собственном поту, а главное — скоро должна была вернуться посланная тарзорийцем погоня. Но все же нервы не выдержали у Фуны. Пытаясь изменить ход боя, он совершил самую большую и, увы, последнюю ошибку в своей жизни. Понимая, что не сможет победить честно, он решился проделать один из сомнительных трюков, которыми, собственно, и прославился. Сделав вид, что собирается атаковать, и тем самым отвлекая внимание Дека, он левой рукой вынул из-за пояса нож, отвел

ее за спину и опустил так, чтобы лезвие оказалось в ладони, а затем неожиданно метнул нож прямо в грудь Деку. Но нутарский воин отбил смертоносное лезвие мечом, и нож воткнулся в землю.

С криком ярости и разочарования Фуна бросился на врага. Он прыгнул вперед, высоко подняв меч, и рубанул им с такой силой, что разнес бы противника от головы до пояса, если бы, конечно, достал его. Но Дек успел отклониться и одновременно резко выпрямил правую руку. Его выпад достиг цели. Фуна замер, не закончив шага, тело его прогнулось, и с предсмертным хрипом тарзорец ружнулничком — три дюйма холодной стали торчали из его спины.

Дек прислонился к дереву и несколько минут тяжело дышал, пока вдали не послышался шум — это возвращались вражеские воины. Ослабев от усталости и потери крови, он, спотыкаясь, подошел к Фуне, перевернул его на спину и выдернул меч. Запихивая непослушными руками клинок в ножны, Дек дотащился до своего мятта, мирно обедавшего травку, и с трудом взобрался ему на спину. Умное животное понесло измученного хозяина обратно в Нутар.

На следующий день войска, окружавшие город, ушли обратно в Тарзор. Только злая воля Фуны удерживала тарзорийские легионы, а теперь, когда тиран пал, люди спокойно и даже с радостью отправились по домам.

И снова народ Нутара обрел свободу благодаря смелости и боевому мастерству Дека из Нутара...

СОДЖАН-ВОИН

Дочь короля-воина

ъятт мирно трусил по плоской нескончаемой равнине, тянувшейся во все стороны насколько хватало глаз. Широкие копыта ступали бесшумно: любой звук тонул в тощей пружинистой подушке сухих лишайников, которые покрывали землю разноцветным ковром из пурпурных, зеленых и желтых пятен с резкими вкраплениями крас-

ного и фиолетового. Ни кустов, ни деревьев. Дикая, голая, безжизненная земля — самая большая равнина на планете Зилор.

На широкой спине мъятта притулился человек. Вряд ли ему было достаточно удобно, однако странствующие воины имели свои представления о комфорте. По крайней мере, странник мог бы гордиться своим скакуном. Его мъятт был настоящим исполином, а на его огромной голове торчали длинные, загнутые наружу острые рога. Вообще мъятты больше походили на рептилий, чем на млекопитающих, благодаря змеиным головам и толстым хвостам, как у динозавров. На боку животного красовался щит — редко используемое на Зилоре, но весьма надежное средство защиты, усовершенствованное воинами племени Соджана. За большим седлом разместились две сумы, фляга с водой и свернутый и укрепленный на них красный плащ.

Соджан (так звали одинокого странника) был одет в ярко-сий камзол и грубые сапоги из кожи мъятта, поднимавшиеся дюйма на два над коленями. Простая кожаная перевязь — два прикрепленных к поясу ремня, которые перекрецывались на спине, — завершала его более чем скромный наряд. Впрочем, вооружен воин был очень неплохо: на широком поясе висели тяжелый меч, длинный и острый кинжал и большой воздушный пистолет с круглой ручкой, упратанный в потертую кобуру. Такая экипировка наводила на мысль об истинном занятии странника. Он был наемником, причем, судя по всему, удачливым и желанным в

войске любого властителя: высокий, широкоплечий и неожиданно грациозный, он был зорок, осторожен и бесстрашен, как дикий зверь.

Сейчас всадник, казалось, дремал, и его варварская прическа — пучок длинных волос, перевязанных кожаной ленточкой, — мерно покачивалась в такт шагам мъятта.

Вдруг Соджан заметил на западе сияние — солнечные лучи отражались от превосходно отполированных мраморных блоков стены Вермлota, столицы Хатнора, самого воинственно го государства в мире воинов. В этот великолепный город, красивый и роскошный, богатый бойцами и оружием, и направлялся одинокий странник.

У городских ворот его остановил стражник.

— Я иду с миром! — крикнул Соджан. — Хочу предложить мой меч, верность и жизнь Его Императорскому Высочеству, Повелителю Хатнора. Я наемник, все мое имущество — вот эта одежда, оружие да мъятт. Я проехал полмира от самого Илтхотха, чтобы служить вашему правителью!

Его пропустили в город, и странник решил сначала разыскать какую-нибудь таверну, но узкие улочки незаметно увели его в глубь города, и он очутился в одном из богатых кварталов. Его странный для этих земель щит привлек внимание какого-то воина, и тот принялся подшучивать над Соджаном.

— О! — хохотал он. — Что за смелый наемник! Он притащился невесть откуда, чтобы защитить нас. Его огромный щит укроет страну,

как могучая стена, от всех врагов! Наверное, этот храбрец не может биться без своей переносной крепости. Не так ли, красавчик?

Соджан остановился, злобно посмотрел на свесившегося с балкона обидчика, нахмурился и холодно проговорил:

— Мне не нравятся твои слова, незнакомец. Возьми меч, если знаешь, как им пользоваться, и спускайся. Возможно, ты успеешь спрятаться за щитом прежде, чем я покончу с тобой.

Воин на балконе замер, и лицо его залила краска ярости. Оттолкнувшись от перил, он спрыгнул на улицу и выхватил из ножен вилтор — холодное оружие, похожее на саблю.

Соджан неторопливо отцепил щит и, достав свой длинный меч, ловко отразил первую атаку: противник попытался было ударить Соджана по ногам, но тот высоко подпрыгнул и налетел на задибу, оттесняя его к стене дворца. Отступавший воин вновь приготовился всадить кривой вилтор в незащищенную ногу наемника, но двигался он слишком медленно. Сабля ударила о щит, отскочила в сторону, и теперь обидчику пришлось уворачиваться от жестоких ударов Соджана.

Наконец зубоскал медленно повалился на землю: Соджан коротким движением обезоружил его и вновь принял боевую стойку. Это оказалось как нельзя кстати, ибо со второго этажа вниз устремился еще один искаатель приключений. Новый противник скинулся плащ и, радостно улыбаясь, шагнул вперед с мечом в руке.

— Я думаю, меня ты так быстро не обезоружишь.

На этот раз Соджену повезло меньше: второй воин оказался быстрым, как кобра, его меч так и свистел в воздухе, выписывая замысловатые фигуры. Меч Соджана вылетел из руки и ударился о землю в десяти футах в стороне. Наёмник понял, что пора признавать свое поражение.

— Сдаешься? — спросил победитель.

— Да, конечно, — кивнул Соджан. — Ты великий боец. Как тебя зовут?

— Возможно, ты слышал обо мне, — улыбнулся его недавний противник. — Я Норнос Хед, Повелитель Хатнора, Командующий войсками Империи.

— Сэр, — Соджан вежливо поклонился, — я пришел, чтобы предложить вам свою помощь, а начал со схватки с вами... Меня зовут Соджан Щитоносец. Прошу извинить меня.

— Какая ерунда. — Норнос Хед рассмеялся. — Ты очень ловко разделался с моим лейтенантом. Победить его — значит выдержать испытание, и я приму тебя на службу. — Он подал знак слуге, который возник в темном проеме двери. — Идем, ты будешь моим гостем, пока я не подыщу тебе задание. Улмат, отведи Соджана в одну из наших лучших комнат для гостей и позаботься о нем.

Почти неделю Соджан наслаждался жизнью гостя Повелителя, пока однажды утром к нему не явился посыльный с приглашением от Норноса Хеда.

— Я пригласил тебя, Соджан, — сказал Норнос Хед, когда они остались одни, — потому

что ты будешь сопровождать меня в путешествии. Наша задача — доставить домой, к отцу, Ил-тет, принцессу Сингола. Я хочу вовлечь Сингол в союз с Хатнором, по возможности без кровопролития, и очень надеюсь, что старый король станет более гговорчивым, если в эскорте его дочери окажется Командующий войсками Хатнора. Проверь оружие. Мы вылетаем завтра на заре.

На следующее утро императорский флагман и десять военных кораблей, оснащенных пневматическим оружием, которое поражало цели на расстоянии в полмили, величественно оторвались от земли, зависли на мгновение в воздухе и, когда загудели мощные моторы, не торопливо поплыли в сторону Сингола — небольшого королевства, расположенного далеко на севере.

Через три или четыре часа быстрого полета, проходя примерно восемьдесят миль в час, флот Норноса Хеда пересек границу своего государства и вошел в воздушное пространство Веронлама. Эта страна не подчинялась Хатнору, а из-за интриг ее правителей, искренне опасавшихся гнева великой империи, в отдельных провинциях Хатнора часто вспыхивали междуусобные распри.

В небе над Веронламом можно было ожидать любых неприятностей, и они не заставили себя долго ждать. Путешествие уже близилось к концу (по крайней мере, оставалось преодолеть не больше трети пути, причем над территорией дружественного Сингола), когда послышалось мягкое урчание моторов, и снаряд,

со свистом пролетевший мимо палубы, взорвался в заднем газовом баллоне флагмана.

— Веронламские пираты! — прокричал впередсмотрящий.— Вражеская эскадра атакует!

Небольшой флот тут же попытался создать своеобразный защитный барьер вокруг флагмана, но времени на это уже не хватало. Один из кораблей, охваченный пламенем, которое рвалось из продырявленных, как сыр, газовых баллонов, устремился к земле, а обезумевшие от ужаса люди горохом посыпались с палубы, предпочитая скорее разбиться, чем сгореть заживо.

Принять бой означало потерять флот. Норнос Хед понял это мгновенно и приказал разворачиваться и удирать в Хатнор, надеясь лишь на быстроходность имперских кораблей и их мощные двигатели.

Корабли беспрекословно повиновались приказу, а сам Норнос Хед замешкался лишь на несколько минут, так как с пробитым задним баллоном флагман потерял бытую маневренность, но это промедление оказалось роковым. Три прицельных выстрела в главный баллон — и, кружась, словно осенний лист, флагман полетел вниз. Сильный удар о землю и прогремевший следом могучий взрыв стряхнули со смотровой платформы Норноса Хеда, Соджана и Ил-тет и вышвырнули их с корабля. На месте катастрофы остались лишь раскаленный докрасна остов судна и охваченная пламенем ткань.

Соджан не знал, как долго пролежал он среди дымящихся обломков императорского

корабля, но когда очнулся, наступала заря. С трудом поднявшись на ноги, он принялся бродить по пепелищу, пытаясь найти хоть одного живого человека, однако только обгоревшие черепа безмолвно скалились на него. Убежденный, что его соратники и повелитель мертвые, Соджан взял чудом сохранившуюся бутылку с водой и двинулся в сторону Хатнора. Когда через пару сотен шагов он остановился, изнемогая от усталости, то далеко на юге заметил нечто белое, похожее на городскую стену. Со вздохом облегчения воин направился туда и вскоре понял, что не ошибся. Громадная — местами высотой до тридцати футов — белокаменная стена, казалось, выросла прямо из земли, чтобы защитить человеческое поселение. Рассматривая это чудо фортификации, Соджан задумался, как попасть внутрь. Несомненно, он все еще находился в Веронламе и потому не мог даже вскользь упомянуть имя Норноса Хеда. Решение пришло само собой. Сбросив дорожный плащ и рукавицы, хатнорский солдат вновь превратился в бродягу-наемника. Ему сразу разрешили войти в город Квентос, поскольку наемников всегда встречали с распластертыми объятиями в любых странах.

— Клянусь Мимуком, приятель, ты уже третий чужестранец, который проходит сегодня через эти ворота, — сказал стражник, пропуская Соджана в город.

— Третий? Всего лишь? — удивился Соджан. — Неужто здесь бывает так мало гостей? Или их тут не любят? Ты, наверное, шутишь, парень!

— Да нет, не шучу. Видишь ли, чужеземец чужеземцу рознь.— Словоохотливый стражник обрадовался возможности поболтать.— Те двое, они были какие-то странные, и мужчина, и женщина. Наши воины нашли их неподалеку от места кораблекрушения. Говорят, мы поймали самого Норноса Хеда и Ил-тет, дочь Хурога из Сингола. Если это правда, получим целых два выкупа.

Довольный стражник распространялся на эту тему еще довольно долго, а потом дал Соджану множество разнообразных советов. Воспользовавшись одним из них, усталый воин добрался наконец до таверны. Там он снял комнату и приказал подать вина и мяса. И то, и другое оказалось вполне приличным, по крайней мере для голодного человека. Но когда настало время платить, Соджан с ужасом вспомнил, что в кармане у него звенят только хатнорские деньги. Если он попытается рассчитаться ими, кабатчик поднимет шум. Можно было, конечно, предложить что-нибудь в залог, но у Соджана было только оружие: меч, щит, кинжал — и одежда, та, что на нем. Бедняге ничего не оставалось, как незаметно выскользнуть из двери, пока хозяин занимался другим гостем.

Соджан уже чувствовал себя в безопасности — его и таверну разделяли примерно полквартала, — когда чья-то рука схватила его за плечо. Воин мгновенно развернулся и увидел злобное лицо трактирщика.

— Ты так спешишь, мой дорогой? Кажется, ты хотел остановиться у меня и попробовать еще кое-что из моих угощений, прежде чем...

Э... Так поспешно удалиться,— ядовито сказал хозяин таверны и добавил: — А ну, гони деньги, или мои люди заставят тебя расплатиться кровью!

— Да как ты смеешь мне угрожать! — закричал Соджан, не на шутку рассердившись.— Это ты должен заплатить за свои слова, клянусь Мимуком! Готовь оружие! — Воин схватил трактирщика за грудки и сильно встряхнул.

— Эй, Тито, Затхул, Уанрим, идите сюда! Он меня обобрал, а теперь хочет убить! — в страхе закричал содергатель таверны.

В двери мгновенно появились трое негодяев, которые, выхватив мечи, бросились на Соджана. Ему пришлось отпустить несчастного трактирщика и с оружием в руках встретить новую опасность.

В первую же минуту сталь вошла на дюйм в сердце Затхула. С оставшимися двумя спрашаться оказалось гораздо труднее. Продвигаясь вперед и назад по узкой улочке, трое бились не на жизнь, а на смерть, от мечей летели искры, звон и лязг металла разносился между домами, отражаясь от крыш. Соджан получил с дюжину ран, но и его противники тоже истекали кровью. Наконец одна из атак — выпад, хитрый обвод и еще один выпад — завершилась удачно, и негодяй по имени Уанрим рухнул замертво. Теперь оставался только Тито. Соджан начал отступать, и противник вынудил его двигаться обратно к таверне, чего нельзя было допустить. Колossalным усилием воли наемник, еще толком не оправившийся после крушения корабля, яростно набросился на Тито

и завершил комбинацию резким, жалящим выпадом. Негодяй закричал от боли, когда клинок Соджана пробил его левую руку, но оружие не бросил. Наемнику снова пришлось отступать к толпе, которая с интересом ожидала исхода поединка возле таверны. Щит спас Соджана от удара, который мог бы оказаться последним, но воин понял, что конец битвы близок и, вероятно, она закончится не в его пользу: силы Соджана были на исходе. Вдобавок ко всему в самое неподходящее мгновение его нога зацепилась за перевязь одного из убитых, и он повалился на труп. Злобная улыбка появилась на лице Тито, когда он поднял меч, чтобы нанести завершающий удар.

— Убей его, Тито, убей! — заорали в толпе охваченные жаждой крови зеваки.

Соджан попытался встать, но Тито тут же пнул его в грудь и снова поднял меч. Толпа подалась вперед.

На счастье Соджана, в конце улицы показался дозор городских стражников, хранителей ворот, и толпа растаяла, как снег под лучами весеннего солнца. Тито, забыв о противнике, суетливо огляделся в поисках угромного местечка, но ничего подходящего не нашел и, бросив оружие, со всех ног помчался прочь.

Начальник дозора поднял пистолет, послышалось слабое шипение, и удирающий негодяй вскрикнул, взмахнул руками, споткнулся и упал на мостовую.

— Что здесь происходит? — спросил стражник, ни к кому не обращаясь.

Соджан уже выпутался из перевязи своего бывшего противника и теперь стоял, пошатываясь на широко расставленных ногах и держась руками за голову.

— Вы спасли мне жизнь! — задыхаясь, проговорил он.— Эти негодяи пытались отнять у меня деньги. Мне удалось убить двоих, но не подоспей вы вовремя, я мог бы составить им компанию. Тито уже собирался покончить со мной!

Начальник стражи расхохотался.

— Замечательное объяснение! Коротко и ясно. Эти трое доставляли нам немало хлопот. Безжалостные убийцы и превосходные воины.— Он снова засмеялся.— Были превосходными. Ты оказал нам услугу, и я искренне благодарен тебе.— Он взглянул на одежду Соджана, порванную и покрытую кровавыми пятнами.— Ты чужак здесь, не так ли? — спросил он.— Наемник?

— Да, меня зовут Соджан Щитоносец, потому что я пользуюсь этим.— И воин показал на свой щит.

— Ну что ж, Соджан Щитоносец, не хочешь ли ты показать свое боевое искусство в рядах городской стражи?

На такую удачу Соджан и не надеялся. Если он поступит на службу во внутреннюю стражу, то рано или поздно сможет связаться со своими друзьями.

— Я всегда мечтал служить в веронламской гвардии,— солгал он,— но стать одним из хранителей ворот — это счастье, в которое я не могу даже поверить.

— Тогда идем с нами. Мы немедленно зачислим тебя в наши ряды. И,— добавил он,— дадим приличный камзол и перевязь.

Полноправным стражником Соджан стал не сразу. Сначала ему пришлось учиться и выдержать своего рода экзамен. Лишь после этого он получил право патрулировать определенную часть города и арестовывать всех, кто, по его мнению, нарушал законы Веронлама. Суд вершился на месте, и расправа была короткой. Наверное, поэтому народ не любил городскую стражу и боялся ее.

Время от времени до Соджана доходили слухи, что Норнос Хед и Ил-тет заключены где-то в тюрьме Жолун — огромном здании с башнями неподалеку от центра города. В обязанности стражников входила и охрана тюрьмы, так что Соджан надеялся на скорую встречу с пленниками.

Наконец настал день, когда его назначили охранять часть тюрьмы Жолун. Накануне Соджан потратил немало времени, сил и спиртного, чтобы разузнать, где держат принцессу и Повелителя Хатнора.

— Он в восточной башне, она в западной.— В пьяном бормотании стражника больше ничего не удалось разобрать, но и этого оказалось вполне достаточно.

Медлить было нельзя: поговаривали, что узников собираются казнить через два дня. Соджан давал клятву верности Норносу Хеду, и потому он решил проникнуть в восточную башню. Это ему удалось без труда, и вскоре он уже стоял перед обитой металлом дверью темницы.

— Норнос Хед,— прошептал он и услышал звон цепей.

За решеткой двери показалось лицо повелителя, вытянувшееся и бледное от голода и недосыпания.

— Соджан! — воскликнул Норнос Хед.— Я думал, ты погиб в катастрофе!

— Я жив и пришел, чтобы попытаться спасти вас. Меня назначили охранять западное крыло, поэтому будет трудно раздобыть ключи. Но не теряйте надежды. Я вернусь!

Соджан отправился обратно. В самом конце тускло освещенного коридора находился один из постов городской стражи. Подкравшись, наемник обнаружил, что караульный с кем-то разговаривает. Это оказалось как нельзя кстати. Дождавшись, пока тот освободится, Соджан зашел в маленькую комнатку, которая служила караульным помещением.

— Стонтор,— спросил он,— что-то случилось?

— Моя жена...— В голосе солдата звучало неподдельное волнение.— Она заболела, а я должен торчать тут.

Несомненно, удача сегодня была на стороне Соджана.

— Ладно, иди и помоги ей,— сказал он.— А я посижу здесь до твоего возвращения. И не беспокойся.

— Большое спасибо, Соджан, ты настоящий друг. Вот ключи. Вообще-то ночь — спокойное время.

Стонтор завернулся в плащ и ушел, а Соджан поспешно схватил ключи и побежал к темнице Норноса Хеда.

— Мне повезло! Такое совпадение: заболела жена стражника. Правда, из города выбраться будет сложнее,— говорил он, открывая тяжелые замки кандалов.

Они вместе вернулись в караулку. Здесь Соджан оставил своего повелителя и отправился в западное крыло. Освободить принцес-су оказалось легче легкого. Ступая беззвучно, как тени в мире теней, они вернулись к Норносу Хеду.

Лестницы, переходы, темные закоулки... Беглецы затерялись в огромном лабиринте и незамеченными выскользнули на улицу. Пробираясь переулками и прячась в тени, они направились к городским воротам. Вдруг Норнос Хед тихо свистнул.

— Остановитесь! Погоди, Соджан, кажется, есть более легкий путь.— И он показал на площадь, заставленную ангарами, возле которых замерли на якорях воздушные суда.— На одном из них мы можем сбежать. Это не так сложно.

— Но как? — удивился Соджан.

— Смотри, вон тот небольшой корабль держится всего на паре канатов,— показал Норнос Хед. Корабль, о котором он говорил, висел в пятнадцати футах над землей.— Если повезет, мы заберемся на него и поднимем якорь.

Крадучись, они прошли по краю поля. Единственный охранник мерно топал между ангарами и, видимо, спал на ходу. Соджан подобрался к нему сзади и ударил ручкой пистолета по затылку — стражник упал. Соджан и Нор-

нос Хед подсадили девушку, и вскоре они оказались на борту корабля. Но тут удача повернулась к ним спиной. Наверное, перелезая через поручни, беглецы слишком шумели — в одной из кают вспыхнул свет, и на палубу вышел вооруженный человек, а за ним — еще трое.

— Мимук! Что тут происходит? — закричал кто-то в темноте.

Времени для разговоров не было, и, передав Норносу Хеду длинный кинжал, а принцессе — пистолет, Соджан выхватил меч и бросился вперед. Норнос Хед следовал за ним по пятам. На их счастье, четверо из команды корабля не слишком хорошо владели оружием. Норнос Хед хоть и потерял в тюрьме немало сил, но по-прежнему дрался уверенно. Вскоре двое противников покинули этот мир, но другие продолжали сопротивляться. Звон стали разносился над тихим полем. Внезапная вспышка света (кто-то включил прожектор) ослепила Соджана, этим воспользовался его противник и нанес чувствительный удар в бок. Боль обожгла воина, и он едва смог сдержать крик. Он уже приготовился к смерти, как послышался негромкий свист и меч, занесенный над Соджаном, выпал из рук его неприятеля. Повернувшись, Соджан увидел Ил-тет с пистолетом в руке.

— Благодарю, — проговорил он, поднимаясь на ноги, чтобы кинуться на помощь Норносу Хеду. Один взмах меча — и схватка была закончена.

Пока Норнос Хед выбрасывал за борт тела, Соджан запустил двигатели. Два удара меча,

перерубившие канаты,— и корабль быстро стал подниматься в воздух. Вскоре послышался басовитый гул, и пропеллеры бешено замолотили лопастями.

Прожекторы снизу освещали беглецов, вокруг свистели снаряды. Ил-тет вскрикнула: позади стремительно поднимались три скоростных боевых корабля. Теперь нужно было уходить от погони.

— Прибавь скорость, Соджан, иначе все пропало! — крикнул Норнос Хед.— Бери курс на Сингол, это ближе.

Взглянув на компас, Соджан повернул нос корабля к северу.

Боевые корабли подходили все ближе и ближе, слышались мягкие хлопки их орудий. Ил-тет, истинная дочь короля-воина, взобралась на сиденье стрелка заднего сектора и направила кормовые орудия на преследователей. Она нажала на спусковые крючки, два ствола одновременно дернулись, послышалось легкое шипение, а затем взрыв. То, что не всегда удается опытному стрелку, Ил-тет сделала по чистой случайности — попала в самое уязвимое место вражеского корабля, в его главный баллон. Пламя рванулось сквозь ткань, судно начало терять высоту и, увеличивая скорость, помчалось к земле. Моторы взревели в последний раз, и корабль, охваченный красным и оранжевым пламенем, разлетелся на куски с чудовищным грохотом.

Но погоня не прекратилась. Преследование продолжалось часа два, впрочем, без особого успеха для обеих сторон. Веронламские ко-

рабли обстреливали беглецов, причем все точнее и точнее.

— Они скоро нас поймают! — кричала с кормы Ил-тет. — Похоже, они еще увеличили скорость!

— Тогда нам пора приземляться! Надеюсь, мы уже не в Веронламе! — ответил Норнос Хед, стараясь перекричать вой ветра.

— У нас очень мало времени на посадку, сэр, — сказал Соджан Норносу Хеду. — Якорей нет, а если выпустить газ, то, потеряв высоту, мы потерянем и скорость.

— Тогда остается только одно! Вот!

Подняв меч, Норнос Хед ткнул им в ближайший баллон. Газ ринулся в разрыв, бросив воина на палубу, и почти сразу корабль начал стремительно падать. Все трое перебрались к борту и подготовились к поспешному бегству.

В кромешной тьме только сильный удар свидетельствовал о благополучном приземлении. Корабль прополз по грунту и остановился. Трое беглецов, спрыгнув с борта, помчались по мягкому мху к скалам, острые края которых выделялись на фоне звездного неба. Мгновение спустя прожекторы врагов начали ощущивать темноту.

Когда веронламцы, приземлившись, отправились прочесывать местность, хатнорские воины и принцесса, уютно устроившись в одной из пещерок, с нескрываемым злорадством наблюдали за их напрасными усилиями.

Утром беглецы без труда добрались до ближайшего синголского города, а затем и до

столицы, где король с благодарностью встретил их и пообещал, что отныне Сингол всегда будет сторонником Хатнора.

Миссия в Асно

М

оторы урчали, капитаны отдавали приказы, стрелки стаскивали парусиновые чехлы с орудий, развевались флаги, сверкала сталь, мелькали разноцветные плащи — воздушный флот Хатнора отправлялся в очередной поход.

На палубе флагманского корабля, спокойно наблюдая за всей этой суетой, стоял высокий воин — Соджан по

прозвищу Щитоносец, второй человек в войске после самого великого Командующего войсками Хатнора Норноса Хеда. На его боку висел длинный широкий меч, за спиной — круглый щит, правая рука покоялась на ручке тяжелого пневматического пистолета — невероятно мощного оружия. Одетый в небесно-голубой камзол, темно-красную клетчатую юбку с разрезами и сапоги темной кожи, с перекинутой через плечо кожаной перевязью, он выглядел как типичный зилорский наемник, которые всегда отличались любовью к яркой одежде.

Огромный военный флот направлялся в Асно — далекую северную страну, король которой, по донесениям лазутчиков, собрал армию наемников и готовился напасть на Юндрот, вассальное государство хатнорской империи.

Чтобы предотвратить большую войну, Норнос Хед решил нанести упреждающий удар и сокрушить врага в его собственном логове. Занятый другими делами, Повелитель Хатнора поручил это Соджану. Ему предстояло смести все боевые порядки наемников Асно и отбить у дерзкого короля всякую охоту даже думать о нападении на объединенную империю.

Обрадованный уже тем, что идет в бой, Соджан согласился, тем более что весь флот Хатнора находился теперь под его командованием.

Вскоре воздушные корабли империи повисли над Асно — страной снегов и льдов, по незаселенным бескрайним просторам которой бродили хищные звери. Через час они должны достичь Бойтила, столицы страны.

— Стрелки, по местам! — скомандовал Соджан, и приказ передали по цепочке с корабля на корабль. Стрелки замерли у орудий.

— Опуститься на двести футов! — велел Соджан рулевому, и вновь команду передали на другие корабли.

— Приготовить ручное оружие, закрепить все предметы, проверить чехлы газовых баллонов! Всем занять свои места!

Соджан внимательно наблюдал за точностью и быстротой выполнения команд на всех судах. Пока все шло нормально.

— Уменьшить скорость!

Корабли перешли на вторую скорость.

В энторском военном флоте существовало понятие о пяти скоростях. Скорость номер один — наибольшая возможная, номер два — одна пятая от первой, и так далее. Если командир приказывает уменьшить скорость, а корабль идет предельно быстро, то двигатель переводят на вторую скорость, со второй — на третью и так до самой малой.

Внизу показались пригороды столицы. Корабли Хатнора опускались все ниже и ниже, пока Соджан не решил, что еще немного, и они зацепятся за башни Бойтила. С этой высоты прекрасно просматривались площади и летные поля. Через несколько минут Соджану передали сообщение: на северной окраине города обнаружен большой военный лагерь. Не успел он взглянуть туда, как флот, вполне сравнимый по мощности с хатнорским, начал подниматься в воздух.

— Приготовьтесь к бою! — закричал Соджан. С орудий сняли защитные стопоры.

— Выбирайте цели сами! — приказал Соджан.

Раздался приглушенный хлопок, засвистел выходящий воздух: взрывчатые снаряды хатнорского флагмана помчались к цели.

Великая битва продолжалась двенадцать часов. Два флота перемешались, и начались настоящие воздушные дуэли между кораблями-противниками. Бой медленно смещался к югу, и теперь под кораблями простирались огромные ледяные пустыни.

Умелое управление, превосходная меткость и численный перевес хатнорского флота помогли ему победить. Соджан теперь не только командовал, но и сам непосредственно участвовал в битве, стреляя из орудия, установленного на командирском мостике. Вражеские суда стремительно падали, взрываясь в ослепительном пламени, или, медленно раскачиваясь, опускались, если газовые баллоны были только слегка повреждены.

Наконец один за другим корабли противника пустились в бегство. Сначала по одному, а потом так, словно исполняли приказ: «Спасайся, кто может!». Суда наемников разлетались в разные стороны, стремясь отойти как можно дальше от Асно, а остатки регулярного флота повернули к своим базам. За ними, выстроившись широкой дугой, на первой скорости помчались и корабли Хатнора. Каждый раз, настигая корабль противника, они безжалостно сбивали его. Впрочем, некоторым, особо удач-

ливым, удалось сбежать, но таких было не больше полудюжины.

Спустя три часа флот Хатнора снова завис над Бойтилом. Здесь онисыпали зажигательными бомбами военный лагерь до тех пор, пока от него ничего не осталось, кроме тлеющей ткани и искореженного металла. Через южные ворота столицы прочь устремились банды наемных солдат, которые спешили удрать как можно дальше. Задуманное нападение на хатнорского вассала даже не началось.

Итак, приказ Норноса Хеда Соджан выполнил, но его миссия была еще не завершена, и, приземлившись на неповрежденной части летного поля, он приказал перепуганному командиру проводить его к королю Треморну.

— Я хочу передать вам послание моего императора! — заявил он, переступив порог огромного, украшенного яркими занавесями зала.

Два ряда высоких колонн поддерживали потолок, картины на стенах изображали сцены битв на суше, на воде и в воздухе. Вдали на возвышении стоял трон короля Асно. Возле трона толпились придворные и слуги, напуганные и обеспокоенные неожиданным вмешательством Хатнора. Владыка бескрайних ледяных пустынь угрюмо взглянул на Соджана.

— Изложи послание,— приказал король.— Это ультиматум? Я не спорю с тем, что побежден! Сейчас, по крайней мере,— добавил он.

— Так будет и впредь, пока член семьи Норносов занимает трон Хатнора,— ответил Соджан.— Вы готовы услышать наши условия?

— Говори!

— Первое: вы признаете владыку Хатнора своим сюзереном и подтверждаете это тем, что отправляете пять сотен молодых людей для обучения и службы в императорском войске каждый десятый год. Второе: вы распускаете всю армию, которая у вас еще осталась, кроме городской стражи. Если на вас нападут, вы должны обратиться за помощью к армии Хатнора. Будучи отныне частью империи, вы и ваше государство обязаны подчиняться всем ее законам и условиям торговли, во время больших войн вам следует направлять в имперское войско две трети всех мужчин призывного возраста, а также и остающуюся треть, если ее призовут дополнительно. Все произведенное в государстве оружие, кроме ручного для собственной надобности, вам надлежит отослать прямо в столицу. Вы согласны с этими условиями?

Король задумался, затем, повернувшись к главному советнику, прошептал ему несколько слов. Тот ответил кивком.

— Да,— со вздохом ответил владыка Асно.

— Тогда поставьте свою подпись и клятву под этим документом и запечатайте королевской печатью. Если вы нарушите свое слово, то наказание будет соответствовать тяжести преступления.

Соджан передал бумагу придворному, который вручил ее королю, приложив правую руку к сердцу в знак полной покорности и бесконечного уважения.

Итак, Соджан добился своего. Но ему предстояло пережить еще немало приключений, прежде чем он смог вернуться во дворец в Хатноре.

Мятеж в Хатноре

— С

оджан, Соджан! Резкий голос вспугнул тишину ясного зилорского неба. Крошечный корабль-разведчик шел навстречу большому военному судну, флагманскому военному кораблю под командованием Соджана, второго по значению лица в Хатноре после Повелителя Норноса Хеда.

— Кто вы? — закричал в рупор лейтенант с флагмана.

— У меня срочное сообщение из столицы! В стране произошел переворот!

— Приближайтесь! — Лейтенант повторил приглашение жестом.

Разведывательный корабль подошел вплотную к правому борту, с него соскочил вооруженный человек и бросился по трапу на мостик, где стоял Соджан.

— Соджан! Пока флот наводил порядок далеко от дома, по стране пронесся мятеж. Норнос Хед смешен, власть захватил тиран. Назначена цена за твою голову и за головы всех, кем ты командуешь. Беги, Соджан, пока есть возможность. Выскочка Тревин управляет городом и половиной империи. Вторая половина колеблется.

— Я не могу бежать, пока мой повелитель в цепях. Неужели никто не помнит клич «Верность семье Норносов»?

— Нет, конечно, он звучит в сердцах хатнорцев, но открыто его провозгласить сейчас не рискнет никто. Есть, правда, несколько стойких, но это все еще обладающие силой благородные люди, и даже Тревин не осмеливается арестовать их без веской причины.

Соджан помрачнел и стиснул в кулаке рукоять меча.

— Лан! — загремел голос воина. — Прикажи флоту развернуться и перейти на скорость номер один!

Лейтенант изумился:

— Мы не побежим?

— Выполняй приказ!

— Развернуться и перейти на скорость номер один! — закричал Лан в рупор.

Огромный флот величественно развернулся и начал набирать скорость. Многие из капитанов Соджана не одобрили решение командира, но подчинились ему. Чуть позже последовало распоряжение:

— Взять курс на Полтун.

Лейтенант передал приказ, и все корабли двинулись на юг, к покрытым туманами джунглям и горячим пустыням Жарких Земель.

— Почему мы летим туда, командир? — спросил Лан.

— Скоро поймете, — ответил Соджан и продолжил беседу с придворным, доставившим весть о мятеже.

На третий день флот Хатнора, покрыв неб малое расстояние, очутился над густым пологом тропического леса, который казался непроницаемым. Однако зоркие глаза Соджана, не ослабевшие от спокойной жизни, отыскали заветное место — квадратик зелени, более светлой, чем окружавшие его заросли.

— Остановиться! — приказал Соджан. — Зависнуть здесь, но не бросать якорей.

Летательные машины народов Зилора походили на дирижабли. Небольшая гондола была подвешена на стальных тросах, охватывающих главный газовый баллон, воздушный винт имел регулируемый шаг и мог помещаться спереди или, что встречалось гораздо чаще, позади корабля. Управлять воздушным судном можно было двумя способами: поворотом рулевой лопасти и (или) смещением оси винта. Военный корабль оснащали обычно пятью орудиями: по одному, очень мощному, на носу и кор-

ме, еще одно, поменьше, устанавливали на капитанском мостике, и два — на платформе, закрепленной над огромным газовым баллоном. Стрелки добирались до нее с палубы по лестницам. Это самое опасное место на судне: если снаряд попадал в газовый баллон, спаслись не удавалось почти никому.

Выполняя команду, имперский флот остановился и замер в ожидании, а Соджан направил свой корабль к земле, к той самой маленькой полянке, на которой могло сесть только одно судно. Весь флот Хатнора, более пятидесяти кораблей, здесь бы просто не поместился. Слегка ударившись при посадке, флагман опустился на траву, и в мягкую почву вонзился якорь.

Соджан приказал выпустить газ из всех баллонов: их всегда можно было наполнить снова, поскольку в резервуарах каждого корабля хранился порядочный запас газа. С опустевшими баллонами судно стало легче почти втрое, и его оттащили в своеобразный туннель, образованный стволами огромных деревьев. Соджан приказал команде из восьми человек вырубить весь подлесок — молодую поросль и кусты, и вскоре под прикрытием могучих ветвей в самом сердце джунглей появилось надежно укрытое от посторонних глаз летное поле.

Повинуясь приказу: «Опускаться по одному!» — пятьдесят судов оказались на земле, в тенистом сумраке тропического леса. Из них выпустили газ, а гондолы приспособили под жилые помещения, причем вполне удобные. Воинам Хатнора повезло: неподалеку от лаге-

ря был родничок с вкуснейшей водой, а ветки деревьев сгибались под тяжестью съедобных фруктов. Кроме того, каждое судно несло солидный запас продуктов. Быстро разместившись и сытно поужинав, все собрались на Большой совет.

— Я хорошо знаю эту часть страны,— сказал Соджан.— Местные жители большей частью дружелюбны. Они, конечно, дикари, но с ними можно договориться, и, думаю, они с радостью помогут нам. Сейчас — всем отдохнуть, а утром отправимся к туземцам.

С первыми лучами солнца, пробившимися сквозь плотную листву, небольшой отряд во главе с Соджаном двинулся в ближайшую деревню. Вождь тепло приветствовал Соджана и сразу же поинтересовался, нужны ли ему воины.

— Ты знаешь меня и мой народ, Соин,— сказал он, называя Соджана по-полтунски.— Мы все любим воевать, а если ты обещаешь нам часть добычи, все мои воины пойдут за тобой.

— Значит, я могу положиться на вас?

— Конечно. Я немедленно созвону совет и пошлю гонцов в другие деревни. Мы соберем несколько тысяч бойцов.

По меркам Зилора, малонаселенной планеты, тысяча человек — это много.

— Ну что ж, замечательно. Надеюсь, друг мой, тебе хватит трех дней, чтобы подготовить свое войско,— ответил Соджан.— И клянусь, еще до рождения новой луны кровь окрасит одежды мятежников.

Нападение орды

День наступления приближался, и Соджан спешил обучить варварскую орду — полтунцев. Лазутчики доносили, что в отдаленных провинциях Хатнора неспокойно. Выслушав очередное сообщение, Соджан вечером собрал Большой совет.

— Пришло время для удара, — сказал он капитанам и вождям племен. — Медлить

нельзя. Только выступив сейчас, мы можем освободить Хатнор из-под власти тирана и вернуть Норносу Хеду его трон!

Воздушные корабли, скрытые огромными деревьями туманных полтунских джунглей, вновь превратились в огромные боевые машины. Каждый капитан, посвященный в общий план нападения, получил отдельное задание.

На следующее утро варварская орда, состоящая из тысяч всадников, ведомая самим Соджаном, двинулась на север, в сторону Хатнора, а через два дня воздушные корабли поднялись в воздух и, догнав орду, на малой высоте полетели над всадниками.

Кто бы осмелился встать на пути у такой силы? Соджан, правда, предполагал, что сопротивление в любом случае окажется весьма мизерным и войска сразу же перейдут на его сторону, ведь он преследовал благородную цель — вернуть трон законному императору.

Конечно, недовольные были и будут всегда, при любом режиме, но, пожалуй, в годы правления Норноса Хеда его подданным жилось неплохо. Беспорядки же начались с умело подготовленной провокации жаждущего власти проходимца, готового пожертвовать жизнями множества людей, чтобы потешить свое тщеславие. Теперь по стране рыскали карательные отряды в поисках бесчисленных врагов нового государя, и ни один мужчина, женщина или ребенок не чувствовали себя в безопасности.

Когда наконец войска Соджана перешли границу империи, им почти никто и не сопро-

тивлялся. Основные битвы были впереди, когда новость о вторжении достигнет столицы Хатнора и там подготовят достойную встречу. Пока же Соджана беспокоили только варвары. Их армия состояла не только из мужчин. Вместе с воинами в поход отправились и их жены, вооруженные такими же ножами, мечами, щитами и копьями. На левой руке каждой женщины был прикреплен оберег — колдовские палочки, которые должны были защитить от опасности целую семью. И мужчины, и женщины варваров были удивительно красивы, но вместе с тем и необыкновенно жестоки. Варварам с раннего детства прививали особые понятия о воинском долге и дисциплине. Они считали, что каждый житель завоеванной страны — законная добыча, а раз так, то не только имущество, но и жизни побежденных принадлежат победителям. Соджану не раз приходилось увещевать вождей, пока в конце концов не удалось прекратить бессмысленное кровопролитие.

Через два дня они стояли под стенами Вермлota. Тяжелые ворота были надежно заперты, сквозь узкие бойницы поблескивало оружие сторонников тирана. Варвары предложили осадить город, но Соджан, понимая, что осада может длиться вечно, не согласился с ними.

— Вы забыли про наши корабли, — сказал он вождям. — Весь хатнорский воздушный флот на нашей стороне. Эти горе-вояки не продержатся и часа.

Флагман изящно приземлился и, когда Соджан поднялся на борт, снова взмыл в небо, а

вскоре весь флот, перелетев через стену, начал опускаться на рыночную площадь. Сотни воинов из числа тех, что летали с Соджаном в Асно, и наиболее надежные варвары заполняли палубы судов. Едва гондолы коснулись земли, вооруженные люди лавиной хлынули с кораблей и набросились на разношерстную армию мятежников.

Дикие крики резали воздух, странные вязанные знамена тяжело колыхались над хаосом сверкающей стали, приглушенные хлопки воздушных пистолетов и ружей слились в непрерывный гул. Войска смешались, и стало невозможно различить, где свои, а где чужие. Огромная, пьяная от крови толпа колыхалась, словно штормовое море, заливая все новые улицы и даже отдельные дома. Атакуемые изнутри и снаружи, люди тирана растерялись, они не успевали обороняться на два фронта, и потому варвары, захватив одни из ворот Вермлата, ворвались в город.

Улицы стали скользкими от крови, эвон металла и крики раненых многократно отражались от стен домов.

Соджан был впереди, он без устали работал огромным мечом, его длинные волосы развернулись, и угрюмая улыбка кривила губы.

— Ко дворцу, ко дворцу! — кричал он. — Захватить дворец, или наша победа обернется поражением!

И вот, как приливная волна, его войско, сметая врагов, двинулось в сторону императорского дворца. Дверей перед ними, конечно, никто не распахивал, и они применили

таран. Но когда они поддались, Соджан и его люди не посмели войти: возле двери стоял Норнос Хед, их правитель, измученный, одетый в лохмотья, заросший грязной щетиной. Его окружали личные охранники Тревина, а сам узурпатор стоял чуть сзади.

— Сделай еще один шаг, Соджан, и мне придется убить вашего бесценного императора! — злорадно ухмыльнулся он.

Соджан и его люди растерялись. Если император погибнет, все, что они совершили, потеряет всякий смысл... Долгие секунды, показавшиеся Соджану часами, искал он решение и вдруг вспомнил один давно забытый случай на стрельбах... Не раздумывая, он прицелился из пистолета в Норноса Хеда и нажал спусковой крючок. Император со стоном упал и замер.

— Ну, собака, я сделал всю грязную работу за тебя! — усмехнувшись, сказал Соджан Тревину.

В ярости тот выстрелил в Соджана. Воин бросился на землю, и пуля, просвистев мимо, попала в плечо одному из его людей.

Вновь подняв пистолет, Соджан выстрелил дважды. Тревин, пустившийся было бежать вверх по лестнице, вскинул руки и покатился по ступенькам, из его рта хлестала кровь. Безжизненное тело тирана рухнуло прямо к ногам его соратников.

Соджан издал победный вопль и, размахивая мечом, засверкавшим в изменчивом свете факелов, укрепленных на стенах зала, бросился на ошеломленных врагов. Те, не раздумывая, побросали оружие и пустились наутек.

Норнос Хед поднялся с пола.

— Умный ход, Соджан,— улыбнулся он.— Впрочем, и выстрел тоже умный.

Он посмотрел на дыру, которую пуля пробила в его одежде.

— Я рисковал вашей жизнью, сэр. Но, не решись я на это, город мог бы снова оказаться в руках Тревина.

— Но пока он в руках полтунских варваров,— рассмеялся Повелитель.— Пора спасать соотечественников.

Мир снова вернулся в Хатнор.

Пурпурная галера

12

евозможно описать фантастическое буйство красок, благородный блеск оружия и сотни оживленных прекрасных лиц людей, заполнивших большой зал. Глубокие, насыщенные цвета ковров — красные, черные, золотые, желтые, оранжевые, зеленые и пурпурные, — украшавших стены из белоснежного камня, перекликались с разноцвет-

ными мундирами разных родов войск и сияющими нарядами мужчин и женщин, представших перед троном Норноса Хеда.

В этом зале собирались почти все, не хватало только одного юного воина. Печаль затуманила взгляды придворных: среди них не было Норноза Рика, принца Хатнора, сына Повелителя.

— Народ мой,— мягко и очень печально проговорил Норнос Хед,— мой сын покинул нас уже тринадцать дней назад, и по-прежнему нет никаких известий ни о нем, ни о принцессе Асдерме. Соджан, ты нашел какие-либо следы моего сына?

— Нет, сэр, хотя мои люди обыскали всю страну. Я уверен: вашего сына нет в хатнорской империи!

— Тогда мы должны найти его, Соджан! Возьми людей, сколько потребуется, и возвращайся с моим мальчиком! Найти его можешь только ты.

* * *

Солнце уже садилось, когда усталый и покрытый пылью дальних дорог путешественник направил мъятта к каменным и деревянным домам, составлявшим приграничный город Эрн. Он ехал уже много дней, останавливаясь, только чтобы поесть и поспать несколько часов, когда чувствовал, что не может более бодрствовать. На нем была приличная одежда из прочной кожи, оружие находилось в хорошо смазанных ножнах и чехлах, щит укрывала парусина. Он выглядел как обычный солдат удачи — зилорский наемник.

Спешившись возле небольшой таверны, путешественник крикнул в открытую дверь:

— Эй, там! У вас есть стойло для моего скакуна и постель для меня?

— Да, мой господин,— ответил женский голос из таверны, и в двери показалась девушка лет восемнадцати.— Эй, Керк! — позвала она.— Принеси попону для мятта и отведи животное в сарай!

— Следуй за мной, мой господин,— предложил явившийся на зов женщины старик, в прошлом, видимо, участник многих военных кампаний, о чем красноречиво свидетельствовали многочисленные шрамы на лице и руках.— Как идут дела? — поинтересовался он, улыбаясь, когда они подошли к громадному деревянному бараку, в котором жители деревни держали скот.

— Не так уж плохо,— улыбнулся в ответ наемник.— Пока мужчины остаются мужчинами, я не останусь без работы. Несколько месяцев назад в Хатноре случился мятеж. Было чем поживиться!

— Да, я слышал об этом от одного господина, он проезжал здесь, как раз когда там все только-только закончилось. Немного рассказал, впрочем — такой неразговорчивый, просто удивительно! Он не из Хатнора и не северянин, это точно!

— В самом деле? — Наемник явно заинтересовался, и, похоже, интерес его не был случайным.

— Этот человек с Шортани. Двух мнений быть не может.

— Шортани — большой континент. Может, он упоминал какую-то страну?

— Минутку. Кажется, он что-то говорил.— Старик замолк и подергал себя за седую бороду, потом нахмурился.— Да, я вспомнил. Тогда как раз шел дождь. Здесь почти всегда идет дождь.— Керк рассмеялся.— Порой кажется, что он никогда не кончится...

— Да,— нетерпеливо прервал старика наемник,— так что же все-таки сказал тот человек?

— Что? О да. Страна. Да, он сказал, когда появился здесь: «Это не похоже на Уфжир». Я еще спросил, а где это. А он ничего не ответил.

— Уфжир, гм-м-м... Это самый дальний уголок Шортани. Наверное, он еще в пути. Возможно, это не имеет значения, но кажется странным, чтобы уфжирец уезжал так далеко из своей жаркой страны, а особенно зимой. Как выглядел этот человек?

— О! Вполне обычно. Невысокий, полноватый. У него такой забавный, украшенный драгоценными камнями меч... Из тех, что ломаются от первого удара клинка из доброй стали. Да, я еще помню свою молодость. Твоя матушка в то время только училась говорить... Я вот что скажу, у нас не было тогда этих новых летающих машин. Мы преодолевали сотни миль только на мъяттах, а чаще на собственных ногах...

— Да! — наемник, казалось, едва держал себя в руках.— Ты можешь описать уфжирца?

— Конечно. Так... У него была слегка завитая борода, и она выглядела так, словно ее

смазали маслом. Одежда у того господина была модная, неподходящая для путешествия, но дорогая — из очень богатой ткани. Наверное, он какой-то вельможа. Нанял целую толпу мужчин в деревне, и они отправились куда-то все вместе. До сих пор не вернулись.

— А ты знаешь, куда?

— Нет, я заметил только, что они пошли дальше по дороге в том же направлении, что и ты. Тоже верхом, и хотя они это скрывали, у каждого в одеялах был спрятан меч. Но меняя-
то им не удалось одурачить, я же присматри-
вал за их мъяттами!

Тем временем мъятта вытерли и поставили в стойло под надзор двух старых солдат, одно-
го — со столетним опытом битв, а второго —
лет на двадцать моложе. На Зилоре мужчины
редко жили больше семидесяти-восьмидесяти
лет, погибая, как правило, от удара меча. Нор-
мального возраста, ста двадцати лет, достигали
единицы.

Вечер наемник решил скоротать в этой
же таверне. Он уютно устроился в грубо
сколоченном, но неожиданно удобном крес-
ле возле огня, заказал выпивку и принял
чистить тяжелый пистолет. Кроме него в по-
лучтемной комнате сидели еще двое посетите-
лей: миловидный мальчик и его отец. Они
казались дружелюбными и приветливыми людь-
ми, и вскоре между наемником и старшим
мужчиной завязалась интересная беседа: оба
они участвовали в финдианско-кинтониан-
ских войнах. Наемник, представившийся Со-
джаном, воевал за финдиан, а его собесед-

ник, Орфил, на стороне кинтониан, но разговор тек весьма мирно, поскольку в те времена Орфил также был наемником. Теперь он торговал драгоценными камнями и сейчас направлялся на Абргминги — небольшие острова в Шортанском море. Там, по словам Орфила, нет месторождений драгоценных камней, и поэтому цены на них в пять раз выше, чем на его родине, во Фриа. Конечно, ради такого барыша стоило пускаться в опасное путешествие по суще и по морю.

— Поехали вместе с нами, — пригласил торговец. — Дорога тем легче и безопаснее, чём больше спутников. Я был бы рад твоему обществу.

— Нам не совсем по пути. Я еду на Шортани, — ответил Соджан, — и сколько там пробуду, зависит не от меня.

Орфил промолчал, видимо, подумав, что излишне любопытный человек рискует рано или поздно нарваться на неприятности.

Поговорив еще о каких-то пустяках, мужчины разошлись по своим комнатам. Соджан, почувствовав, что очень устал за этот день, со вздохом облегчения повалился на не слишком мягкую постель и заснул.

Утром он пробудился, как всегда, рано и хотел было встать, но не смог шевельнуть ни рукой, ни ногой: надежные кожаные веревки крепко держали его. С нехорошой улыбкой на него смотрел торговец Орфил, а рядом стоял его сын, только теперь мальчик надел юбки и оказался исключительно красивой девушкой!

— Что ж, мой доблестный воин, ты слишком много раз совал нос не в свое дело,— рассмеялся Орфил, словно наслаждаясь забавной шуткой, понятной, впрочем, ему одному.

Девушка, стоявшая позади него, была не столь веселой. В глазах ее читалась тревога, костяшки пальцев, сжимавших пистолет, побледели.

— Вероятно, я должен представиться,— продолжал торговец.— Меня действительно зовут Орфил. Только я не торгу драгоценностями. Я капитан гильдии шпионов на Ране. Эта дама предпочитает не называть себя, хотя там, куда ты сейчас отправишься, ее неплохо знают.

— Значит, вы собираетесь убить меня?

— Да.

— Могу я спросить, почему?

— Конечно. Боюсь, я просто вынужден убить тебя, хотя и сожалею об этом, потому что ты мне понравился. Видишь ли, ты слишком интересовался тем, что тебе знать не нужно, чтобы быть безобидным. Я подозреваю, что ты не обычный наемник и, вполне возможно, получаешь деньги Уфжира. Если это так, то я убью тебя с особым удовольствием.

— Я не уфжирец, ты, олух! И меня не волнуют ничьи интриги. Я ищу пропавшего сына моего Повелителя! И не думай, что я мог пасть так низко, как ты!

Улыбка исчезла с лица ранианца, и его правая рука легла на рукоять меча.

— В таком случае мне очень жаль! Норнос Рик уже мертв.

С этими словами шпион поднял меч. Девушка отвернулась, но в то мгновение, когда Орфил собирался нанести смертельный удар, дверь медленно отворилась, и в комнату заглянул уфжирец — видимо, тот самый вельможа, о котором рассказал Соджану старый слуга. За ним стояли шесть могучих воинов.

— Уит тебя побери, Паридж! — закричал шпион и повернулся к девушке. — Быстро к окну! Открывай его, а я задержу их. Там мъятты!

Он бросился на уфжирца, который так растерялся, что едва успел отбить меч рассвирепевшего Орфила. Скорее всего, воин из этого упитанного вельможи был никудышный, потому что он отпрянул и заорал на своих людей:

— Скорее! Схватите проклятого шпиона и убейте, не дайте ему сбежать!

Но в узкий дверной проем мог пройти только один человек, и Орфил, легко оттолкнув Париджа, захлопнул дверь и накинул тяжелый брус.

— Некогда разбираться с вами теперь, — пробормотал он, вылезая в окно. — Может, какнибудь в другой раз...

Девушка уже ждала своего спутника возле мъяттов. Копыта негромко застучали по земле и вскоре потонули в гневных взглях вельможи из Уфжира. Он и его наемники бросились в погоню за Орфилом и девушкой, и наступила тишина.

Соджан по-прежнему лежал, привязанный к постели. Толстенный деревянный брус на двери наводил его на грустные мысли о том,

что ему суждено умереть голодной смертью. Вдруг кто-то постучал в дверь.

— Вызовите меня отсюда! — закричал Соджан.

— Что-нибудь случилось?

Это было слишком даже для закаленного воина.

— Да, случилось! — взревел он. — И если ты меня тотчас не выпустишь, я разнесу тут все голыми руками!

Он, правда, не мог представить, как выполнит свою угрозу.

За дверью начали громко спорить, потом стало слышно, как кто-то затопал по скрипучей лестнице.

Соджану оставалось только ждать. Наконец лестница снова застонала под тяжестью поднимавшихся людей, потом на дверь обрушились тяжелые удары, она сорвалась с петель и с грохотом упала. В проеме показались двое мужчин с бревном, которое они использовали, как таран, а за их спинами — старый Керк.

— Я же сказал, там что-то случилось! — воскликнул он.

Наемника развязали, он собрал вещи, расплатился с Керком, дождался, пока оседлают его мъятта, и вскочил в седло — на все ушло несколько минут. Соджан подхлестнул скакуна и помчался за Орфилом и его преследователями.

Через три часа беспрерывной гонки отпечатки копыт мъяттов стали совершенно четкими — он явно нагоняял уфжирца и его людей. Раз или два Соджану почудилось какое-то дви-

жение в глубине леса, он поспешил выхваты-
вал меч, но никто так и не появился.

Наконец за поворотом дороги он увидел
наемников уфжирца, а точнее, налетел на них
и чуть не попал в серьезную ловушку: полдю-
жины пик метило ему в грудь, солнце сияло на
остриях тяжелых мечей.

Но Соджан привык быстро принимать ре-
шения. Он пришпорил мъятта, поправил по-
удобнее перевязь — так, чтобы выхватить меч
одним движением, — отцепил щит, поднял ко-
пье и ринулся на врагов. Его алый плащ разве-
вался за спиной, словно крылья сказочной хищ-
ной птицы, а из глотки вырывался боевой клич,
от которого застыла в жилах крови! Наем-
ники слегка опешили, но, понукаемые вспля-
ми уфжирца, бросились вперед. Еще мгнове-
ние — и один из нападавших оказался наколотым
на смертельную сталь, словно насекомое на
булавку. Копье вылетело из рук Соджана, а
его мъятт попятился, фыркнул и встал на дыбы.
Лицо хатнорского воина пылало, ноздри под-
рагивали от ударившего в них запаха крови.
Он выхватил меч и, ловко парировав удар про-
тивника, длинным выпадом пропорол ему дос-
пехи. Бедолага скорчился и, призывая неведо-
мых богов, упал в грязь. Соджан развернулся
мъятта, предполагая немного отступить, чтобы
иметь возможность маневрировать, но про-
считался: наемники уфжирца окружили его.
Со всех сторон топорщились копья и тускло
блестела голубая сталь мечей. Хатнорский воин
прикрывался щитом и отбивал удары. Его кли-
нок жалил, словно смертоносная змея.

Один из наемников бросился вперед с тяжелой пикой, и мъятт, всхрапнув от боли, сбил нападавшего с ног и растоптал его. Спринув с раненого мъятта, Соджан вновь оказался в окружении: четверо людей уфжирца накинулись на него. Он истекал кровью из дюжины неглубоких ран, но по-прежнему былся с искусством и яростью легендарного кота Кринджа. Заметив возле деревьев ярдах в двадцати от дороги привязанных мъяттов, Соджан бросился туда, проскользнув между сверкающими клинками. Воя, словно волки-оборотни, наемники помчались за ним по поляне, но он уже перерезал привязь одного из животных и прыгнул в высокое седло. Преследователи пытались ранить и этого мъятта, но, стремительно вращая мечом, Соджан заставил их отступить. Проезжая мимо убитого им человека, он приостановился, выдернул копье из трупа и устремился дальше — по следам бежавшего Орфила.

Повернувшись в седле, Соджан увидел, как уцелевшие вояки кинулись к своим мъяттам. Последним трусил Паридж, ужасно ругаясь, потому что захваченное хатнорским воином прекрасное животное принадлежало уфжирцу. Великолепный скакун легко оставил преследователей позади, и Соджан смог продолжить погоню за Орфилом — погоню, которая завершилась самыми странными приключениями за всю его жизнь.

Морские волки

Ерез два дня после стычки с людьми Паридаха наемник въехал в порт Минифджар в стране Барджа. В гавани стояли в основном торговые суда, но кое-где виднелись носы боевых кораблей.

Хотя все летательные аппараты на Зилоре были снабжены двигателями, на морских судах они по неведомым причинам оказы-ва-

лись совершенно бесполезными, и потому моряки по-прежнему полагались на паруса и весла, как правило, пользуясь и тем, и другим. Впрочем, существовали и парусники без весел, но в любом случае каждый корабль был серьезно вооружен, поскольку только безумец или самоубийца рискнул бы выйти в плавание по спокойным волнам канала Асноги и Шортанского моря, не позаботясь о своей безопасности.

Внимание Соджана привлек один корабль, галера, стоявшая отдельно от остальных. Ее высокий нос гордо возвышался над причалом, а пурпурные паруса и такие же полосы на бортах невольно притягивали взгляд. В этих краях пурпурный, равно как и более привычные черный или белый, считался цветом смерти, и потому люди как завороженные смотрели на жуткий корабль.

Соджан нашел единственный приличный постоянный двор, купил еды и оплатил ночлег.

Втаскивая наверх свои вещи по узкой лестнице, он случайно поднял глаза и увидел знакомое лицо — той девушки, что сопровождала Орфила. Очевидно, за ним следили. Воин, нахмурившись, решил, что на ночь стоит покрепче запереть дверь.

Добравшись наконец до крошечной каморки, гордо именуемой комнатой, и бросив мешок с одеждой и оружием на грязную постель, он услышал бряцание упряжи иглянулся из оконца: шпион и девушка налегке покинули постоянный двор. То, что они не захватили багаж, лучше всяких слов объяснило Соджа-

ну, что они отправились за подмогой. Воин присел на край кровати, раздумывая, что же делать.

Он уже решил убраться отсюда поскорее, но тут на улице застучали копыта мяттов, и, кинувшись к окну, Соджан увидел, что это прибыл отряд бардкийской кавалерии. Могучие воины, вооруженные копьями, мечами, длинными ружьями и пистолетами, в зелено-голубых с красными нашивками мундирах, частично прикрытых сияющими нагрудниками, в шлемах и поножах из полированной стали неторопливо спешились и начали строиться.

— Спасибо Уиту! — облегченно пробормотал Соджан: в командире всадников он узнал старого друга, с которым по просьбе правительства Барджа усмирял разбойников, грабивших торговые караваны.

— Рыжий! — закричал воин, высовываясь из окна. — Рыжий, ты, сын кота Кринджа!

Рыжий, он же капитан Джевир, сын Волита из Чатии, обернулся. Присмотревшись, он узнал Соджана, и недоумение, написанное на его суровом лице, сменилось широкой улыбкой.

— Соджан! Что ты делаешь в этой проклятой дыре?

— А ты? Неужто превратился в одну из подпорок королевского трона и командуешь теперь береговым патрулем?

— Король Виксиан Мудрый и Великолепный больше не любит меня, Соджан, — рассмеялся воин. — С тех пор как я потребовал увеличить жалованье для кавалерии, а на последнем

совете едва не начал из-за этого гражданскую войну!

Соджан ухмыльнулся в ответ:

— Я полагаю, ты не просил улучшить положение вконец обнищавшей пехоты?

— Что? Чтобы они думали, что могут равняться с нами?

Соперничество пеших воинов с всадниками в Бардже тянулось уже много лет и время от времени даже угрожало миру в стране. Скандалы и кровопролитные стычки между прекрасно подготовленными наездниками (чин офицера передавался в кавалерии по наследству) и насильно призванными в армию пехотинцами терзали жителей всех провинций, начиная от Эрна и кончая столицей, городом Иштан-Жем. Но Соджана все это мало заботило. Главное — теперь у него был союзник, он мог остаться и бороться как воин, а не прятаться, как перепуганная женщина.

— Не скучаешь без хорошей драки, Рыжий? — спросил он.

— Ну да, изнываю от желания умереть. А что?

— Просто мне кажется, что скоро представится случай!

— Хорошо, я скажу своим ребятам, чтобы держали ухо востро.

— Спасибо. Наверное, мне понадобится помочь.

— Тебе?!

— Заткнись, я спускаюсь.

И наемник в мгновение ока оказался внизу и вышел во внутренний дворик — именно там

поджидал его старинный друг и прохаживались грозные подчиненные Рыжего. Рассказ об Орфиле и всех связанных с этим проходимцем приключениях, выпавших на долю Соджана с тех пор, как он покинул двор Хатнора в поисках сына правителя, занял совсем немного времени.

Едва Соджан замолчал, как в дворик въехали человек двадцать моряков с Орфилом во главе. Отряд капитана Джевира насчитывал десять всадников, значит, противников было вдвое больше. Соджан окинул взглядом людей Орфила: ни пистолетов, ни ружей, но и кавалеристы оставили пневматическое оружие вместе с седлами мъяттов, там же стояли их копья. Теперь подчиненные Рыжего располагали лишь длинными вилторами и маленькими боевыми топориками.

Орфилю понадобилось менее секунды, чтобы оценить обстановку. С проклятиями он выхватил меч, прищпорил мъятта и бросился вперед, злобно выкрикивая такие кощунственные слова, что даже Соджану стало не по себе. За ним устремились его люди, судя по всему, настоящие морские разбойники, по которым пласал топор палача, люди всех родов и племен, населявших Зилор. Их покрытые шрамами лица исказили чудовищные гримасы, глаза дико засверкали. Они выставили против солдат Джевира самое разнообразное оружие: боевые топоры, дубины, кривые и широкие мечи, вилторы, ятаганы и бог знает что еще — столь же экзотическое, как и одежда нападавших, изготовленная в сотнях разных стран. Похоже, Ор-

фил собирал головорезов со всего света, а теперь решил натравить это гнусное войско на Соджана, который, хоть и рассматривал очень странных противников со все возрастающим удивлением, бдительности, однако, не утратил. Хатнорский воин мгновенно отбил мечом копье Орфила и отстегнул щит, висевший за спиной, но, видимо, проделал это недостаточно проворно, поскольку следующий удар копья опрокинул его наземь. К счастью, наконечник сломался о нагрудник Соджана, и Орфил, поминая темных богов, развернулся и попытался достать Соджана мечом. Но тот уже был на ногах. Прижимаясь спиной к стене, он поднял щит и взмахнул мечом, отбивая атаку шпиона.

Схватка между тем разгоралась всерьез, и животное Орфила шарахнулось в сторону, чтобы не попасть под чей-то вилтор. Вот человек с бледной зеленоватой кожей, полтуанец, соскочил на землю и попытался пригвоздить Соджана копьем к стене. Рядом с ним огромный красный человек с бородой и двумя маленькими рожками, один из которых был расщеплен и сломан, качаясь, пробивался к сбежавшему мятту, выплевывая кровь, но животное так и не поймал. Огромное копье, пущенное длинноволосым человеком с Шортани, чуть изменило направление полета (Рыжий отрубил ему часть древка) и проткнуло красного насквозь, почти разорвав на куски. Повсюду царил хаос, и Соджан уже потерял счет убитым врагам. Теперь на него налетел краснокожий гигант, который крутил над головой

огромный топор с двумя лезвиями и непрерывно смеялся сквозь черную бороду. Из раны на его левой руке текла кровь, лицо было разбито, но, казалось, он способен сражаться вечно. Могучий удар по щиту едва не сломал Соджану руку. Бросив прогнувшийся щит, наемник ускользнул от смертельной дуги, которую описывала покрытая кровью сталь, поднырнул под нее и всадил меч прямым колющим ударом в горло гиганту — тот со стоном повалился на булыжники. Едва Соджан отвел от него взгляд, как увидел, что новые противники уже спешат к нему.

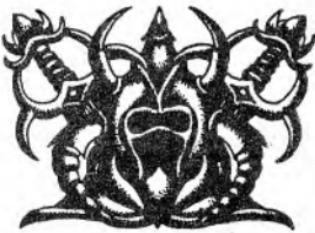
Соджан издал боевой клич своего народа, заглушивший крики и ругательства, подбадривая Рыжего и его людей. Всадники великолепно владели мечами, и их замечательное искусство и нечеловеческая выносливость вынудили моряков отступить. Медленно, очень медленно они сдавали захваченные позиции, и, когда уже казалось, что Соджан и его союзники победили, со стен дворика начали прыгать закованые в броню воины с боевыми топорами в руках.

Противостоять столь неожиданному нападению Соджан и всадники Рыжего уже не могли. Топор гулко ударил по шлему наемника, все закружилось у него перед глазами, и, падая на землю, он услышал:

— Берите их живыми. Вечером...

И черное безмолвие поглотило его.

Соджан на море

С

оджан очнулся от пульсирующей боли в голове. Осмотревшись, он обнаружил, что лежит на удобном диванчике в хорошо обставленной, но какой-то странной комнате. Вскоре он, правда, понял, где находится. Вся мебель была прикреплена к полу, а окна — маленькие квадратные отверстия в стенах — размещались чуть ниже уровня глаз. Ко-

нечно, это каюта! Очевидно, он оказался на одном из тех кораблей, что видел в гавани. И бандиты, напавшие на него, носили одежду моряков... Но что это за судно? Может быть, он на борту пурпурного корабля смерти, который качался на якоре в гавани Минифджара? Впрочем, даже это не слишком удивило бы его: все, что с ним произошло в последнее время, казалось весьма таинственным.

Он подошел к окну: пурпурная галера гордо высилась у причала. На каком же корабле находится он?

Соджан вернулся к диванчику, предварительно попробовав открыть дверь, которая, как он и ожидал, была заперта, и принялся ждать. Время тянулось бесконечно. Не меньше часа он тупо пялился на дверь, пока наконец не заскрипел засов и в дверном проеме не показался человек.

Бесконечно удивленный Соджан увидел перед собой круглое лицо Париджа, уфжирца. Тот чуть наклонил голову и торжественно произнес:

— Приветствую моего друга на борту «Морского Крицжа»!

Однако Соджан изумился куда больше, перевел взгляд на человека, стоявшего позади Париджа: это был Норнос Рик из Хатнора!

— Шилтген! — выругался наемник, увидев юношу. — Что?..

— Объяснения потом, Соджан, нам повезло, что мы спасли тебя. Хотя сначала твое появление нас не слишком обрадовало. Признаться, я чувствую себя виноватым в твоих

злоключениях. Мне следовало хотя бы намекнуть, что я собираюсь отправиться в путешествие, но, увы, на это у меня не было времени.

— А как вы вытащили меня из рук Орфила?

— Это длинная история. Слишком длинная, чтобы рассказывать ее прямо сейчас. Через несколько минут мы отправимся в море Демонов!

— Что?

— Мы направляемся в опасные воды, Соджан, потому что участвуем в опасной игре, ставка в которой — вся планета. Ты хочешь подняться на палубу?

— Благодарю.

По длинному трапу все трое поднялись на кормовую палубу. Норнос Рик отдал приказ, матросы поставили паруса, и гребцы заработали веслами. Соджан с удовольствием наблюдал за работой мускулистых, прекрасно сложенных моряков — в драке они наверняка покажут себя грозными бойцами. Вспомнив о вчерашнем происшествии, наемник посмотрел назад: там, у причала, огромная пурпурная галера качалась на якоре, как мертвый корабль, застрявший в жутких джунглях водорослей черного океана. Никакого движения не было заметно на ее пустой палубе, а паруса «Морского Кринджа» надулись, поймав ветер, и вскоре судно вышло из бухты и взяло курс на таинственное море Демонов.

Оживление на борту судна не затихало ни на миг: люди сновали вверх и вниз по снастям, смазывали и чистили оружие, приводили в порядок такелаж, изредка слышались ко-

роткие негромкие приказы. Соджан неторопливо переходил от борта к борту, прислушивался, смотрел, запоминал. Этот корабль был трехпалубным. Две, довольно высокие, находились на носу и на корме, средняя палуба размещалась чуть выше специальных отверстий в бортах, через которые просовывались весла. В середине этой палубы на мостице длиной примерно в тридцать футов у основания единственной мачты сидел барабанщик. Он отбивал ровный ритм, в такт которому двигались весла. На этом же мостике располагались орудия и еще гарпунные пушки, неизвестные Соджану. Их было двенадцать штук, по пять нацеленных направо и налево и по одной — вперед и назад. Целью людей, путешествующих на «Морском Криндже», вряд ли была мирная торговля с дикими племенами на шортанских берегах.

Вдруг Соджан вспомнил о своих товарищах.

— Что случилось с моими друзьями? — спросил он.

— Они на борту «Пурпурной Стрелы», этого проклятого корабля смерти, который ты видел в гавани Минифджара, — ответил Рик. — Видишь ли, Соджан, мы успели освободить только тебя. Промедли мы еще, и нас бы обнаружили. Я со своими людьми подплыл к галере прошлой ночью, и мы взобрались на борт. Проплутав там Мимук знает сколько, мы в конце концов нашли тебя. Ты не отзывался, и по храпу я понял, что тебя опоили каким-то зельем. В каюте лежали еще четыре человека, и унести всех нам оказалось не по силам, а воз-

вращаться туда мы не могли. Поэтому мы взяли только тебя, а под рубашками твоих друзей оставили ножи, которыми они, надеюсь, воспользуются, как только появится такая возможность. Мне очень жаль, Соджан, но у нас не было выбора.

— Вы, конечно, правы, Рик,— задумчиво проговорил Соджан,— но я-то должен был помочь им...

Теперь высокий «Морской Криндж» шел по открытым водам далеко от земли. Он направлялся в ужасное море Демонов, куда отваживались заходить немногие смельчаки. Возвращались оттуда и вовсе единицы.

День за днем, пока корабль шел к цели, Соджан слушал древние легенды и свежие сообщения о том, как жрецы Рана решили завоевать Зилор с помощью злого духа. Только теперь он понял, насколько опасно их путешествие и как оно важно для всех людей, населяющих планету.

Рассказывали, что сначала сведения о заговоре дошли до Уфжира. Эта страна лежит на берегу Шортгани рядом с северной частью Рана, и местные жители знают об Острове Тайн, как иногда называют Ран, больше, чем кто-либо на Зилоре.

Правитель Уфжира, король Ашинофил, опасался, что, если об этом узнает народ его страны, ранские жрецы немедленно начнут осуществлять свой черный замысел. Тогда он отправил к Норносу Рику гонца с просьбой о помощи, так как Хатнор был самой могущественной державой планеты. Норнос Рик, естественно,

не сказал отцу ни слова, ибо прекрасно знал его склонность к быстрым, но часто опрометчивым решениям. А ведь именно этого и хотел избежать король Уфжира.

К несчастью, о новостях из Уфжира услышала и принцесса Асдерма, которая так не вовремя оказалась в покоях наследника. Девица пригрозила Рику выдать его ранианцам, если он не заплатит ей баснословную сумму. Понимая, что принцесса не успокоится, даже получив деньги, Рик решил скрыться, но перед этим ему пришлось похитить и спрятать девушку. Он намеревался отправиться на Ран, договориться с его правителями, а если ничего не выйдет, уничтожить их или захватить их ужасных союзников.

Окольными путями Рик добрался до Минифджара, но за ним по пятам следовала принцесса, которой удалось сбежать и встретиться с Орфилем. Шпион привез девушку в Минифджар, где корабль, входивший в пурпурный флот Рана, уже ждал его. Соджан привлек к себе внимание Орфила своими расспросами на постоялом дворе, шпион встревожился и захотел покончить с Соджаном, но этому помешал гонец из Уфжира. Остальное Соджан уже знал.

Теперь они мчались к Рану на всех парусах, с каждым взмахом весел удаляясь от пурпурной галеры.

Море Демонов

и

так, это была гонка, а первым призом в ней — родная планета. Рик считал, что на «Пурпурной Стреле» не станут рисковать и выберут безопасный путь вдоль берега Полтуна, а затем по водам Полтунианского океана — до Острова Тайн. «Криндж» попытается пойти через море Демонов, значительно сократив расстояние. Приняв это реше-

ние, люди даже не догадывались, с чем им предстоит столкнуться. Но это давало огромный выигрыш во времени, к тому же на «Стреле» не знали об их планах и рассчитывали за счет большей скорости настичь «Криндж» по пути или загнать его на Ран. Если «Криндж» первым придет на Остров Тайн, жрецы проиграют. Непонятно, правда, было, почему «Стрела» не ушла раньше. Возможно, на ней кого-то ожидали. Только кого?

«Морской Криндж» находился уже в одном дне пути от моря Демонов. Дыхание опасности коснулось всех, и Соджан с удвоенным интересом присматривался к своим спутникам, пытаясь понять, кто на что способен.

Паридж, уфжирец, оказался человеком веселым. Все превратности судьбы он встречал с улыбкой, но при необходимости проявлял качества превосходного бойца, становясь сосредоточенным и жестким, однако предпочитал держаться подальше от того, что называл пустыми дрязгами. Из-за своей разборчивости он часто выслушивал обвинения в трусости и никогда не спорил, заявляя, что тот противник лучше, который недооценивает тебя. Соджан посмеялся над его утверждением, но согласился с ним. Как выяснилось, многие взгляды сурового наемника и забавного уфжирца совпадали, только Паридж умел высказывать свои мысли в незабываемой, парадоксальной форме. Соджан с удовольствием беседовал с новым приятелем, и чувство взаимного уважения скрепляло их дружбу.

Обязанности капитана «Кринджа» исполнял сам Норнос Рик — высокий и суровый не по годам воин с лицом, словно высеченным из камня, не очень красивым, но рецистельным и твердым. Взгляд его серо-стальных глаз казался необычайно тяжелым.

Помощником капитана, как это принято в морском флоте на Зилоре, бывал обычно опытный капер или закаленный в битвах офицер. Эту должность на «Морском Криндже» занимал кавалерийский капитан Андел из Рисса. Он отличался независимым нравом и часто своевольничал, но притом умел обращаться с любым оружием и владел приемами всех видов борьбы. Он один стоил четырех членов команды, которые и сами отличались отменной силой и воинской доблестью. Его любили и уважали так, как могут уважать только моряки, не раз смотревшие в лицо смерти.

Обычай использовать кавалеристов в качестве помощников капитана на корабле вовсе не такой странный, как может показаться, и возник он не случайно.

Одно время почти все государства на Зилоре страдали от постоянных споров и стычек между морскими и сухопутными войсками, что особенно сказывалось в военное время: пехота и кавалерия не могли полагаться на морские силы, и наоборот. Поэтому решили послать воинов сухопутных войск обучаться морскому делу, а морских офицеров отправлять на берег и знакомить с буднями пеших воинов и всадников. Это постепенно устрани-

ло все разногласия, и оба рода войск стали действовать слаженно и четко.

Вечером третьего дня после выхода из Минифджара «Криндж» пересек невидимую границу и оказался в водах моря, которое на первый взгляд ничем не отличалось от любого другого, но совсем не зря именовалось морем Демонов.

— Нам лучше встать здесь и двигаться дальше только с рассветом,— решил Норнос Рик и приказал бросить якорь.

Однако якорная цепь, натянувшись, начала свободно покачиваться.

— Слишком большая глубина, сэр! Якорь не достает дна! — закричал Андел.

— Не будем дрейфовать. Весла на борт, поднять паруса.

— Да, сэр!

Наступившая ночь принесла неописуемое ощущение разложения и смерти, которое казалось почти осязаемым. Ужас затаился в каждом дуновении ветерка. Но ничего так и не случилось, только порой что-то слабо скребло о борта судна, но странные звуки отнесли на счет особо густых водорослей или кусков плавающего дерева.

Утром влажная заря, посыпая тени и клубящийся туман над горизонтом, возвестила о начале нового дня. Море было зеленым и напоминало темный нефрит. Весла врезались в воду, расплескивая яркие пенистые струи под монотонный грохот барабана.

Соджан и его товарищи завтракали в мрачном настроении.

— Проклятое море! — вдруг закричал Андел, поднимаясь с места и ударяя кулаком в ладонь.— Уит! Мы потеряем людей, а то и все окажемся на дне!

— Успокойся, Андел. Нам ли бояться опасностей? — спокойно проговорил Норнос Рик.

Андел мрачно хмыкнул и замолк. Через два тягостных часа раздалось:

— Уит, возьми нас!

Этот призыв закончился пронзительным криком, который перешел в хрип. Соджан бросился на палубу, заметив, что впереди мелькнул толстенький уфжирец, а с другого борта бегут Норнос Рик и его помощник. Почти вся команда собралась на правом борту судна, глядя вниз: среди белой пены виднелись яркие красные пятна.

— Поверните назад, сэр, вы должны повернуть назад!

В приступе истерии матрос бросился на встречу Норносу Рику.

— Успокойся и объясни, что случилось!

В глазах моряка застыл ужас, граничащий с сумасшествием. Он пробормотал несвязно:

—...Существо... Оно выползло и схватило, ох, Митеша за горло, а потом спрыгнуло за борт!

— И это все?

— А разве этого мало, сэр? — спросил другой гребец.

— Как оно выглядело? Кто его рассмотрел?

— Я, сэр,— ответил один из матросов.

— Ну и?

— Оно зеленое с коричневым. Чешуйчатое. Клянусь Уитом, сэр, оно выглядело как человек, мать которого была рыбой!

— Ты хочешь сказать, что эта тварь — человек?

— Нет, не совсем. Но у него человеческое тело. И лицо заостренное. А его глаза... Они были зеленые, как и все остальное, и казалось, они насылают порчу, когда смотрят на тебя!

— Очень хорошо. Благодарю. Андел, отведи его,— Рик сделал шаг вперед и положил руку на плечо матроса,— вниз и дай ему чего-нибудь выпить.

— Да, сэр. Мы поворачиваем назад?

— Нет! Вы все знали, что впереди нас ждут опасности.

— Опасности, да, сэр, но не демоны!

— Все вниз! Мы продолжаем путь!

Вернувшись в каюту, Соджан сказал:

— Я слышал старые народные сказки, Рик, о чем-то похожем на это. Теперь я понимаю, почему древние назвали это море морем Демонов.

— Как ты думаешь, у них есть государство?

— Я слышал только, что их очень много.

— Можно ли то, что произошло, считать предупреждением?

— Думаю, можно.

— Надо держать орудия наготове. И гарпуны будут полезны. Я велел их установить на случай, если мы встретим какого-нибудь из больших ящеров, что обитают в Полтунианском океане. Но теперь, кажется, они понадобятся совсем для другой дичи!

Весла заскрипели снова. Но теперь барабан звучал как-то неуверенно, а весла опускались в воду гораздо медленнее. Или это только казалось людям, стоявшим на мостице?

Ближе к середине дня запах смерти и тления усилился еще больше, и неожиданно со всех четырех сторон на судно набросились мерзкие обитатели моря Цемонов, которые попытались взобраться на корабль.

Но на этот раз все были настороже, орудия выплеснули потоки смертоносных снарядов и загнали воящую толпу обратно в море.

— Они быстро отвязались! — радостно крикнул Андел.

— Слишком быстро. Теперь они станут осторожнее и наверняка нападут ночью.

Ночь принесла с собой липкую тьму и странные звуки, которые шли из воды. От них холода кровь в жилах. Люди замерли в ожидании очередной стаи голодных чудовищ. Яркие фонари судна пронизывали мглу, выхватывая причудливые тела обитателей глубин, вновь принявшихся карабкаться на борт. Воины обнажили оружие, крики людей смешались с визгами морских тварей. В свете фонарей сверкали сабли, и ручьи крови — и моряков, и человекоподобных чудовищ — стекали по палубе, делая ее скользкой.

Весь корабль состоял из пятен яркого света и глухих теней, воины высказывали из мрака в потоки ослепляющего света и вновь исчезали. От дыхания людей в холодном ночном воздухе поднимался пар. Соджан со своими товарищами сражался в самой гуще битвы,

их мечи рубили отвратительную плоть, монстры размахивали мокрыми лапами с жуткими когтями и щелкали острыми зубами. Бойевые кличи Соджана ободряли людей, и, собравшись с духом, моряки оттеснили противника и сбросили всю эту нечисть в родную стихию. Наконец тело последнего чудовища, забравшегося на корабль, с плеском ударилось о темную воду. Усталые, потные воины дружно с облегчением вздохнули.

— Мы прогнали их в первый раз, ребята, и, клянусь Уитом, мы погоним их отсюда до Рана, если понадобится! — кричал Соджан.

Восхитительное ощущение победы подняло всем настроение.

Подсчитали потери. Два моряка пострадали от ран, нанесенных когтями морской нечисти, а три человека пропали без вести, очевидно, их утащили на дно.

— Мы достигнем Рана через день, — сказал Норнос Рик.

— Или пойдем на дно, — мрачно добавил Андел.

Наступил унылый и серый день. «Криндж» миновал первые острова Бессмертной Теократии Рана, и морские птицы, взывившие в небо, приветствовали его пронзительными криками. Всего островов было четыре, и населяли их человекоподобные примитивные существа, обитавшие в пещерах и, вероятно, никогда даже не слышавшие о Ране.

Теперь, когда «Морской Криндж» закачался у причала Острова Тайн, Соджана стали одолевать сомнения. Великий замысел стал казаться

дуряцкой затеей, а сами они — компанией истеричных мальчишек. Разве может кто-либо остановить колесо судьбы и надо ли его останавливать?

Эти вопросы мучили грозного воина, когда он сошел вместе с друзьями по сходням на неприветливый берег и направился по узким переулкам к дому, который принадлежал обществу, известному под названием «Друзья Хатнора». Здесь обитали выходцы с территории Объединенной Империи, которые жили по поддельным, иногда даже и настоящим документам, куда вписывали вымышленные имена и национальности.

Три длинных удара и три коротких, повторенные трижды, открыли перед ними двери. Идя по узкому коридору к основной жилой комнате, путешественники почувствовали себя в чуть большей безопасности, хотя и оставались в сердце вражеского города — Джамбело.

Дверь в комнату неожиданно отворилась, и яркий свет, заливший коридор, ослепил всех.

— Привет, Соджан, — улыбнулся Рыжий. — Я не думал, что встретил твоих друзей.

— Ради Уита! Рыжий, как тебе удалось попасть сюда раньше нас? — закричал Соджан.

— Очень просто. Я прилетел.

— Что? Ни один воздушный корабль так быстро не покроет это расстояние.

— Ты совершенно прав. Я прилетел сюда не на корабле. Банджар — вот он — привез меня.

Рыжий взмахнул рукой, показывая, и Соджан увидел как будто горбатого, но довольно

высокого человека с пронзительными голубыми глазами и орлиными чертами лица, смуглолицего и темноволосого.

— Ладно уж, сломаю лук пополам. Вижу, что тебе не терпится! — рассмеялся Рыжий, используя любимое выражение наемников, которое означало «рассказать коротко», и подмигнул Соджану. — Джик, Уанвиф, Селвун и я проковыряли довольно большую дыру в днище «Пурпурной Стрелы» и тут же пожалели об этом, потому что вода мгновенно залила каюту. Утонуть на корабле — очень глупо, тем более для хорошего пловца, и я подумал, что надо увеличить дыру. Мы еще поработали ножами, и, скажу я вам, под водой рубить дерево — нелегкий труд! А затем поочередно нырнули в пробоину — прямо под киль. Выплыть из-под этой проклятой галеры оказалось тоже не просто. Уанвиф не смог. Впрочем, такая судьба ожидала нас всех, потому что в пределах видимости земли не было. Потом я узнал, что мы оказались в водах Черного океана, а это место совсем не годится для увеселительной прогулки. Так или иначе, мы плыли на запад, может, час, а может, день — трудно сказать — и по порядку устали, но тут нас подобрала рыбачья лодка, весельная, с командой из каких-то дикарей с острова Юник. Это самый большой после Рана остров из этого архипелага.

Люди приветливо отнеслись к нам, мы отдохнули, поели и решили прогуляться в глубь острова, чтобы немного развлечься. Мы шли несколько часов, пока не добрались до деревни Аскри, где живут люди племени Банд-

жара. В свое время ранские жрецы напали на Аскри и забрали в рабство почти всех мужчин. Жители деревни до сих пор жаждут отомстить им. Банджар, услышав, что на «Пурпурной Стреле» осталось еще несколько человек из моей команды, предложил полететь на Ран, куда рано или поздно вернется галея, и попытаться освободить парней. Ночью мы приземлились и направились к «Друзьям Хатнора». Кстати, там, в Аспри, очень интересно, и люди живут не в пример лучше нашего. Соплеменники Банджара очень уважают ученых и художников, потому, наверное, науки и искусство у них развиты необычайно. А вот воинов немного, но они не очень-то и нужны. Видите ли, у жителей Аспри есть одна штука, которая им очень помогает. Банджар, покажи, пожалуйста, Соджану и его друзьям свое оружие.

Банджар улыбнулся и, сделав шаг вперед, расправил огромные крылья. Вздох изумления пронесся по комнате. Крылатый человек чуть наклонил голову — так благодарят слушателей странствующие поэты — и заговорил глубоким гортанным голосом:

— Мое племя, вероятно, происходит от древних крылатых млекопитающих, обитавших на Зилоре. Мы умеем перемещаться на большие расстояния, причем очень быстро. Нас немногого, но мы можем скрыться от любого врага, несколько раз взмахнув крыльями.

Наконец в жилой комнате появились хозяева дома, началась и окончилась церемония официального представления и был съеден обед.

Теперь Соджан мог поговорить с Джевиром наедине.

— Тебе удалось разнюхать здесь что-нибудь полезное для нас, Рыжий?

— Несомненно, мой друг, я нашел нечто такое, что в сочетании с мужеством, мастерством и сумасшедшим везением позволит спасти мир от хаоса!

Заключенные в камне

амысел Рыжего оказался несложным. Члены тайного общества «Друзей Хатнора» отыскали древний план Великого Храма, в котором правительство теократов разместило свою резиденцию. От храма отходили три туннеля, когда-то использовавшиеся для стоков. Все они давно бездействовали: два замуровали в незапамятные времена,

причем весьма основательно, а третий зацепали наспех, кое-как, и кирпичная перегородка уже обвалилась. Правда, со стороны храма эти туннели по-прежнему охранялись патрулями стражи, хотя многие люди считали, что все входы в святыню оберегает нечто сверхъестественное. Но в любом случае, даже если по пути в храм придется биться только с обычными людьми, тот, кто собирается проникнуть в самое сердце ранской теократии, должен обладать мужеством и прекрасно владеть оружием.

— А почему бы не послать туда войска? — спросил Андел. — Чем больше людей, тем больше надежда на успех.

— Да, так, конечно, безопаснее, но только на первый взгляд. Даже маленький отряд привлечет к себе излишнее внимание. А мы не можем действовать открыто, иначе проиграем. Мы ведь не знаем, какими силами располагают жрецы, и, если не ошибаюсь, мы прибыли сюда не для того, чтобы оценить их мощь на своей шкуре, а, напротив, чтобы не позволить им применить свое оружие против всего мира.

— Понятно, — кивнул Паридж. — Тогда позвольте пойти мне одному. Я не мечтаю занять место в пантеоне героев. Просто мне гораздо больше нравится действовать тихо и аккуратно. А вопить и размахивать мечами — это занятие для дикарей. — Он улыбнулся.

— Мы что, по-твоему, дикари, да? — заревел Андел. — Я тебе покажу...

Но Рыжий не дал ему договорить:

— Потише, Андел, а то сейчас сюда сбегутся все ранские воины.

— Извините... — Грозный помощник капитана сразу притих.

Рыжий, улыбнувшись, спокойно продолжил:

— Я думаю, что пойти должен Соджан. У него выучка настоящего варвара, он ступает мягче кошки, его глаза зорче, чем у рыси, и он за милю способен расслышать звон меча в ножнах.

— Значит, решено, — удовлетворенно кивнул Соджан. — Куда идти? И когда?

— Прямо сейчас. Я проведу тебя к входу в туннель. Прихвати с собой ружье, топор, щит и длинный меч. Ну и не забудь одеться.

— Благодарю за мудрый совет, — рассмеялся Соджан и начал надевать облегченные доспехи: поножи, нагрудник и шлем.

Затем грозный воин укрепил на перевязи оружие, и они с Рыжим направились боковыми улочками к перекрестку возле Великого Храма. Здесь Рыжий поднял тяжеленную, изъеденную временем плиту, и под ней показались ступени ржавой лестницы, уходившей в темноту.

— Удачи! — Рыжий хлопнул Соджана по плечу.

Тот ухмыльнулся в ответ и начал неторопливо спускаться, осторожно нащупывая ступеньки и поручни. Плита легла на место, и Соджан очутился в полной темноте.

Он двигался очень аккуратно: местами ржавчина совсем съела лестницу, и один раз он чуть было не полетел вниз, схватившись вмес-

то поручня за воздух. Спуск продолжался долго, но в конце концов Соджан ступил на неровный пол сточного туннеля, постоял немногоСоображая, куда идти, а затем медленно двинулся вдоль стены. Он шел и шел, наверное, целую вечность, спотыкаясь о валявшиеся кирпичи и мусор. Чутье подсказывало ему, что впереди препятствие, и он на всякий случай вынул меч и достал из кобуры пистолет, но это оказалось всего-навсего обвалившаяся стена. Преодолев завал, Соджан вдруг обнаружил, что туннель закончился. Или ему почудилось? Правая рука, которой он держался за стену, вдруг нашупала лишь воздух. Недоумевая, он ткнул мечом пустоту и улыбнулся: туннель поворачивал направо. Там оказалось несколько светлее, и это было весьма кстати, ведь рано или поздно ему предстоит встретиться со стражниками, и вряд ли встреча будет дружеской.

И вдруг, раньше, чем он ожидал, они действительно появились — два таинственных охранника, которые, увидев человека, издали леденящий душу крик. Это были огромные рептилии с рубиновыми глазами и ярко-алыми пастьюми, из которых торчали желтые зубы в фут длиной, острые, как бритва. Соджан, опомнившись от неожиданности, отступил, вскинув к плечу ружье и выстрелил прямо в пасть ближайшего чудовища. Оно взъяло, но не остановилось. Соджан бросил ружье и выхватил меч. Но рептилия так и не напала. Она вдруг споткнулась и повалилась на бок, передние лапы мелко-мелко затряслись, громадное тело конвульсивно сжалось и обмякло. Воспользовавшись

передышкой, Соджан перехватил меч поудобнее и вытащил из-за пояса боевой топор.

Второй ящер, подойдя к убитому сородичу, понюхал его и снова издал жуткий вопль. Соджан кинулся вперед, размахивая мечом и топором перед мордой чудовища. Оно отшатнулось, но через мгновение прыгнуло вперед, стараясь схватить воина передними лапами, очень похожими на человеческие руки, но с когтями в шесть дюймов вместо ногтей. Соджан шагнул назад, рубанув топором по кошмарным лапам, и одновременно глубоко вонзил меч в горло рептилии. Он резал и рубил врага, пока ящер не повалился на пол и не издох, корчась в агонии, которая длилась несколько минут.

Обтерев кровь с меча и топора и подбрав брошенное ружье, воин двинулся дальше уже смелее: победа придала ему сил и уверенности.

Впереди опять появилось какое-то препятствие. Вглядевшись в полутьму, Соджан понял: туннель закончился, вверх уходила лестница, подобная первой, но не такая ветхая. Воин начал медленно подниматься. Ружье, топор и щит были укреплены на спине, меч он держал в зубах.

На самом верху лестница упиралась в металлическую плиту. Соджан осторожно приподнял ее и зажмурился: его на мгновение ослепил яркий свет. Глаза, привыкшие к темноте, заслезились.

Щурясь и смаргивая непрошеные слезы, Соджан тихо выбрался из туннеля, бесшумно

опустив плиту, и оказался в коротком, ярко освещенном факелами коридоре, в обоих концах которого имелись двери. Какую выбрать? Соджан решил войти в ту, что вела, по его мнению, во внутренние покои храма. По крайней мере, она находилась дальше от входа в туннель. Скользнув по коридору, словно бесплотная тень, воин внимательно осмотрел дверь и, не обнаружив замков, плавно нажал на нее — она отворилась.

За дверью начинался другой коридор, по которому Соджан двинулся тем же кошачьим шагом, в одной руке — обнаженный меч, в другой — ружье. На броне плясали отблески огня, и тень воина, густая и огромная, скользила вслед за ним по стенам.

Соджан предполагал, что в это время суток жрецы отдыхают, а значит, стражники охраняют их особо бдительно. Только прецельная сосредоточенность и осторожность помогли бы ему выполнить задание. Он запомнил до мельчайших подробностей древний план храма, но лабиринт коридоров, увлекавших его все дальше и дальше в глубь святыни, совсем не походил на то, что он видел на бумаге. Впрочем, ничего удивительного: план был нарисован несколько веков назад.

Нетерпение все больше овладевало воином. Он знал, что, хоть и должен соблюдать осторожность, медлить ему нельзя. Сердце гулко отсчитывало минуты. Соджану надо было как можно скорее проникнуть в Палату Древних Богов и попытаться понять, почему эти сверхъе-

стественные создания заключили союз со злобными жрецами Рана.

Неожиданно послышался шум голосов, зазвучал смех, раздалось позвякиванье тяжелых ножен по броне. Вход, находившийся впереди, охраняли. Может быть, он ведет именно туда, куда ему необходимо попасть?

Люди стояли к нему спинами. Соджан сунул меч в ножны, поднял ружье и обрушил приклад на голову одного стражника, одновременно ударив ребром ладони свободной руки в основание черепа второго. Оба, не издав ни звука, осели на пол. Убедившись, что путь свободен и его никто не заметил, Соджан оттащил обмягших стражников в темный угол. Прятать их времени не было. Впрочем, он не успел спрятаться и сам — по коридору кто-то шел в подкованных сталью сапогах. Воин прижался к стене и стал молиться древним богам, надеясь, что его не найдут.

Шаги все приближались и приближались, и вдруг чудесным образом шум их снова начал стихать. Рискуя быть обнаруженным, Соджан выглянул из-за выступа стены и увидел еще один коридор, параллельный тому, по которому он шел. Вдали шагали два стражника и один из бесчестных прелатов Рана, правителей острова. Воин метнулся за ними. Он шел, прячась в густой тени, — здесь явно решили поберечь факелы — и с тревогой смотрел на многочисленные двери справа и слева, расположенные одна напротив другой, надеясь, что оттуда никто не выйдет.

— Подождите здесь,— долетел до воина голос жреца.

Опять Соджану не оставили времени на раздумья. Моля Уита о помощи, он нырнул в ближайшую дверь.

Добрый бог услышал его: в комнате никого не оказалось. Соджан огляделся. Похоже, он попал в апартаменты жрецов высокого ранга. Обстановка не отличалась монашеской суворостью. Роскошная мебель, ковры и драгоценные драпировки радовали глаз. Соджан ухмыльнулся и пробормотал благодарственную молитву. Затем его внимание привлекли развешенные на одной из стен длинные широкие одеяния, которые носили высшие жрецы. Здесь же находились специальные головные уборы с вуалью, прикрывавшей лицо.

Члены религиозного ордена, особенно высокопоставленные, всегда скрывали свои лица. Возможно, это помогало жрецам чувствовать себя неуязвимыми: трудно найти и уничтожить конкретного человека, если все выглядят одинаково. Кроме того, сменив ритуальные наряды на светскую одежду, они могли покинуть храм и смешаться с толпой, не опасаясь быть узнанными. Недаром зоркие глаза и чуткие уши жрецов-шпионов вызывали ужас у порабощенного ими населения Рана.

Соджан быстро смекнул, что если он переоденется, то, вполне возможно, сумеет проникнуть в Палату Древних Богов и встретиться с ее таинственными обитателями. Он быстро нацепил на доспехи показавшийся ему наибо-

лее подходящим балахон, а меч и пистолет спрятал в складках одежды.

Он вышел в коридор и направился в глубь храма, не обращая особого внимания на воинов, которые вскакивали по стойке смирино и отдавали ему честь принятым на Ране способом: вскидывая сжатые кулаки к вискам и коротко кланяясь. Соджан отвечал легким кивком. Вуаль полностью скрывала его лицо, но, даже если бы он случайно открыл его, только жрец смог бы обнаружить обман. Чувствуя себя в относительной безопасности, воин дожел до огромной, скрепленной металлическими накладками двери, которая вела в Палату Древних Богов.

Дверь оказалась не заперта, и стражники почтительно расступились, пропуская Соджана в огромное полуутемное помещение.

Воин остановился у входа: после освещенного коридора он почти ничего не видел. Единственный факел тускло мерцал где-то под потолком, бросая длинные тени.

Из угла полупустого зала раздался чей-то голос, бесконечно усталый, полный отчаяния.

— Зачем ты беспокоишь нас снова, жрец, ведь мы обещали исполнять ваши требования? Мы держим свое слово, а вы — нет.

Соджан мгновенно понял, что злые силы Рана — просто несчастные пленники, скорее рабы, чем союзники теократов.

— Я не жрец, — сказал он и откинул вуаль, — и если бы я знал, кто вы, наверное, мог бы помочь вам.

— Это что, еще одна уловка? — снова проговорил голос, хотя на этот раз в нем чувствовался оттенок удивления.

— Вовсе нет. Я ненавижу этих воинственных святош. Я представляю ту часть Зилора, которая вовсе не желает стать придатком Рана. Тем не менее ходят слухи, что вы помогаете им. — Напрягаясь, воин вглядывался в темноту. — Но кто вы?

— Мы древние жители Зилора. Мы жили здесь задолго до того, как блестящие корабли людей прилетели сюда с дальней планеты. Они покинули родину, считая, что наступил конец их мира. На самом деле планета людей не погибла, но было уже слишком поздно возвращаться назад. Люди унесли с собой в космос все знания и во время долгого перелета от одной галактики до другой постепенно растеряли их, потому что путешествие длилось несколько столетий.

Когда пришельцы высадились на Зилоре, их предки уже умерли, и им пришлось основывать свою цивилизацию. Эти Люди, которые называли себя лемурами, мирно жили рядом с нами много веков, и мы помогали им, как могли, потому что наша древняя раса накопила знаний больше, чем даже предки лемуров, хотя и несколько иных. В то время как человек сосредотачивался на совершенствовании своего тела, мы развивали сознание и научились управлять стихиями. А потом люди стали бояться нас и прогнали прочь. Нас тогда уже было немного, и жили мы в дальних колониях. Теперь нас еще меньше...

— А как вы попали сюда? — спросил Соджан.

— Большинство людей считали нас порождением зла, но нашлись и такие, кто стал поклоняться нам, считая Богами и возводя храмы. Некоторые из нас оказались столь глупы и самонадеянны, что и впрямь возомнили себя высшими существами. Они поселились в храме, с радостью принимали кровавые жертвы и участвовали в бессмысленных ритуалах. Хитроумные служители храма быстро поняли слабость моих соглядатейников и решили, что смогут захватить власть, пугая нами свой народ... Жрецы обманули нас и обрекли на вечное заточение. Я был одним из попавшихся глупцов. Те, кто остался на свободе, давно покинули эту планету и, надеюсь, благополучно сейчас в другом, более безопасном мире.

Ты можешь прочитать в исторических свитках о могущественной теократии, которая никогда правила миром. Ран — это все, что осталось от той эпохи, обломок огромного чудовищного государства. Тогда люди поднялись против угнетателей, страна за страной, изгоняя властолюбивых прелатов все дальше и дальше, пока они не сбежали на этот остров. Здесь возник культ, основанный на поклонении нам, и здесь же он умрет, если ты нам поможешь. Иначе мир погибнет.

— Но, — воскликнул Соджан, — почему вы согласились использовать свои способности, чтобы разрушить Зилор?

— Они обещали нам свободу. Свободу после тысячелетий заточения. После вечности отчаяния.

яния. Мы последуем за своими братьями, мы преодолеем пространство и время, увидим солнца и планеты, моря и равнини. Для нас все это дороже, чем суетливая животная жизнь; потому что мы, подобно планетам, звездам и неторопливо растущей траве, почти бессмертны. С точки зрения человека, мы бестелесны и бесчувственны. Мы — это сознание. Ты видишь, насколько велик соблазн? Разве могли мы отказаться? И есть ли у нас другой путь к свободе?

— Вполне возможно, что есть,— ответил Соджан.— Если вы скажете мне наконец, как они вас заточили, я попробую освободить вас.

— Существуют минералы, редкие и почти неизвестные, которые взаимодействуют с нами так же, как свинец с радием. Ни один атом радия не может пройти сквозь решетку свинца. Большинство минералов и живых организмов для нас не препятствие, но крепче, чем узника цепи, нас держит один драгоценный камень. По странной прихоти природы мы не можем пройти его насквозь. Именно так много столетий назад нас заключили в блоки камня энтри. Мы освободимся, если ты сделаешь в нем отверстие, откроешь своеобразную дверь для нас. Я правильно употребляю ваши понятия?

Соджан молча кивнул. Он пытался представить себе создания, бесконечно чуждые человеку и в то же время родственные ему. Потом, тряхнув головой, чтобы отогнать ненужные сейчас мысли, воин начал действовать. Он вытащил из держателя факел и осветил зал. На

алтаре, покрытом красной тканью, покоились пять больших блоков темно-синего минерала, похожего на голубой нефрит. Ничего подобного Соджан, обхевавший почти всю планету, прежде не видел и никогда не слышал о таком камне даже в легендах.

— Я понял, что нужно делать,— сказал он.— Какой материал возьмет этот камень?

— Сталь. У тебя есть с собой что-нибудь подходящее?

— Да. А сталь не повредит вам?

— Нет, мы ее даже не почувствуем.

Соджан стер пот со лба, воткнул факел на место, подошел к блокам, а затем вынул меч и взобрался на алтарь. Упершись острым концом клинка в верхнюю часть ближайшего камня, он принялся вращать его. Лезвие погружалось в минерал довольно легко, но воин почувствовал во всем теле слабое покалывание. Ощущение было странным, но довольно приятным. Вдруг яркая оранжево-зеленая вспышка ослепила Соджана, он прищурился, увидел, как что-то медленно выплыло из про-деланного отверстия наружу, заливая комнату светом, и его охватило чувство великой радости и восторга освобожденного пленика. Соджан принялся по очереди сверлить остальные блоки, по-прежнему чувствуя странное покалывание, и каждый раз, когда отверстие достигало нужной глубины, яркая вспышка возвещала о том, что еще одно существо обрело свободу.

Затем бывшие пленики приняли несколько более определенные формы, и воин смог раз-

личить глаза и круглые тела. Перед ним предстали легендарные создания, сказки о которых Соджан слышал еще мальчиком. Но теперь он готов был поклясться, что сами рассказчики, да и их деды, никогда не видели представителей древнейшей цивилизации. Может быть, через миллионы лет человек тоже научится изменять структуру своего тела и сможет принимать любую форму, которую пожелает. Кто знает, не были ли эти существа когда-то людьми? Иначе почему Соджан так обрадовался, увидев их? Чувство родства всколыхнуло его душу. Наверное, нечто подобное ощущали и лемурские предки до того, как знакомство с невероятными способностями этих странных созданий породило страх и ненависть.

— Прежде чем вы покинете Зилор,— Соджан испытывал несвойственные ему смущение и неуверенность,— я хотел бы попросить вас, ну... О плате за освобождение.

— Мы согласны на все!

— Хорошо. Сейчас я попытаюсь покинуть храм и добраться до моря. Обещайте мне, что, когда я окажусь на борту «Морского Крингжа», вы разрушите этот источник зла до основания. Так, чтобы теократия исчезла с лица земли и больше никогда не возродилась!

— С радостью! Мы подождем, пока ты не окажешься в безопасности. Но будь осторожен, мы не можем помочь тебе сбежать.

Соджан поблагодарил их, попрощался и вышел, сжимая рукоять меча. И только тогда вспомнил об охране. Солдаты замерли от изумления, глядя то на сверкающий клинок, то на

открытое потное лицо вышедшего из Палаты человека. Все это никак не вязалось с обликом высшего жреца.

Оправившись от неожиданности, Соджан пробормотал:

— У меня... Возникли некоторые трудности с одним из болтов внутри, и пришлось использовать этот меч, чтобы ослабить его...

С удивленными лицами стражники поклонились и отдали честь, но в их глазах читалось сомнение. Соджан неторопливо зашагал по коридору, хотя ему очень хотелось помчаться со всех ног.

— Что бы ни случилось, жрец не станет разгуливать по храму без вуали.— Он услышал эти слова, стоя на пороге комнаты, где переодевался совсем недавно. Встревоженный стражник тем временем продолжал: — Мне кажется, это не жрец! Эй, ты, остановись!

Соджан юркнул внутрь и закрылся на засов. Стражники заколотили в дверь, на шум прибежали и другие люди.

— Это самозванец, шпион! — вопил кто-то так пронзительно, что звенело в ушах. — Прелат Торо проводит ритуал смерти во внешнем храме! Его не будет еще несколько часов!

— Выбейте дверь, дураки! — раздался голос, принадлежавший, несомненно, человеку, облеченному властью, возможно, высшему жрецу.

Соджан медленно прошелся по комнате, отыскивая другой выход. Ему повезло: драпировка на дальней стене прикрывала большое

незапертое окно. Он раздвинул занавеси и выглянул наружу. Еще не рассвело, и сырая тьма окутывала внутренний дворик, в середине которого тихо плескался фонтан. Соджан прикинул, что до земли футов десять, не больше, и, если повезет, он сумеет сбежать. Распахнув окно, воин забрался на подоконник и спрыгнул вниз. Густая трава смягчила удар. Наверху заплясало пламя факелов, кто-то высунулся из окна и закричал:

— Он во дворе!

Соджан обогнул фонтан, нырнул в какую-то дверь на противоположной стороне дворика, промчался по короткому темному коридору и поднялся по лестнице. Погони пока не было слышно. Тяжело дыша, воин побежал в ту сторону, где, по его мнению, находился выход, который, конечно, тщательно охранялся, тем более что во всем храме была поднята тревога. Соджану нескончально повезло: заблудившись, он неожиданно выскочил к главной двери храма и беспрепятственно преодолел огромный гулкий вестибюль. Но здесь удача оставила его: пятеро здоровенных стражников преградили ему дорогу.

Не раздумывая, Соджан выхватил пистолет и уложил двоих противников. Троє уцелевших на мгновение опешили, но быстро опомнились и рванулись вперед. Соджан перехватил поудобнее боевой топор, несколько раз взмахнул им, словно проверяя силу удара, и бросился на врагов, не дожидаясь, когда они нападут. Лезвие описало сияющую дугу над головами чуть замешкавшихся стражников, следующий

удар попал в цель, и, неловко отпрыгнув, раненый повалил остальных.

Теперь стражи храма были обречены. Соджан получил преимущество и воспользовался им. Перепачканный кровью из нескольких мелких ран, хатнорский воин разделался с одним противником, потом со вторым. Остался последний стражник. Он бился отчаянно, нападал и парировал удары, стараясь найти уязвимое место в обороне Соджана. А времени оставалось все меньше: где-то там по коридорам к главному входу катилась погоня, и, если ранские жрецы поймают дерзкого чужеземца, его не пощадят. Соджан переложил топор в левую руку и выхватил меч.

Именно в эту минуту стражник, стараясь нанести удар, сделал выпад вперед и наткнулся на клинок. Солдат неуклюже пытался отпрыгнуть назад, но тяжелый топор обрушился на него и глубоко вошел в мозг.

Соджан выпустил ручку топора из онемевшей ладони, и тело убитого с застрявшей в черепе смертоносной сталью с глухим стуком повалилось на пол. Хатнорский воин спрятал меч в ножны и, бросив топор на месте битвы, поспешил открыть дверь, сбежал по широкой пологой лестнице и свернул в ближайший темный переулок.

Когда Соджан добрался наконец до «Друзей Хатнора», сердце его готово было выскочить из груди.

— Скорее! — закричал он с порога. — Я все сделал, но нам надо немедленно сесть на корабль, всем, иначе мы погибнем. Я не знаю, что они намереваются делать.

Сидевшие за столом люди переглянулись, понимая, что времени на объяснения нет, и молча последовали за ним.

Они мчались к пристани так, словно все чудовища мира гнались за ними по пятам. Городских стражников, пытавшихся помешать воинам погрузиться на корабль, просто смели в море. Подняли якорь, весла погрузили в воду, и «Морской Криндж» начал стремительно удаляться от пристани. Соджан и его друзья стояли на кормовой палубе и смотрели на темный берег. Внезапно ослепительная вспышка разорвала предутренний мрак, послышался глубокий перекатывающийся гул, и огромный, объятый пламенем храм как будто завис над городом. Через несколько мгновений вновь стало темно. Храм не горел. Он просто исчез.

Взглянув на небо, Соджан и его друзья увидели пять черточек нестерпимо яркого бело-оранжевого огня, несущихся к звездам.

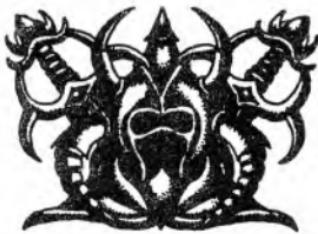
— Что это? — удивился Норнос Рик.

— Это конец старой легенды, — улыбнулся Соджан. — Я расскажу вам сказку, в которую никто не поверит. А ведь легенды умеют разговаривать и даже учить историю.

Обратное путешествие для сотоварищей Соджана не было скучным: они слушали его странный рассказ.

А что же произошло с пурпурной галерой, Орфилом и принцессой, которая предала Рика? Увы, это короткая и невеселая история. В погоне за Соджаном и его друзьями они тоже попытались пересечь море Демонов. Но им не повезло.

Соджан и таинственная равнина

етер рвал снасти небольшого воздушного крейсера, смело устремившегося навстречу свирепой буре. Четыре человека стояли на палубе, вцепившись в поручни, в то время как пятый пытался управлять трясущимся от напора стихии судном.

— Держите направление на север! — кричал Норнос Рик Соджану.

— При такой скорости нас унесет к Шортани, если ветер не переменится! — ответил тот, стараясь заглушить рев ветра.

Паридж, уроженец шортанского континента, радостно ухмыльнулся:

— Давненько я не был дома!

— Ты попадешь прямо на собственные похороны, если кто-нибудь не поможет мне удержать штурвал! — рявкнул Соджан.

Соджан, Норнос Рик, Паридж, Андел и Рыжий, пять человек, сумевшие спасти несколько месяцев назад родную планету от неминуемой гибели, летели в Хатнор. Они собирались вернуться гораздо раньше, но бесконечные празднества в честь героев-освободителей порядком задержали отважных воинов. Соджан, Рик, Андел и Рыжий неохотно посещали эти пиры и выслушивали хвалебные речи, и только Паридж, который любил находиться в центре внимания, с упоением купался в лучах славы. Буря налетела внезапно, и теперь отважные воины сражались с ней, пытаясь вести свое маленькое судно против ветра, который сносил их на юг.

— Может, лучше приземлиться, Соджан? — крикнул Андел.

— Может, и лучше. Если бы мы только знали, где находимся. А так легче легкого попасть из одной неприятности в другую, гораздо худшую.

Внезапно раздался резкий хлопок, и штурвал, вырвавшись из рук Соджана, резко повернулся. Воин потерял равновесие и упал.

— Что случилось? — встревожился Паридж. — Порвался рулевой трос! Нечего и ду-

мать починить его в такую погоду. Придется дрейфовать!

Все пятеро забились в тесную каюту. Пронизывающий ветер добрался даже сюда, и жуткий холод мешал усталым людям расслабиться и уснуть.

Наступило утро, но шторм не утих и продолжался весь день. Свирепая стихия трепала корабль и гнала его все дальше и дальше на юг.

— Не могу припомнить такой,— проговорил Норнос Рик, прислушиваясь к вою ветра.

— Но дальше на севере,— подхватил беседу Андел,— бури не редкость. Говорят, они продолжаются по несколько дней.

— Это верно,— согласился Соджан.

Холодно, сырьо и неуютно было в каюте. Оставалось только одно — дождаться конца непогоды. К полуночи следующих суток шторм затих, небо очистилось. Звезды, расположение которых показалось бы незнакомым землянину, ярко сияли, и Соджан смог определить местоположение корабля.

— Мы находимся над Шортани,— проговорил он.— Порядочно от берега. Думаю, мы близко к середине континента.

Под ними раскинулась тихая солнная земля. Огромные равнины, орошаемые извилистыми реками, густые леса, неприступные горы, гордо, словно боги, взиравшие на людей. В ярком лунном свете можно было различить стада странных животных. Они пили воду и щипали траву, не обращая внимания на воздушный корабль, скользивший над ними.

Утром Соджан и Андел занялись ремонтом оборванных тросов управления, а остальные наслаждались прекрасными пейзажами, пропылавшими под гондолой, и наступившим после бури покоем. Время текло неторопливо, а корабль дрейфовал все дальше и дальше в глубь страны.

— Если нас унесет слишком далеко, топлива на обратный путь не хватит. Мы ведь рассчитывали на короткое путешествие.— Парицдж озабоченно взглянул на Соджана.

— Уйт нас возьми! Я и не подумал об этом,— крикнул Соджан.— Но делать нечего. Пока не починим рулевое управление, будем дрейфовать. Поторопись, Андел, или мы застрянем здесь навсегда!

Но ремонт тросов управления и регулировка руля — отнюдь не простое дело, и Соджану с Анделом понадобилось несколько часов, прежде чем можно было снова запустить моторы.

— Топлива до Хатнора не хватит,— объяснил Соджан и усмехнулся: — Но если мы станем экономить, то вполне сможем создать цивилизованное государство на берегу Шортани.

Маленький экипаж прибрал корабль и отремонтировал потрепанный такелаж, но наконец и эта несложная работа была закончена. Теперь люди отдыхали, рассматривая чудесные виды внизу и разговаривая о том, что за народ живет здесь, если тут вообще есть люди.

Рыжий, обладатель приятного баритона и незаурядных музыкальных способностей, развлекал товарищей игрой на ринфириме — инструменте, похожем на восьмиструнную гита-

ру. Одна из песен говорила о древней легенде об этих местах. Первый куплет звучал приблизительно так: «Послушай сказку о Пеке смелом, О том, как вечно он вдали стремился, И как однажды поймать сумел он Грозу небес, чудо — шифла-птицу».

— Что за шифла такая? — заинтересовался Андел.

— Говорят, она размером с воздушный корабль и похожа на огромную ящерицу, — очень серьезно ответил Рыжий.

Друзья переглянулись и весело расхохотались — все, кроме Соджана, который пристально смотрел куда-то на запад.

— Я очень рад, что вам весело, — холодно проговорил он. — Но взгляните туда. Это похоже на вашу птицу шифла?

Над лесом медленно набирало высоту самое большое живое существо, которое только могли себе представить искатели приключений. Больше всего оно напоминало дракона. Огромная пасть чудовищной рептилии была широко раскрыта, а громадные крылья, подобные увеличенным в сотни раз крыльям летучей мыши, несли ее вперед с невероятной скоростью.

— Похоже, легенды не всегда врут, — проговорил Рыжий, облизывая сухие губы и нашупывая пистолет на поясе.

— Легенды говорят правду, — сказал Соджан. — Но в нее всегда трудно поверить.

Кошмарное существо тем временем догнало корабль и теперь летело почти над ним, наверное, принимая воздушное судно за соперника или добычу. По размерам эта неверо-

ятная птица не уступала их кораблю, причем половину длины составляло тело, а остальное приходилось на крылья. Она была серо-голубого цвета, огромная пасть выглядела как кровавая рана, а темные глаза сияли в глубоких впадинах, наводя на мысль о демонах в зилорских Залах Мертвых.

— Вниз, Соджан, вниз! — рявкнул Норнос Рик.

Остальные как завороженные смотрели на жуткое существо.

Соджан тряхнул головой, отгоняя наваждение, и бросился к штурвалу. Он дернул несколько рычагов, открыв таким образом выпускные клапаны в газовом баллоне и заставив корабль быстро снижаться.

Шифла пролетела так низко, что едва не задела баллон, и люди как по команде пригнулись. Затем вдруг затрещали, ломаясь, ветви, послышался резкий свист рвущейся ткани и громкий хруст раскалывающегося дерева: корабль упал в лесную чащу. Люди так стремились избежать опасности сверху, что совсем позабыли о том, что поджидало их внизу.

Соджан успел прикрыть лицо рукой и отскочить в сторону, когда громадная ветка проткнула корабль как раз возле рычагов управления насеквоздь, словно вертел рыбу. Постепенно шум прекратился и, хотя судно опасно раскачивалось, угрожая развалиться на части в любое мгновение, путешественники отделались только синяками и царапинами.

Варварский инстинкт подсказал Соджану, что надо немедленно покинуть корабль. С ос-

торожностью кошки, крадущейся по грязи, он перебрался на ветвь, которая только что едва не убила его.

— Быстро! — закричал он.— Все за мной!

Его друзья, последовав за ним, осторожно прошли по ветви и добрались до ствола. Спуститься оказалось нетрудно: могучие ветки отходили от ствола почти до самой земли, а нижняя заканчивалась на высоте четырех или пяти футов.

Соджан взглянул наверх, туда, где застрял корабль: большой газовый баллон уже опустился, а обломки гондолы висели на порванных снастях.

— Нам лучше отойти подальше. Если обломки рухнут, двигатель может взорваться.

— Там все наши запасы, ружья и патроны,—тихо вздохнул Норнос Рик.

— Зато наши жизни при нас. По крайней мере пока,—ухмыльнулся Соджан.— Я думаю, лучше пойти на север. Хорошо бы, конечно, не натолкнуться на горный хребет. Зато если мы выйдем на равнину, то отправимся вниз по течению реки. Почти все цивилизованные народы Шортани живут в пойменных долинах у воды. Не так ли, Паридж?

— Один из притоков проходит через мою страну — Уфжир. Правда, надежда на то, что мы попадем туда, очень мала.

— Но она все-таки есть, Паридж,—медленно проговорил Соджан, глядя куда-то в сторону.— Но нам нужно на чем-то ехать. Смотрите! — Он взмахнул рукой, показывая направление.

Друзья одновременно повернули головы: примерно в миle от них паслось стадо мяттov.

— Не торопитесь. Мы легко поймаем их, если правильно организуем охоту,— предупредил Соджан.

Медленно, чтобы не испугать животных, Соджан и его друзья приблизились к мяттам. Животные легко давали обуздать себя: даже неприрученные они вели себя дружелюбно по отношению к человеку. Невольные исследователи девственных лесов Шортани удобно устроились на широких спинах скакунов — пришлось, естественно, обойтись без седел — и двинулись на север. Через несколько дней пути Соджан заметил вдали странный блеск, как будто солнце отражалось от полированной поверхности.

— Посмотрим, что там такое,— предложил он сотоварищам.— Похоже на здание.

Это и было здание — огромная сияющая купольная конструкция, которая возвышалась над землей, как рукотворная гора. Построено сооружение было из похожего на мрамор камня. Правда, даже полированный камень не блестит так ярко. И кому только пришло в голову выстроить нечто подобное в таком диком месте? Но больше всего путешественников беспокоил другой вопрос: живут здесь люди или нет.

— Узнать, кто или что находится там, можно только заглянув внутрь,— положил конец затянувшимся спорам Андел.

— Ты прав,— согласился Соджан.— Вперед!

И друзья погнали животных быстрым шагом. Напротив широкого и, похоже, неохраняемого входа они молча спешились и осторожно подошли к дверям.

Высоко вверху виднелись окна, находившиеся на разных уровнях. Часть крыши — над фасадом здания — оказалась плоской. Нигде не было видно ни малейших следов разрушения, но все же у людей создалось впечатление, что этому зданию не одна сотня лет. Тишина и покой царили вокруг, и, не чувствуя опасности, путешественники смело шагнули за порог.

— Какой странный дом! Ни одной лестницы, — удивился Соджан, рассматривая сияющий мраморный зал.

Слева от них поблескивали две полосы белого металла, неизвестно зачем прикрепленные к стене. Справа под аркой находился вход в другое помещение, такое же пустое, как и то, в котором они стояли.

— Что же это такое? — спросил Рыжий и провел рукой по одной из металлических полос.

Раздался слабый шум, и полоса металла скользнула вверх, открыв небольшой... Шкаф? Рыжий осторожно шагнул внутрь, держа меч на готове, и тут же металлическая полоса с шумом опустилась на место.

— Клянусь Уитом! Он в ловушке! — закричал Соджан.

Он водил ладонью по металлу, но ничего не происходило, потом попытался поддеть металлическую дверь мечом или выломать ее, но из этого ничего не получалось. Как Рыжий открыл этот шкаф, никто не мог понять.

Вдруг снаружи послышался крик.

Выскочив на солнечный свет, все посмотрели наверх и увидели Рыжего, очень веселого, который махал рукой, высунувшись из окна на десятом уровне, самом ближнем к крыше.

— Как ты попал туда? — крикнул Норнос Рид.

— «Шкаф» поднял меня наверх! Эта коробка двигается и может поднять вас на любой уровень, какой вы пожелаете. Я поднялся на самый верх. Там было множество кнопок, но я не осмелился нажать ни одну из них. После того как я вышел, двери закрылись снова. Я хотел спуститься обратно, но пластины больше не двигаются. Похоже, тут и останусь.

Он, однако, не выглядел опечаленным.

Поразмыслив, Соджан вернулся в большой холл и провел рукой по металлической «двери». Она тут же поднялась вверх. Он не спешил входить внутрь, пока друзья не присоединятся к нему.

— Те, кто построил этот дом, были великими мастерами, — заметил Соджан. — Между прочим, я узнал язык, на котором написано, как пользоваться этой штукой. Это древний кифинианский.

— Что? — воскликнул Паридж. — Ты хочешь сказать, что все это построили предки кифинианцев?

— Конечно. С чего бы им писать на этом языке?

— Помнится, ты узнал в храме Рана, — размышлял Норнос Рик, — что предки всех живущих на Зилоре людей явились сюда с другой

планеты тысячи лет назад. Возможно, вот это здание было построено до того, как раса рассеялась по планете и выродилась. Но что бы это могло быть?

Они доехали до последнего уровня, вышли из «шкафа» и продолжили беседу прямо возле его двери.

— Я, кажется, догадался,— ответил Соджан.— Обратите внимание, что вокруг этого места — ни дерева, ни кустика, только трава, а поверхность — ровнее полированной столешницы. Я готов спорить на годовое жалованье, что здесь было поле для посадки особых воздушных кораблей. Нечто подобное, кстати, есть во всех цивилизованных странах Зилора. А тут, возможно, был центр управления.

Вдруг Рыжий, который стоял у окна, обратился к друзьям:

— Эй, посмотрите вниз! Дикари! Сотни дикарей!

Внизу столпились странные, похожие на людей, длиннохвостые существа, покрытые с головы до пят короткой темной шерстью. Они сжимали в лапах копья и короткие широкие мечи, кончики их хвостов воинственно топорщились.

— Судя по хмурым лицам этих ребят, мы нарушили местное табу,— предположил Паридж, который неплохо знал обычай и манеру поведения разных племен шортанского континента, потому что Уфжир поддерживал торговые отношения со всеми.— Они не войдут сюда сами, но будут ждать, когда выйдем мы. Например, за пищей или водой.

— В таком случае нам остается лишь получше осмотреть здание и поискать, нет ли здесь еще какого-нибудь выхода,— сказал Андел.

— Неплохая идея,— согласился Соджан.— Разделимся и подробно исследуем все помещения. Если увидите похожие металлические пластины, попробуйте открыть их.

Они разбрелись в разные стороны. Надо заметить, никого не огорчила эта непредвиденная задержка. Вскоре они услышали крик Анделя откуда-то из середины здания. Кинувшись на зов, встревоженные исследователи вбежали в комнату и замерли, увидев огромную открытую панель. За ней начинался мостик, повисший в пустоте — от купола до самого фундамента здания. Заканчивался он возле огромного обтекаемого корпуса из сияющего металла, снабженного к тому же треугольными крыльями. В благоговейном молчании друзья поднялись на мостик и дошли до двери. Слегка нахмурившись, Соджан принялся разбирать древние письмена.

— То, что надо,— наконец сказал он, нажимая кнопку «Открыть».

Дверца корабля бесшумно отъехала в сторону.

— Очевидно, это воздушный корабль,— уверенно заявил Андел, лучше других разбирающийся в технике.— Возможно, подобный тем, в которых наши предки прибыли на эту планету.

— Ты говоришь о корабле, способном двигаться в космосе? — спросил Соджан.

— Ну да,— кивнул Андел.— Но может быть, также способный перелетать с континента на

континент. Если бы мы только знали, как пользоваться этой штукой!

Они потратили уйму времени, разыскивая центр управления кораблем. Когда же удалось его найти, они с изумлением увидели неимоверное количество каких-то странных предметов со шкалами и без них, с великим множеством рычажков и металлических пластинок вроде тех, что открывали двери. Соджан начал читать надписи. Правда, прочесть-то он мог почти все, а вот понять... Но все же он сумел отделить основное от второстепенного и сосредоточил внимание на главной панели. Там имелись рычаги с обозначениями: «Автоматический — Аварийный — Полтун», «Автоматический — Аварийный — Джихар» и еще несколько других. Названия континентов Зилора говорили о том, что догадка Анделя, скорее всего, верна.

— Мы не можем сидеть здесь до бесконечности, — решительно заговорил Соджан. — Если мы останемся, то умрем от голода, если выйдем наружу — нас убьют. А если рискнуть?..

С этими словами, не дожидаясь решения друзей, он потянул рычажок с обозначением «Полтун» и на всякий случай отпрыгнул назад.

Послышалось слабое гудение — это закрылась дверь, через которую они вошли, а часть стенок стала прозрачной. Затем что-то начало щелкать и скрежетать, звук постепенно усиливался, и вдруг купол открылся, пропуская солнечный свет. Затем раздались свист и грохот, похожий на гром, и невидимая сила швырнула людей на пол. Рев непрерывно нарастал, не-

стерпимая тяжесть навалилась на хрупкие человеческие тела, мрак окутал их, и они провалились в небытие.

Соджан первым пришел в себя. Взглянув в переднее окно, он увидел самое кошмарное и чарующее зрелище в его жизни: бархатную черноту космоса и огромные звезды, как алмазы, в их сияющей красоте. В глубине корабля снова послышался гул. Воин изо всех сил пытался сосредоточиться, чтобы не потерять сознание, но все же снова в беспамятстве повалился на пол корабля.

Очнувшись во второй раз, Соджан увидел привычное голубое небо над кораблем и зеленые равнины вокруг. Его друзья медленно поднимались на ноги.

— Похоже, мы променяли безлюдный лес на пустыню, — весело улыбнулся Соджан. — Правда, мы в Полтуне. А ближайшая цивилизованная страна — это Тигурн. Смотрите, здесь есть остатки порта, похожего на тот — на равнине Шортани.

Он потянул тот же рычаг, но в другую сторону. Окна немедленно закрылись, и путешественникам показалось, что они падают с большой скоростью. Затем раздался тонкий свист, и корабль остановился. Открылась дверь, и небольшой мостик выдвинулся наружу на высоте пяти футов над землей.

— Вероятно, здесь космические корабли садились на континент Полтун, — изрек Соджан тоном старого ученого, объясняющего азы науки ленивым ученикам. — Ну а нам придется поразмяться, — рассмеялся он. — Сейчас будем прыгать.

Оказавшись на твердой земле, друзья обернулись к кораблю. Послышался слабый гул, и двери закрылись. И тут другой шум, не такой ровный, но до боли знакомый, привлек их внимание — это шумел двигатель воздушного судна. Друзья начали осматриваться: в небе, на небольшой высоте, кружили несколько обычных больших кораблей. Они несли флаги Пелиры — страны, находившейся в вассальной зависимости от Хатнора. Дрейфуя над головами путешественников, капитан флагмана рассмотрел их и, убедившись, что это не чудовища, которых он ожидал увидеть, а обычные люди, посадил корабль в некотором отдалении. Друзья побежали к нему.

Удивление, появившееся на лице капитана, не поддавалось описанию. Он тут же узнал героев Зилора.

— Что... Что?.. — Больше он не мог произнести ни слова.

— Как у вас с топливом, друг? — спросил, смеясь, Соджан.

— Мы... Мы... Заправили полный бак, сэр, но как?..

— Тогда летим в Хатнор, — улыбнулся воин. — А по дороге все расскажем.

Соджан и Ренс Карто с Берснола

M

ожет, у тебя есть какое-нибудь объяснение, Скортан? — спросил высокий черноволосый человек своего собеседника — кентавра.

— Боюсь и подумать... — ответил вождь дарксиков очень тихо. — Разве что мы умерли и оказались во Фреджхе, стране мрака!

Только что, удобно устроившись в любимом угол-

ке сада, Ренс Карто, повелитель орд хостов Бесны, обсуждал план очередной военной кампании со своим большим другом и союзником кентавром Скортаном, и вдруг совершенно неожиданно они оказались на чужой планете под странным незнакомым солнцем.

Повелитель хостов начал осматривать окрестности.

— Сыновья Ксонса! Посмотри-ка на это, Скортан!

На них надвигалось гигантское насекомое, окрашенное в цвета, которые не может описать человек. На его могучей спине сидели верхом три невысоких человекоподобных зверя с тяжелыми дубинками в руках.

Было очевидно, что дикари настроены крайне враждебно: они размахивали дубинами и громко кричали гортанными голосами.

— Бой — везде бой, где бы мы ни оказались! — воскликнул Ренс Карто.— Если мы во Фредджхе, то во имя злых богов, что правят здесь, уложим десяток этих демонов вдоль Коридора Смерти, прежде чем сами отправимся туда!

Выслушав друга, Скортан снял со спины огромный боевой топор и выразительно помахал им в воздухе. Карто тем временем выхватил Кровопийцу, широкий меч из отличной стали, и встал рядом с кентавром.

В эту минуту двое дикарей, размахивая дубинами, соскочили на землю и бросились к Ренсу Карто, а третий погнал своего «скакуна» на Скортана. Тот отскочил в сторону, а затем бросился на чудовище, угрожающее наклонив

рогатую голову, и одним ударом отрубил длинные усы твари. Человек-зверь, прижимаясь к спине жуткого насекомого, отчаянно закричал. То, на что надеялся Скортан, произошло: дернувшись несколько раз, насекомое издохло. «Какое несчастье,— подумал Скортан.— Жаль, что наездник оказался под этой тварью. Плохая смерть».

Вождь дарксиков повернулся к Ренсу Карто, чтобы посмотреть, не нужно ли тому помочь. Повелитель хостов уже сидел на земле, осматривая пораненную руку. Один из дикарей корчился в предсмертных судорогах, второго нигде не было видно.

* * *

В нескольких милях от этого места опустился воздушный корабль. Соджан и Норнос Рик вслушивались в тихие стоны примитивных рогов.

— Похоже, местные дикари устроили небольшую заварушку,— сказал Соджан.

— В этой части Полтуна никаких туземцев нет,— возразил Норнос Рик.— Все знают это!

— Ну да,— согласился Соджан.— И я так думал. До того, как покинул двор Норноса Хеда. Но последнее время поговаривают о каком-то племени кочевых людей-зверей, которое как будто медленно двигаются через континент.

— Интересно посмотреть, что это за путешественники,— вступил в разговор Андел.— Не пойти ли нам туда?

Воины вышли из корабля и направились на север. Отряд возглавлял Соджан, знавший кон-

тинент Полтун лучше остальных. Они шли и шли, а звуки рогов, дикие и странные для Соджана и его друзей, становились все громче, пока наконец их взглядам не открылась небольшая полянка, заполненная звероподобными дикарями, некоторые из которых сидели на спинах отвратительных насекомых-великанов.

* * *

Карто слабо улыбнулся своему другу.

— Второй убежал,— сказал он.— Теперь он позовет сюда друзей, если они у него есть, и вот тогда...

Заунывные всхлипывания и стоны рогов прорезали воздух, и на поляну высыпали дикари. У человека и кентавра не осталось надежды на спасение. Карто увидел, как Скортан отбивается от гигантских насекомых, затем почувствовал жгучий укол в затылок, и тьма поглотила его.

Повелитель хостов очнулся от пульсирующей боли в голове, но вскоре ее заглушил кошмарный плач рогов. Карто был привязан рядом со Скортаном, тела убитых дикарей и дохлых насекомых, сложенные пирамидой, лежали рядом с ними.

— Похоже, здесь намечается какая-то церемония,— заметил Скортан,— и если мы ее главные участники, а это, несомненно, так и есть, не думаю, что она нам понравится.

Вдруг рога завопили еще громче, и дикари двинулись к беспомощным пленникам. Самый крупный из них, больше похожий на свирепую обезьяну, чем на человека, поднял дубину и

приготовился опустить ее на распластанное тело Ренса Карто, намереваясь переломать ему кости — одну за другой.

— Не надейся повеселиться за мой счет, проклятый! — крикнул Карто, закрыл глаза и замер в ожидании первого удара.

* * *

— Во имя Уита! — воскликнул Соджан.— Они схватили какого-то воина и еще одного — полуживотное! Стреляйте!

Напуганные снарядами, которые летели почти беззвучно из мощных длинных пневматических ружей, дикари бросились врассыпную.

Соджан подбежал, чтобы освободить пленников.

— Быстро! — закричал он.— Пока они не вернулись!

Два друга не знали языков Зилора, но сразу поняли, что Соджан хочет помочь им.

Увеличившийся отряд постепенно углубился в лес и поспешил туда, где остался воздушный корабль. Первым шел Паридж. Вдруг он резко свернул направо, остальные безмолвно последовали за ним: впереди, за кустами, стояли похожие на зверей кочевники.

— Кажется, я вижу здание! — закричал Паридж и перешел на бег.

Воины рванулись за ним, не разбирая дороги, так как позади уже слышались гортанные крики дикарей. Через несколько минут маленький отряд уже оказался внутри, в безопасности.

Соджан осмотрелся.

— Это здание меньше, но очень похоже на то, с куполом, в Шортани,— задумчиво проговорил он.

Все забрались в лифт, которым уже умели управлять, поднялись на третий, последний, уровень и, выйдя наружу, попали в огромный зал, заполненный множеством странных машин. В углу тускло светился экран. Пустой, как слепой глаз, он изредка мигал, и только.

Соджан принялся изучать древние надписи на циферблатах и рычажках. Пока он рассматривал устройства, его друзья обратили внимание на кучки щебня и разбросанные повсюду части каких-то приборов.

— Похоже, туземцы узнали, как прорваться сюда,— размышлял Норнос Рик.— И, видимо, это произошло совсем недавно. Возможно, кто-то случайно нажал на кнопку, экран засветился, а дикиари, испугавшись, удрали.

— Очень возможно,— кивнул Соджан, осторожно нажимая на кнопку.

Экран погас, вспыхнул на мгновение, снова погас, и вдруг на нем появился какой-то неизвестный ландшафт. Ренс Карто и Скортан, удивленно вскрикнув, рванулись к нему: на экране возникла их родная планета, а пейзаж был им прекрасно знаком, ведь именно там они мирно беседовали до того, как оказались на Зилоре.

Отчаянно жестикулируя, они пытались сообщить эту новость Соджану. Он был потрясен. Разве могут живые существа перенестись с одной планеты на другую в считанные секунды?

— Ничего не понимаю,— наконец сказал Соджан.— Их сюда привез не космический корабль, это точно. Но как же они попали сюда?

— Мне кажется, я знаю ответ,— спокойно произнес Норнос Рик.— Эти машины могут переносить людей из одного места в другое без помощи космических кораблей. Как они это делают, не могу представить даже приблизительно, но если все чудеса, которые мы недавно видели, реальность, то вполне возможно, что эти приборы способны еще и не на такое.

— Это попахивает черной магией,— прорычал Андел.

— Я тоже так думаю,— вмешался Паридж.— Машины машинами, но это непостижимо, нет!

— Вы оба все еще суеверные варвары! — отмахнулся Соджан.— Похоже, эти двое попали сюда не по своей воле. Что ж, клянусь Уитом, мы вернем их обратно.

— Как? — просто спросил Паридж, улыбаясь в короткую черную бороду.

— Перенастроим машину и таким образом уничтожим силу, которая держит их на Зилоре.

— Ты сможешь сделать это, Соджан? — тихо спросил Норнос Рик.

— Пожалуй,— ответил тот, вновь внимательно рассматривая надписи возле рычажков и кнопок.— Если эти двое окажутся в центре большой машины, будет несложно отправить их обратно. Я только что прочитал вот здесь, как это сделать.

С помощью жестов друзья убедили двух чужаков войти в огромное устройство, выполненное в форме перевернутого блюда. Затем Соджан повернул выключатель, и эти двое мгновенно исчезли. Андел тихо выругался, остальные примолкли и уставились на Соджана. Тот, ликуя, ткнул пальцем в экран:

— Смотрите, они уже там!

Они действительно оказались там — в миле или двух от какого-то большого города. Они лежали в мягкой траве Берснола и удивленно смотрели в бездонное небо родной планеты.

— Я рад, что они вернулись домой, — улыбнулся Соджан. — Я чувствую, у нас много общего с ними. Наверное, мы все потомки материнской расы, которая населяла столетия назад не только Зилор, но и их планету.

— Вполне возможно, — согласился Норнос Рик. — Может, мы еще встретимся с ними.

— Да, — кивнул Соджан. — Я надеюсь на это.

Сыновья Бога-Змея

то хочет войти в Джар-Им-Джак?

Грубый голос разнесся над гаванью и долетел до торгового корабля «Кинто-нианский Купец», который только что подошел к причалу.

Капитан сложил руки рупором и закричал в ответ:

— Соджан Щитоносец, прежде состоявший при дворе Норноса Хеда в Хатно-

ре, наемный воин, ищет работу!

— Я слышал о нем. Нам нужны люди, хорошо владеющие мечом. Скажите ему, он может высадиться на землю Дхар-Им-Джака!

Траани, капитан «Купца», спустился с мостика и заглянул в каюту Соджана. Наемник лежал на койке, заложив руки за голову, и, казалось, дремал.

— Они разрешают тебе сойти на берег, Соджан!

— Прекрасно, я только соберу снаряжение.

Через десять минут высокий человек поднялся на палубу корабля. Его длинные светлые волосы были собраны на затылке в пучок и завязаны узкой кожаной ленточкой, в темносиних глазах мелькали веселые искорки. Поверх камзола из зеленого шелка был наброшен толстый желтый плащ, голубые штаны заправлены в высокие сапоги. За спиной висело длинное мощное пневматическое ружье, в левой руке он держал круглый щит. С пояса свисали длинный вилтор и пистолетная кобура. Соджан-воин искал работу.

Вечером того же дня в трактире вблизи центра города он встретился с человеком по имени Эдек, к которому его направили власти гавани, выяснив, какая работа нужна Соджану.

— Я слышал, ты хочешь вступить в наше войско? Каков твой послужной список? — спросил новый знакомый и, заметив некоторое замешательство на лице наемника, добавил: — Хотя бы за последнее время.

— Я командовал войсками имперского Хатнора почти год. Начал службу с того, что по-

мог Норносу Хеду отвезти принцессу Ил-тет в Сингол. Затем мне удалось присоединить к империи государство Асно. Во время мятежа в Хатноре я организовал войско из полтунских варваров, восстановил Норноса Хеда на троне, и, наконец, я и еще четверо моих товарищей сумели полностью уничтожить властолюбивых жрецов Рана. Я участвовал в нескольких небольших пограничных войнах, но сейчас в Объединенной империи царят мир и покой, и я решил поискать удачу где-нибудь в другом месте. Я слышал о предстоящей войне между вами, Джар-Им-Джаком, и соседним городом-государством Форш-Маем и подумал, что мог бы поучаствовать в ней.

— Я слышал о твоих подвигах, Соджан. Особенно о Ране. Пожалуй, ты был бы для нас ценным приобретением. Нам требуется много умелых и опытных воинов, как ты. Джар-Им-Джак и Форш-Май дружили сотни лет, и никто из нас не нуждался в регулярном войске. Но вот около года назад служители нового религиозного культа захватили власть в Форш-Мае и быстро собрали целую армию воинов, шпионов, провокаторов и соглядатаев. Совсем недавно наши лазутчики сообщили, что, как мы и подозревали, Форш-Май собирается войти в Джар-Им-Джак, чтобы устроить здесь переворот.

— А когда они собираются напасть?

— Не раньше чем через две недели.

— Тогда мы должны действовать быстро. Я хотел бы знать, что будет поручено мне.

— Я должен обсудить это со своими начальниками. И, естественно, сразу сообщу тебе.

Собеседник Соджана допил свой бокал, поднялся, коротко поклонился и вышел. Едва наемник встал из-за стола, намереваясь прогуляться по городу, снаружи донесся крик. Выхватив меч, он бросился к двери и увидел девушку, которая отчаянно вырывалась из рук здоровенного воина, а еще двое — видимо, приятели мужчины — язвительно обсуждали происходящее, помахивая заготовленными веревками.

Очевидно, воины собирались похитить девицу. Соджан не стал терять времени и выбежал на улицу. Один из здоровяков с веревками тут же схватился за меч. Он оказался умелым фехтовальщиком, двигался удивительно легко, и порядком обескураженному Соджану оставалось только парировать меткие удары. Приятели этого парня в схватку не вмешивались, но девушку не отпускали, впрочем, она уже и не пыталась вырваться. Звон стали музыкой зазвучал в ушах Соджана, легкая улыбка искарила его губы: он нашел слабое место в обороне противника... Но резкий удар по затылку заставил наемника пошатнуться, и свет померк в его глазах.

Он очнулся в маленькой комнате с решетками на дверях и окнах. Над ним стояли двое, один из них поливал Соджана водой из большого глиняного кувшина.

— Ну вот, наш твердоголовый наемник на конец-то очнулся.

В словах звучала ирония, но лицо говорившего оставалось совершенно серьезным. Его густые черные волосы и борода были завиты и

смазаны маслом, крупные тяжелые кольца на коротких толстых пальцах и окрашенные золотом ногти вызвали у Соджана отвращение. Расфуфыренный щеголь подал знак своему сотоварищу выпить еще воды на пленника. Соджан мгновенно вскочил, ударил по кувшину, и тот, пролетев через всю комнату, разбился о стену.

— Если бы твои манеры были такими же тонкими, как шелка, которые ты носишь, я мог бы принять тебя за человека определенного сорта!

Лицо щеголя на мгновение скривилось, и он поднял было руку, но затем улыбнулся и опустил ее.

— Мы дадим волку некоторое время, чтобы остыть, поскольку вода тут бесполезна,— проговорил он.— Идем, Юков, здесь воняет!

Соджан окликнул стражника, который закрывал дверь:

— Куда это я попал, а, друг?

— В замок Ерджхи, воин. Здорово мы тебя подловили? Эту хитрость — разыграть похищение — придумал сам лорд Ерджхи. Он умный человек. Тебе бы следовало быть повежливее с ним, он подумывает взять тебя на службу.

Через несколько часов Ерджхи вернулся с тем же сопровождающим.

— Ну, Соджан,— улыбнулся он,— я могу понять тебя. Эта дыра... Но ведь это был единственный способ... Хм... Убедить тебя принять наше предложение. Мы заплатим пятьдесят тысяч деркасов, если ты, командуя нашими армиями, приведешь их к славной победе госу-

дарства Форш-Май. Мы, сыновья Змея, получим все. Но и на твою долю достанется немало. А теперь скажи, разве это не честное предложение?

— О да, честнее некуда.— Глаза Соджана сузились. Он решил немного поводить их за нос.— Пятьдесят тысяч, ты говоришь?

— Да, и еще любая добыча, которую сам выберешь, когда мы захватим Дхар-Им-Джак.

— Но кто такие сыновья Змея? Неужели я должен примкнуть к какому-то тайному обществу, чтобы поднять меч за пятьдесят тысяч деркасов?

— Это обязательное условие, Соджан. В конце концов, мы это делаем ради славы Риджа, Змея, Хозяина Мира и После Мира, Повелителя Тьмы, Правителя...

— Да, да, забудем о нем на минутку. Что это влечет за собой?

— Вначале встреча со всеми апостолами: со мной, с главнокомандующим, который, кстати, будет получать приказы от тебя, когда начнется наступление, с моим мажордомом и с двумя жрецами, которые придумали... Хм... Распространяют Истину Змея.

— Но для чего все это? Если вы хотите победить врага, почему нельзя просто объявить войну? Не понимаю...

— Тогда я вкратце объясню. Два города жили в мире сотни лет, и люди давно породнились друг с другом. Если не считать названий и границ, мы практически один и тот же народ. Нам нужен повод, неужели ты не понимаешь? Мы не можем послать человека

биться с его братом или с сыном, если он не будет думать, что есть важная причина, ради которой стоит убивать. Это, мой дорогой Соджан, это... Хм... Священная Война. Совершенно законная. Мы должны... Как бы поточнее сказать? Разносить Слово Змея-Бога Мечом Справедливости! Это часть нашей кампании внушения, ее последний шаг.

— Ладно! Я согласен.— У Соджана созрел дерзкий замысел.— Когда посвящение?

Через час наемник стоял в затемненной комнате перед длинным столом, за которым восседали люди в украшенных изображениями крылатого змея одеждах.

— Начнем церемонию,— торжественно провозгласил лорд Ерджхи.

Когда все слова были произнесены и кощунственные в своей бессмыслиности ритуалы проделаны, наступило время действовать. Соджану вручили меч вместе с остальным снаряжением, и он тут же выхватил клинок. Без малейшего труда он прикончил двоих сидевших напротив. Трое оставшихся в живых поспешили вскочить на ноги и потянулись за оружием, но против них былся человек, которого считали лучшим мастером меча в Шортани. Правда, если бы все враги хорошо владели клинками, ему пришлось бы нелегко. К счастью, один оказался почти беспомощным, а другого Соджану удалось сначала отвлечь обманным движением. Пока тот соображал, что к чему, длинный острый меч раз и навсегда положил конец его размышлению.

Оставался Ерджхи. Капюшон его одеяния откинулся назад, открыв искаженное ненавистью лицо.

— Обмануть меня? — пошипел он.— Я сейчас покажу, как мы поступаем с собаками, которые кусают хозяйскую руку!

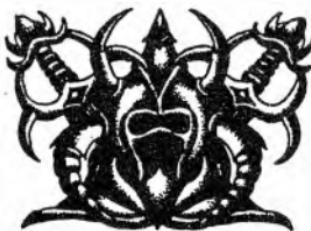
Острая боль пронзила тело Соджана, теплая алая кровь хлынула из левой руки. Взревев от ярости, наемник бросился на Ерджхи, который чуть ослабил защиту. Холодная сталь проткнула черное сердце, и противник с коротким предсмертным криком повалился на поддельные атрибуты придуманного людьми божества.

Разоблачение сыновей Змея-Бога предотвратило гражданскую войну, и два города восстановили дружеские отношения. Соджан еще раз честно послужил делу, в которое верил.

Чудовищные охотники Норджа

¶

оследние лучи второго солнца Зилора уже гасли, когда Соджан остановил мъятта и принял-
ся рассматривать расстилавшуюся перед ним зеленую долину. Полюбовавшись немножко, он перевел взгляд на кусок тонкой кожи с грубо начерченной на нем картой.

— Похоже, это и есть долина Норджа. Судя по всему, она совершенно неис-

следована. Удивительно, что никто до сих пор не осмелился войти в нее.

Чем больше Соджан размышлял, тем загадочнее казалось ему, что не существует каких-либо описаний этого места. Даже сейчас, в сумерках, было видно, что долина покрыта густой цветущей зеленью, по ней вилась река, и птицы в ярком оперении пели, сидя на ветках высоких деревьев. Прекрасный край.

«Здесь хорошо заночевать», — подумал наемник, спускаясь по пологому склону холма. Позднее он устроил лагерь на небольшой полянке, привязав мятта поблизости. Теплая, полная ароматов трав и деревьев ночь вскоре окутала долину таинственным покрывалом.

Поужинав, Соджан завернулся в одеяло и мгновенно уснул. Но вскоре после полуночи странный шум разбудил воина. Он замер, напряженно вступиваясь в разнообразные звуки ночного леса.

Может, померещилось? Но нет, он хорошо слышал своеобразное шипение, топот копыт, возгласы людей и резкие хлопки бичей. Соджан приподнялся на локте и нащупал меч. Мятт беспокойно топтался на привязи и размахивал большим хвостом из стороны в сторону.

Неприятный шум приближался и нарастал, а затем постепенно затих.

Встревоженный Соджан просидел до утра, пристально глядываясь в темноту, но до самого утра так ничего и не произошло. На рассвете воин приготовил обильный завтрак, чтобы

наесться на целый день, и, решив разобраться, что же все-таки помешало ему спать, оседлал отдохнувшего мяттга и отправился в путь.

Соджан медленно ехал, внимательно рассматривая землю, и вскоре обнаружил свежие следы. Они были двух видов. Одни напоминали отпечатки копыт мяттга, хотя и несколько отличались, словно животное, оставившее их, было более легким. Другие он видел впервые: следы трехпальых лап, похожие на птичьи, и в то же время совсем другие, а кроме того, значительно больше по размеру. Это животное передвигалось на четырех конечностях, но кто бы это мог быть, Соджан не представлял. Он подумал было о четвероногой птице, но тут же отмел эту мысль, потому что никогда не слышал ни о чем подобном. Воин еще раз взгляделся в отпечатки. Здесь проехало не менее десятка всадников, и, казалось, они преследовали одну или, может быть, двух птиц. «Возможно, люди охотились, — думал Соджан. — Но кто же охотится глухой ночью?»

В легком недоумении воин отправился по следам в надежде найти ключ к этой загадке. Он пересек кругой подъем, на котором следы трехпальых созданий закончились в луже грязи и крови, и двинулся дальше, следя за отпечатками копыт легких мяттов. Всадники проехали немного вдоль обрыва и затем заставили животных подняться на него. Соджан сделал то же самое, при этом мятт поскользнулся, едва не съехал назад и с большим трудом вскарабкался на вершину холма. То, что Соджан увидел, изумило его до глубины души.

Возле приземистой башни из черного камня шел бой. Пять человек, один верхом, остальные пешие, старались сдержать большой отряд защищенных броней воинов, которые рвались наружу из башни. Всадник в нарядных доспехах сидел на спине животного, очень похожего на мъятта, но без рогов и почти без хвоста, и в левой руке держал поводья еще четырех таких же существ, а в правой сжимал рукоять внушительного боевого топора, которым отбивался от двух воинов. Пешие босоногие люди, одетые лишь в цветные камзолы и кожаные юбки с разрезами, отчаянно размахивали мечами, защищаясь от хорошо вооруженного противника. Присмотревшись, Соджан понял, что у этих четверых не было ни перевязи, ни ножен для мечей, и вообще все выглядело так, словно они пытались убежать от воинов, один из которых, смуглолицый и одетый богаче остальных, стоял позади и подбадривал своих людей на незнакомом и в то же время странно привычном языке.

Увиденное породило у Соджана множество вопросов, но времени размышлять не было: люди нуждались в помощи, и наемник, больше из любопытства, чем из благородных побуждений, решил поучаствовать в битве на их стороне и, может быть, разгадать тайну.

Он выхватил длинное копье, поднял щит и, издав варварский боевой клич, погнал мъятта бешеным галопом под уклон. Первый мощный удар копья поразил одного из воинов — копье застряло в теле, качаясь, как камыш на ветру. Меч легко выскоцил из ножен, и, не-

истово размахивая им, Соджан ворвался в самую гущу битвы. Сражение на секунду прекратилось. Используя замешательство противника, босые люди поспешно забрались на спины скакунов и, погоняя их отчаянными криками, устремились прочь от башни. Воины взвыли и кинулись было вдогонку, но Соджан остановил их.

Всадник в доспехах замыкал поспешное отступление. Оглянувшись, он увидел, что неведомый спаситель все еще сражается, и вернулся. Он улыбкой поблагодарил Соджана и принялся прикрывать узким мечом отступление наемника, а затем последовал за ним.

Воины из башни попытались преследовать всадников, но гневный вопль вожака заставил их вернуться и собраться за приземистым укреплением.

Всадник в доспехах обратился к Соджану на знакомом, но тем не менее непонятном языке и показал на восток. Наемник понял жест и повернул мьянта. Обитатели башни тем временем уже оседлали скакунов и теперь пытались догнать беглецов.

Соджан и его новые знакомые углубились в густой тенистый лес, оставив врагов далеко позади. Они ехали около трех часов, пока наконец не достигли конца долины, где возвышался отвесный утес. Раздвинув кусты, человек в броне открыл вход в основании скал. Нагнув головы, все шестеро въехали внутрь, и последний тут же закрыл вход.

Широкий туннель вел в огромную разветвленную пещеру. Они оставили своих живот-

ных в одном из залов и дальше пошли пешком. Заканчивалась пещера низким сводчатым залом, дальний конец которого терялся в полутьме. Мерцающий свет факелов и мерный звук капающей воды неожиданно вызвали ощущение уюта. В помещении стояла и самодельная мебель. Беглецы со вздохом облегчения повалились в грубые, но довольно удобные кресла.

Вожак — человек в доспехах — обратился к Соджану с каким-то вопросом, но наемник ничего не мог ответить: он не понимал ни слова. Вожак повторил еще раз, помедленнее, и Соджану показалось, что тот говорил на его родном языке, только очень измененном. Беглецы начали разговаривать между собой, и, старательно вслушиваясь в каждую фразу, наемник примерно через час уже понимал смысл их беседы, а через два он рассказал им, что привело его в долину Нордж. Теперь языковой барьер был с горем пополам преодолен, и Соджан смог задать мучившие его вопросы.

— Мне интересно, кто вы и от кого убегали. И почему какие-то люди по ночам охотятся на гигантских четвероногих птиц?

— Это длинная история, и ее не расскажешь в двух словах, — сказал Джарг — тот самый воин в доспехах. — Для начала я хочу немного объяснить, что происходит здесь, в Нордже.

В долине живут две разные расы: люди, такие как ты и я, и другие, пожалуй, нечеловеческие существа. Несколько сотен лет назад наш народ пришел сюда после долгого путе-

шествия по морю и пешего перехода через Шортани. Нашим предкам понравились эти места, и они поселились здесь. Далеко не сразу они узнали, что в дальнем конце долины живет еще один народ. Это угрюмые черноволосые и черноглазые люди, которые охотятся по ночам с шипастыми цепями, а днем прячутся в своих замках. Поначалу они не мешали нам, и мы даже привыкли к их охоте, хотя время от времени их скакуны топтали наши поля и уничтожали урожай. Мы считали себя хозяевами долины и предполагали, что находимся в полной безопасности. Впрочем, наши люди никогда не подходили слишком близко к черным замкам Кергии.

А потом начали исчезать мои соглеменники, мужчины, женщины и дети. Охоты проводились все чаще. Проклятые кергии придумали новое развлечение: теперь они гонялись не за жуткими птицами, которых сами же и выращивали, а за людьми. Мы находили их растерзанные тела.

Они ловили наших братьев и сестер и охотились на них! И мы объявили беспощадную войну этим выродкам, хотя прежде никогда не причиняли им вреда. Но силы слишком неравны. Наша жизнь тяжела, многие в поисках лучшей доли перебежали к врагу, а голод и болезни унесли сотни моих соглеменников, и прежде процветающий народ стал слабой тенью самого себя. Люди превратились в пугливых животных, прячущихся в пещерах. Они боятся выходить наружу, чтобы не стать жертвами Охотников Норджа.

Мы по-прежнему воюем с ними, но на серьезную войну это давно не похоже. Этих четырех схватили совсем недавно, и просто счастье, что мне удалось подкупить стражу. Прошлой ночью я пришел туда с оружием и мяттами. К сожалению, мы ошиблись во времени и не успели убежать до восхода. Нас заметили, и, если бы не ты, нам бы не жить.

— Я еще никогда не слышал о непобедимом противнике! — воскликнул Соджан.— Если они смертны, клянусь, я найду способ их уничтожить!

* * *

Соджан и воины Норджа, человек шестьдесят, собрались в главной пещере, ожидая наступления ночи. Они только что закончили обсуждать предложенный наемником дерзкий план, точное выполнение которого позволило бы измученным постоянным страхом людям уничтожить ненавистного врага. Риск был слишком велик, но другого способа покончить с кергии, похоже, не существовало. И Джарг, вождь угасавшего племени, и Соджан понимали это.

Вообще-то кергии было немного — человек десять, но они, вероятно, владели тайной бессмертия, или, по крайней мере, научились продлевать свою жизнь. Так или иначе, но их раса вымерла в незапамятные времена, и от нее осталось несколько колдунов, которые столетие за столетием поддерживали свое существование, постепенно утрачивая все человеческое.

Когда наступили сумерки, Соджан еще раз уточнил подробности плана и направился на восток — к замкам Кергии. Замков всего было около двух десятков, но большинство уже лежало в руинах. Только один все еще стоял незыблемо, и в нем жили кергии, их наемники и рабы.

Крошечная зилорская луна висела низко над горизонтом, почти не давая света, и Соджан чудом не переломал ноги, пробираясь среди каких-то развалившихся построек. До него донеслись отдаленные голоса и еще какой-то шум, несомненно, производимый человеком, но настолько слабые, что только на редкость чуткий слух наемника мог их различить. Не обращая внимания на непонятные звуки, Соджан зашагал дальше. И даже оказавшись вблизи источникаочных шумов, он по-прежнему делал вид, что не замечает ничего необычного. Но на неожиданный удар по затылку Соджан уже не мог не обратить внимания и резко обернулся, схватившись за меч, однако чернота темнее ночи уже встала перед его глазами. Воин потерял сознание.

Он очнулся в пропитанной сыростью темнице, в которую через зарешеченное оконце в стене проникал слабый свет факела. Комната была угловая, одной стороной неправильного треугольника служила та самая стена с оконцем, другой — громадная дверь с решеткой. Через решетку двери на Соджана смотрел всклокоченный стражник в ржавых и покрытых пятнами доспехах, который сжимал в руке древко копья, близоруко щурясь полусумасшедшими

глазами на пленника. Внезапно рот его раскрылся, показывая гнилые зубы.

— Ты будешь следующей дичью охотников Кергии,— гадко закудахтал он.— О! Какой зададут пир этой ночью! И ты будешь на середине стола!

Соджан ничего не ответил и отвернулся, стараясь как-то успокоить неутихающую боль в голове.

Прошло несколько часов, в течение которых Соджан несколько раз дремал, чтобы хоть немного отдохнуть, и вот стражник, грубо толкнув пленника древком копья, выдернул его из забытья.

— В чем дело? — спросил наемник, поднимаясь с пола и стряхивая с одежды солому, на которой только что лежал.

— Хе-хе! — кудахтал стражник.— Уже почти полночь. Самое подходящее время для нашей маленькой охоты!

Соджан напрягся: его замысел был построен на том, что если он попадет в плен, то почти наверняка станет дичью в эту же ночь.

— А что я должен делать? — спросил он, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно более испуганно.

Стражник отпер дверь и, толкая Соджана в спину копьем, повел его куда-то по коридору.

Дворик был темным, только луна, выглядывавшая через пролом в стене, слегка освещала его. Соджан уловил странный запах неизвестного животного и подумал, что это те самые «собаки» Кергии, о которых рассказывал ему Джарг. Он слышал стук копыт мяттов, нетер-

пеливо переступавших с ноги на ногу, бряцание сбруи, а когда глаза привыкли к темноте, смог различить неясные фигуры рослых всадников.

— Добыча подготовлена? — раздался голос, мертвый и холодный, как руины вокруг.

— Да, хозяин, он здесь!

— Тогда скажи ему, что у него есть четверть часа. После этого мы пойдем по следу, — продолжил голос.

Стражники вывели Соджана на утес перед башней и отпустили его. Он бросился бежать по намеченному несколько дней назад пути. Его замысел требовал немалого мужества: Соджану предстояла роль живой приманки для смертельно опасных хищников. Он мчался по узкой лесной тропинке. Холодный ночной ветер трепал могучие деревья и высокие травы, они шевелились, шумели, шуршали, порой слышались призывные крики мелких зверюшек, а иногда и их предсмертные вопли, когда они становились добычей более крупных созданий. Он бежал все быстрее и быстрее, и воздух из его легких со свистом вырывался наружу. А время ускользало, как вода из ладони. Чтобы достичь условленного места, ему требовалось еще несколько минут. Теперь до его слуха доносились не только звуки леса, к ним присоединились зловещие хлопки бичей и топот копыт — значит, охотники со своими молчаливыми «собаками» уже пустились в погоню. Наемник помчался быстрее, отыскивая на бегу ориентир, сулящий ему спасение, и наконец заметил его, когда щелканье бичей и топот

копыт, казалось, раздавались уже совсем рядом. Соджан пронесся мимо высокой скалы и шмыгнул в узкое глубокое ущелье. Когда охотники свернули за ним, он уже вскарабкался на кругой обрыв и закричал:

— Давайте!

И тут же шестьдесят стрел с отравленными наконечниками понеслись вниз и вонзились в тела кергии и их приспешников. Проклятия и неистовые крики раненых врагов прозвучали музыкой для Соджана и воинов Норджа. Они готовили новые стрелы и пускали их в темноту на звук возбужденных голосов.

Предвкушая славную битву, Соджан схватил клинок и спрыгнул со скалы. И тут же из ночи возник темный, как глыба мрака, всадник, мелькнуло свирепое лицо, искаженное нечеловеческой улыбкой, сверкнули зубы и белки дико вытаращенных глаз: он метил в грудь Соджана мечом и заранее радовался, предвкушая победу. Наемник резко прыгнул вперед и полоснул лезвием по ноге кергии. Тот зашипел, как раненая змея, и соскользнул с мышта, защитившись от Соджана телом животного. Возбужденный скакун фыркнул и взмахнул передними копытами — наемник еле успел увернуться. Тем временем хозяин мышта оказался за спиной Соджана и снова кинулся на воина, но тот ловко уклонился от удара и, парируя его, чуть не вышиб меч из руки кергии, так как разъяренный противник на какое-то время забыл об осторожности. Взмахом клинка он попытался отсечь Соджану правую руку, которая держала меч, но наемник

сделал легкое обманное движение и резким выпадом пронзил сердце зловещего охотника. Обтерев пот со лба, Соджан осмотрелся: большинство кергии были мертвы или смертельно ранены, и воинам Норджа уже не требовалась его помощь.

— А теперь к их наемникам! — закричал Соджан, вскочив в седло мятта, потерявшего хозяина, и направляя животное к зловещему замку-тюрьме, откуда совсем недавно началась последняя в жизни кергии охота. В свете луны было видно, как падают красные капли с меча воина, как тяжело вздымается грудь, как дико блестят его глаза.

Шестьдесят всадников поскакали за ним по лесной тропе к черным замкам, Соджан оглашал лес боевыми кличами, которые часто разносился над полями битв, и каждый раз победа была на стороне великого воина из страны Илтхотх.

Они ворвались в последнее прибежище кергии, и ошеломленные стражники даже не пытались сопротивляться. Спешившись, воины Норджа выломали ворота замка и бросились внутрь.

— Смотрите за всеми выходами! — кричал Соджан. — Мы перебьем изменников прямо здесь.

Сам он в первую очередь ринулся в темницу: там, скорее всего, находился тюремщик, охранявший его накануне. Полусумасшедший воин съежился от страха при виде Соджана с мечом в руке, но, поняв по лицу наемника, что милости ему ожидать не приходится, выхватил

клинов из ножен и так сильно взмахнул им, что, не останови Соджан его своим мечом, на этом поединок и закончился бы. Изо рта противника потекла слюна, как у бешеного пса, он заскулил, но явно решил подороже продать свою жизнь. Они принялись обмениваться ударами, лязг и звон наполнили гулкий коридор. Соджан былся холодно и спокойно, а прислужник кергии явно все более отчаялся. Безжалостный меч наемника гнал его все дальше и дальше в глубь тюрьмы. Но тут безумие придало противнику новые силы, и он начал биться весьма искусно.

— Хех, хех! — кудахтал он. — Скоро ты умрешь! Не думай, что ты избежал смерти, если спасся от кергии!

Наемник сурово улыбнулся и ничего не ответил.

Но тут вдруг сумасшедший схватил со стены копье, метнул его в Соджана, и оно воткнулось в левую руку воина, заставив его охнуть от боли. В глазах наемника вспыхнула ярость, и стражник прочел в них свою судьбу.

— За это ты умрешь, — процедил Соджан.

Стальной вихрь закружил безумца и сбил его с ног. Обагренное кровью лезвие клинка, на мгновение блеснув перед выпущенными глазами стражника, на дюйм вошло в его горло, перерезав нить гадкой и бессмысленной жизни.

Соджан вернулся в главный зал замка, где воины Норджа заканчивали расправу. Вскоре все стихло.

— Ну, вот! — с радостным смехом воскликнул наемник. — А теперь мне пора в дорогу!

Джарг повернулся к нему и увидел рану от копья сумасшедшего.

— Тебе нельзя ехать, ты ранен, Соджан! — воскликнул он.

— О, заживет,— улыбнулся Соджан.— А у вас впереди много работы. Вам надо переселяться из пещеры, раз кергии теперь более не существуют. Я бы остался, но меня ждет интересный континент, где есть что посмотреть. Жизнь коротка, а так хочется все увидеть и узнать.

С этими словами он вышел из зала, уселся на мъятта и поехал вверх по дороге, ведущей прочь из долины.

— Это великий воин! — проговорил Джарг, провожая всадника взглядом.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕС ВОЙНЫ И БОЛЬ МИРА

*Перевод с английского
В. Гольдича и И. Оганесовой*

Глава первая	7
Глава вторая	35
Глава третья	74
Глава четвертая	101
Глава пятая	124
Глава шестая	142
Глава седьмая	156
Глава восьмая	173
Глава девятая	193
Глава десятая	203
Глава одиннадцатая	230
Глава двенадцатая	237
Глава тринадцатая	261
Глава четырнадцатая	275
Глава пятнадцатая	292
Глава шестнадцатая	305
Глава семнадцатая	317
Глава восемнадцатая	323

ВОИНЫ ЗИЛОРА

Перевод с английского Я. Забелиной

Клам-хищник	335
Дек из Нутара	343
Соджан-воин	357

Литературно-художественное издание

МУРКОК МАЙКЛ

ПЕС ВОЙНЫ И БОЛЬ МИРА

Перевод с английского

Ответственный редактор *Александр Тишинин*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Шрифтовой дизайн *Андрея Татарко*

Художники *Владислав Асадулин, Кирилл Рожков*

Верстка Анны Новиковой

Корректор *Елена Зверькова, Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.03.99.

Формат 84x108/32. Гарнитура «Гарамонд».

Печать офсетная. Бумага глициграфическая. Усл. печ. л. 26,04.

Тираж 2000 экз. Заказ 1808

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО».

Лицензия ЛР № 061309 от 17.06.1992 г.
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 771.

E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ

МАЙКЛА МУРКОКА
**"САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"**

в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

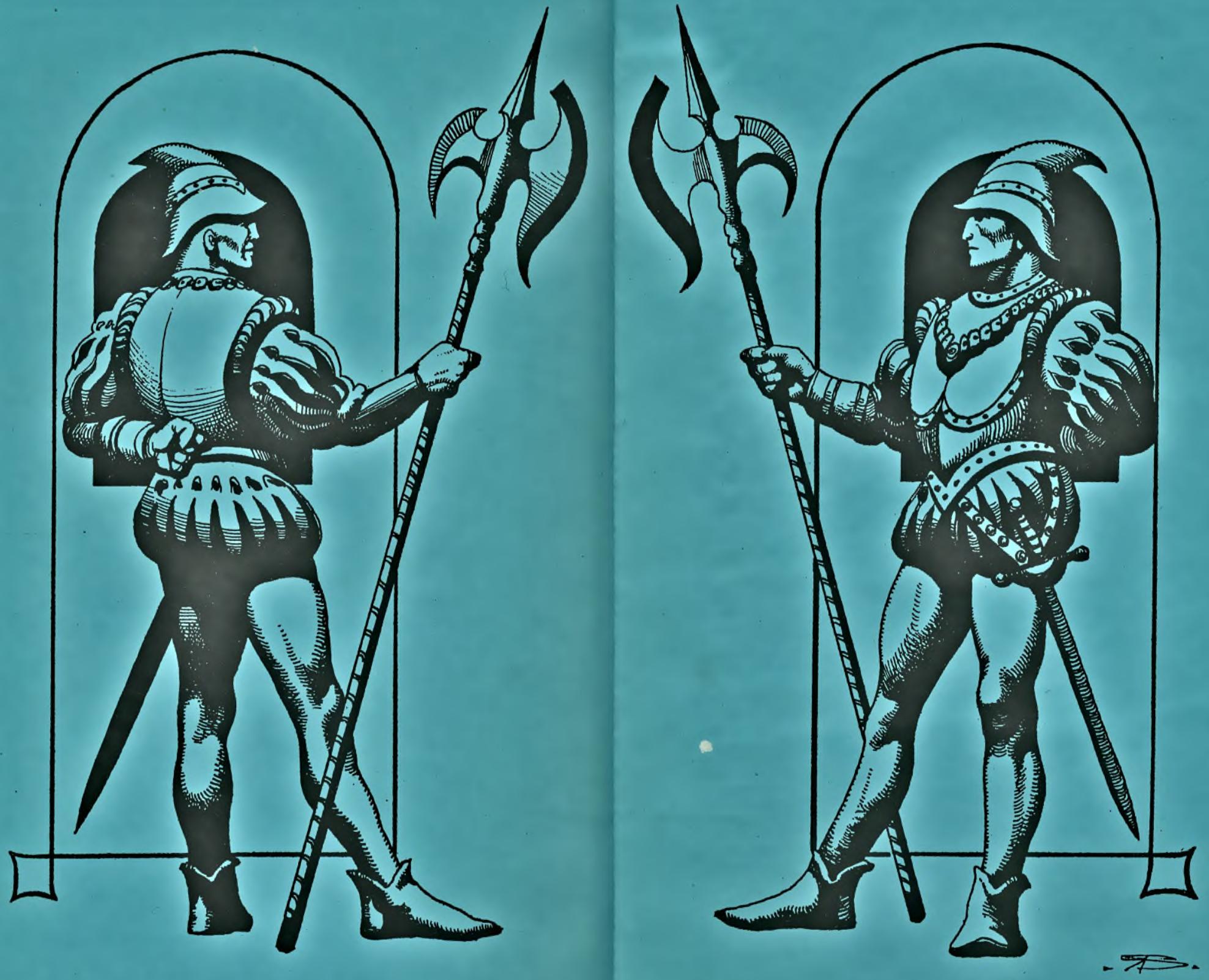
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"ACT"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

Майкл Муркок

(род. 1939)

Один из столпов современной
фантастики, автор множества
произведений, лауреат престижных
литературных премий. Особым успехом
пользуется его цикл романов
о Вечном Воителе.

...Тьма опустилась внезапно. Ульрих фон Бек
пришпорил коня. Яростный хохот
Проклятых уже слышался за спиной.
Облачная Страна была совсем рядом — но
он знал, что ему не успеть.
Час Охотника пробил.

ISBN 5-7906-0080-8

9 785790 600807

•Северо-Запад•®

Майкл Муркок

